ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Аргамак

ТАТАРСТАН 12+

№1 (18) • 2014

Возрождение Болгара и Свияжска — событие планетарного масштаба

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Аргамак

ТАТАРСТАН

Основан в августе 2009 года

Главный редактор
Алешков Николай Петрович

№ 1(18) • 2014

Человечество,
помни о ней,
моя мама – из тысяч одна.
Мударрис Аглямов

Ты никуда не уходила!
Но позабыл об этом я...
Там, на холме – твоя могила,
а здесь, в избе – душа твоя!
Олег Чупров

ББК 94.3+я2(Тат)
А-79

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Василенко Светлана Владимировна — *первый секретарь Правления Союза российских писателей;*

Ларионова Татьяна Петровна — *исполнительный директор республиканского фонда «Возрождение» (Татарстан);*

Миннахметов Ирек Джаудатович — *руководитель республиканского агентства по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа»;*

Руденко Гульзада Ракиповна — *генеральный директор Елабужского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника*

Фомин Анатолий Алексеевич — *председатель Общественной палаты Республики Татарстан*

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Н. Н. Беляев — *член Союза российских писателей (Казань);*

Н. М. Валеев — *доктор филологических наук, член Союза писателей России (Казань);*

Н. А. Вердеревская — *кандидат филологических наук, член Союза российских писателей (Елабуга);*

В. Н. Гофман — *протоиерей, член Союза писателей России (Нижний Новгород);*

В. А. Ермаков — *заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей России (Орёл);*

И. В. Лимонова — *член Союза писателей СССР (Москва);*

Д. Е. Кан — *член Союза писателей России (Новокуйбышевск);*

С. Д. Кузнечихин — *член Союза российских писателей (Красноярск);*

С. Е. Михеенков — *член Союза писателей России (Таруса);*

Н. В. Переяслов — *секретарь Союза писателей России (Москва);*

Н. Б. Рачков — *член правления Союза писателей России (Тосно, Ленинградская обл.);*

Р. Ш. Сарчин — *кандидат филологических наук, член Союза российских писателей (Казань);*

В. С. Суворов — *доктор педагогических наук (Набережные Челны);*

В. П. Хамидуллина — *член Союза российских писателей (Набережные Челны);*

М. А. Чванов — *президент Международного Аксаковского фонда, член Союза писателей России (Уфа).*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ТУ 16-00151 от 17 апреля 2009 г.
выдано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций по Республике Татарстан.

Заместители главного редактора — Александр Воронин, Ксения Ларина
Дизайнер-верстальщик — Виталий Павлов
Художник — Ольга Белова-Недовизий
Фото на обложке — Михаил Медведев

ISBN 978–5–85247–712–5

«АРГАМАК» В ЧИСЛЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЕЙ

17 января в Представительском корпусе Казанского Кремля состоялась церемония вручения IV тома Книги благотворителей и Благодарственных писем Республиканского фонда «Возрождение». Награды благотворителям вручил Государственный Советник РТ, Председатель Попечительского совета Республиканского фонда возрождения памятников истории и культуры РТ Минтимер Шаймиев.

В мероприятии также приняли участие руководитель Аппарата Президента РТ, заместитель Председателя Попечительского совета Республиканского фонда «Возрождение» Асгат Сафаров, помощник Президента РТ, исполнительный директор фонда «Возрождение» Татьяна Ларионова, старший советник Постоянного Представительства России при ЮНЕСКО в Париже Константин Волков и министр культуры РТ Айрат Сибагатуллин.

В начале встречи Минтимер Шаймиев вкратце подвёл итоги работы последних лет по возрождению Болгара и Свияжска. Он отметил, что всё задуманное в целом успешно реализуется. Проводятся реставрационные, консервационные и другие работы, археологические раскопки. «В процессе работы мы совершенствуемся, это важно, ведь со многими вещами в ходе восстановления святынь мы сталкиваемся впервые», — констатировал Минтимер Шаймиев.

Госсоветник Татарстана отметил важную роль благотворителей, при поддержке которых в республике и реализуется проект «Возрождение». Их имена традиционно вносятся в Книгу благотворителей. В целом с 2011 года во все 4 тома книги вошли имена 30 тысяч благотворителей. Некоторые из них вошли во все тома. Треть благотворителей вносила свои средства в фонд «Возрождение» два раза и более. В IV том книги вошли имена граждан, наименования организаций и предприятий — всего 8 тысяч благотворителей.

«Всеобщая поддержка, которая была, не остывает, что очень и очень важно», — отметил Минтимер Шаймиев. В Болгаре и Свияжске за эти годы, по его словам, создана вся необходимая инфраструктура, многое сделано для восстановления и сохранения святынь, построены новые крупные объекты.

Говоря о Болгаре, Государственный Советник РТ отметил, что была проведена большая работа по строительству Речного вокзала, совмещённого с Музеем булгарской цивилизации, поблагодарив спонсоров данного объекта. В данный момент ведутся работы по реконструкции комплекса Святого источника «Габдрахман коесы». За пределами исторического вала в Болгаре планируется выделить место для цивилизованного проведения обряда жертвоприношения. Напомнил он также о таком важном событии, как признание ЮНЕСКО всемирной универсальной ценности Болгара.

«На объектах работы продолжаются. Функционирует Белая мечеть. Мы же говорим, что надо делать всё для людей, от души и для души, и мы всё делаем. Теперь в любую погоду людям есть, где помолиться, и они благодарны за это»,— констатировал Минтимер Шаймиев.

Многое делается и в Свияжске, где сейчас ведутся работы по восстановлению фресок и росписей в соборах. Большая работа была проведена в Сергиевской церкви, ожидается, что здесь будет отмечаться в текущем году 700-летие преподобного Сергея Радонежского. Благодаря спонсорам восстановлены иконостас Троицкой церкви, Надвратная церковь, огромный объём работы проведён в соборе иконы Божией матери «Всех скорбящих радость», воссоздан 12-вёсельный ботик Павла I и многое другое.

«Мы делаем с вами вещи, которые не имеют цены. Сегодня я готов всех нас только хвалить, мы умеем работать. В целом же мы занимаемся духовностью и её возрождением, что окажет влияние на следующие поколения»,— подчеркнул Минтимер Шаймиев. Он поблагодарил всех за поддержку в деле восстановления святынь, после чего вручил Книги благотворителей и Благодарственные письма Республиканского фонда «Возрождение». В числе благотворителей оказались главы районов республики, руководители предприятий и учреждений социальной сферы, директора музеев, главы общественных организаций и фондов, семьи, а также дети.

Интересно, что команда «КАМАЗ-Мастер» вошла в IV том Книги благотворителей и удостоилась Благодарственного письма. В числе благотворителей оказались и воспитанники Лаишевского детского дома, которые перечислили на восстановление памятников в Болгаре и Свияжске свои карманные деньги. Отмечены были и ученики Болгарской средней общеобразовательной школы № 2, где работает школьная бизнес-компания «Туристория».

Неожиданный подарок Минтимеру Шаймиеву сделали митрополит Казанский и Татарстанский Анастасий и заместитель муфтия РТ Рустам хазрат Хайруллин. Духовные лидеры Татарстана вручили Государственному Советнику РТ статуэтку в виде коня — в знак благодарности за возрождение Болгара и Свияжска. Они назвали Первого Президента Татарстана человеком эпохи.

Исполнительный директор фонда «Возрождение» Татьяна Ларионова отметила в финале встречи, что положено начало V тому Книги благотворителей. После этого были награждены люди, которые первыми вошли в неё, перечислив средства на восстановление Болгара и Свияжска уже в январе этого года.

Мероприятие завершилось выступлением Государственного ансамбля песни и танца Татарстана.

ИА «Татар-информ»

От редакции. *Приятным известием для журнала «Аргамак. Татарстан» стало награждение благодарственным письмом нашего главного редактора Н. П. Алешкова с включением его имени в IV том Книги благотворителей.*

— Я преисполнен благодарностью Минтимеру Шариповичу Шаймиеву за столь высокую честь,— прокомментировал случившееся Николай Петрович.— Мы и впредь будем продолжать сотрудничество с фондом «Возрождение». Мы не должны забывать, что «Аргамак. Татарстан» появился в 2009 году благодаря доброму участию М. Ш. Шаймиева как первого Президента Республики Татарстан. А во-вторых (и это главное), возрождение Болгара и острова-града Свияжск — уникальное событие планетарного масштаба. Меня больше всего радует соблюдённый при этом баланс между мусульманами и православными. Это залог межнационального и межконфессионального мира и согласия на нашей общей земле.

НОВОСЕЛЬЕ В МУЗЕЕ

Как мы уже писали, картинная галерея Константина Васильева получила в дни проведения Универсиады-2013 новое здание. Из арендованного приспособленного помещения в жилом доме по улице Гвардейской (остановка «Сады» на окраине Казани) картины прославленного художника перебрались в самый центр города, на пешеходную улицу Баумана, 29/11. Для этого реконструировали историческое здание, надстроив в нём третий этаж и создав для экспозиции самые современные условия.

Музей Васильева по существу родился заново — его экспозиционная площадь увеличилась втрое. Кроме трёх больших и двух малых залов здесь имеются помещения для хранения фондов и огромного архива, для научно-исследовательской работы и культурно-образовательных программ.

В отдельной большой комнате разместилась библиотека, которую собирали много лет. Раньше книги было негде хранить, и годами они лежали в картонных коробках... Во время переезда их занесли в библиотеку. И теперь всё это богатство надо было разобрать, разложить по полкам, по разделам и тематике. У сотрудников музея руки не доходили, точнее говоря, рук просто не хватало, так как штаты новому музею оставили прежними, хотя площади увеличились втрое, а количество посетителей и экскурсий возросло в десятки раз.

Директор музея Геннадий Васильевич Пронин нашёл отличное решение! Он давно мечтал возродить литературное объединение, которое в своё время ещё при картинной галерее на ул. Гвардейской создавал известный казанский поэт Виль Салахович Мустафин. Именно Пронин когда-то познакомил с художником Константином Васильевым своего коллегу по НИИ. Виль Мустафин стал тогда первым «меценатом», на последние рубли купил у студента Кости его сюрреалистические ватманы, которые теперь можно видеть в первом зале экспозиции.

Пронин предоставил для занятий литобъединения помещение библиотеки. Правда, оно было заставлено коробками, вот если бы книги разобрать да разложить по полочкам... Поэты люди сообразительные, сами предложили свои услуги. На помощь им пришли студенты Казанского театрального училища, которые занимаются рядом, на соседней улице, в Учебном театре. Всё было сделано быстро и легко! В качестве поощрения Геннадий Васильевич провёл для помощников экскурсию по новому музею. И это была не просто экскурсия!

Пронин начал свой рассказ о друге юности со студенческих лет. Они познакомились с Константином Васильевым, когда им было по восемнадцать. Два студента КАИ снимали квартиру вместе с двумя учащимися художественного училища. Как говорится, в тесноте, да не в обиде. Сокурсник Васильева Александр Жарский ныне живёт в Ижевске, продолжает заниматься живописью. И, конечно, он приезжал в прошлом году на открытие музея Константина Васильева.

А их соседи Олег Шорников и Геннадий Пронин двадцать лет (после гибели художника) добивались открытия в Казани музея Константина Васильева. В 1996 году им предоставили помещение на ул. Гвардейской, 61. По сути один большой зал на

150 кв. метров. Но это было начало. Пятнадцать лет спустя мэр Казани Ильсур Метшин решил, что творчество Константина Васильева должно стать одним из брендов городской, да и республиканской культуры.

Весомую часть экспозиции музея составили картины, которые сейчас принадлежат Валентине Алексеевне Васильевой — сестре художника и директору московского музея его имени. Она привезла их в Казань после того, как убедилась, что условия хранения и безопасности живописных полотен отвечают мировым стандартам.

Портреты молодых друзей художника — Геннадия Пронина, Олега Шорникова и Анатолия Кузнецова, создавших казанский музей, открывают нынешнюю экспозицию. В двух малых залах разместилась графика и фотографии Константина Васильева. Два больших зала представляют главные картины художника, в том числе знаменитые полотна «Северный орёл», «Ожидание», «У колодца», а также известные портреты и три автопортрета разных лет.

Геннадий Васильевич о творчестве своего друга рассказывает увлечённо, как о глубоко личном. Так, история создания загадочного «Северного орла» в его изложении предстаёт как забавный случай. Однажды молодые друзья гуляли по берегу Волги, один из них увидел на крутом склоне орла. Гордая птица взглянула на человека и величаво взлетела. Костя Васильев рассказ друга об орле и его взгляде неожиданно воплотил в образе... грозного человека с топором на фоне зимнего леса, где заснеженные ветви елей очень похожи на взмах крыльев взлетающего орла.

Во втором зале мы видим не менее популярные образы — «Человека с филином», «Вотана», «Плач Ярославны» и другие исторические полотна, в том числе известный портрет маршала Жукова. По лестнице и балкону, ведущим в Былинный зал, удачно расположились пейзажи, которые у Константина Васильева всегда отличались философской глубиной и символическим содержанием.

В конце балкона сотрудники дома-музея в посёлке Васильево помогли устроить мемориальный уголок, где представлены подлинные вещи художника, его письма

и автографы. Наконец, в Былинном зале зрители могут познакомиться с большими циклами, посвящёнными Великой Отечественной войне и народному эпосу.

Именно здесь сотрудники музея Константина Васильева проводят культурные мероприятия, поэтические вечера, различные выставки. В частности, здесь состоялась выставка бугульминского художника Фарита Газизуллина, открытие литературного объединения имени В.С. Мустафина. А к Олимпиаде-2014 в Былинном зале открылась уникальная выставка «Спортивная дорожка», которую организовал клуб лоскутного шитья «Казаночка», он работает при Обществе славянской культуры г. Казани. Кстати, много лет это общество возглавляет всё тот же Геннадий Васильевич Пронин.

Музей Константина Васильева ведёт и научную работу, издаёт воспоминания о художнике, статьи о его творчестве, проводит вечера памяти и научные конференции.

У музея большие планы: создать полный каталог творческого наследия Константина Васильева и базу данных его произведений, сделать сайт в Интернете, организовать школьный кабинет для любителей искусства и т.д.

Сергей ТИМОФЕЕВ

МАРКЕТ

Музей
Константина
Васильева

KAZAN
2013

События и комментарии

ЕЩЁ РАЗ УВИДЕТЬ, ЕЩЁ РАЗ УСЛЫШАТЬ, ЕЩЁ РАЗ ПОЧУВСТВОВАТЬ

Литературному институту имени А. М. Горького 80 лет

Поезд мчится сквозь густую пелену ночи всё дальше от дома. За окном — безмолвие зимнего плена и бесконечные линии электропередач, а в нашем купе — тепло. За чашкой чая мои попутчики Александр Воронин и Николай Алешков ведут задушевный разговор, предаются воспоминаниям, гадают, с кем же из старых друзей удастся повидаться, а я — слушаю. Счастлива, согрета мыслью о том, что мне снова представилась возможность перешагнуть порог старинного особняка под номером 25 на Тверском бульваре. Мы едем на юбилей Литинститута. Поначалу казалось, что ехать мне туда абсолютно непозволительно: как это возможно, если Лит я не заканчивала, и знаю о нём только по рассказам выпускников. Благо, есть одна связующая ниточка — в этом году я собираюсь поступать на ВЛК, и нет большей радости, чем оказаться на празднике чествования этого уникального учебного заведения.

Спустя несколько часов мы оказываемся на пороге общежития Литинститута и, несмотря на некоторые нюансы и отсутствие наших имён в списках, заселяемся-таки в Дом приезжего писателя. Но моим коллегам уже нет дела до чемоданов — коридоры гостиницы наполнены старыми друзьями, бывшими сокурсниками, которые радостно приветствуют друг друга, едва узнавая в солидных гостях бывших студентов. Счастье ощущать эту тёплую, неповторимую атмосферу творчества.

Но время не ждёт — и вся эта шумная компания выпускников направляется в альма-матер, на международную научную конференцию *«Литературный институт в истории страны и отечественной литературы»*. В стенах Литинститута то же

оживление: разговоры, встречи, улыбки... В зале — мэтры отечественной литературы, выпускники разных лет и зарубежные гости. Всех их объединяет любовь к этому славному месту, к его традициям, к его обитателям. С теплом, восторгом и благодарностью, волнуясь, говорит каждый выступающий, и каждый хочет поделиться своими добрыми воспоминаниями об институтских годах. Вспомнили в этот день и замечательных выпускников, ставших впоследствии классиками литературы, и жизнь в общежитии, полную творчества и весёлых историй, и книги, которые сопровождали выпускников на протяжении всей жизни, и сложные времена, когда над институтом не раз нависала угроза исчезновения, и добрые, светлые моменты жизни этого уникального заведения. Воодушевлённые речами гостей, мы отправились в библиотеку им. Н. А. Некрасова проводить презентацию нового номера журнала «Аргамак».

По дороге в библиотеку нам удалось выкроить время для небольшой прогулки. Путь наш лежал в Богоявленский кафедральный собор в Елохове. Свет и святость этого места подарили нам покой и умиротворение, уверили нас в неслучайности поездки. Просветлённые, мы отправились проводить презентацию журнала. В Некрасовской библиотеке нас встретили улыбающиеся сотрудники. Вечер обещал быть по-домашнему добрым и камерным. Так и вышло — несмотря на небольшое количество гостей, в воздухе витал дух творчества и созидания. Читали стихи, говорили добрые слова об «Аргамаке», много пожеланий услышал главный редактор. И гордость, и радость переполняла тех, кто отдал Литинституту годы жизни, получив взамен возможность профессионально заниматься любимым делом и получать при этом достойные плоды.

Следующий день открылся для нас Круглым столом *«Литература нового века: от творчества — к технологиям?»* Разговор получился продуктивным и предметным. Затронули вопросы художественного перевода, места писателя в сетевом пространстве, говорили о положении русской литературы за границей, проблемах издательской сферы, молодых авторов. Сошлись во мнении, что технологии, какими бы они ни были,— только попутчики литературного процесса, если нет живого, искреннего творчества, чистого слова — инновации и технологии не имеют никакой силы, а при умелом сплетении это работает на благо общества. Новые зёрна настоящей литературы, взращённые на благодатной почве русской классики, и должны, и будут созревать здесь, в стенах Литературного института.

После такого насыщенного мыслями и эмоциями диалога мы отправились в ЦДЛ на презентацию альманаха «Тарусские страницы — XXI в.». Диву даёшься, какие талантливые авторы живут в российской провинции, как тонко чувствуют авторов составители и редакторы, как все они горят творчеством и жаждой настоящей, живой литературы, помня о традициях, но всегда смотря вперёд. Презентация плавно перетекла в поэтический праздник с участием выпускников и преподавателей разных поколений, музыкантов и вокалистов. Ведущие вечера, руководители творческих семинаров в Литинституте, поэты Олеся Николаева и Геннадий Красников удивили собравшихся оглашением количества выступающих — 85 человек! В этот вечер не было ощущения, что кто-то из выпускников навсегда покинул нас, все были на одной сцене: кто-то читал стихи с экрана, кто-то выходил из зала. Для нас, зрителей, большой радостью стало прочтение стихов Николаем Рубцовым, Ярославом Смеляковым, Львом Ошаниным, Николаем Старшиновым... Будто и не уходили они никуда, а всё это время с нами переживали радостные моменты и минуты печали в этот вечер. Каждый поэт, выходящий на сцену, пытался говорить кратко, но чувства лились через край, и в этом потоке воспоминаний, творчества и созидания все присутствующие чувствовали глубокое единение и неразрывную связь с родным вузом.

Следующий день завершал юбилейные мероприятия торжественным собранием и Съездом выпускников с участием представителей творческих союзов, государственных

органов, общественных организаций, дипломатических ведомств и деятелей искусств. В ЦДЛ царила неповторимая атмосфера добра и радости: сколько здесь было восторженных криков, объятий, смеха и слёз! В буфете собралось множество литераторов, желающих поднять бокалы за долгожданную встречу, в холле, едва узнавая друг друга, встречались однокурсники и взахлёб рассказывали о своей жизни. Нет, я не чувствовала себя здесь лишней — лишь слушала, смотрела и радовалась, что могу быть к этому причастной.

Открыл съезд ректор Литературного института Борис Николаевич Тарасов. Он зачитал поздравительные телеграммы от самых высоких персон и ведомств, тем самым уверив собравшихся в светлом будущем Литинститута. Его мягкий тихий голос звучал камерно и спокойно, будто уверяя, что под его крылом никакие беды не страшны ни институту, ни его обитателям. С трепетом смотрели собравшиеся презентацию, искали родные лица на фотографиях, радовались, видя знакомые черты... Добрые песни, слова и стихи преподавателей, выпускников и гостей оставили в душе след, уверенность в том, что всё хорошее обязательно продолжится.

Была и отдельная встреча выпускников из Татарстана с Б. Н. Тарасовым. Уважаемый ректор поделился радостью о принятом решении возобновить в Литинституте приём студентов на семинары художественного перевода. Крайне необходимая литературному процессу подготовка профессиональных переводчиков по воле обстоятельств прерывалась на долгие годы, а теперь, после встречи участников Российского Литературного собрания с президентом страны В. В. Путиным 21 ноября минувшего года, она будет продолжена. И первый после возобновления семинар художественного перевода будет организован из абитуриентов Татарстана.

С этой доброй новостью мы и расстались с гостеприимными хозяевами. На пути к гостинице мои попутчики Александр Воронин и Николай Алешков ещё долго предавались воспоминаниям, делились впечатлениями, а потом я отчётливо поняла, что и для меня Литинститут –пусть ещё непрочитанная, но новая важная глава в жизни, и я верю, что этот творческий вуз, отметивший своё 80-летие, будет жить, пока есть русская литература, пока есть светлые люди, готовые за тысячи километров приезжать в родные пенаты, чтобы ещё раз увидеть, ещё раз услышать, ещё раз почувствовать...

Ксения ЛАРИНА

ДЫХАНИЕ ВРЕМЕНИ

Не прошло и полутора лет после первой встречи с казанским писателем и драматургом Александром Ворониным, как он вновь появился в литературной гостиной библиотеки Серебряного века Елабужского государственного музея-заповедника. На этот раз с только что вышедшей из печати новой книгой под названием «Кинг книг» («кинг» в переводе с английского — «король»). Книгу эту можно считать своеобразным подарком к 55-летию автора, поскольку она была издана на государственную стипендию Министерства культуры РФ по ходатайству Союза российских писателей.

Творческий вечер в Елабуге Александр Воронин назвал несколько неожиданно: «Детское

время для юного дедушки». Пришлось пояснять. Оказалось, что недавно у него родилась внучка. А кроме того, он стал лауреатом международной литературной премии «Детское время», заняв первое место в номинации «Взрослые — детям» с киноповестью «Собака Баскакова».

Предыдущая книга А. Воронина «Ясновидящая», выпущенная в 2011 году Татарским книжным издательством тиражом 2000 экземпляров, на прилавках книжных магазинов не залежалась. По поводу «Кинг книг» прогноз автора был прямо-таки обескураживающим. «Она никому не нужна,— заявил Александр Геннадьевич,— поскольку у нас драматургию, как вы знаете, никто не читает. Да и сборники у нас не любят, а здесь целых десять разных произведений».

В ответ публика несогласно зашумела. Многие из присутствующих успели оценить талант автора, познакомившись с его «Ясновидящей», и с интересом встретили известие о выходе новой книги. Да и прочитанный вскоре Александром Ворониным монолог из новой книги лишний раз убедил: умеет писатель задеть за живое.

После рассказа автора о новом издании состоялась ретроспективная фотопрезентация, которую юбиляр комментировал с присущим ему юмором. «Я бороду отрастил сразу,— рассказал он по поводу одного студенческого снимка,— как только поступил в Литературный институт. Потому что пока работал актёром ТЮЗа, приходилось два раза в день бриться. Утром — как все нормальные люди, а вечером... Надо гримироваться перед спектаклем, а когда маленькая щетинка вылезает, грим хорошо не ложится. Поэтому все актёры вечером бреются и причитают: «Господи, да что ж это за наказание такое!» И как только я избавился от этой участи, тут же отрастил бороду...»

В августе 2012 года во время творческой встречи, проходившей в Елабуге и длившейся более трёх часов, Александр Воронин очень подробно рассказывал о себе. Поэтому на этот раз решил ограничиться ответами на вопросы. Наградой за три лучших из них стали свежие номера литературного журнала «Аргамак. Татарстан», в которых, кроме главного героя вечера, оставили свои автографы поэты Николай Алешков и Радик Ахунзянов. Последний, кстати, трижды брал в руки гитару, чтобы исполнить свои песни на стихи Анны Ахматовой, Веры Хамидуллиной и Николая Алешкова.

Вопросы к Александру Воронину продолжились в каминном зале за чаем. Учитывая, что он является преподавателем театрального училища, сотрудники библиотеки Серебряного века решили на некоторое время отвести ему самому роль студента и проэкзаменовать, подготовив несколько билетов. Вытянув их, он должен был пояснить, что означают для него такие понятия, как «долг», «жить», «время», «мужество». По всей видимости, от него ждали каких-то особых откровений. А чтобы настроить экзаменующегося на высокий «штиль», прежде его ответа зачитывали высказывания известных деятелей науки и культуры.

Однако Александр Воронин остался верен своему неписаному правилу: быть проще и скромнее. «Долг для меня — это обуза,— сказал он.— Вы видели на фотопрезентации домик, возле которого я стою. Кругом цветут яблони. Мне так хотелось жить в деревне, что мы продали городскую квартиру, да ещё и в долги влезли, которые должны были выплачивать восемь лет. В прошлом году мы их досрочно погасили — и мне теперь так хорошо! Только ощутив его отсутствие, начинаешь понимать, что же такое долг на самом деле».

Ну а какой же юбилей без подарков и слов признания? От музея-заповедника Александру Воронину была вручена красиво расшитая тюбетейка, ведь как-никак писатель живёт в Татарстане. И хотя он не стал её тут же примерять, заверил, что обязательно будет носить дома. А комплименты по предложению сотрудников библиотеки смогли высказать все желающие. Александра Воронина называли оригинальным, самобытным, надёжным, настоящим, искренним, большим и светлым человеком, который в этот вечер стал открытием для всех, кто его ещё не знал.

Встреча завершилась, но Александр Воронин не успел выйти за порог, а два экземпляра его книги, оставленных в Библиотеке Серебряного века с дарственными надписями, уже пошли по рукам.

Настала пора и нам познакомиться с нею поближе. Начнём, пожалуй, с обложки, на которой помещена фотография одной из первых русских церквей — Покрова на Нерли. Её сравнивают с девушкой, что любуется от утренней до вечерней зари своим отражением в тихой воде старицы. Именно в этом наиболее выигрышном ракурсе обычно и снимают небольшой древний храм, построенный около 850 лет назад. На обложке книги Александра Воронина она изображена совершенно иначе — словно в самом конце выложенной камнем дорожки. Дорога к храму символизирует обретение веры, путь к Богу, и в новой книге казанского писателя есть несколько произведений, которые так или иначе соприкасаются с этой темой.

В их числе романтическая драма «Монарх-монах» и пьеса «Освобождение духа». Действие первой начинается с инсценирования смерти императора Александра I, который решает таким образом оставить трон и посвятить остаток жизни Богу, став безвестным иноком. О том, что побудило его сделать столь неординарный шаг, о взаимоотношениях в правящей династии Романовых, о восстании декабристов и о многом другом рассказывает историческая драма Александра Воронина, который уже более двух десятилетий с неослабевающим интересом изучает эпоху царствования Александра I.

Пьеса «Освобождение духа» — некий срез нашей жизни, где бывшие секретари райкомов становятся денежными воротилами, а бывшие заключённые — настоятелями храмов, где свет любви гаснет во мраке плотских вожделений, а мир духов являет себя с той же очевидностью, что и окружающая нас реальность.

Желание запечатлеть недавнее прошлое страны и характерные черты сегодняшних дней через призму жизни и восприятие отдельных людей движет пером автора во многих его произведениях. Но, пожалуй, наиболее явственно это прослеживается в монологе «Работа любит дураков» и пьесе «Пара». В последней действие происходит в двух мирах — земном и небесном. Причём второй даёт возможность не только мгновенно переноситься во времени и пространстве, но и позволяет взглянуть, а также оценить события как бы со стороны. Завязкой сюжета служит, конечно же, любовь. Этим же чувством пронизана и комедия «Полёты в параллельных мирах», где драматург, следуя духу времени, отправляет своих героев путешествовать в тонком мире.

Бесспорно, одним из лучших произведений Александра Воронина является киноповесть «Собака Баскакова». В ней представлены самые разнообразные неприглядные стороны жизни: пьянство, нищета, торговля наркотиками, организованная преступность, поклонение золотому тельцу. Но на их фоне лишь ярче высвечивают доброта и сострадание, бескорыстие и взаимовыручка, великодушие и правдивость, присущие главным героям повести.

Нет, ошибается Александр Воронин, утверждая, что его новая книга с подзаголовком «Сюжеты в разных жанрах для театра и кино» не будет востребована. Конечно, читать пьесы вначале непривычно. Но очень скоро содержание настолько овладевает вниманием, что форму просто перестаёшь замечать.

Его первая пьеса «Четыре вечера и одно утро» была поставлена в 80-е годы в Казанском ТЮЗе. И так получилось, что этим дебютом он был обязан своему учителю по Литературному институту, выдающемуся драматургу Виктору Сергеевичу Розову. Ему и посвящает Александр Воронин свою новую книгу.

Людмила ПАХОМОВА, г. Елабуга

КОГДА СБЫВАЮТСЯ МЕЧТЫ

В городе Альметьевске на улице Гафиатуллина, 28, в помещении вечерней школы № 1 начал действовать музей истории литературного движения имени Гарифа Ахунова. Гариф Ахунов (1925–2000), народный писатель Республики Татарстан, лауреат Государственной премии имени Габдуллы Тукая и премии Гаяза Исхаки, почётный академик АН РТ, был жизнелюбивым, весёлым, добрым, искренним человеком, человеком слова. Трудолюбие Ахунова вошло в поговорку среди коллег-литераторов. И эти же качества он ценил в других.

В музее представлены раритетные фотографии, рукописи, письма и книги альметьевских писателей, а также вещи, символизирующие становление старейшей школы города, которая отметила своё 55-летие. Гарифзян Ахунзянович, ныне классик татарской литературы, был одним из организаторов и первым руководителем Альметьевской писательской организации, которой недавно исполнилось 50 лет. Здесь он прожил с семьёй более 10 лет, написал свой знаменитый роман «Клад», который много раз переиздавался, переводился на разные языки, был экранизирован, и целый ряд повестей, рассказов, очерков. Символично, что музей стал подарком к 60-летию самого Альметьевска, ставшего нефтяной столицей нашей республики...

Этот город мне очень долго снился, когда мы в 1968 году переехали из него в Казань. Его дворы, где так удобно было прятаться в кустах во время игры в «казаки-разбойники» и в прятки, когда сердце отчаянно колотится и вот-вот выскочит, в «фантомаса», в которого играли поздно вечером, в темноте,— это важное условие, чтобы

было страшнее. Весенние субботники, когда выходили всем миром убирать снег, а мы, малышня, пускали кораблики из щепок и палочек и долго бежала за ними... Помню, как зимой заливались два катка — для взрослых и ребятни, они и сейчас сохранились, что удивительно. Летом рано утром всех будил пионерский горн, и дети выбегали на зарядку. В памяти навсегда кинопоходы на «Неуловимых мстителей» за 10 копеек в соседний кинотеатр, кофейные сладкие кубики в виде рафинада, мороженое в стаканчике с кремовой розочкой сверху, первомайские шумные демонстрации, незабываемые ёлки в Доме техники и науки, где работали мои родители, костюм снежинки, сшитый руками мамы, новогодние подарки, фантики от которых хранились годами, газировка с двойным сиропом... Симпатичный одноклассник Серёжа, которого ставили со мной в пару на уроках танцев, занятия по акробатике, когда так весело кувыркаться на матах, детский сад с манной кашей и с пенками в молоке, откуда я в конце концов сбежала. Слёзы из-за первой школьной тройки, снежные крепости в парке нефтяников рядом с домом и игры в войну, Урфин Джюс и Страшила, Незнайка и Чипполино, сказки народов мира, ни с чем не сравнимый запах школьной библиотеки, целый абажур привезённых для меня папой московских конфет на день рождения, бабушка, рьяно оберегающая меня от дворовых мальчишек, дёргающих за длинные косички, фото, где я сияющий октябрёнок, и другое, более раннее, где рядом со мной такая же щекастая кукла, красивые и нарядные родители. А в парке до сих пор крутится моё любимое Колесо Обозрения...

Разработчиками музейного проекта, победившего в Республиканском Молодёжном форуме под патронажем Президента Республики Татарстан Р. Н. Минниханова, стали преподаватель русского языка и литературы Елена Кильдюшева, молодая поэтесса Екатерина Аничкина, руководитель альметьевского филиала ЛИТО КГМУ, а поддержали его коллектив вечерней школы № 1, администрация и общественность города Альметьевска. Музей уже активно работает, там проводятся экскурсии и мероприятия, он постоянно пополняет свои экспозиции...

А я рада, что сбылась давняя мечта нашей семьи, что город помнит моего отца, что его творчество живёт в народе.

От редакции. *На стр. 209 читайте очерк Рустама Тухватуллина «Письма дружбы» о жизни и творчестве татарских писателей в советское время в Альметьевске.*

Наиля АХУНОВА

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ТЕКСТ!

Накануне 2014 года всероссийский литературный и общественно-политический электронный журнал «Парус», членом редколлегии которого я состою, попросил меня ответить на вопросы, многие из которых заставили задуматься. Одним из вопросов стал такой: «Как Вы считаете, какую роль играет в сегодняшнем обществе России литература?» Вопрос, что называется, на засыпку! Я сразу подумала, что именно его надо было задать президенту России на памятном Российском литературном собрании, прошедшем 21 ноября минувшего года в Москве с участием В. В. Путина. Подавляющее большинство масс-медиа пытаются внушить обществу, что литература — дела давно минувших дней и никому не нужна. Но уже то, что власть давно выстроила отношения со всеми прочими видами искусств, а к литературе в большинстве случаев словно боится подступиться, говорит о том, что власть литературу опасается. Как говорил император Александр Второй, «нас опасаются, значит, нам делают честь!» А между тем не опаски вправе ждать писатели от власти, ибо ничто так не объединяет многоконфессиональное, многонациональное и во многом ныне атомизированное государство в единое целое, ничто так не цементирует его, как литература. Наиболее результативные правители самых разных стран это прекрасно понимали, хотя, конечно, отношения власти и писателей никогда не были безоблачными. Однако и эта непростота в итоге тоже работала на государство.

Многие наиболее результативные правители государств были литературоцентричны. Если не сами «баловались литературой», то были очень внимательными читателями. К примеру, наибольшего геополитического могущества и территориальной протяжённости при наибольших геополитических вызовах своего времени Россия достигла при Екатерине Второй и при Иосифе Сталине. И оба эти правителя, при всём их несомненном различии, были чётко литературоцентричны. Екатерина Вторая, вошедшая в историю под эпитетом Великая, была немка, монархистка. Литературу любила, много читала, ценила мнение писателей-современников, со многими из которых, даже с кем была несогласна (Вольтер, Руссо), состояла в переписке. Сама писала пьесы и издавала под псевдонимом сатирическую газету «Всякая всячина», где высмеивала нравы высшего света, к которому принадлежала по праву рождения и царствования... Сталин был грузин, антимонархист. Но литературу любил не меньше, чем монархистка Екатерина Великая. В юности писал стихи (причём весьма неплохие!), позже стал на высшем государственном уровне инициатором организации Союза писателей СССР, дабы литературный потенциал работал на потенциал страны. Мало кто знает, что в блокадном Ленинграде, где люди умирали с голоду, тем не менее издавали «Божественную комедию» Данте, а по радио звучали поэтический дневник Ольги Берггольц и стихи других поэтов Ленинграда, чтобы хоть как-то дефицит привозимого с такой опасностью с «большой земли» реального хлеба заменить «хле-

бом духовным»... В этих жутких условиях Ленинград не просто выжил физически, но стал одним из оплотов культуры в нашей стране!

Сталин самолично читал все выходящие в СССР толстые журналы, говоря нынешним языком — мониторил литературное поле самостоятельно, не полагаясь на лукавые отзывы чиновников. Эпоха Сталина — это не только эпоха великого Шолохова и других выдающихся словотворцев — Горького, Булгакова и т.д. Это ещё и эпоха имперского могущества России. Как-то совпадало: расцвет литературы приходился на расцвет и величие государства. И наоборот — периоды упадка государства так подозрительно совпадают с периодами упадка литературы!

Но если глянуть шире, отрешившись от опыта России, то невольно скажешь словами физиков: то не совпадение, то — закономерность! Взять для сравнения ту же Османскую империю. По телевизору сейчас с большим успехом идёт сериал «Великолепный век» о правлении султана Сулеймана Великолепного. В его правление великая Османская империя была едва ли не самым мощным государством в мире. Но лишь узкий круг приближённых знал замечательного поэта Мухиби — это был псевдоним султана Сулеймана Великолепного, с юности писавшего замечательные лирические и философские стихи. Любовь к поэзии отнюдь не мешала, как видим, султану Сулейману так «рулить» государством, что оппонентам мало не казалось! А в дни «сомнений и тягостных раздумий» султан Сулейман, переодевшись в одежды простого дервиша-поэта, шёл к дервишам-поэтам и, общаясь с ними, находил ответы на мучившие его государственные и духовные вопросы с позиций высшей божественной логики... Сын Сулеймана Великолепного султан Селим, в бытность которого Османское государство ещё более окрепло (сын знаменитой славянки Хюррем-Роксоланы!), тоже был поэтом на троне, тоже писал стихи... Более того, надо сказать, что величие многих правителей ознаменовывалось тем, что в период их правления появлялся писатель-поэт, который становился не только воплощением лучших национальных качеств, но пополнял обойму великих словотворцев мира. Таков негласный «тандем» британской «правительницы морями» Елизаветы Тюдор и её современника Вильяма Шекспира!..

Ну да что нам другие страны, у нас своя есть. Вернёмся в Россию. А возвращаясь в Россию, весьма логично припомнить стихотворение нашей современницы, поэтессы из Орла Ирины Семёновой, посвящённое первой русской поэтессе — императрице Елизавете Петровне, легендарной «дщери Петра» и достойной преемницы своего великого отца. Стихотворение так и называется — **РУССКИЕ ПОЭТЕССЫ.** Оно заслуживает того, чтобы привести его полностью — как с точки зрения изысканного литературного стиля, так и с позиций понимания государственнической роли литературы:

Герцоги пришлой масти,
Судьбы дворян плачевны.
Первой любви несчастье
Даже у цесаревны.
Поздних дождей завеса,
Славься, ликуй, столица!
Первая поэтесса —
Русская императрица!
Втиснутые в корсеты
Пламенные девицы
Вслед за Елизаветой
Стали марать страницы.

Кто им велел бунтарски,
Тихим и благонравным,
В смене эпох по-царски
Мыслить стихом державным?
Пусть не всегда принцессы,
Пусть не всегда в столице,
Русские поэтессы
Род свой ведут от царицы!

А что если попытаться объяснить закономерность любви наиболее успешных правителей мира к литературе? Сделать это несложно, обратившись к истокам слова «начальник», происходящего от слова «начало». Всё в государстве начинается с того, кто «начальник», с чего, собственно, «начинается Родина». Если «начальник» творец и созидатель по определению (его склонность к литературному творчеству лишний раз подтверждает этот творческий вектор), то и своё государство он — творит и в итоге сотворяет... Остальное, как скажут поэты, — дело техники и формы. Было бы содержание!

Одним из присланных мне вопросов уважаемого журнала «Парус» был вопрос о современных литературных изданиях. Хороший вопрос! Понятно, что литературные журналы — это локомотивы литературного процесса. Но лично меня тревожит то, что за последние десятилетия литературные журналы из некогда общевостребованных и общеобсуждаемых превратились в некие «корпоративные» издания, где литераторы пишут, и они же читают. За собственно «корпоративный» литературный круг большинство изданий, за весьма редкими исключениями, так и не выходит. Отсюда — низкие «корпоративные» тиражи. Аналогичными «корпоративными» изданиями навскидку можно назвать помпезно издаваемые альманахи стихов работников Газпрома или прочие «отраслевые» сборники. Издано роскошно — читать невозможно! Но в пределах корпорации будет востребовано, на что, собственно, и рассчитано... А ещё большинство изданий ориентировано на «социальные корпорации» — для автоледи, для бизнесвумен, для домохозяек, для тинейджеров, для рокеров, для пенсионеров, для огородников... И так далее, и тому подобное. А ведь сила истинной литературы в том, чтобы быть соборной, объединять и консолидировать, а не атомизировать нацию.

Я росла в семье, казалось бы, далёкой от литературы: отец — кадровый офицер, мама — зооинженер. Но! Далёкие от литературы родители ежегодно выписывали «Литературную газету», журналы «Наш современник» и «Новый мир». Я помню, как во время встреч моих родителей с друзьями разгорались жаркие споры между ними о прочитанных в журналах текстах. А ведь и друзья моих родителей не были литераторами — военные, бухгалтеры, преподаватели музыки, даже рыбинспектора!... Но повод для совместных разговоров и споров давали им литературные издания, не разделяя, но объединяя своих читателей, таких разных по жизни! Не могу сказать, что я в детские свои года прочитывала выписываемые родителями издания от корки до корки, но они постоянно были в пределах моего детского мира... Потому что это были фактически издания для семейного чтения, где каждый член семьи мог найти что-то своё, ему нужное и не чуждое, полезное и интересное, будь он школьник с расцарапанной коленкой, офицер, уставший от тягот водолазных и парашютных сборов, мать семейства, не желающая ограничиваться неизбежной бытовщиной, или пенсионер, отдыхающий от дачных хлопот...

Спросите, как же сделать, чтобы литературные издания из болота корпоративщины снова вернулись на стремнину общественной значимости? Путь только один — делать ставку на тексты. И искать талантливых авторов, которые часто бывают не

по таланту скромны. Будут у нас талантливые авторы — глядишь, и спонсоры не понадобятся! Качество текста должно быть нашим абсолютом! Всё остальное — неважно, ни членство-нечленство авторов в писательских союзах, ни наличие премий или орденов. Членства-секретарства-премиантства — отнюдь не индульгенция автору, но лишь повод строже спрашивать с него, строже смотреть на качество его текстов. Если литературную «лабуду лабает» престижный премиант — то повод задуматься о критериях присуждения премий и орденов. И, вспоминая сказку Шварца о Золушке, повторить вслед за Королём: «Никакие связи не помогут сделать ножку — маленькой, а душу — большой». И, добавим, никакие, даже самые высокие, связи не помогут сделать некачественные тексты качественным литературным продуктом...

Когда во главу творческого процесса встанет Его Величество Качественный Текст — всё установится само собой. Журналы будут востребованы читателями, тиражи подскочат вверх, слово писателя станет весомо и значимо... Не будем забывать слова Маршака:

Люди пишут, а время стирает.
Всё стирает, что может стереть.
Но, скажи, если слух умирает,
Разве должен и звук умереть?..

Издания, не заслуживающие того, чтобы их перечитывали, не стоило читать вовсе! Запас прочности текста заключён не в «крутых связях и подвязках» автора, но — в тексте, вышедшем из-под пера этого автора. Мы перечитываем в разные наши возрастные периоды Пушкина, Есенина, Лермонтова, Блока, Шолохова, Бажова, Белова... И в разные годы мы прочитываем одни и те же их тексты по-разному, каждый раз находя в них созвучное нам, нынешним... Как этим текстам удалось не потерять актуальности спустя десятилетия и даже столетия? Вот вопрос, который каждый пишущий человек должен себе постоянно задавать! А ещё другой вопрос — похлеще предыдущего: «Вправе ли мы, писатели, называющие себя современными, отнимать драгоценное время читателей от великих литературных творений прошлого своими произведениями?» Не крадём ли мы это время? С этого вопроса, обращённого каждым пишущим человеком к самому себе, собственно и начинается истинное творчество.

P.S. *Не успела поставить точку в этом материале, как Кремль объявил рейтинг наиболее успешных руководителей регионов. Конечно, кремлёвская администрация руководствовалась, как и полагается, экономической, промышленной и финансовой составляющей руководства. Но вот опять-таки совпадение: в тройку наиболее успешных регионов по версии Кремля вошли Ямало-Ненецкий автономный округ, Калужская область и Республика Татарстан. За Ямало-Ненецкий автономный округ и отношение этого округа к литературе говорить не буду, пока не была там и пока друзей-писателей из этого региона не имею. А вот за Татарстан скажу. Мне довелось побывать там на Медиафоруме в Казани в мае 2013 года, когда Казань активно готовилась к Универсиаде. В рамках этого Форума проводился Круглый стол главных редакторов региональных литературных изданий России. Инициатором проведения круглого стола выступил литературно-художественный журнал «Аргамак. Татарстан», главным редактором которого является известный поэт Николай Алешков. Этот журнал, где я имею честь состоять в редколлегии, входит в холдинг «ТатМедиа». Журнал сравнительно молодой, но уже завоевавший авторитет в литературном поле России. Идею издания этого*

журнала в своё время финансово одобрил тогдашний Президент Татарстана Минтимер Шаймиев. И ясного ясней, что успешность и респектабельность журнала в том, что высокий художественный литературный ценз главного редактора и редакции журнала нашёл финансовую поддержку Главы Татарстана, понимающего государственную значимость поддержки литературного процесса.

Ну, а про Калужский регион мне много рассказывали писатели-коллеги из разных регионов, побывавшие там осенью 2013 года, когда Калуга стала площадкой проведения съезда Союза писателей России — мероприятия, значимого не только с точки зрения общественно-политической, но и финансово затратного. Однако, как видим, руководство Калужской области посчитало эти затраты финансово оправданными. Что ещё раз подтверждает закономерность того, что экономическая успешность руководства и руководителя напрямую зависят от того, насколько руководство понимает значимость Слова. Кстати! В десятку наиболее успешных в экономическом отношении российских регионов-доноров, опять-таки по версии Кремля, вошла и Белгородская область. Литературоцентризм губернатора Белгородчины Евгения Савченко давно и прочно известен если не всей, то пишущей и читающей России — точно. И его отношение к литературе и литпроцессу мы, писатели разных регионов России, имели возможность наблюдать ещё в 2007 году, когда Белгородчина принимала большую делегацию Союза писателей России на литературный Форум.

Диана КАН, г. Новокуйбышевск

УВОЛЬТЕ ПУШКИНА!

Литературный журнал «Сибирские огни» пытаются сделать рупором регионального ЖКХ

Некто Андрей Эдуардович Гудовский — житель славного города Новосибирска, министр региональной политики, человек в русской литературе не то чтобы малоизвестный, а до сегодняшнего дня неизвестный вовсе, прославился скоропалительно, как прибивший свои ядра к московской брусчатке питерский художник. И вовсе не громкой публикацией талантливого рассказа или, простите мой французский, эротической поэмы, а формой малой, но ёмкой, канцелярской — приказом об увольнении главного редактора старейшего нашего литературного журнала «Сибирские огни» Владимира Берязева.

Совершенно не интересно в этой связи обсуждать личность или профессиональные качества Берязева. Интересно обратить внимание высокой публики на маленький пассаж пера г-на министра: «Мы будем развивать журнал». Развивать старейший русский литературный журнал правительство Новосибирской области, очевидно, собирается физическими упражнениями и собственными литературными потугами в нерабочее время.

Самое в этом интересное, что администрация Новосибирской области не полномочна увольнять или назначать главного редактора СМИ «Сибирские огни» и, по факту, не имеет фактической возможности как-то влиять на выход журнала в свет. «У СМИ, зарегистрированного в 1998 году, действительно, два учредителя»,— сетует г-н министр. Учредители эти, добавлю от себя, в сегодняшних реалиях никогда не смогут договориться, а пока они не договорятся, главным редактором СМИ «Сибирские огни» останется Владимир Берязев и представляемая им русская литература, а журнал продолжит выходить. Журнал — это не торговый бренд, а объединение единомышленников, соратников в литературе, высоких профессионалов с общей гражданской, литературной и эстетической позициями, а в дальнейшем — преемственность и уже литературная традиция. Каждый толстый литературный журнал уникален. И «Наш современник», и «Дружба народов», и «Нева», и «Знамя», и «Октябрь», и «Москва»

и «Сибирские огни»... Ни один толстый литературный журнал не утратил своего лица, своей уникальности, не потерял своего особого места в русской литературе.

Если говорить об учредителях журнала, то «Сибогни» были учреждены 27 декабря 1921 г. решением Сиббюро ЦК РКП (б), а никак не администрацией Новосибирской области. В новых исторических условиях в учредители журнала вошли Союз писателей России и, действительно, администрация Новосибирской области, учредившая как унитарное государственное учреждение редакцию журнала. Такая форма была необходима для спонсирования журнала из областного бюджета, но не наделяла администрацию никакими особыми правами и полномочиями в отношении СМИ. Однако, мало разбираясь не только в литературе, но и в законодательстве, некоторые руководители правительства Новосибирской области захотели превратить старейший литературный журнал России в региональный политический листок. На сегодняшний день сотрудники редакции из государственного предприятия уволились, а Союз писателей России в соответствии с законом РФ о СМИ принял на себя функции редакции, делегировав эти обязанности своим членам — бывшим сотрудникам редакции и Владимиру Берязеву в качестве главного редактора. Редакция журнала не обязана быть юридическим лицом, а издатель для «Сибогней» уже нашёлся. У администрации области был отличный путь выхода из затеянного ей конфликта — не позориться и молча выйти из соучредителей журнала. Но наши чиновники так не могут.

Г-н Гудовский, можете потренироваться в подписании приказов об увольнении Некрасова, Пушкина, Толстого или Чехова — полезно для развития мелкой моторики пальцев правой руки. А когда надоест — заняться другими видами литературного творчества, а мы уж их профессионально заценим. Но журнала «Сибирские огни» у себя на посылках — как рупора коммунальной региональной политики и ЖКХ, органа министерской графомании — администрации не видать как своих ушей.

Алексей ИВАНТЕР, г. Новосибирск

ПИСЬМА ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ

Николай, здравствуй!

Держу в руках «Аргамак» № 4 за прошлый год. Много, много в нём интересного, событийного и в жизни, и в литературном мире. Но в первую очередь из поэзии хотел бы отметить твой цикл «Прогулки в одиночестве». Николай, тёзка, друг мой, ты стал более мудрым и поэтичным. Особенно хочется отметить стихи «А за рекой, на непаханом поле», «Уроки русского», «Меж сосен по пыльной тропинке», «Вернуть соловьиные годы», «Посвящение другу» и «Наказ». Это — из настоящей лирики. Вот на таком задушевном уровне и продолжай!

Конечно, Рената Хариса всегда интересно читать. И в подборке «Из цикла «Камни Урманче» он и философичен, и прозорлив, и лиричен как всегда, и даже в переводах узнаётся золотая песня его татарской души.

Всегда с удовольствием читаю талантливейшего Владимира Крупина. Это замечательно, что ты познакомил читателей своего журнала с его размышлениями о жизни, о Родине, о языке, об интересных эпизодах в писательских судьбах. Пишет кратко, ёмко — а раздумья! И какой лёгкий слог, какая богатая художественная речь, раскованность какая и какой свет православной души!

Так что, Николай, дорогой мой, и этот номер журнала у тебя получился. Спасибо за публикации откликов, в том числе и моего, на повесть-реквием Михаила Чванова

«Серебристые облака». Думаю, что будут ещё отклики, поскольку эта талантливейшая вещь — событие в современной отечественной литературе.

Всего хорошего в этом номере не перечислишь. Я коснулся только того, что действительно делает его весомым, значимым.

Николай РАЧКОВ, г. Тосно Ленинградской области

* * *

Продолжая обсуждение повести-реквиема «Серебристые облака» («Аргамак. Татарстан», № 2/15 и № 3/16 за 2013 год), хочу сказать следующее.

Наверное, каждый, столкнувшись со смертью другого человека, начинает задаваться «проклятыми» вопросами. Особенно если это смерть близкого человека. Помню, как меня потрясла смерть моего деда. Я остро осознал, что человек смертен и все люди рано или поздно умрут, в том числе и я. От этих мыслей холодела спина и возникали бессонницы. Более всего меня пугала вероятность полного небытия. Ещё больше чем за себя я боялся за деда, поскольку его я очень любил, к тому же он был старенький, и вероятность того, что он вскоре тоже умрёт, была велика. И однажды это произошло. Помню, как-то утром мама сказала: «Дедушка умер...» Конечно, я разревелся. Всё,— подумал я, — не будет больше поездок в гости, сказок, прогулок, ничего больше не будет, и неожиданно я понял, что оплакиваю и жалею себя, а не деда.

Я тогда был еще не крещённым и неверующим (впрочем, тогда все были атеистами, по крайней мере, официально), но я вдруг почувствовал, что мой дед не исчез, что он здесь, и если бы я умер в эту минуту, то смог бы даже пообщаться с ним. Это было тем более странно, что никаких бесед на религиозные темы со мной не проводили...

Поэтому позднее, когда я крестился и стал верующим, у меня не было проблем с принятием догмата о «жизни будущего века». И я не слишком задавался вопросом о том, какой она будет, если уж апостол Павел не нашёл слов, чтобы описать райские блаженства (2 Кор. 12,2–4), то всё, что писалось Ефремом Сириным и другими святыми отцами, я рассматривал как фантазии на тему, но никак не описание Царства Небесного. «Ясно одно: и рай, и ад не являются тварными реальностями,— они нетварны. Как праведники, так и грешники в будущей жизни будут видеть Бога. Но в то время как праведники будут при этом пребывать в блаженном общении с Ним, грешники будут этого общения лишены. Это видно из притчи о безумном богаче. Богач видел Авраама и Лазаря на его лоне, но не имел общения с Богом и поэтому горел в огне. Он воспринимал Бога как внешнее опаляющее действие. То есть эта притча выражает действительное положение вещей. Истина передается в форме иносказания» (Митр. Иерофей (Влахос).

Вот эту иносказательность, на мой взгляд, и не усмотрел автор повести-реквиема «Серебристые облака» Михаил Чванов. Слишком уж буквально он воспринимает рассказы о пребывании праведников в раю.

Рассуждение священника на тему болезни как наказания за грехи, собственные или родительские, вызывают недоумение не только у автора, но и у меня, хотя я тоже священнослужитель. Неужели этот батюшка не читал пророка Иезеииля: «Вы говорите: почему же сын не несёт вины отца своего? Потому что сын поступает законно и праведно, все уставы Мои соблюдает и исполняет их; он будет жив. Душа согрешающая, она умрёт; сын не понесёт вины отца, и отец не понесёт вины сына, правда праведного при нём и остаётся, и беззаконие беззаконного при нём и остаётся» (Иез. 18. 19–20). И книгу Иова никто из Библии не исключал. «Как будто все несчастья и страдания человека можно объяснить наказанием за скрытый грех? Как будто Бог оставляет человека только тогда, когда человек оставляет Бога? Но Иов знает, что он никогда не оставлял Бога, так же как

Богочеловек никогда не мог его оставить. Факт Богооставленности Богочеловека делает всё это богословие ничтожным. И мы сразу понимаем, почему Бог признаёт, что именно Иов говорил справедливо, а не его друзья, «помрачающие Промысл речами без смысла» (38. 2). Страдание и наказание «за чужие грехи» ничего не может объяснить здесь, ибо оно ещё более неприемлемо и несправедливо, чем случайная гибель от слепых сил природы. Казнь Сократа гораздо более возмущает, нежели, например, его случайная гибель от руки варвара на войне. Почему Сократ должен погибнуть в силу греховности Афинян, а не Афиняне должны погибнуть в силу невинности Сократа? Бог в своём ответе Иову и не ссылается ни на какие его или чужие грехи» (Борис Вышеславцев).

А вот кажущееся противоречие между любовью к своему земному Отечеству и стремлением поскорее «разрешиться и быть со Христом» (Флп. 1.23) у меня удивления и непонимания не вызывает. Подобных парадоксов в христианстве немало, в самой основе его лежит совмещение несовместимого: мы веруем во Христа и как в Бога, и как в Человека. Вот что говорит, к примеру, Г. К. Честертон о парадоксах христианства: «Наша церковь действительно довела до предела и девственность, и семью — они сверкают рядом, как белизна и багрец на щите святого Георгия. Христианству всегда была присуща здоровая ненависть к розовому. В отличие от философов, оно не терпит мешанины; не терпит того компромисса между белым и черным, который так недалёк от грязно-серого. Быть может, мы выразим всё христианское учение о целомудрии, если скажем, что белое — цвет, а не бесцветность. Всё, о чём я толкую, можно сказать и так: христианство стремится сохранить оба цвета и яркими, и чистыми. Его решение — не смешанный цвет, не желтовато-рыжий, не лиловый. Скорее оно похоже на переливчатый шёлк, где яркие, блестящие нити идут рядом — а то и образуют знак креста».

Вообще говоря, начитанность автора повести-реквиема в православной литературе поражает, тем не менее говорить о знании им Православия как такового не приходится. Это выражается в некоторых неточностях, на основании которых он приходит к неверным выводам. Так, например, он говорит о контрасте между торжественным чином погребальной службы и чёрными облачениями духовенства, но по Уставу облачения при заупокойном богослужении должны быть белыми, по крайней мере, светлыми, но никак не чёрными (архиеп. Афанасий Сахаров). Или утверждение, что Царство Небесное описывается всеми религиями как сад, в то время как откровение Иоанна Богослова описывает его как город (Откр.22)...

Я боялся, что закончится произведение Чванова увлечением «Тайной доктриной» с её готовыми ответами на все вопросы, но автор сразу понял всю недалекость этих выкладок. И Господь явился ему, как некогда Иову, только Иову Он явился в буре (Иов. 40.1), а автору в серебристом облаке. Параллель с книгой Иова напрашивается ещё и тем, как Бог отвечает на вопросы, поднимаемые на страницах книги. Он просто являет Себя, и многие вопросы просто теряют свою актуальность и ответы приходят сами собой. Как сказал Борис Вышеславцев перед кончиной, «отхожу к истокам бытия, всё понял, как всё просто!»

о. Александр (Андриевский), г. Набережные Челны

МУДАРРИС АГЛЯМОВ

НЕБЕСНЫЕ ВЕСЫ

ВОСПОМИНАНИЯ

Позабыты имена и лица,
но родимым никуда не деться...
Памятью о матери хранится
вышитое ею полотенце.

Многое ещё я позабуду.
Только сколько б времени не мчаться,
мне — смотреть на вышитое чудо:
мамины слова на нём лучатся...

Перевод Лилии Газизовой

* * *

Хвали — не захвалишь,
головы не вскружишь:
самовлюблённостью мы не повязаны.
С нас время слетает
щепкой и стружкой.
Своя логика у горшка и вазы.

Из сердца родины в небо седьмое
вырваться, выдохнуть, сделать усилие!
Всё, что имею — два крыла за спиною,
бумага — белая, чернила — синие.

Жить — прекрасно! Я это почувствовал.
Снег падает, вызолачивается лист.
Равновесье движения — и есть искусство,
где в узлы параллельные сошлись
и клиньями стали стихотворения.
До своих ли болячек и придыханий?
Разве может быть жар без горения?
Радость истины без рыданий?
Соль и копоть въедаются в кожу,
а плоды сладки, плоды сочны.
В подглазьях тени и в день погожий.
Все календари давно просрочены.

На семи ветрах полощет, метит.
У народа за пазухой так тепло!
Как постарел, сам не заметил.
По кровинке времечко утекло.
Вверх и вверх тянуться, ввинчиваться,
как вьюнок доверчивый —
ночь ли, день ли!
Притерпелась душа необидчивая,
вечно тихая, вся при деле.

Себя, как храм, возводить легко ли
из лучей, из капель,
из небесной пыли,
из невероятной сокрытой боли?
Да, мы — есть, а не просто — были.

... Костерок в ночи озаряет лес.
Мы сомкнулись, согреты доверьем.
Чудной силы ужели в обрез?
С крыльев, что ли, повысеклись перья?

Перевод Рустема Кутуя

ПАМЯТЬ

Не в прошлом память, не под гнетом
лежит, старея, обрастая мхом.
Она — пыльца — и грезит новым небом,
ей нужен ветер, чтобы стать цветком.

Дождётся — и порхнёт, и обожжётся,
вспыхнув.
И сын продолжит взгляд отца,
пригорбит от поклажи спину,
сведёт узлом свободных два конца

суровой бечевы. Воспоминанье
цветущей веткой нежится в окне,
прохладой незабудок манит
среди кладбищенских камней,

течёт по жилам в поисках дороги,
заблудшего не испугает лес:
к порогу выведут «слепые» ноги
тропинкой, где ходил отец.

Трудилась память, исподволь кочуя.
Тень прадеда касается плеча —
и ловишь плеск овражного ключа,
и запах очага с пригорка чуешь.

Невеста пролетает сто кругов,
пока её ты взглядом выбираешь.
Проходит миг, а может, семь веков,
пока душа в смятенье обмирает.

Колеблются небесные весы,
но звездный луч уже пометил чашу.
Да, говорят, всех изумрудов краше
негромкий цвет весенней бирюзы.

Опять пыльцу из венчика цветка
уносит ветерок. Из колыбели
вверх тянется рука,
как гибкий стебель.

Перевод Рустема Кутуя

ВРЕМЯ ГОДА

О, время жизни, тайный календарик!
Антенна глубоко в корнях.
То листьев лёт, а то мороз ударит,
то вверх несёт, то рушит под коня.

Оборвалась дорога струнной в сердце,
вдруг молнией сверкнула мысль,
то лёгкое прикосновенье смерти,
а то — сияющая высь.

Круговорот души — паденья, взлёты,
предвосхищенье снега на заре
и по крови кочующие воды,
и тень, прильнувшая к земле.

Я весь в узлах, я весь — призыв и воля!
Неуловим, предугадай меня.
То луч по веку обжигает солью
над тихой колыбелью дня,

а то столетия развёртывают повесть,
грудь размыкая. Вечность — мне сестра.
И крыши мира мне уже по пояс.
Я — искорка вселенского костра.

Перевод Рустема Кутуя

ПОДНИМАЮ ВЗГЛЯД

Проглядывают пальцы ног
сквозь порванный сапог,
да и штанам, помилуй Бог,
давно уж вышел срок,
колени стонут — стоит мук
их разогнуть, мой друг...
Но взгляд я поднимаю вдруг,
гляжу на мир вокруг.

Соломинку волочь-нести
легко ли мурашу?
«Дружок, счастливого пути!» –
шепнуть ему спешу.
Кленок торит сквозь камень путь
без видимых потуг...
Взгляд поднимаю, чтоб взглянуть,
как мир широк вокруг...

Склоняясь долу, семена
цветок стряхнёт в траву,
а древний дуб сквозь времена
возносит вверх главу.
Дождь, снегопад и звездопад,
свершая вечный круг,
летят к земле... Велят мне взгляд
поднять на мир вокруг.

Истаивая в звёздной мгле,
редеют облака,
жизнь непостижна на земле,
дорога далека...
Есть счастье вечность осознать,
как за деревней — луг,
взгляд поднимаю я опять
на мир, что лёг вокруг.

Мне предок Бога завещал —
отверг наследство я,
но дух — начало всех начал —
основа бытия.
Цветы под окнами седы —
полить всё недосуг:
полил — и в капельке воды
весь мир, что жив вокруг.

Перевод Равиля Бухараева

ПЕРО В РУКЕ ТВОЕЙ

Сам!
Волею своей, давно
им выжег жаркое тавро —
да будет век раскалено
судьбой вручённое перо!

Ты сам
тропу свою торил,
зло познавал, ища добро:
всегда есть кровь, коль нет чернил,
судьбой вручённое перо!

Вовек знал пращур жатвы срок —
серпа сверкало серебро.
Есть чувство поля — будет прок,
судьбой вручённое перо!

Возвысив песнь, но жизнь поправ,
нас время мучает...
Старо!
Не замолчало б, осерчав,
судьбой вручённое перо!

Перевод Равиля Бухараева

ПОСЛЕДНИЙ ПРАЗДНИК ТРАВ

Побежала трава по земле молодой,
обежала луга, заплелась, завилась,
забежала в ручей — заструилась водой,
забежала на холм — ветром ввысь
понеслась.

Как хлеба, испеклись золотые деньки,
в летнем пекле иные пришли времена:
из созревших соцветий, попрыгав, легки,
разлетелись по зрелой земле семена...

Люди! Видели мы океанское дно,
вверх взлетали, закон притяженья поправ,
то и это умеем мы делать давно,
но кто в мире мудрее, полезнее трав?

Заплетаясь, кудрявясь, бежали они,
даже тронуты жёлтым, хранили красу,
зная, что убегают в грядущие дни,
забежали легко под литовку-косу.

Муравей по ладони бежит, жив и здрав,
вот кузнечик с плеча задаёт стрекача...
На последнем торжественном празднике
трав
только вжиканье кос да журчанье ключа.

Пусть к земле приникает, свежа, зелена,
бег её нескончаем в круженье земном...
Почему я уверен, что будет весна?
Оглянитесь кругом.

Перевод Равиля Бухараева

НОЧНАЯ ТИШИНА

Сижу один...
Цветы глаза закрыли.
Лежит на глади озера луна.
Дремотное дыханье белых лилий...
Душистая ночная тишина.

Под лёгкой стелющейся дымкой
вдруг прячется мерцанье звёздных свеч;
нечаянно
в тиши густой и зыбкой
плёс рассекает рыба, словно меч.

Смыкаются мерцающие воды...
Ещё не засветился окоём...
Сижу один,
но голосом природы
мне шепчет тишина, что мы — вдвоём.

Перевод Равиля Бухараева

ВСЁ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Клюкою жёлтою стучит
осенний день в окно.
Домашний гусь в тоске кричит:
взлететь-то не дано.

Освобождаю муху из
паучьей западни:
гляди, опять не попадись
в последние-то дни!

На волю хочет мотылёк,
стучится о стекло:
раскрыл окно — лети, дружок!
Но лето истекло...

Вокруг пронзительная грусть,
я сам как в западне,
стай перелётных крики пусть
облегчат душу мне.

Пускай летит в простор душа.
и тихо надо мной
снега кружат, запороша
поля земли родной...

Пусть грусть продолжится, пока,
все чувства отбеля,
не успокоюсь, как река,
как рощи, как поля...

Перевод Равиля Бухараева

ИЗ ТЫСЯЧ ОДНА

(баллада)

Возле Волги, на вольном ветру
подрастала, как свечка стройна;
словно в песне, к воде поутру
с коромыслом спускалась она;
гармонист увидал её здесь,
ведь была издалёка видна,
на деревне красавицы есть,
но такая —
из тысяч одна.

Не встречали под вечер её,
как сходились до солнышка петь,
и нарядное платье своё
от соблазна запрятала в клеть.
Ей прощала все хитрости мать:
скольким девушкам сметка дана,
и лукавства им не занимать,
но такая –
из тысяч одна.

Словно бабочка, выпорхнув вдруг
на свободу весенней порой,
в одночасье затмила подруг
пляской, песней,
весёлой игрой.
Может, молодость в этой игре
провожала со смехом она...
Хорошо на вечерней заре
знать, что юность —
из тысяч одна.

Кто жених ей на целой земле?
Всё-то ладится
в спорых руках.
Вот и свадьбу играют в селе,
по старинке читая никах.*
Был ли, не был на пире мулла,
не такая уж нынче вина:
может, красною свадьба была,
но уж точно —
из тысяч одна.

А потом накатила война,
одиночество горестных дней:
как ни долго тянулась она,
только память о ней всё длинней.
Волочила мешки; кто не дюж
в дни войны? Не считая седин,
знала, будет во здравии муж,
ведь такой он —
из тысяч один.

Уж война откатилась давно,
но теснит и грызёт тишина.
Муж вернулся живым — всё равно
для неё не минула война:
в сердце цепким недугом вошёл
страх проклятых натужных годин;
ухватился малыш за подол,
ненаглядный —
из тысяч один.

Ухватился малыш за подол,
хоть бы на руки взять,
да нельзя:
под ногами качается пол,
через темень к сиянью скользя.
Сколько тысяч других матерей
в этот день схоронила страна?
Человечество,
помни о ней,
моя мама — из тысяч
одна.

Перевод Равиля Бухараева

* Никах — молитва, а также сам мусульманский обряд бракосочетания.

В САМОМ ДЕЛЕ?

Когда б земля поведала свои
печали — мы бы разом поседели.
«Забота о земле у нас в крови!»
Неужто так взаправду?
В самом деле?

Всяк на родной устроиться земле
удобней норовит, как на постели.
«Земля отцов!» — кричат, живя в тепле.
Неужто так и есть
на самом деле?

О, если бы все горести мои
речные струи смыть с души сумели!
Ещё рекою предков назови!
Неужто так и есть
на самом деле?

«Да буду проклят, если обману!»
Клянясь отчизне, руки мы воздели.
Все числят кровным — осень и весну...
Неужто так и есть
на самом деле?

А кони бьют копытами в пыли,
а у коней терпенье на пределе,
вопросы, словно кони, понесли! —
«Неужто так взаправду?»
«В самом деле?»

Когда б открылись нам родной земли
печали — мы бы разом поседели.

Перевод Равиля Бухараева

ИЩУ КОЛОКОЛЬЦА

Как нынче рано
зазимки пришли!
Посеребрились прясла у околиц.
Заиндевело травы полегли.
Затих последний звонкий колоколец.

Ведь помнится,
как в праздничные дни
на солнце заливались колокольца...
Горят на новых улицах огни,
новёхонькие светятся оконца.

Ведь помнится,
когда страна солдат
звала на бой, и запрягались кони,
звенели колокольчики, стократ
надрывно вторя горевой гармони.

Я нынче их нигде не нахожу,
тужу о колокольчиках старинных,
казанские базары обхожу,
по сорок раз справляюсь в магазинах.

Да хоть бы подержать его в руках!
В степи пасутся кони одиноко.
Не слышно звонких свадеб.
В сундуках
спят колокольца, отслужив до срока.

Жизнь, говорим, прекрасна без прикрас,
чего-то людям не хватает вечно...
Когда ж и для кого
в последний раз
смеялись колокольчики беспечно?

Перевод Равиля Бухараева

ВОЗВРАЩЕНИЯ

1

Джигит с чужбины много дней
на родину скакал.
Здесь вырос,
из камней-кремней
здесь пламень высекал...

— Где ж горы, — встал он недвижим, —
куда взбирались мы?
Взамен круч детства перед ним —
обычные холмы.

2

Вернулся аксакал домой:
когда-то юн и лих,
задумал обрести покой
среди холмов родных.

Искал покоя аксакал,
глядит печально ввысь:
взамен холмов,
в наплывах скал
вновь кручи вознеслись.

Перевод Равиля Бухараева

СЧАСТЬЕ

Лишь вслушайся: звучащим колыханьем
живут листва, травинка и цветок...
Ты чувствуешь,
как заодно с дыханьем
вливает силы воздуха глоток?

О нет, звучанье это не случайно,
не просто листья с ветром заодно:
мелодией лесов легко,
печально,
прошедшее тебе возвращено...

Нет, вкруг тебя не просто щебет птичий,
кукушки голос — метроном лесной,
но тысячей певучих, звучных нитей
ты связан с небом, солнцем и землёй.

Нет, не напевы ветра над тобою,
не дальнее журчание ручья, —
зов слиться телом, сердцем и душою
с гармонией аккорда бытия.

Мотив снегов, летящих легче пуха,
мотив дождей, вгрызающихся в грунт, —
зов музыкальный к очищенью духа,
самих небес призывный контрапункт.

Самой планеты зов, несущий силу,
зов совести, вдруг зазвучавший вслух...
Прислушайся, брось рыть себе могилу,
прислушайся, о, не останься глух!

Прислушайся: узнаешь цену счастью,
там, в детстве, позабытому давно,
себя живой осознавая частью
всего, что неспроста тебе дано.

Перевод Равиля Бухараева

РАМИЛЬ САРЧИН

О ВЕЧНОСТИ И О СУДЬБЕ

Мне трудно назвать в татарской поэзии автора, кто был бы так озабочен проблемой судьбы, как Мударрис Аглямов. Её постановке и решению посвящены такие стихотворения, как «Грядущий день, он никому не нужен...» (пер. Л. Газизовой), «Пенясь метелью, проходит, сплывает зима...», «Хвали — не захвалишь...» (пер. Р. Кутуя) и многие другие. Тему судьбы, рока, размышления о жизни и смерти я бы назвал определяющими в его поэтической системе: к ней стекаются, с её воплощением связаны все остальные темы и мотивы. Она как и память — ключевой мотив в лирике автора, сопрягает всё и вся. Не случайно поэтому, что именно память помогает поэту преодолеть границы времени в стремлении прозреть изгибы судьбы в её целостности.

У него есть даже стихотворение с таким названием — «Память» (пер. Р. Кутуя), начинающееся так, как о ней не писал никто:

Не в прошлом память, не под гнетом
лежит, старея, обрастая мхом.
Она — пыльца —
и грезит новым небом,
ей нужен ветер, чтобы стать цветком.

Вот ведь как: память — пыльца. Неожиданный в своей новизне образ, удивительный тем, что при всей своей реалистичности поражает психологической точностью: пыльца столь же неуловима и трепетна, как и воспоминания, ассоциации, которые определяют дальнейшее течение стиха: неожиданно и то же время совершенно естественно в памяти поэта возник образ отца.

Дождётся — и порхнёт, и обожжётся, вспыхнув.
И сын продолжит взгляд отца,
пригорбит от поклажи спину,
сведёт узлом свободных два конца

суровой бечевы. Воспоминанье
цветущей веткой нежится в окне,
прохладой незабудок манит
среди кладбищенских камней.

Будучи духовной категорией, память души, воплощаясь в реальности, связана и с памятью тела: «к порогу выведут «слепые» ноги // тропинкой, где ходил отец», — заставляя таким образом потрудиться не только душу. И как этому не быть, если она сама — настоящая трудяга:

Трудилась память, исподволь кочуя.
Тень прадеда касается плеча –
и ловишь плеск овражного ключа,
и запах очага с пригорка чуешь.

Слой за слоем память всё глубже погружается в пласты времени: «Проходит миг, а может, семь веков, // пока душа в смятенье обмирает». И вот уже сама Вечность начинает мерцать перед глазами: «Колеблются небесные весы, // но звёздный луч уже пометил чашу». Так память приобщает человека к вечности, свет которой отражён на его «чаше жизни».

Столь же символичен финал стихотворения — с идеей вечного рождения:

Опять пыльцу из венчика цветка
уносит ветерок. Из колыбели
вверх тянется рука,
как гибкий стебель.

Или — это возможность вернуться к своему истоку, чтобы начать жизнь вновь, прожить её заново. Как бы там ни было — идея всё та же: жизнь вечна. Она, конечно же, не нова, но никак не банальна — именно вечностью, каждый раз поражающей своей неповторимостью. И для её выражения в конкретно взятом стихотворении поэту удалось найти столь же неповторимый образ пыльцы, для реализации которой, то есть чтобы «стать цветком», «нужен ветер». В символическом плане это значит: для возникновения жизни нужно время и — память обо всём, что было до рождения нового. Какая глубокая мысль — и как органично она явлена: по всем законам природы, естества, по логике вечного времени!

Потому-то всё происходящее в стихах М. Аглямова столь зримо и пластично, даже такие понятия, как память, оказывающиеся настоящими явлениями под пером поэта, поскольку они именно *явлены* — необходимое условие творчества: «Воспоминаний белые снега // сошли на душу и уже не тают...» («Встреча», пер. Р. Бухараева).

Возможным это становится потому, что в раздумья о судьбинном, вечном у Аглямова неизменно вплетены интимные мотивы, личностно пережитое. Как, например, воспоминания о матери:

Позабыты имена и лица,
но родимым никуда не деться...
Памятью о матери хранится
вышитое ею полотенце.

Многое ещё я позабуду.
Только сколько б времени ни мчаться,
мне — смотреть на вышитое чудо:
мамины слова на нём лучатся...
(«Воспоминания», пер. Л. Газизовой)

С именем матери связано воспоминание о чуде — и речь не только о полотенце, но о том состоянии, которое оно дарует: каждый раз новое ощущение радости от того, что рождён, от того, что живёшь. То, что я бы назвал *благостью* жизни.

Средоточием размышлений о жизни в стихотворении «Жизнь» (пер. Р. Кутуя) тоже оказывается образ матери. Произведение по своему содержанию представляет собой миф о рождении жизни. По характеру образности, по интонации оно мне очень напоминает ряд стихов русского поэта Юрия Кузнецова, таких, например, как «Из земли в час вечерний, тревожный...» В стихах Аглямова — то же мерное течение Вечного Времени, ощутимого почти физически, из толщи которого на поверхности истории возникает та или другая жизнь, та или иная судьба:

Из пара утренней реки,
из чрева чернозёма –
по сини коршуна круги! —
из голубого звона,—

я выпал, выдрался, возник,
и пьяный воздух
в мгновенье ока развязал язык
и высек слёзы.

Загадкой озадачен был отец,
столетней тайной –
начало где и где конец
чреде необычайной?

Кстати, даже образ отца здесь столь же мифический, как у Ю. Кузнецова в его давно ставшем классическим стихотворении «Возвращение». Ответ же на вопрос, поставленный в процитированных строках Аглямова, таков: «Мать разгадала и «нашла» меня, // из хаоса слепила, // зерно рассветного огня // в себе сокрыла». В мифопоэтическом контексте произведения образ матери тоже вырастает до масштабов мифически-религиозных. Поэтому в стихотворении «Из тысяч одна» (пер. Р. Бухараева) речь о собственной матери завершается обращением ко всему человечеству: «Человечество, // помни о ней, // моя мама — из тысяч // одна». Не случайна здесь и жанровая отнесённость творения, данная в подзаголовке: «Баллада». По своей лиро-эпической сущности баллада позволяет определить частное как общезначимое, общечеловеческое, поскольку имеет некую историческую, бытийную значимость.

Мать — из тысяч одна. Так — лучше не скажешь! — утверждается поэтом значимость человека как такового. Значимость эта определяется духовной составляющей в человеке. Через дух, являющийся «началом всех начал — основой бытия», человек приобщается к общему Бытию, реализует в нём собственную духовную потенцию, то есть реализует самого себя: «Цветы под окнами седы — // полить всё недосуг: // полил — и в капельке воды // весь мир, что жив вокруг» («Поднимаю взгляд», пер. Р. Бухараева).

Человек творит жизнь, каждый значимый в своей неповторимости день, как персонаж притчевого по своему характеру стихотворения «Он» (пер. Р. Бухараева): «В жизнь краеугольным камнем // ложился прожитый им день». Этой жизнетворящей способностью человек оказывается приближенным к Богу, чем определяется глубоко религиозный характер творчества Мударриса Аглямова. В отличие от мни-

морелигиозных авторов, у него мы не найдём постоянных, всуе, упоминаний божественного имени — для человека верующего это грех. Лишь вдруг, в момент полного уныния, наивысшего отчаяния, он произнесёт его — и тут же опомнится, попросит прощения: «Будь, время, проклято! Помилуй, Боже... // Прости за то, что время смог проклясть, // за то, что так сильна печали власть...» («Встреча»).

Истоком Веры поэта является его осознание целостности жизни. Этим мотивированы мотивы единства с природой. В этом смысле М. Аглямов — один из самых «природных» в татарской поэзии авторов. Вот как у него соизмеряется жизнь человека с жизнью природы:

Да чтобы не менялся человек?
Леса и горы разве неизменны?
Но всё же...
Жизни, как теченью рек,
не всякие полезны перемены.

Нельзя торчать на месте круглый год,
брожу по свету, не даваясь лени:
пью из ручья, улегшись на живот,
смородину щиплю, встав на колени...
(Пер. Р. Бухараева)

И как показателен для поэта финал стихотворения: «Насильно изменяться не спешу — // природно изменяюсь, как дышу».

Идейный мотив единства с мирозданием реализован и в стихотворении «Ночная тишина», в котором явственно слышится дыхание вечности:

Сижу один...
Цветы глаза закрыли.
Лежит на глади озера луна.
Дремотное дыханье белых лилий...
Душистая ночная тишина.

Под лёгкой стелющейся дымкой
вдруг прячется мерцанье звёздных свеч.
Нечаянно
в тиши густой и зыбкой
плёс рассекает рыба, словно меч.

Смыкаются мерцающие воды...
Ещё не засветился окоём...
Сижу один,
но голосом природы
мне шепчет тишина, что мы — вдвоём.
(Пер. Р. Бухараева)

Залог вечности укоренён, явлен в природе: «Почему я уверен, что будет весна? // Оглянитесь кругом», — таков поэтический финал стихотворения «Последний праздник трав» (пер. Р. Бухараева).

В связи с заглавным и сюжетообразующим образом этого произведения — с травой, «мудрее, полезнее» которой, по мысли Аглямова, нет ничего в мире, нельзя не упомянуть стихотворение «Крик травы» (пер. Р. Бухараева). Трава возведена здесь до символа жизни, даже одухотворена: «У травы луговой // так ранима душа». Хотя, в отличие от человека, «... она не кричит, // даже чуя беду: // засыхает, // молчит, // замерзает во льду». Этой терпимостью и смирением и определяется высокая «духовность» травы. Хотя художественное решение стихотворения связано именно с «криком травы», при извечной «молчаливости» которой финал звучит предельно напряжённо: «Мирным кажется луг. // Не теряй головы, // коль послышится вдруг // крик травы, крик травы...» Каким-то экспрессионистическим ужасом веет от этих строк. То же испытываешь, к примеру, при лицезрении картины Эдварда Мунка «Крик»: смешанное чувство страха, тоски и одиночества. Более всего — одиночества, полного, я бы сказал, вселенского. Не здесь ли следует видеть корни мотива одиночества и в лирике Мударриса Аглямова — при всём его единстве с природой, с мирозданием.

«Одиночество» — так называется одно из лучших творений поэта. Оно, кстати, начинается образом травы, что «обусловлено» чувствами любви и в то же время тоски, которыми полнится сердце лирического героя:

О любви поют мне травы
на родимом языке,
но на сердце нет управы,
рядом друг, а ты в тоске.
(Пер. Р. Бухараева)

Какова же причина, от которой «душа томится, // словно вовсе нет забот»? Ответ — здесь же: «Видно, хочешь ты молиться // не тому, чему народ...» То есть тоска от того, что поэт не с народом — в том, что он, в отличие от народа, «не стыдится кручины», «не стыдится, что ничей». Действительно, на фоне повсеместно культивируемых властью и официозными СМИ настроениями радости, псевдосчастья, идеями о том, что мы «едины», «общны», что всё у нас хорошо и будет ещё лучше, чему при нынешнем состоянии дел в стране огульно верят разве что представители правящей партии, пафос стихов Мударриса Аглямова, воспевающих тоску, одиночество, выглядит по меньшей мере странным. А поделиться-то этими чувствами и не с кем — даже в близком окружении, даже среди собратьев по перу. Да и поймут ли тебя литераторы, обласканные властью, для которых народ — не более чем толпа, а быть с народом — значит, идти с ним в едином гурте.

Одиночество для Мударриса Аглямова означает, прежде всего, отсутствие отклика, отзвука. Здесь мы подходим к важной координате творчества поэта — к *звуку*. В нём, в необходимости слышать отклик, видится возможность преодоления немоты одиночества. Стихотворение «Ищу колокольца» (пер. Р. Бухараева) как раз об этом. Заглавный образ стихотворения становится средоточием того, чего требует, по чему томится душа поэта, но чего уже нет в действительности — тоской по прошлому, по детству, но нежащим сердце звукам.

О том, какое развитие у М. Аглямова получает мотив «звука», обогащаясь всё новыми смыслами, лучше всего проследить по стихотворению «Счастье» (пер. Р. Бухараева), в самом начале которого реализована «жизнетворческая» потенция:

Лишь вслушайся: звучащим колыханьем
живут листва, травинка и цветок...

Ты чувствуешь,
как заодно с дыханьем
вливает силы воздуха глоток?

Далее мы видим, как звук становится «знаком» то прошлого, то общности с мирозданием, то «очищения духа», то «зовом совести». Причём одно значение мотивируется предыдущим, в итоге «сливаясь» в единый пафос утверждения гармонии с миром, что и является счастьем:

О нет, звучанье это не случайно,
не просто листья с ветром заодно:
мелодией лесов легко,
печально,
прошедшее тебе возвращено...

Нет, вкруг тебя не просто щебет птичий,
кукушки голос — метроном лесной,
но тысячей певучих, звучных нитей
ты связан с небом, солнцем и землёй.

Нет, не напевы ветра над тобою,
не дальнее журчание ручья,—
зов слиться телом, сердцем и душою
с гармонией аккорда бытия.

Мотив снегов, летящих легче пуха,
мотив дождей, вгрызающихся в грунт,—
зов музыкальный к очищенью духа,
самих небес призывный контрапункт.

Самой планеты зов, несущий силу,
зов совести, вдруг зазвучавший вслух...
Прислушайся, брось рыть себе могилу,
прислушайся, о, не останься глух!

Прислушайся: узнаешь цену счастью,
там, в детстве, позабытому давно,
себя живой осознавая частью
всего, что неспроста тебе дано.

Поэтическая мысль развивается в форме антитетичного параллелизма (отрицание одного для утверждения другого), помогающего автору выразить её художественно убедительно, наиболее веско, полнозвучно. Завершая разговор о «звучности» лирики Аглямова, приведу строки стихотворения «Если есть окно», в которой так обозначена собственная поэтическая установка: «В многоголосице страны // будь свеж и голосист!»

Чтобы её реализовать, проще — чтобы говорить и петь так, чтобы тебя услышали, нужно самому уметь слушать и слышать. Талант Мударриса Аглямова отмечен этим свойством — слышанием звуков и ритмов времени. Не этим ли художественно

мотивируется разнообразие строфических форм в его лирике: для выражения того или иного настроения, переживания, решения той или иной темы, мысли поэт порой выводит такой ритмический рисунок, который на общем фоне «классических» четверостиший стоит особняком. Это, например, можно сказать о строфике стихотворения «Свет в окошке» (пер. Р. Бухараева), посвящённого памяти татарского писателя Фаиля Шафигуллина и самой наболевшей теме — поэтического слова, творчества.

Своеобразие этой темы у Мударриса Аглямова заключается в том, что реализуется она через мотив, который я бы назвал миротворчеством, соединив две ключевые в художественной системе поэта категории: мир и творчество, в основе которых заложен один общий закон сопереживания, сострадания, любви — ко всему миру. Он является и общим законом творения, творчества. Заглавное и эпифорическое стихотворение «Как дела?» лучше всего выражает этот закон. «Как дела?» — вопрошает поэт у струящейся подо льдом Волги, у бора, дожидающегося лета, у встревоженного, но гордого лося, у «бровастого тетерева». Этот же вопрос адресует заря самому поэту, на что тот отвечает со свойственным его стихам жизнеутверждающим пафосом, единящим, умиротворяющим всё и вся: «Во льду река, // в душе строка, // зима вокруг бела и широка».

Этот пафос — не что иное, как завет, идущий, прорывающийся в настоящее и будущее сквозь глубь времени, веков, поколений. Как и творчество, *слово.* Оно так или иначе обязательно проявится в каждом — ведь у каждого из нас в запасе Вечность:

Казалось, он давно сошёл на нет,
невысказанный дедами в минувшем.
Всё ж светом пробивается завет
сквозь прошлое
в тоске по нашим душам.

Восходит тихим светом,
не спеша;
забвенье, немота и детский лепет
терзают душу,
но жила б душа,
невысказанное скажется,
воскреснет!

(«Невысказанный завет», пер. Р. Бухараева)

Восклицательный знак в конце произведения не оставляет никакого сомнения, что «завет» (закон!) будет «высказан», поскольку душа, подобно вселенной, включена в вечный «круговорот» жизни. Оттого творчество видится поэту как дар судьбы. В стихотворении «Перо в руке моей» (пер. Р. Бухараева) это выражено посредством рефрена: «судьбой вручённое перо!»

Мотив «творчество — судьба» связывает поэта и его жизнь в крепкие узлы («Я весь в узлах...»; «Как вяжут стебли узелком, // жизнь завязалась робко...»), родня с поэтами, в творчестве которых «дышат почва и судьба»: с Акмуллой, Джалилем, Пастернаком, Цветаевой, Заболоцким, связи, переклички с которыми то и дело проявляются в стихах Мударриса Аглямова. В поэме «Арба Акмуллы», посвящённой предшественнику, он напишет: «Поэты схожи судьбами порой // в том, как упорно им ломают крылья...» (пер. Р. Бухараева). Сказано о трагической судьбе Акмуллы, но и о своей, и поэтической судьбе вообще. В этой поэме осмыслена причина трагич-

ности — в непонимании и неприятии поэта людьми: «для чего твои труды, // когда не видно жаждущих, признаться...» Думается, и эти строки были сказаны в связи с размышлениями не только о судьбе Акмуллы, но и о своей тоже.

Но, несмотря на весь трагизм жизни поэта, цель его — светлая и неизменная во все времена: «прорубать окна» к душам людей. В этом — вечное предназначение, этим обусловлен характер творчества, происходящего на фоне вечного противоборства и слияния Жизни и Смерти:

Глубокой,
хмурой ночью — плоть и дух,
душа и сердце, память и сознанье,
не веря, что заветный свет потух,
творят стихи из тьмы и ожиданья,
мир чувствуя наощупь и на слух.
(«Где-то солнце», пер. Р. Бухараева)

Мударрис Аглямов всё возносит к Вечности, всё измеряет ею: «Жизнь легче стала... Но кружны пути // во времени стремительно-жестоком... // Всем выпадет стоять, как ни крути, // вздыхая трудно над речным потоком». Это строки из стихотворения «Потоки» (пер. Р. Бухараева), в финале которого в разрезе той же онтологической проблемы Вечности решается и одна из самых разработанных тем в татарской поэзии — тема родины: «Сама отчизна в горе и борьбе, // как мощная река, всегда в движенье, // поэтому — дано любой судьбе // своё в отчизне видеть отраженье». В этом заключается своеобразие его гражданской лирики, в лучших своих образцах решённая в традициях философской поэзии, связанной с поисками и с попытками определения смысла человеческой жизни: «Живи, величие ища // не на страницах книг. // Его изведать суждено // не каждому в судьбе, // но — в чувстве родины оно, // оно — в самом тебе» («Если есть окно», пер. Р. Бухараева). Финальными стихами только что процитированного произведения лучше всего будет завершить разговор о проблемно-тематической составляющей поэтической системы М. Аглямова, поскольку в них нашло выражение самое наболевшее, самое выстраданное в его жизни и творчестве — мысль о нескончаемости судьбы человека и призыв к открытости, к соучастию в вечном бытии творящейся и творимой жизни:

Грядущее предрешено.
Простимся, долог путь!
Эй, окна есть у вас?
Давно
пора их распахнуть!

ОЛЕГ ЧУПРОВ

МУЗЫКА СВЕТЛОЙ ПЕЧАЛИ

ПУШКИНСКОЕ НЕБО

Вл. Кострову

Опять напомнила душа,
Что живы не единым хлебом...
Медвяным воздухом дыша,
Взлетаю
В Пушкинское небо!

Прошли над Соротью века,
И песня иволги всё тише...
Но рядом — радуги строка
Сверкнула,
Как Посланье свыше!

Не канет в Лету
Дивный свет,
Струящийся от неба к полю.
И Богом избранный Поэт
Дарует нам покой и волю!

Вскипает золотом заря,
И под державным омофором,
Всевышнего благодаря,
Сплотимся
Пушкинским дозором!

России путь необъясним,
Неведомо куда несётся...
Она воскреснет —
Только с ним,
Святой поэзией спасётся!

Нет крепче этих кровных уз,
В победу веры не теряю...
В Михайловском,
Под сенью Муз,
Вслед за поэтом повторяю:
«Друзья, прекрасен наш союз!»

ЖАВОРОНОК

Ветер детства
Взъерошил мне волосы...
С первой ноты певца узнаю.
На серебряной ниточке голоса
Крепко держит он душу мою!

В звонком горлышке
Звука нет лишнего,
И оркестры ему ни к чему...
Как бесценную милость Всевышнего,
Песню жаворонка приму!

Не под силу орлу или соколу —
Так внезапно, на радость другим,
Взмыть в зенит,
Чтоб простору высокому
Исполнять удивительный гимн!

И душа оживает, усталая,
И вбирает в себя небосвод...
Не в Кремлёвском дворце —
Птаха малая
На ладони у Бога поёт!

* * *

В печке трещат дрова,
В печке поёт огонь.
Слышу его слова:
«Родины нет другой!»
Родины нет иной,
Мысли о ней чисты.
Кто же всему виной,
Что потерялся ты?
Ветер, как из пращи,
В окна наотмашь бьёт!
За морем не ищи,
То, что в тебе живёт.

Тусклый свет декабря
Канул давно во тьму...
Печку топлю не зря —
Стало теплей в дому!
Значит, не вышел весь,
Не оборвалась нить.
Значит, ещё я — есть!
Рано меня хоронить...
Снова шепчет огонь:
«Рад, что вернулся ты...»
Родины нет другой,
Мысли о ней чисты.

* * *

Ничего он у Бога не просит,
Деловой, пробивной и крутой!
На груди, как на выставке носит
Крест массивный, литой, золотой!

Но однажды, сквозь сон полупьяный,
Вдруг припомнит, всего лишь на миг,
Что у матери крест деревянный
От дождя и от ветра поник...

* * *

На предназначенной орбите
Выдерживай любой удар!
И на судьбу
Не будь в обиде —
Всё принимай, как Божий дар.
Ведь если ты рождён поэтом,
Твоё призвание во мгле —
Достать до неба, но при этом
Стоять надёжно на земле.
Не мельтешить, не суетиться,
С достоинством
Свой крест нести!
И, наконец, с природой слиться,
Покой желанный обрести...

* * *

Листва редеет золотая,
И всё грустней осенний сад...
Жар-птица счастья,
улетая,
Отводит виновато взгляд.
Пустынно на моей дороге,
Лишь тень мелькнула в вышине.
Всё чаще думаю о Боге.
А он, наверно, обо мне...
В прозрачной дымке
облетает
Моя последняя листва...
Но, облетая,
обретает
Исповедальные права!
В заветном слове отразится,
Аукнет в чьей-нибудь груди.
И всё-таки прошу:
«Жар-птица,
Не покидай!
Чуть погоди...»
Лист календарный отрываю —
Очередной —
В ночной тиши,
И осторожно открываю
Окно
В осенний сад души...

* * *

Вечером поздним потянет к Печоре...
Слышу вдогонку:
«Бессонница, чё ли?»
Под усть-цилёмский родной говорок
Переступаю, как в детстве, порог!
Переступаю
И сразу — вприпрыжку,
И на ходу
из мужчины –
в мальчишку!

В десять минут
Сорок лет пробегу,
Чтоб оказаться на *том* берегу…
Вот я в прохладные волны вплываю,
Город, деревню, судьбу –
Забываю,
Сердцем вдыхаю
Полночный покой.
Сам становлюсь постепенно рекой…

МАМА

Вот покурить я вышел в сенцы
От гомона и суеты…
И вдруг тоска мне сжала сердце:
Я вспомнил — есть на свете ты!

Ты никуда не уходила!
Но позабыл об этом я…
Там, на холме — твоя могила,
А здесь, в избе — душа твоя!

КОМАР

Человек на спине лежал,
Обручальным играл
кольцом.
А комар всё жужжал
и жужжал
Надоедливо
Над лицом.
На виски давила жара,
Вспоминались жена
и сын…
Человек убил комара
И остался
Совсем один.

* * *

Село, в котором я родился,
Дом с покосившимся крыльцом…
Я снова вспомню, как гордился
С войны вернувшимся отцом!
Ну, у кого ещё похожий –
На все на сто дворов окрест! –
Был вот такой, обитый кожей,
Никелированный протез?
Теперь пригрезится, сквозь муку,
Как я отца не раз просил
Снять металлическую руку –
Перед ребятами форсил!
И он снимал…
Глядел в окошко.
Блестели тускло ордена.
И, словно мёрзлая картошка,
Катилась по небу луна.
Потом… отцовская могила
И скудный хлеб
Тех трудных лет.
И тихо мама говорила:
«Учись, сынок! Ученье — свет!»
Но, пережив и с ней разлуку,
Увижу вновь,
Как станет мать
Ту — словно бы живую — руку
К груди иссохшей прижимать…

* * *

Странно мы живём сейчас,
Как-то бестолково…
Но ведь было же у нас
Поле Куликово!
Вспомни, друг, Бородино
И на Волге битву!
Чтоб не падать нам на дно,
Сотвори молитву!
Путь нелёгкий предстоит,
Но — по Божьей воле –
Посмотри:
Уже стоит
Ратник в чистом поле!
Понапрасну не зуди:
Дескать, путь неведом…

Не по бедам Русь суди –
По её победам!

СОЛОВЬИНАЯ ПЕСНЯ

Берёзки нежно светятся
от солнышка румяного,
И птицы заливаются
в рассветной тишине…
Поеду в город Вязники –
на родину Фатьянова!
Там каждая тропиночка
о нём расскажет мне.

И голова закружится
от воздуха духмяного,
От аромата пряного
владимирских полей...
И песню задушевную,
что на стихи Фатьянова,
Вновь заведёт за речкою
весёлый соловей!

И пусть немало прожил я,
но здесь как будто заново
Судьбу начну завидную
с подружкой молодой...
Ах, славный город Вязники –
спасибо за Фатьянова!
Он душу поседевшую
омыл живой водой.

Меня обнимет милая,
хмельного, но не пьяного,
И поведёт желанного
в тот терем на краю...
И песню соловьиную,
что на стихи Фатьянова,
Споёт природа русская!
А я ей подпою...

* * *

Взлетев высоко и прекрасно,
Дождь
радугу выгнул
дугой!..
Но звёзды
всё гаснут и гаснут,
Всё гаснут — одна за другой!
И чаще приходит ночами,
Когда,
как никто,
одинок,
Щемящее чувство печали –
Что путь наш
во мраке пролёг!
И некуда, некуда деться
От этой тоски на земле...

Одно лишь
Далёкое детство
Звездою сияет во мгле!
Захочешь —
и заново встретит
В преддверьи пути твоего,
Где Свет удивительный светит,
И тьма не объяла его!
По радуге,
Словно по лугу,
Уйдёшь ты в иные края...
И жизнь, что промчала по кругу,
Вернётся
на круги своя!

БОГАТСТВО

Пусть жизнь оказалась
не очень легка,
Сумел я богатство нажить!
Найдутся в загашнике
два пятака –
На веки мои положить...
Найдутся — берёза
с листвой золотой,
Жар-птицы-синицы перо,
И женщина — та,
что над скорбной плитой
Уронит слёзы серебро...

* * *

Он впадает в смятенье...
Лица выраженье –
Словно кислый лимон проглотил:
«Посоветуй, к кому же
пойти в услуженье,
Где богатых найти воротил?»

Если просишь совета,
отвечу охотно:
«Лишь пред Богом одним
падай ниц...»
Труд поэта отныне
приравнен почётно
К бескорыстному пению птиц!

МУЗЫКА СВЕТЛОЙ ПЕЧАЛИ

Сердце тревожит ночами,
Но ни о чём не молю...
Музыка светлой печали
Жизнь озарила мою.

Вспомню печорские дали,
Сосны в тумане седом...
Музыку светлой печали
Там различаю с трудом.

Там я стою на причале,
Мама прижалась к груди.
Музыка светлой печали
Где-то ещё впереди!

Громко гудки прокричали,
Скрылась деревня вдали.
Музыкой светлой печали,
Первые строки пришли...

Столько всего за плечами!
Вроде, я счастлив вполне.
Музыка светлой печали,
Ты остаёшься во мне!

Звёзды с тобой повенчали,
Город, где шпиль золотой.
Музыка светлой печали
Будет витать над плитой...

Снова, как в самом начале,
В небо взлетят сизари!
Музыка светлой печали
И незакатной зари...

НИКОЛАЙ РАЧКОВ

У БОГА НЕ ЛИШНИЙ

о книге Олега Чупрова «Время листопада»

«Стихи удаются, если созданы при душевной ясности», — утверждал Овидий. А кто-то из наших современников подчёркивал, что язык красоты — простота. Об этом я вспомнил, читая книгу стихов петербургского поэта Олега Чупрова «Время листопада», наслаждаясь чётким, почти графическим построением стиха, музыкальным звучанием строки, задушевностью, философской простотой раздумья о смысле жизни, о красоте этого мира, о радости и печали пребывания в нём. Я давно знаком с творчеством Чупрова, я узнаю его стихи из сотни других по какой-то особой доверительной тональности, по поэтической «изюминке», которая присутствует в каждом почти его стихотворении, по неожиданной находке в концовке, лаконичной и неотразимой. Мне нравится, что он, живя в Петербурге, никогда не забывает о своей малой родине — Усть-Цильме. «Я всё же северной породы!» — с гордостью говорит он. Да и все стихи его почти оттуда — из северного светлого края, вся любовь его, все сюжеты навеяны глубинкой, родительским домом, улицей, рекой, лугами, близкими людьми, коренным своим родом.

Нас, Чупровых, на Печоре много,
Да и на Руси хватает нас.

Сказано веско. Да и как не гордиться ему теми же родителями! Отец храбро защищал Родину в годы войны, вернулся инвалидом, вскоре умер от полученных ран, мать — всю жизнь на работе, в заботах о семье, о детях. Вырастить, прокормить, выучить — это же сколько сил надо одной! Олег вырос среди крестьянских забот, среди родной природы, среди простых тружениц и работяг. И когда он приезжает в родные места, замечает за собой, как

... странно лицо холодеет
От любви ко всему, что вокруг.

Поднимет голову, а там в небесах жаворонок. «Не в Кремлёвском дворце — птаха малая на ладони у Бога поёт». Увидит знакомую сосну, которая «вот-вот с обрыва сорвётся — и каюк», но понимает, что не сорвётся:

Ведь не грозит паденье
Тому, кто в землю врос.

Это не только о сосне, это скорее о себе. Он сам врос в эту землю всей душой, с малолетства, это она, земля, даёт ему силы, отсюда его талант, от любви ко всему, что вокруг. А в Петербурге вспомнит родное, незабываемое, сердцем почувствует:

И деревня, как царевна,
К моему плечу прильнёт.

Конечно же, для того, кто вырос в глубинке, деревня — это и царевна, наверное. Сказочный персонаж. На всю жизнь. Поэт любуется «золотистым, ярким, жарким, словно летний луг лесной, славным пижемским подарком — звонкой ложкой расписной». Заметим, не золотая, не серебряная ложка дорога ему, а деревянная, какой в своё время щи с крапивой хлебал в родных стенах. А как тепло, светло рассказывает он о встрече со своей сестрой в стихотворении «Горница»! «И вспорхнула сестра, словно горлица: «Наконец-то пожаловал гость!..» А как свежо, как трепетно говорит о матери, как печалуется его душа, что она ушла. И прозревает:

Ты никуда не уходила!
Но позабыл об этом я...
Там, на холме — твоя могила,
А здесь, в избе — душа твоя.

Мало кто в современной поэзии слился художественно с рекой так, как это сделал Чупров. У истинного поэта ничего просто так не бывает в произведении. Всегда проводится параллель, всегда иносказательно говорится о главном, о том, что за сказанным. Для Олега река — это река жизни. «Против течения к дому гребу»,— признаётся он, ведь всё труднее и труднее с годами возвращение.

На середине устану грести,
Сердце обступят заботы.
Реченька-речка, грехи отпусти!
Тихо ответит: «Да что ты...»

Не отпустит, со всеми грехами своими так и плывём по жизни дальше, ощущая их тяжесть. С годами приходит понимание, что ты тоже часть этой удивительной природы, и душа уже поневоле сливается с ней, с вечностью, и всё теснее это сближение.

Вечером поздним потянет к Печоре...
Вот я в прохладные воды вплываю,
Город, деревню, судьбу –
забываю,
Сердцем вдыхаю полночный покой.
Сам становлюсь постепенно рекой...

С каждым приездом на родину он глубже всматривается в жизнь, постигает судьбы людские, судьбу деревенскую. Ну, кого не тронет стихотворение «Старуха»? Вроде бы, сколько уже написано на эту тему, сколько ярких художественных образов найдено поэтами. Вот и Олег начинает стихотворение вроде бы незатейливо, обыденно: «В этой всеми забытой деревне доживает свой век одна...» Но как заканчивает, какая трагическая судьба предстаёт перед нами, на каком животрепещущем нерве держится правда жизни!

До утра подушку,
как внука,
Держит бережно на руках.

Не случайно поэт в одном из стихотворений так определяет себя и своё творчество в круговороте времени: «Музыка светлой печали жизнь озарила мою». Он действительно музыкален, многие стихи его не случайно композиторы положили на музыку. Мне нравятся его стихи о любви, он раскован в своих чувствах, правдив, откровенен:

«С днём ангела, ангел мой милый...»
И вздрогнет рябина в саду.

И покоряет его ироничное отношение к себе. Вот он рассматривает школьный снимок, видит девочку, свою первую любовь. А где же он сам? Он должен быть где-то рядом. Может, виноват фотограф? «Разве первую любовь позабыть сумею?» — восклицает автор. И грустно, хотя и с лукавинкой, итожит:

Озарила, как лучом...
В небо чуть не взвился.
А фотограф ни при чём.
Сам — не проявился.

И ничего объяснять не надо. У многих так было. Не проявились сами. Поэт просто благодарен за любовь, которая выпала в жизни: «Спасибо вам, любившие меня!» И поэтически простодушно, но конечно же с авторской хитрецой изумляется: «Сколько женщин! И каждую хочется приласкать... Ну хотя бы строкой». И в этом весь поэт. Кажется, ещё Юрий Кузнецов подметил секрет любовной лирики: в ней бывает то, чего в жизни не было, но могло быть. И Олег честно распахивает душу:

А жалеть меня не надо,
Ведь за все мои грехи
Неожиданно — награда:
Ты, вошедшая в стихи.

Не обижу даже взглядом.
Просто, нежность затая,
Буду знать, что где-то рядом
Ты живёшь, любовь моя...

Конечно, у Олега Чупрова немало стихов и на патриотическую тему. Именно он лаконично заявил «похоронщикам» России: «Не по бедам Русь суди — по её победам». Но он, оглядываясь вокруг, видит и негативное в жизни, в человеке прежде всего. Вот стихи об одиночестве, о человеке в тайге, который лежит на спине и равнодушно вспоминает, поигрывая кольцом на пальце, что вокруг никого, что где-то жена и сын, что вот один комар досаждает, жужжит и жужжит над ухом.

Человек убил комара
И остался совсем один.

Что ж, сам себе выбрал такую участь. И сколько таких одиноких. А вот другой человек, который «ничего у Бога не просит, деловой, пробивной и крутой, на груди, как на выставке, носит крест массивный, литой, золотой». И мы сразу понимаем, о ком речь. Сколько их, «новых русских», появилось за эти разрушительные годы,

сколько нахраристых, хамоватых, взявших по жизни один лозунг: «Обогащайтесь!» И всё-таки он, этот заплывший от жира, уже вроде бы совсем духовно опустошённый, с золотым литым крестом на груди, однажды вдруг вспомнит,

Что у матери крест деревянный
От дождя и от ветра поник.

Это почти по-гоголевски о русском человеке. Поэт не возражает в споре и тем, кто наставляет его, как надо жить, как ловить удачу: «Он с упоеньем меня поучает, как надо жить, как успеха добиться». Такие и впрямь говорить мастера, критиковать, подсмеиваться, указывать на недостатки. Но:

Всё-то он знает, всё-то умеет,
Но ничего у него не выходит.

Это и о природе таланта. Потому что талант — это тайна, его нельзя получить как диплом в институте, нельзя купить ни на каком рынке. Поэт пишет о жизни, сам подчас затёртый заботами этой жизни: «Жил, как все, среди людей, но не лез по-волчьи в стаю». Это правда. Потому что поэтом всегда управляет совесть, а без совести нет и настоящего поэта. Ему хочется «достать до неба, но при этом стоять надёжно на земле». Такова его поэтическая орбита. Олег Чупров не бравирует, но честно признаётся, что жизнь всё-таки удалась, раз есть что за плечами.

Слава Богу, книги есть,
И читателей немало.
В общем, не на что пенять,
Продолжается дорога.
И на небе буду знать,
Что не лишний я у Бога.

Поэту хочется, чтобы так и было. И кто знает, может, его желание исполнится. Будем благодарны ему за хорошие стихи, за эту радостную, несмотря на множество грустных, но светлых стихов, книгу. Радостную, потому что мы, читая стихи, вместе с автором проживаем и свою жизнь, в которой тоже много было хорошего, были счастливые мгновения, была любовь, были моменты очарования этим миром природы и души человеческой. Главное было. А много ли надо человеку? Чупров полагает, что истинное богатство — это когда

Найдутся — берёза с листвой золотой,
Жар-птицы-синицы перо,
И женщина — та,
что над скорбной плитой
Уронит слезы серебро.

Поверим Поэту. Он видит дальше.

УСЛЫШАТЬ ДРУГ ДРУГА

Беседа главного редактора журнала «Аргамак. Татарстан» Николая Алешкова и первого секретаря Правления Союза российских писателей Светланы Василенко

Н.А.: Здравствуйте, Светлана Владимировна! Наш разговор происходит вскоре после Российского литературного собрания, организованного 21 ноября минувшего года в Москве по инициативе Владимира Ильича Толстого и других прямых потомков и родственников классиков русской литературы: Дмитрия Андреевича Достоевского, Михаила Юрьевича Лермонтова, Елены Владимировны Пастернак, Александра Александровича Пушкина (правда, он не смог приехать из Бельгии по причине болезни), Натальи Дмитриевны Солженицыной и Александра Михайловича Шолохова. В личных приглашениях, которые получили и мы с Вами, в частности, было сказано: «Через русский язык находили свой путь в мировую культуру писатели и поэты всех народов, населявших некогда «шестую часть суши». Но сегодня мы не можем не признать стремительно растущие угрозы обеднения языка, оскудения мысли и, как следствие, одичания душ...» Согласны ли Вы с такой постановкой вопроса? Если — да, то каковы, на Ваш взгляд, главные причины «обеднения языка, оскудения мысли, одичания душ»?

С. В.: Отвечу вопросом на вопрос: что делает человека русским или татарином, евреем или калмыком? Конечно же, общая для народа история, конечно же, народные верования и обычаи, конечно же, религия, конечно же, литература и самое главное — язык, на котором народ думает, говорит, поёт, пишет. Что же происходит сейчас? Утром в выходной день ребёнок включает телевизор: там нескончаемым потоком идут американские мультики. Идут они два-три часа. Ребёнок садится за компьютер поиграть в компьютерную игру: инструкция к игре на иностранном языке, преимущественно — на английском. Нам кажется, что вот ребёнок пойдёт в школу и там начнёт изучать и русский язык, и русскую литературу. Как учили нас. Как учили наших родителей. Как учили родителей наших родителей. Ничего подобного. Уроки русского языка и литературы сокращены донельзя. И вот представьте этот замкнутый круг: телевизор, компьютер, школа, где нет места родному языку и литературе. Так на каком языке начинает говорить наш ребёнок? Он общается со своими ровесниками на суржике из русских, английских слов, компьютерных терминов и молодёжного сленга. Часто родители не понимают своего ребёнка. А ребёнок не понимает их. На наших глазах за

каких-нибудь десять-пятнадцать лет разрушился культурный код нации и выросло целое поколение, не умеющее читать книги и говорить по-русски, а значит и мыслить. Этой проблеме (одной из многих) и было посвящено Российское литературное собрание. На литературном собрании обсуждались и проблемы художественного перевода — ведь мы живём в многонациональной стране. На секции перевода, которой руководил член Правления Союза российских писателей, прекрасный прозаик Владислав Отрошенко, мы говорили и о том, что пространство, где ещё недавно говорили на русском языке, стремительно, как шагреневая кожа, сжимается. Скажем, недавно я была в Армении, где традиционно любят Россию и русских, но в ресторане молодая официантка уже не понимала русский язык, она общалась с нами на английском. На постсоветском пространстве выросло целое поколение, которое русский язык не изучало, как раньше в школе. Как вернуть русскому языку статус языка международного общения? Этот вопрос тоже обсуждался на литературном собрании.

Н.А.: Российское литературное собрание — событие уникальное хотя бы тем, что впервые собрались вместе не только писатели, но и учителя-словесники, учёные-филологи, слависты, книгоиздатели, гости из ближнего и дальнего зарубежья, чтобы обсудить обозначенные проблемы. Речь-то шла не о каком-то дежурном «дальнейшем развитии языка и литературы», а о необходимости их спасения в нынешних условиях дикого рынка. Знаменательно и то, что в собрании принял участие президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин, который живо реагировал на все выступления и комментировал их. В то же время не было принято никаких резолюций, состоялся лишь «разговор по душам». Насколько продуктивен такой формат, появились ли у Вас определённые надежды на выход из тупика, а также на будущее литературных работников (так значится наша профессия, переставшая быть профессией в новой России)?

С. В.: На Литсобрании говорили и о другой нашей общей боли — о судьбе книги в современной России. Ведь как считали в самом начале перестройки? Вот приедет рынок, рынок нас рассудит... Писатель будет книгу писать, издатель — издавать, книжные магазины — продавать, читатель — читать. И что же получилось на самом деле? Писатель пишет, но издатель не торопится её издавать. Он не хочет рисковать своими деньгами. Он ждёт, когда писатель, написав книгу, найдёт у спонсоров деньги на её издание. Писатель ищет, и вот, наконец, писатель эти деньги находит. Книга издана. Что же дальше? Её тираж раскупил читатель? Нет! Но почему? Потому что разрушена вся книготорговая сеть страны. Если книга издана в Москве, она, как правило, и расходится в Москве. Если в Питере, то и продают её в Питере. До регионов она не доходит. Особенно до маленьких городов, где книжные магазины попросту исчезли. В результате исчезли и читатели. Они уже отучены (боюсь, что уже навсегда) покупать и читать книги. Помню, в моём родном городе — маленьком военном городке — было два больших книжных магазина: «Астраханская книга» и «Военная книга». Там всегда было многолюдно. С перестройкой эти магазины переквалифицировались: «Военная книга» стала продовольственным магазином, а «Астраханская книга», продержавшись чуть подольше, стала аптекой. В военном городе, где сплошь дипломированные специалисты, нет ни одного книжного магазина. Слава Богу, что пока не закрыта городская библиотека, которая одна и ведёт культурную работу среди дичающего населения. На литсобрании говорили о том, как исправить это положение: предоставлять, как то делается в других странах, книжным магазинам дотации или налоговые льготы. Необходимо восстановить

российскую книготорговую сеть, если мы не хотим потерять последнего читателя. А с ним и последнего писателя.

Н.А.: После распада Союза писателей СССР (вслед за распадом всего советского государства) образовалось то ли семь, то ли восемь юридически зарегистрированных творческих объединений литераторов, которые изначально претендовали, конечно, на прежнюю роль «властителей дум». В том числе — Союз российских писателей, который Вы возглавляете последние 18 лет, и в котором, кстати, я состою. Был ли смысл в таком разделе? Идеологический раскол между «заединщиками» и «либералами» ни к чему хорошему не привёл. Имея реальную свободу слова, можно ведь цивилизованно дискутировать в одной и той же творческой организации, в одном и том же литературном журнале. Может быть, стоит объединиться вновь — тогда, дескать, и государство посмотрит на писателей по-иному? Именно так, кажется, поступили кинематографисты. Или вообще по примеру американцев и западноевропейцев отказаться от идеи Союзов писателей. Существует же у нас писательский профсоюз под названием Литфонд...

С. В.: В нашей стране есть два «главных» общероссийских Союза писателей, отделения и представительства которых работают в каждом регионе — это Союз писателей России («патриотический») и наш — «демократический» — Союз российских писателей. Они созданы в 1991 году ещё в рамках Союза писателей СССР. Трудно говорить о том, был ли смысл в таком разделе. В тот момент раздел этот был попросту необходим. Это было время вражды.

Писатели на общих собраниях могли оскорбить друг друга из-за идеологических расхождений или по национальному признаку, ломались многолетние дружбы, бывшие сокурсники по Литинституту не подавали друг другу руки, захлопывали и затаптывали выступления неугодных писателей, жгли чучело одного из известных поэтов. Это внешние признаки расхождения. Были и глубинные — творческие, эстетические расхождения.

Близкие по духу писатели группировались тогда вокруг двух полярных журналов: либерального «Знамени» и националистического «Нашего современника». Появление нашего союза многие писатели встретили с воодушевлением и облегчением. Союз российских писателей появился «снизу»: региональные отделения разделились на два лагеря и потребовали от москвичей оформить этот раздел официально. В октябре 1991 года в Москве на Поварской улице, в «доме Ростовых» состоялся Учредительный съезд СРП.

Нужно ли нам сейчас объединяться? Думаю, что это преждевременно.

Во-первых, идеологические страсти поутихли, но никуда не делись и не могли деться: ведь писатели — создатели и носители идей не только эстетических, но и политических (например, Александр Проханов и Эдуард Лимонов — с одной стороны, Борис Акунин и Дмитрий Быков — с другой).

Во-вторых, когда существует два и больше союзов, у каждого писателя есть свобода выбора, в каком ему союзе состоять или не состоять. Он свободен в своём выборе, он идёт, как правило, туда, где есть его единомышленники. Также он может со своими произведениями быть просто не понят в одном из союзов, но с радостью встречен в другом. У него есть альтернатива. Это очень важно для писателя — быть понятым своими коллегами.

В-третьих, каждый Союз писателей — это самостоятельный, не только творческий, но и хозяйственный организм со своими зданиями, помещениями, издатель-

ствами, газетами, журналами, альманахами, фестивалями, премиями и т.д. и т.п. — причём в каждом регионе России, где зарегистрированы отделения союзов. То есть после долгих тяжёлых лет созидания и труда союзы стали самостоятельными и самодостаточными организациями. И что теперь, отказаться от своей свободы и самостоятельности и войти в общий писательский колхоз с непонятными целями? Вернее, очень даже понятными — ждать от государства очередной подачки.

К тому же уже давно государство через Министерство культуры выделяет гранты на издание книг членов союзов писателей. В этом году сумма этого гранта в два раза увеличена, количество грантов тоже увеличено вдвое. Удвоилось и количество субсидий для писателей-инвалидов, пенсионеров, малоимущих и т.д.

Чего ещё желать от государства? Только принятия «Закона о творческих союзах и творческом работнике», который дал бы писателю профессиональный статус. Объединяться для этого совсем не обязательно. Кстати, без принятия этого закона писатели не могут образовать свой профсоюз, потому что, повторяю, у писателя нет профессионального статуса, а без него профсоюза (профессионального союза) не создать. Без принятия этого закона мы для государства — не профессионалы, а любители, или другими словами — «тунеядцы», каковым для государства был когда-то известный поэт, лауреат Нобелевской премии Иосиф Бродский.

И потому до сих пор после долголетних трудов на ниве литературы писатели считаются в нашем государстве безработными и получают минимальную — «бомжовую» — пенсию, не имеют бюллетеней, когда болеют, как все остальные трудящиеся граждане нашей страны, не могут вступить в профсоюз, чтобы ездить, как все прочие граждане, на курорт на лечение по льготным профсоюзным путёвкам и т.д. То есть писатели — совершенно бесправные люди в своей стране, где они живут, трудятся и от каждой своей публикации платят налоги.

Писатель на сегодняшний день бесправнее уборщицы, поскольку у уборщицы есть профессиональный статус. Вот за свои человеческие и профессиональные права и надо бороться, а не идти стадом в неизвестный общий союз. Кстати, существует Координационный Совет всех творческих союзов России (СРП тоже состоит в этом КС), который довольно часто собирается. Одно время председателем КС был великий русский актёр Михаил Ульянов, потом — актёр Александр Калягин. Члены Координационного Совета как раз и сражаются в Госдуме и других государственных органах за принятие этого закона.

Н.А.: Литфонд, как я полагаю, отдельная тема. Может быть, он-то и есть прообраз будущего профсоюза. Новое руководство Литфонда России и Международного Литфонда вроде пытается что-то изменить к лучшему — проведены два семинара молодых авторов в Переделкино, издаются какие-то книги, антологии, налаживаются международные связи. Но в то же время просьбы писателей о материальной помощи в связи с болезнью или операцией часто остаются без ответа — испытал это на себе. Или, что ещё хуже, остаются без ответа просьбы о выделении средств на похороны того или иного писателя — мы все, увы, не вечны. В апреле 2010 года я безрезультатно хлопотал перед Литфондом России о помощи семье ушедшего от нас поэта Петра Борисовича Прихожана (он был членом Литфонда). Увы, руководство Литфонда даже соболезнование не выразило. Вы лучше меня знаете о многолетних судебных разбирательствах Литфонда за имущество и землю в городке писателей «Переделкино». 99 процентов писателей, живущих не в Москве, не в Питере, а в России не имеют в Переделкино ни одной творческой дачи. У редких из нас есть, правда, возможность отдохнуть и поработать там несколько дней по льготной путёвке. Но нашего брата

туда не тянет — неохота погружаться в скандалы. Остаётся тяжёлый моральный груз на душе. А за тех москвичей и петербуржцев, которые организовали свару и участвуют в дележе общеписательского имущества, стыдно. Столичные литчиновники делят сладкий переделкинский пирог, а провинциалы ходят с шапкой по кругу, собирая деньги на похороны того или иного коллеги. И просвета не видно.

С. В.: Литфонд России и Международный Литфонд выиграли все суды и наконец-то смогут приступить к той работе, к которой призваны — помогать писателям жить и работать. Они проводят международные фестивали, конкурсы, семинары молодых писателей, издают книги, помогают писателям в тяжёлые периоды их жизни.

Что же касается Переделкино — то это не просто дачи (официально они называются творческими мастерскими), где живут писатели. Это историко-культурный комплекс, где жили и живут выдающиеся писатели — гордость нашей страны. Поэтому все писатели России: и члены Союза писателей России, и члены Союза российских писателей объединились в борьбе с так называемыми «приватизаторами» переделкинских дач. Писатели поняли, что если эта ползучая приватизация осуществится, то они лишатся большего, чем просто собственность, они лишатся своей истории, памяти, культуры. Переделкино давно уже стало сакральным местом для русской и мировой литературы. Здесь находятся музеи Бориса Пастернака, Корнея Чуковского, Булата Окуджавы. Здесь находится Дом творчества, где могут отдыхать и работать писатели, приезжающие сюда со всех регионов России и стран СНГ. Здесь могилы известных русских писателей и поэтов: Арсения Тарковского, Бориса Пастернака, Георгия Владимова, Николая Панченко, Корнея Чуковского, Маргариты Алигер, Михаила Алексеева, Виктора Бокова, Юрия Карякина, Семёна Липкина, Александра Межирова, Роберта Рождественского, наших с вами ровесников, коллег и друзей: Юрия Щекочихина, Александра Ткаченко, Анатолия Кобенкова, Людмилы Абаевой... Сюда «не зарастёт народная тропа». Это «намоленное» место. И вот эту нашу память, нашу историю кто-то хочет «приватизировать»? Продать? Если хотите, Переделкино — это наш «Вишнёвый сад», который мы спасаем от современных Лопахиных.

Вы говорите, что 99 процентов писателей, живущих не в Москве, не имеют там творческих мастерских. Но эти же 99 процентов как члены Литфонда и являются коллективным собственником всех этих дач. И в принципе на своих конференциях Литфонда писатели как собственники могут поставить вопрос по-другому. Ведь можно несколько дач отдать в аренду писателям из регионов России — на год, на два, на три, на пять лет — на период, необходимый писателю для создания романа или книги рассказов. Так делают на Западе. Там есть такие же дома, находящиеся в общей собственности у некоммерческих организаций. Писатель выигрывает грант на написание произведения и живёт на таких дачах месяц или два, иногда полгода или год.

Н.А.: Мне известно, что Союз российских писателей, возникший в начале девяностых годов, на заре демократических преобразований, имеет меньше финансовых возможностей, а также имущества и площадей, чем, например, МСПС или Союз писателей России. Тем не менее московский штаб в крохотном офисе «дома Ростовых» на Поварской успешно действует, а в большинстве регионов России живут полнокровной творческой жизнью отделения СРП. Издаются книги, журналы, сборники, проводятся различные мероприятия, остронуждающиеся получают субсидии, авторы новых книг и творческих проектов — госстипендии. Расскажите, пожалуйста, вкратце об истории СРП. Как Вам удаётся развивать творческий потенциал? Какие приоритеты Вы ставите во главу угла?

С. В.: Так получилось, что Союз писателей Москвы, такой же «демократический», как и наш, был создан раньше Союза российских писателей и потому не входит в состав СРП и юридически является самостоятельным. Поэтому наш Союз российских писателей — это преимущественно союз писателей, живущих в провинции. Это наложило на наш союз отпечаток. Ведь чем отличается провинция от столицы? Своей задушевностью, совестливостью, несуетностью, неалчностью, мечтательностью, работоспособностью, интеллигентностью.

Чтобы представить, что за человек, этот наш писатель, нужно просто сесть и перечитать рассказы и пьесы Чехова. Писатели, состоящие в Союзе российских писателей, — это чеховские провинциальные идеалисты: «И мы увидим небо в алмазах!..» Возглавляют Союз российских писателей тоже бывшие провинциалы, не потерявшие связь со своей малой родиной. Например, члены Правления Владислав Отрошенко — родом из Ростовской области, из Новочеркасска, Левон Осепян — из Рязани, Галина Умывакина — из Воронежа, Борис Скотневский — из Тольятти, оргсекретарь Правления Людмила Абаева — ныне покойная — тоже была родом из Пермской области. Я родилась и жила в Астраханской области, в маленьком ракетном военном городке со всемирной славой — Капустином Яре, там живёт моя мать, там стоит мой дом, и я постоянно туда езжу по нескольку раз в год.

Видимо, вот эта провинциальность в хорошем смысле слова — и его членов, и его руководства — наложила отпечаток на наш союз. Поскольку наши писатели — идеалисты, они работают практически без денег. Так продолжается уже много лет (нашему Союзу в октябре исполнилось 22 года). Но также за копейки работает и вся остальная часть нашей русской провинциальной интеллигенции: учителя, преподаватели вузов, врачи, актёры, библиотекари, музейные работники. Вот они-то и помогают нашим писателям: предоставляют им бесплатно залы в библиотеках и музеях для презентаций книг, приглашают для выступлений в школы, университеты, колледжи, ставят спектакли в народных театрах по их произведениям. Там же среди интеллигенции писатели распространяют свои книги, изданные мизерным тиражом, а также журналы, альманахи,— и, конечно же, тоже бесплатно. Эта тихая, упрямая, неуничтожимая, несгибаемая русская провинциальная интеллигенция совершает ежедневно ту духовную работу, которой и жива ещё Россия.

И вот этот непрестанный труд дал свои плоды. Во многих городах губернаторы повернулись лицом к нашим писателям: выделяют помещения для отделений СРП, дают гранты на издание книг и журналов, помогают в проведении различных творческих мероприятий.

Здесь же в Москве в течение десяти лет Правление СРП строило помещение для Союза. Сейчас оно построено, сдано в аренду, а на деньги от аренды Союз российских писателей проводит конкурсы («Детское время», Чеховский конкурс, Тютчевский конкурс), фестивали, совещания молодых писателей, награждает премиями, издаёт книги и альманахи, выделяет деньги на творческие поездки в регионы России и другие страны, выплачивает материальную помощь писателям, членам СРП, попавшим в тяжёлую жизненную ситуацию, проводит свои уставные мероприятия: заседания правлений, пленум координационного совета, съезд.

Союз российских писателей — это союз талантливых писателей. В СРП очень строгая Приёмная комиссия. Бездарям здесь делать нечего.

И главное кредо: независимость и свобода Союза российских писателей — экономическая, творческая и духовная.

Н.А.: Каково Ваше мнение о литературных журналах: столичных и региональных? В чём отличие, каковы плюсы и минусы тех и других? Говорят, что иногда Вы отдаёте предпочтение региональным журналам. В чём это выражается? Каково Ваше беспристрастное мнение о нашем «Аргамаке», где Вы являетесь членом издательского совета?

С.В.: Особо хочется сказать о наших провинциальных изданиях. Это очень профессионально издаваемый тольяттинский журнал «Город» (гл. редактор Вл. Мисюк), и много лет издающийся в Омске, всё время видоизменяющийся, живой, современный альманах «Складчина» (отв. за выпуск — председатель Омского регионального отделения А.Э. Лейфер), поэтический журнал «Омская муза» (ред. Вероника Шелленберг), красноярский журнал для семейного чтения «День и ночь», одно из главных детищ покойного сопредседателя СРП Романа Харисовича Солнцева, журнал, попавший в рейтинг самых престижных журналов России и стоящий в Журнальном зале рядом с такими известными журналами как «Новый мир», «Знамя» и «Октябрь». Сейчас главным редактором стала член нашего союза Марина Саввиных. Отмечу также следующие журналы и альманахи: «Под часами» (г. Смоленск) — из маленького тонкого журнала превратившийся в «толстый», «Литературное Ставрополье» (г. Ставрополь), где печатаются и члены СРП, и члены СПР, журнал «Местное время» в г. Владимире, маленький, компактный, но очень объёмный по содержанию; журнал «Утро» в Рязани (Ред.— Красногорская), там же издаётся уникальный журнал «Меценат и мир» (редактор Левон Осепян), в Туле имеются сразу два издания: журнал «Тула» (ред. Овчинников) и тульская «Писательская газета» (гл. редактор Сергей Галкин), регулярно выходящий журнал «Изба-читальня» во Владивостоке (гл. ред. Борис Мисюк), журнал «Башня», издающийся в Оренбурге (ред. Вячеслав Моисеев), в Калининграде «Янтарный берег», «Балтика», «Запад России», прекрасно составленный новый альманах «Каменный мост» в Томске (редактор — Владимир Крюков), объёмный, со множеством разделов — и литературным, и историческим, и публицистическим — альманах «Голоса Сибири», издающийся в Кемерово (гл. ред. Вяч. Тогулев и Мэри Кушникова), волгоградский альманах «Лазоревый цвет» (гл. ред. Геннадий Коробков), продолжает гореть вологодская «Свеча» (ред.— Галина Щёкина), из года в год, несмотря на кризисы, выходит мурманский журнал «Мурманский берег» (гл. редактор Иван Бессонов), я когда-то держала в руках журнал «Глагол Кавказа», он издавался в Майкопе в Адыгее (гл. редактор — Каплан Кесебежев). В Иркутске издаются журналы «Зелёная лампа» и «Иркутское время», в Барнауле — интернет-журнал и журнал «Ликбез». И, наконец, в Татарстане, в Набережных Челнах выходит уже несколько лет журнал «Аргамак» (гл. редактор — Николай Алешков). «Аргамак» — высокопрофессиональное издание, где печатаются не только авторы, живущие в республике, но и писатели из других регионов, из Москвы и Петербурга. Журнал постепенно становится всероссийским изданием. Там печатается прекрасная проза, поэзия и что особенно радует — публицистика. Журнал имеет своё лицо и своего читателя.

Вы сами знаете, как сложно в провинции, да и не только в провинции, издавать журналы и альманахи. Всё опять упирается в финансы, дадут местные власти деньги на журнал или альманах в следующем году или не дадут,— вот главный вопрос для редакторов этих журналов. Но в последнее время положение с финансированием на местах изменилось, именно в провинции сейчас начала расцветать потихоньку культура, литература благодаря вниманию к ней местных властей. Главная трудность как для местных журналов, так и столичных сейчас — это не только финансирование.

Например, деньги есть, таланты тоже, журнал издан, но как его реализовать? К сожалению, в Москве нет магазина, где бы продавали провинциальные журналы, газеты, книги, изданные в регионах. А потребность прочитать, узнать из первых рук, что происходит в провинции, в глубине России,— у современных читателей растёт. Но опять провинция спасает сама себя: журналы распространяются на литературных вечерах и презентациях в местных библиотеках, университетах, школах.

Н.А.: Два альманаха Союза российских писателей: «Лёд и пламень» и «Паровозъ» выпущены в конце минувшего года. Они, можно сказать, всколыхнули литературную общественность, ибо изданы с выдумкой: оригинальные вёрстка и дизайн, разнообразные по стилю и высокие по качеству тексты. Это несомненная издательская удача. Хочется верить, что именно такие альманахи (журналы, книги) найдут путь к сердцу читателя. Каковы новые издательские планы СРП?

С. В.: Союзу российских писателей был необходим альманах или журнал, издающийся в Москве, где было бы представлено творчество писателей всех региональных отделений и представительств СРП. На одном из заседаний правления обсуждалось создание такого альманаха или журнала под названием «Литературная губерния», где помимо регионов были бы представлены и разные жанры, в которых работают наши писатели. Но потом остановились на другом названии для альманаха: «Лёд и пламень» — так называлась двухтомная антология СРП, изданная ранее. Это универсальный альманах, там есть разделы поэзии и прозы, публицистики и критики, детской литературы, краеведческой и мемуарной литературы. Поэтический же альманах «Паровозъ» появился случайно: когда кинули клич, чтобы писатели присылали свои произведения, то получили от них главным образом стихи. Поняли, что для нашей страны поэзия — главнее всех других жанров, и придумали такой вот «Паровозъ», который заезжал бы в любой самый дальний уголок нашей страны, если там живёт истинная поэзия, и представлял эти стихи читателям. В планах редакции — издавать альманахи раз в полгода. Сейчас уже готовятся к выпуску вторые номера «Льда и пламени» и «Паровоза». Надеюсь, что к весне они уже выйдут.

Также Союз российских писателей ведёт переговоры о подписании соглашения с петербургским издательством ФормаТ для совместного выпуска книг писателей — членов Союза российских писателей. Но уже сейчас мы работаем совместно и книги выходят. Так, в издательстве ФормаТ за последний год вышли книга стихов московского поэта Анатолия Богатых «Под уездной звездой», книга стихов костромского поэта Павла Маркина (псевдоним — Ёж) «Буквенные птицы», книга прозы волгоградской писательницы Розы Никулиной «Умная рыба», книга петербургской эссеистки Лизы Разинкиной «Женское: кинематограф Ларса фон Триера». Подготовлены книги московского писателя Владимира Кравченко, книга стихов тольяттинского поэта Владимира Мисюка, книга пьес петербургской драматургессы Валентины Кизило, книга статей о поэзии московского поэта и критика Игоря Меламеда. Надеемся, что этот список скоро пополнится новыми именами авторов, так как финансовой основой для выпуска книг являются гранты — государственные стипендии, которые получают наши писатели.

Н.А.: Позвольте задать вопрос о Вашем личном творчестве. Не затруднено ли оно столь объёмной общественной деятельностью? Будет ли продолжаться «Проза в столбик», которая вообще-то совершенно оригинальная поэзия? Пишется ли новая проза? Что Вы можете предложить своего для журнала «Аргамак. Татарстан»?

С. В.: Конечно, такая жизнь «на миру» не способствует творчеству, которое любит тишину и уединение. Но я взяла себе за правило писать хотя бы один небольшой рассказ в день. Правило это мною не всегда соблюдается, но всё же дало свои плоды: уже почти готова книга коротких рассказов. Но странное дело: когда пишешь прозу, то стихи не пишутся. И наоборот. Так что сейчас я — прозаик. А всего несколько лет назад была поэтессой, читала стихи публике, носилась с поэтами по разным фестивалям. Для меня это был новый опыт: если прозаики сидят поодиночке дома и с себе подобными почти не общаются, то поэты, как птицы, слетаются на поэтические встречи и там поют свои песни-стихи. Давно завидовала поэтам и вот немного побыла поэтом. Но вернулась на круги своя. В поэзии я чувствовала себя, словно бы в гостях. В прозе же я чувствую себя как дома.

Н.А.: Какой вопрос особенно актуален для Вас накануне очередного съезда Союза российских писателей, который состоится в первом полугодии 2014 года?

С. В.: Уже лет десять я веду семинары прозы на различных фестивалях. Читаю рассказы молодых писателей. Они очень талантливы. Они видят наш мир по-другому, чем мы. Хотелось бы им помочь быть услышанными. Вернее, прочитанными.

От редакции. *Эта беседа, как и вся публикация членов СРП в мартовском «Аргамаке»,— предсъездовская. На прошедшем в Доме творчества «Переделкино» 1 и 2 февраля Пленуме координационного совета Общероссийской общественной организации «Союз российских писателей» было решено в срок до 25 июня нынешнего года (согласно Уставу) провести съезд не в Москве, а в городе Тольятти, который готов гостеприимно встретить российских литераторов и создать все необходимые условия для успешной работы съезда. Более конкретная дата предстоящего мероприятия уточняется.*

В работе Пленума координационного совета принимал участие и главный редактор нашего журнала Н. П. Алешков. Его особенно порадовала высокая оценка, данная «Аргамаку» и в докладе С. В. Василенко, и в выступлениях руководителей региональных отделений СРП.

СВЕТЛАНА ВАСИЛЕНКО

ВОЛЬНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

* * *

Светлане Кековой

В честь князя, как солнышко алого,
названный город. Автобус часа через два. Жара.
Маюсь. Подкатывается бомжара:
— Меня зовут Валерий Павлович! Как Чкалова.
А хотите увидеть чудо?..

Начал вдруг падать. Голодный обморок.
Подхватываю его, вдыхая миазмы. Очухивается:
— Извините. Я учился в местном вузе вместе с Венечкой Ерофеевым,
слыхали? Мне надо бы похмелиться. У вас нет двадцати рублей?

В качестве аванса? За чудо. Я отработаю...

Выпивает сто грамм на автовокзале, не закусывая,
и становится добрым молодцем, будто напился живой воды.
Морщины разгладились. Глаз, как алмаз,— горит.
Румянец играет. Тряхнул кудрями:

— Ну что? Айда за чудом!

Идём за чудом по тропинке мимо свалки. Заходим в церковь.
Девочка моет полы. В тёмном углу старик с клюкой
зорко смотрит на нас. Чкалов мой присмирел, дальше идти побоялся.
Стоит у порога. Командует девочке:

— Доча! Покажи ей чудо!

— Эх ты, Чкалов! Опять напился...— девочка отжимает тряпку,
вытирает руки.— Пойдёмте! — ведёт меня во влажную темноту.
С опаской прохожу мимо старика. Девочка зажигает свечи.
Жду. Из темноты медленно выступает лицо Богоматери.

Чудо! Она плачет!

Стоит в выцветшем платочке, смотрит на небо, где Сын,—
Насмотреться не может,— вчера погребённый — воскрес!
И верить боится. И плачет, и плачет, и плачет.
Падаю на колени. Плачу и радуюсь вместе с ней целую вечность:

О чудо! Он жив!

Девочка тушит свечи. Пора уходить. Встаю.
Идём к выходу. Девочка говорит:
— А у нас не только эта икона плачет. У нас все иконы плачут.
Показывает на старика с клюкой в тёмном углу.

Серафим Саровский. Насупленные брови.
Смотрит на меня и девочку, как живой.
Из его серых внимательных глаз катятся слёзы.

11 апреля 2007 г.

НАСТЯ

Дикий пляж
моей дикой родины.
Раньше он назывался солдатским,
и сюда во времена моего детства
в сорокоградусную жару привозили
на грузовиках солдат,— они вбегали
в реку в чёрных сатиновых трусах
раскалённой на солнце толпой
с криками на всех языках
нашей большой, многонациональной отчизны,
и вода вокруг них вскипала.
(Мы, домашние девочки, с ужасом
взирали на них, лёжа за барханом, –
на границе городского и солдатского пляжа...)
Теперь здесь пустынно.
Всё та же река, шёлковая,
как рукав монгольского халата,
сброшенного здесь когда-то,
во времена Золотой Орды,
на белый песок
молодым Бату-ханом,
чтобы искупнуться,—
цвета выгоревшего высокого
июльского неба
с серебристыми блёстками
плакучих ив,
растущих вдоль берега

и отражённых в воде...
Та же самая стрекоза из моего отрочества
с телом гимнастки,
отчаянно раскачивающаяся
на кончике узкого листа осоки,—
словно на брусьях.
(Сквозь её слюдяные крылья,
как через слюдяное окошко,
мы смотрели на солнце.
Солнце плавилось в нём,
как золотой слиток
из клада Стеньки Разина,
зарытого где-то на этих берегах
и никому не дающегося,
даже нам, следопытам...)
Тот же самый журавль,
полупьяный,
навечно отставший от стаи,
торчащий из воды,
как сухая коряга.
На песчаных скрижалях
птичьи следы:
клинопись чаек, скоропись соек.

Запустение. Битое стекло.
Пластиковые бутылки —
из-под американской пепси-колы
и русского кваса —
лежат рядом,
словно западник со славянофилом,
ведущие вечный спор
о путях России.

Прицепившийся, как репей, овод.

Мат-перемат. Крики о помощи.
Бегу на крик. Мужчина наотмашь
бьёт женщину. Подбегаю.
Уже поладили. Улыбаются.
Оказались моими бывшими соседями.
Серёга и Люба. Серёга пьян, как всегда.
Переехали из военного городка в село.
Работы нигде нет. Пасут коров.
(Коровы бредут вдоль берега,
срывая колючку,— величественные,
словно богини...)

Спрашиваю их о дочке.
Расплываются в глупой улыбке.

Кричат, повернувшись к реке:
— Настя!
Из воды
на берег
выходит
нагая,
как хлебниковская Свобода,
девочка,
тоже, как та, из местных,
из астраханских.

За девочкой вьётся речная чайка.

Настя смеётся и снова вбегает в воду.
Смеющаяся чайка летит за ней.
Ей весело от смеха девочки,
и она смеётся тоже.
Они и смеются одинаково —
гортанно, взахлёб.
Девочка играет с чайкой.
Чайка играет с девочкой.
Они счастливы и свободны.
Настя руками бьёт по воде,
поднимая сноп брызг.
Из брызг рождается радуга.
Она лежит на голове Насти, как венок.
Кажется, что из-под рук этой девочки
рождается всё чудесное, что есть на свете.
И что если она лишь дотронется до нашего
мира своим маленьким пальчиком,
как волшебной палочкой,—
он преобразится...
Настя выглядывает из-под радуги,
как из-под венца, и, хитро улыбаясь, смотрит
на родителей.
— Наша надежда! — говорит Серёга,
смахивая пьяную слезу.
Я прощаюсь. Иду по берегу.
Оглядываюсь.
Настя, сев на плечи отца, долго
и сосредоточенно
машет мне вслед ладошкой.
— Наша надежда,— повторяю я
слова Серёги.
Вспугиваю с отмели чаек.
Они поднимаются и, выстроившись
в три ряда, как триколор,
реют надо мной
в лучах заходящего солнца.

Потом, развернувшись,
летят через реку.
Если смотреть на них в профиль,
кажется, что они машут мне крыльями,
словно детскими ладошками,
как Настя.

2–3 августа 2007 г., г. Капустин Яр

ПОДСОЛНУХИ

(триптих)

1. Крёстный сын

Соседка, подруга детства,
Всю жизнь продающая розы
У магазина «Вояж»,
Прибегает ранним утром,
Говорит, что хочет
Покрестить дочь,—
Ей идти этой осенью в школу,
И чтобы я была
Крёстной.
По дороге в церковь
Выясняется, что
Старший сын
Не крещён тоже,
А ему этим летом
Сдавать экзамены
В институт,
И только Бог
Может помочь
Её хулигану и двоечнику,
Пропадающему весь день на Ахтубе
На рыбалке,
Поступить.
А иначе забреют в армию, отправят в Чечню.
На бегу соглашаюсь стать
Крёстной у обоих.
В церкви священник,
Похожий на профессора
Из фильма «Собачье сердце»,
Спрашивает детей,
Верят ли они в Бога.
Мой будущий крёстный сын
Говорит, что нет.
— Так зачем же ты крестишься? –
Спрашивает священник.
— Я верю, что, как покрещусь,
Так и поверю,— отвечает тот.

— Веришь в силу креста? Молодец! –
Священник доволен.
Крестит его с особым чувством.
Через месяц тот с ходу поступает
В институт в Ахтубинске,
Филиал МАИ,
Куда невозможно поступить,
Заканчивает его,
Женится на любимой девушке,
Бабушка дарит им квартиру.
Он навещает меня,
Когда я приезжаю в родной город,
Называет меня крёстной,
Рассказывает о сестре-отличнице,
Сообщает, что принёс мне гостинец —
Пойманную в Ахтубе рыбу,
И на мой вопрос,
Верит ли он сейчас
В Бога,
Говорит,
Что не знает.
Помолчав, поднимает глаза,
И быстро, шёпотом,
Будто нас могут подслушать,
Добавляет,
Что после крещенья
Стал другим человеком.
И что кто-то его стал любить
И заботиться о нём.
Он это постоянно чувствует.
Может, это и есть Бог?
И, вынимая из вещмешка
Огромного судака,
Улыбаясь,
Громко и радостно, словно
Только увидел меня,
Говорит:
— Вот, поймал на стрелке
Ахтубы и Верблюжки.
Килограмма на два потянет...

7 января 2008 г., г. Капустин Яр

2. Крёстный отец

1

Лето. Я маленькая. Едем с мамой
К её брату — моему крёстному –
Дяде Васе в Ростовскую область;
Увязли в ночи, как в смоле,
Посреди дороги.
Ночь, плотная и живая,

Пахнущая чернозёмом.
Чёрный ветер дотрагивается
до моего лица тёплыми
руками и ощупывает его,
как слепой. Мне страшно.
Я вдыхаю ночь в себя,
Всю её черноту,
Чтобы переработать её в свет,—
Ведь меня зовут Света.
Выдохнула и ослепла –
В глаза бьёт свет фары
Мотоцикла, вижу –
Смеющееся лицо крёстного,
Обнимает и целует меня.
Я вдыхаю его запах —
Запах моего рода.
Садимся с мамой в коляску мотоцикла.
Летим в ночи, разрезая тьму светом,
В совхоз «Красная заря» —
Туда, где нас ждут
Деревенские родственники,
Сидя за накрытым столом,
Где живёт мой крёстный.
Полное счастье.

2
Через много лет,
Когда крёстный умрёт,—
Сон.
Чёрная, неподвижная, мёртвая,
Как материя, ночь,
И я в ней, как в трауре, стою одна,
Чего-то ожидая,— и вдруг
Свет фары — это он,
Мой крёстный, на мотоцикле...
Он улыбается,
Я бросаюсь к нему на шею,
Мы молча, крепко, жадно
после невозможной разлуки
обнимаемся, целуемся,—
я так счастлива,—
мой крёстный, родной...
Так ты жив? Там есть жизнь?
Он молча кивает. Расстаёмся.

3
Пройдёт десять лет.
Он опять приедет ко мне
Во сне на своём мотоцикле.

Не доезжая, остановится.
Притушит свет фары.
Молча, без улыбки
Посмотрит на меня,
Словно о чём-то предупреждая...

Через месяц умрёт мой муж.

.....

Крёстный! С тех пор
Я жду, когда ты приедешь
За мной
На мотоцикле с коляской,
Как тогда, в детстве,
И мы поедем, вдыхая
Земной запах ночи,
Её полынную горечь,—
Разрезая темноту светом,
Полетим навстречу
Красной заре, туда,
Где нас ждут,
Сидя за накрытым столом,
Мои родственники,
Где Дом нашего рода.

12-13 марта 2008 г., г. Москва

3. Крёстная мать

Моя крёстная
Матрёна Даниловна
проживала
в Ростовской области,
сажала тыквы,
картошку, дыни, арбузы,
капусту, подсолнухи,
кабачки, кукурузу,
не разгибаясь на своём огороде
рядом с белою хатой.
Утки и гуси утром
сами уходили на пруд,
вечером возвращались,
как послушные дети.
И с восходом солнца
улетали из ульев пчёлы,
возвращались, тяжёлые
от медовой ноши.
Наливались яблоки,
мы их резали
и сушили на крыше:
крыша пахла яблоками

хорошо.
И, ходя по кругу,
мы месили с крёстной
ногами глину
вместе с конским навозом,—
руками мазали мазанку,
потом белили.
Вечером приходила корова
с всё понимающими глазами.
Круглыми боками она
была похожа на цистерну,
полную молока.
Красиво мычала —
оперным басом.
Крёстная доила корову,
готовила ужин,
стояла в горящем проёме двери,
кричала нам в темноту:
«Вечеря-я-ять!»
Ночью на коленях,
на земляном полу хаты,
молилась за погибшего сына Ваню:
студентом на практике
он попал под машину.
(Однажды, съездив в город,
где он был похоронен,
сказала, что рядом с ним
появилась могилка юной девушки Маши,
и это знак: значит, они там –
Ваня и Маша –
на том свете –
поженятся...)
Заполночь, кряхтя, вставала с молитвы...

Моя крёстная
Матрёна Даниловна
из Ростовской области
до сих пор
сажает тыквы –
только теперь в раю.
Вот она стоит на огороде.
Подсолнухи у лица.

1992–2008 г., г.Москва

ВОЛЬНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Мой дедушка — сумасшедший.
Он живёт в поселении для сумасшедших,

Которое называется вольным.
Семь километров от станции Миллерово
Мы с мамой едем на автобусе.
А потом идём — сначала клеверным лугом,
Свекольным сахарным полем,
Пробираемся через тёрн
(От вкуса его чернильных плодов
У меня сводит скулы,
А от колючих цепких ветвей
Все руки будут расцарапаны),
Долго идём по нескончаемому
Вишнёвому саду: грачи с клювами,
Испачканными в красном, клейком,
Будто в крови, вишнёвом соке,
Пьяно терзают вишнёвые деревья,—
Ягодами усыпана земля,
Сочится, как свежая кровавая рана.
Я залезаю на дерево и тут же пачкаю
Платье в алом. (Потом, на обратной дороге,
В автобусе одна женщина,
Пристально глядя мне в глаза,
Скажет интимно и загадочно:
— Девочка, а у тебя начались майские праздники...—
И укажет на красное пятно сзади
На подоле моего платья.
Я, не понимая, о чём она говорит,
Почему-то страшно краснею...)
И вот — подсолнухи, их целое поле –
Круглолицых людей с жёлтыми волосами,
А дальше — пшеница: мы с мамой
Заходим в неё, как в воду,—
Маме она по пояс, мне по шею,
Словно плывём по пшеничной
Реке...
Выплываем к белёным длинным хаткам –
Это корпуса психбольницы. В хатах –
Палаты для больных.
Мы садимся за деревянный стол
Под шелковицей. Мама уходит.
Я остаюсь одна. Где-то надо мной, в кроне,
Запутавшись, звенит, как бензопила, оса.
Умолкает. Чернильной кляксой сверху
На стол падает ягода шелковицы. Тишина.
Вдруг из зарослей кустов выбегает
Огромный, абсолютно голый парень.
Увидев меня, останавливается.
Мы смотрим друг на друга, как звери в лесу.
Я впервые вижу обнажённого мужчину.
Он сложён, как Бог.

Глаза мои скатываются вниз, туда,
Где у него между ног висит жгучая, стыдная тайна,
Запретный плод. Мы одни, как Адам и Ева...
Услышав голоса, он срывается с места,
Исчезает в кустах. Но с тех пор
Он будет приходить в мои сны,
А через много лет в Музее изобразительных
Искусств им. Пушкина я увижу его –
Он будет стоять там — голый, огромный –
Под именем Аполлона...
Возвращается мать с пожилым,
Коротко стриженным арестантом,
Одетым в тёмно-синюю байковую пижаму,
С пришитым номером 33
Над верхним карманом куртки.
Это мой деда Савва.
Он берёт пачку махорки,
Которую мы привезли ему,
Из газеты крутит козью ножку, закуривает,
Блаженно щурясь на солнце.
Сладкий дым самосада остаётся в моей памяти
На всю жизнь как запах счастья и родственного единения:
Мой дед, моя мать и я — мы семья.
Мы вместе, и мы счастливы.
Потом дед ест яйца, сваренные мамой вкрутую,
Лук, хлеб, сало... По его лицу не скажешь,
Что он сумасшедший, просто как будто
Мы навещаем его в больнице,
Простой больнице, где он лежит
С больным животом... Или горлом...
Только он упорно называет меня Маринкой —
Так зовут его младшую дочь, которой во время войны
Было, как и мне сейчас,— двенадцать...
Мне это не нравится, я поправляю его:
— Я не Маринка,— упрямлюсь я,
Ведь мы хохлы, а хохлы все упрямые,—
Меня зовут Света!..
Натыкаюсь на его неподвижный
Ласковый взгляд.— Маринка,—
Говорит он мне,— Маринка...
— Папа,— уговаривает его моя мама,—
Это дочка моя, Светлана...
Где-то хлопает дверь.
Дед оглядывается. Поворачивается ко мне
И вдруг кричит мне: — Маринка! Ложись! Танки!
Я кручу головой: где танки?
До самого горизонта стоят подсолнухи.
— Немцы! — показывает на подсолнухи дед.—
Ложись!

Он скидывает меня с лавки на землю,
Прикрывает меня собой и страшно кричит:
— Немцы! Нас окружают!
Я вижу его белые безумные глаза и верю,
Что немцы уже рядом, что мы окружены,
И кричу тоже...
Прибегает врач, санитары, курносая Нюрка,
Дедова гражданская жена, тоже сумасшедшая
(Через год, когда дед умрёт, она обмоет его,
А другие больные отнесут на руках его гроб в грузовик,
Который повезёт тело деда в совхоз «Красная заря»,
Где его и похоронят родные).
Санитары скручивают деда и тащат его в белёную хатку...
Он оглядывается на меня: — Маринка! Беги! –
Кричит он мне хрипло.
И я бегу. Бегу по пшенице, подсолнухам,
Через вишнёвый сад, терновник, свекольное поле...
Мама догоняет меня на лугу. Рассказывает,
Что во время войны дед партизанил,
Попал в плен к немцам, его расстреливали, чудом выжил...
А после войны кто-то из совхозных сторожей
Пошутил, выстрелил из ружья,— и дед сошёл с ума:
Решил, что вернулись немцы...
Время для него остановилось:
Он воюет с немцами до сих пор.
Мы трясёмся в автобусе. Смотрю в окно автобуса.
Всё так же светит солнце.
Всё так же стоят до самого горизонта подсолнухи.
Но время изменилось.
Я вижу, как по полю идут,—
Подминая под себя белые тела подсолнухов,
Накручивая их на гусеницы, вдавливая в землю
Детские желтоволосые головы,— немецкие танки...
Я даже привстаю со своего места,
Я понимаю, что не могу это видеть,—
Ведь я не *сумасшедшая*,— но вижу, вижу...
Чужая женщина, сидящая сзади, заглядывает мне в лицо
И, пристально глядя мне в глаза, интимно и загадочно
Говорит мне, что у меня начались какие-то майские праздники,
Показывает на алое пятно на подоле моего платья.
Я страшно краснею.
Прихожу в себя.
Остываю. Снова гляжу в окно. Танков нет.
Понимаю: отныне я, как мой деда Савва,
Могу видеть сквозь время.

12 мая 2008 г.

АНДРЕЙ РОЩЕКТАЕВ

АНТИПАСХА

первая глава из повести «Новолетие»

Не так давно Андрей Рощектаев предложил мне прочитать его новую книгу. Уже само название — «Новолетие» — удивило меня неожиданно ярким ассоциативным всплеском... Я — старый книгочей, но что-то редко за последнее время удаётся встречаться с произведениями, содержание которых могло бы так волновать, быть настолько близким по душевному и духовному настрою, так удивить своей чистотою и оптимизмом. Не хочу, да и не люблю сравнивать между собой создания художников вообще и в особенности — художников слова.

Настоящие мастера несравненны. Пожалуй, только «Лето Господне» Ивана Шмелёва вызвало во мне такие же чувства. Здесь всё проникнуто удивительной чистотой и нежностью. Здесь нет ничего тёмного, всё прозрачно и воспринимается легко, как дыхание. Здесь всё наполнено глубочайшей правдой таких человеческих взаимоотношений, какие могут быть только между людьми ЛЮБЯЩИМИ, во всей огромности этого чувства.

Я далеко не молодой человек, а посему радуюсь каждому подарку, наверное, так же, как радуется ребёнок. Для меня эта книга — подарок. Разница лишь в том, что, в отличие от ребёнка, я-то знаю, как мало мне осталось получить этих подарков.

Это произведение — несомненная удача, и мне хочется повторить слова незабвенного Виля Мустафина, которые он сказал о другой книге Андрея Рощектаева, «Рай и Ад»: «...основная причина этой удачи заключена в любви автора к Господу и земным Его творениям, будь то люди, животные или веточка вербы. Любовью пронизана вся книга от корки до корки,— любовью чистой и неприкосновенной, словно охраняемой и оберегаемой ангелами...»

Спасибо тебе, Андрей! И да пребудет с тобою Господь всегда долгие лета!

Михаил ТУЗОВ, член Союза российских писателей

Кто умалится, как это дитя,
тот и больше в Царстве Небесном
Мф. 18,4

Апрель. И лужи высохли, и в душе — пустота.

Эскадроны мусора и прошлогодних листьев лихо скакали куда-то вдоль тротуаров. Рваные пакеты в подворотнях устраивали дикие пляски.

Надо вырваться из зимы в весну, а это всегда тяжело.

Мы не пакеты на ветру, но мечемся, как они.

Андрей брёл по улицам и пытался любоваться Весной. Пытался испытать надежду. На миг что-то приоткрывалось — но багаж прошлого был такой, что в настоящем он пребывал лишь какой-то малой частичкой себя. Эта частичка шла сейчас по ступенькам пасхальных дней, у этой частички даже были глаза, но придаток глаз — мозг — пребывал в вечном вчера. Господи, спасение — где-то рядом. Может, оно где-то недалеко бродит... на двух ногах. И тоже ищет меня, как я его.

Иногда кажется, что всё гораздо проще, чем казалось минуту назад. Не может всё быть *слишком сложно*. Бог прост — и нам того же желает.

«Хочешь быть счастливым — выкинь память! — вспомнил Андрей древнюю мудрость.— Иногда человек доживает до какого-то момента, когда *уже не имеет значения то, что было прежде*. Это, по-моему, и называется — счастье. И никакого другого определения счастья у меня не придумывается. Вдруг от всего, что когда-либо случалось, отклеивается ярлык «жаль». Вдруг весь хвост прошлого уже не хочется больше ни отрубать... ни обращать на него внимания. Прекращается желание «слетать» на сколько-нибудь лет или месяцев назад — взять и исправить там свою жизнь. Перестаёшь искать «развилки дорог», «пункты возврата»: не надо никуда возвращаться и ничего менять... Но как же попасть в это состояние *нежаления* и *нежелания*? Перестань завидовать самому себе вчерашнему — тогда окажешься в настоящем. Только как это сделать!?»

Новолетие ещё не наступило — ещё *что-то* осталось, чего не хватает. «Конца света!» — иронизировал он в мысленном диалоге. Люди вокруг привычно ждали конца света... а он в него не верил.

«Конец света — не где-то в будущем, а здесь и сейчас — каждую секунду в нас. Каждую секунду мы что-то теряем: мир *прежний* уже не повторится.

Господи, Господи, Ты один сполна ведаешь, как тяжело жить во времени, в потерях... потому что Ты Сам — воплощался и 33 года жил *во времени*. Вся наша земная жизнь — это один Великий пост, и мы долго и муторно ждём Пасху. Когда же *время кончится*, по Твоему обетованию?»

«Отчего во мне столько внутренних диалогов!? Помолчать бы!» — мечтал Андрей.

* * *

Наступило утро. Тихий дождик смывал останки зимы.

Андрей шёл по тротуару, как по матовому зеркалу...

Сегодня намечалась экскурсия — необычная, праздничная... он только боялся, что мало народа придёт из-за дождя. Пасхальный подъём на колокольню! В недавно возрождённом из руин монастыре уже три года действовала заново построенная высоченная надвратная звонница — но никто из посторонних на ней, естественно, не бывал. Наконец, одна активная прихожанка добилась благословения настоятельницы в этом году на Пасху (точнее, Антипасху) сводить туда всех желающих. Заранее вывесили объявления. Экскурсоводом, разумеется, был Андрей — штатный историк епархии и многолетний прихожанин этого монастыря. По обители-то он водил экскурсии несколько раз в месяц, но вот чтобы на колокольню... для него самого это было впервые!

Светились от дождя влажные тротуары — тем тихим светом пасмурного дня, который всё равно весенний и потому всё равно — ясный. Бывают просто ясные дни, а бывают — сокровенно-ясные. «Долго ещё я буду потом вспоминать это утро...— почему-то ни с того, ни с сего пророчески подумал Андрей, неожиданно для себя улыбаясь невидимому солнцу.— Это *поворот*. Я вовсе не знаю, к хорошему он или к плохому.

Только чувствую, что всё изменилось. Что «всё» — тоже не знаю... Как будто воздух стал другой — и дышу я по-другому». Свежо, незабываемо пахло Землёй, недавно сбросившей снег. Так и представилось: Землёй, а не землёй...

Непосредственная радость — «ни от чего»,— самая сильная в жизни. Хорошо!.. а что именно хорошо? Да Бог знает. Главное, поводы могут быть в разных ситуациях противоположные: весна пришла — осень наступила... солнышко светит — дождь льёт... многолюдный праздник — ни души в лесу...

Отчего она уходит, ещё можно уследить, да оно и так понятно — как только *себя* вспомнишь!.. а вот как её потом вновь вызвать — поди пойми!.. Ага, лукавый ум отключается — главное её условие. Только вот как его отключить? Кто бы подсказал.

«Господи, обнови во мне любовь!» — молил он, вспоминая Детство (в детстве-то всё, от дождя и снега до окружающих людей — *всё* было любовь).

«Может, что-то со мной сегодня произойдёт? Поможет?.. *Кто-то* со мной сегодня произойдёт? Надежды же без любви нет. Если есть надежда, значит, *уже есть любовь*... пока невидимая, будущим числом. Надежда — это какая-то часть нас: она забежала вперёд, как ребёнок, и обняла там Отца... чтоб уж никогда ни с Ним, ни с кем из сущих не разлучаться».

Подходя к монастырю под шорох весеннего дождика, Андрей вдруг отчаянно воскликнул в душе: «Господи, ну сделай сегодня хоть что-нибудь необычное, *неожиданное*... чтоб стало хорошо!»

* * *

После праздничной службы собралось *неожиданно* много взрослых и детей, желающих совершить путешествие к колоколам и небесам. У Андрея распахнулось что-то в душе, когда он их издали увидел. «Как многим это, оказывается, нужно!.. Для чего? Наверное, как и я, просто хотят радости».

Время, казалось, бесконечно растянулось, пока он шагал в космической пустоте от собора до людей. И успевал, как никогда в жизни, разглядеть на ходу мельчайшие детали: каждую набухшую почку на кустах, каждую робко пробившуюся былинку... через увеличительную лупу всеобъемлющего волнения. Будто предощущения чего-то.

Выцветший мир готовился зазеленеть — и в этой *будущей* красоте стал вдруг неповторимо прекрасен *сейчас*. Непроявленное — уже существует.

«Всё, что *есть,* — есть *всегда*!» — почему-то подумал Андрей.

Вот, например, этот темноволосый мальчик лет десяти-одиннадцати, коротко стриженный спереди и с длинными висюльками сзади, с почему-то очень знакомыми глазами и знакомой улыбкой. «Где-то я это чудо видел»,— подумал Андрей, уже улыбаясь, — оттого, что мальчик улыбался. Да, темноволосый — и очень светлый. Светлый-светлый, с ключиками от каждого сердца. Он пока ещё не дурачился, не шалил, но было как-то за версту видно дурашливого шалуна, весёлостью распахивающего абсолютно все двери — приносящего подарок всякому, кто его видел. Стоя рядышком с «чудом», почему-то хотелось сказать внутри: «Слава Богу!..», а за что — Бог знает.

От «Слава Богу» и мир становится славным.

— Христос воскресе! — подошла вдруг с улыбкой миловидная женщина с чертами, неуловимо и неотразимо похожими на этого мальчика. Люда! Так это — её сын?

— Вот мы и пришли, как обещали. Вот и Тёма на вашу экскурсию захотел, и Майя.

— Здравствуйте! — сказала, весело подпрыгнув, подвижная малорослая девочка лет восьми, смотря на Андрея какими-то чуть ли не влюблёнными глазами... запомнившимися ему с прошлой недели.

С Тёмой Андрей поздоровался за руку, как со взрослым, мальчику это сразу понравилось...

Девять дней назад, на службе Страстной Пятницы, Андрей повстречал двух женщин: Таню, жену одного своего знакомого, и Люду, её подругу, которую прежде не знал. Андрей обмолвился про намечавшуюся экскурсию на колокольню, и они пообещали прийти с детьми. С тех пор прошла Пасха — целая вечность! — и Андрей уже смутно помнил разговор, тем более мало ли людей в подобных случаях дежурно обещают прийти и не приходят. А они вот — пришли! И, похоже, с удовольствием пришли. Тёмы при том прежнем разговоре не было, а вот шуструю и весёлую Майю Андрей вспомнил сразу. До чего похожа на брата!

— А я вот слышала, что сегодня — Антипасха. Откуда такое странное название? — полюбопытствовала Люда.

— Антипасха — это значит как бы *напротив* Пасхи: ну, через неделю — то есть прямо напротив. «Анти-» — конечно, не в смысле, что она «воюет» с Пасхой...— Андрей улыбнулся,— а наоборот, она сегодня *вместо* Пасхи... ну, «*замещает*» Пасху после того, как Светлая неделя закончилась. Неделя-то кончилась — а тут опять Воскресение! Опять праздник, и главное, в честь той же самой радости: опять — «Христос воскрес...»

— Здорово, что праздник не кончился! — удивился и обрадовался Тёма.— Я-то думал, Пасха прошла... а она — нет.

Андрей явно открыл ему что-то новое... только непонятно что.

Впрочем, Андрей и для себя открыл нечто новое. «*Сегодняшний день — вместо Пасхи*»,— почему-то отложилось у него из его же собственных слов. «*Опять* Пасха!» — можно было и так ликующе перевести.

Пасха никогда не кончается: в этом и смысл сегодняшнего торжества.

— А что, и сейчас можно говорить «Христос воскрес», да? — спросил Тёма.

— Мо-ожно! Целых сорок дней, до Вознесения — всё Пасха!

— Кла-асно! Я никогда не думал, что праздник бывает по сорок дней!..— почему-то восхитился Тёма.— А зачем надо говорить друг другу «Христос воскрес»?

— Да затем, что Он ВОСКРЕ-Е-Е-С, балда! — крикнула вдруг брату Майя так громко и празднично, что все засмеялись. И тут уж не осталось никаких сомнений, что Пасха и не думает кончаться.

«*Пасха Священная нам днесь показа-ася...*»

— Подумать только — праздник сорок дней... почти до самых наших каникул! — мерил по-своему Тёма, идя вприпрыжку рядом с Андреем.

Андрей заразился его радостью, задохнулся от этой беспричинной, «бестолковой» радости, чувствуя, что и в его жизни начинаются какие-то *каникулы*. Большущие каникулы. Заразился от мальчишки — мальчишеством...

Заветными звонкими ключами, полученными от настоятельницы, он отпер дверь «лествицы на небеса».

— Пожалуйста, осторожнее, ступеньки крутые,— предупредил он всех и вместе с Тёмой, который, видно, решил сегодня стать его тенью, первым переступил порог.

Длинная вереница взрослых и детей начала восхождение по крутым лестницам, которым, казалось, не будет конца. Любопытные ребятишки стали увлечённо считать ступени, и у всех почему-то вышло по-разному: у кого 170, у кого 200 с лишним. Возбуждённый голосок весёлой спорщицы Майи запомнился Андрею. От чувства *приключения* всё воспринималось неповторимо ярко и весело, до нереальности... хотя, вернее сказать, это-то как раз и была реальность. По сравнению с ней обыденность стала казаться чем-то бледным, призрачным — несто́ящим и ненастоящим.

Наконец, раскрылась верхняя площадка, закруглились над головами тёмные раструбы огромных колоколов, а вокру-уг!.. можно было умереть от чувства, что держишь мир на ладони. Только что, вроде бы, он тебя держал, а теперь...

Дети стайкой воробьёв, забыв всё на свете, рассыпались по всем восьми граням площадки, облокотившись о перила. Взрослые с одышкой подымались следом и, только коснувшись ногами площадки, от неожиданного для них самих чувства враз становились детьми. Сейчас уже никто никого не ругал, не одёргивал!.. *некому*! Одни дети остались. Небо всех уравняло, восторг стёр возраст. Шестилетние и шестидесятилетние реагировали одинаково... Андрей смотрел на это странное массовое *возвращение в рай*, и слёзы навернулись на глаза...

Разве голова кружится от высоты? Она кружится от присутствия Божиего. От Него захватывает дух. Золотые и синие купола на матовом фоне. Золото в пасмурном небе. Мир с высоты колокольни. Пасха с расстояния прошедшей недели.

Молочный свет моросящих небес. Весна плачет от нежности к людям и обнимает их — всем небом. Ей хочется, чтобы люди были вместе.

Андрей потом смутно помнил, что именно говорил на экскурсии. Помнил, что рассказывал легенду о происхождении колоколов — о *святом Павлине Ноланском*, Милостивом, епископе V века из итальянской провинции Кампаньи (отсюда и сами древнейшие колокола назывались: *кампаны* и *нолы*).

— Видимо, очень чистый был человек, этот Павлин Ноланский — ему всё напоминало о Боге. По преданию, он любил молиться в поле и слушал, как колокольчики будто хвалят Бога, качаются, звонят. И пришло ему в душу славить Бога звоном колоколов — рукотворного подобия тех полевых... Сама природа научила! Это как Амвросий Оптинский однажды в юности услышал в журчании ручья: «Хвалите Бога, любите Бога...» Ведь всё на свете причастно Ему, и всюду — Его голос, только слышать надо уметь...

Колокола молчали и слушали, что про них говорят.

Бог молчал, но люди слышали Его молчание... и некоторые вытирали слёзы. Андрей не знал, что говорит, — знал только, что ему хорошо... и так же несомненно чувствовал *в себе*, что хорошо всем стоящим вокруг. Молчание Бога было важнее всех его слов, и он говорил и слушал. «Боже, как хорошо, когда Ты *так* молчишь!»

Он говорил, но внутри себя *глубоко молчал* — впервые за много месяцев...

Едва Андрей закончил рассказывать, как поднявшийся вместе с ним звонарь ударил в колокола. Захватило дух. Дети, пища от восторга, закрыли уши. Казалось, это празднично звонит небо, как один огромный колокол. От звона кончился дождь. Стало светло... не от солнца, от Бога.

Люди спускались с колокольни и, задирая головы, крестились на неё... а может — на то, что выше...

Экскурсия для желающих продолжилась по территории монастыря.

— А что, сколько лет сюда ходим — а историю ведь не знаем. Будет хоть ликбез для нас! — выразила общее мнение одна женщина. Под завершение вошли в большой, полусумрачный Троицкий собор, построенный и расписанный фресками совсем недавно, но по образцу древнего одноимённого собора Троице-Сергиевой лавры.

Кусты свеч, как многоочитые ангелы, смотрели из полутьмы.

Дети обычно любят ставить свечки. Эта форма молитвы (самая чистая, потому как *бессловесная* и совсем *безраздумная*!) им ближе всего. Делаешь что-то непонятное, но красивое — и от этого становится хорошо.

— Я не люблю долго стоять в церкви... а когда немножко — то люблю,— поделилась Майя.— А свечки я вообще о-очень люблю ставить!

Когда даны иные способы радостного общения с Отцом — через игры в сотворённом Им мире,— в церковь тянет совсем «немножко». А «долго»... представьте, что вы — ребёнок, ваш папа выступает на каком-то официальном мероприятии, а вас зачем-то привели смотреть и слушать... папу вы, конечно, любите, но мероприятие — скучное, длинное и непонятное... гораздо приятней играть с папой дома или гулять. *Он же всё равно каждый день с вами.*

Тёма поставил одну свечу к Празднику, другую, подумав и походив по церкви, — Сергию Радонежскому: кто-то из участливых прихожанок подсказал ему, что тот помогает в учёбе.

Свеча преобразила Тёму, и Андрей на миг узрел не лицо его, а лик.

— А почему на иконах всегда рисуют такие... круги над головами?..— полушёпотом спросил его Тёма.

— Нимбы?

— Да, нимбы. Почему у Бога и у святых всегда — нимбы?

— А почему у каждой свечки тоже... нимб вокруг огонька? — вопросом ответил ему Андрей.

— То-очно! — восхищённо выдохнул вдруг Тёма, присмотревшись.

Пушисто-прозрачный шарик света, который, казалось, можно было потрогать, цвёл перед его озарённым лицом, а золотистый пестик самого огонька чуть колыхался в центре шарика.

— Прищурься, он будет ещё чётче.

— Ага-а...— заворожённо улыбаясь, подтвердил мальчик. Взгляд его пребывал где-то там, в свече... если не дальше. Он *созерцал*.

— Просто свет расходится во все стороны таким кружочком-шариком...

— Ага, я по-онял... святой на иконе, получается, *светится*. Как свечка! Клёво!

Ничего не читавший «о Боге» мальчик всё видел: не узнавал, а узревал. Андрей, в сущности, не рассказывал ему, а просто смотрел вместе с ним — *смотрел вслух*.

— По-онял теперь, зачем мы ставим свечки! — осенило мальчика.— У святых свет, и у свечки свет... Чтобы — свет к свету!

— Ага,— сказал Андрей, ставя рядом с артёмкиной свою свечку.— Только у Бога и святых — другой свет, невидимый для нас. Называется — *невещественный*.

— Невещественный? — переспросил Тёма.

— Да, *не*-вещественный — *не* от мира сего!

— А мы сможем его когда-нибудь увидеть?

— Может быть...— вздохнул Андрей,— на том свете.

— А-а, я понял, почему говорят «тот свет»! — опять озарило мальчика.— Там же *свет*, потому и — «свет». А «тот» — потому что *другой*... ты же сам сказал, что он другой... не-вещественный. Кла-асно! Вообще-е! Ты мне так классно всё объяснил, так всё сразу понятно стало!

— Да я разве объяснял? Ты сам всё увидел!

— То-то и хорошо! А то всё объясняют-объясняют — а ничего не понятно!.. А ты слово скажешь — сразу понятно.

— Значит, просто мы с тобой друг друга понимаем.

— Ты — интересный человек! — произнёс свой приговор мальчик.— *С тобой вообще-е интересно*.

— С тобой — тоже,— благодарно приник к нему Андрей, чуть приобняв рукой за плечики. Головка... свечка: пламенный язычок озарённых волос тут же охотно качнулся к нему навстречу, в ответ на его движение, прильнул... свет к свету. Как одна свечка зажигает другую. *Нашлись*.

И как люди находятся в жизни?

Как мы определяем *своего* человека?

Ещё древние говорили: настоящие истины человек всегда не узнаёт, а *вспоминает*. Так же, видно, и настоящих людей в нашей жизни мы не узнаём, а вспоминаем. Они всегда с нами были... до знакомства. Может даже — до появления на свет! Увидел — вспомнил.

Мальчик, прошуршав волосами по куртке нового друга, поднял на него любопытную головку. Этот радостный взгляд, который *отражает тебя*. Какого-то преображённого тебя. Редкий в нашей жизни взгляд... потому что редко когда человек так искренне, ни с того ни с сего радуется просто тому, что ты существуешь.

Так смотрят дети на тех, кто им почему-то очень дорог.

Мальчик искренне рад, что ты есть на Земле, и, главное, не просто на Земле, а с ним. И ты хочешь быть похожим на тот образ, что отражается в его глазах. Это — ты настоящий... тот, которого ты сам забыл.

И ты тоже видишь *настоящий образ тех, кого любишь*. «Имена ваши написаны на небесах». Как те сокровенные имена — тайна от нас самих, так и наш первоначальный, Божий образ — великая тайна.

Обратно, от монастыря до остановки, шли уже как родные. Со стороны никому и в голову не взбрело бы, что Андрей первый раз в жизни видит этого мальчика и второй — эту женщину и девочку. Похоже, все четверо были счастливы, что остановка ещё далеко — минут десять пути, и старались насытиться общением.

— А почему тебя зовут Майя? Такое редкое имя...— полюбопытствовал Андрей у девочки.

— Да потому что в мае родилась!

— Родилась бы в марте, была бы Марта, родилась бы в июле — была бы Юля...— шутливо продолжил за неё Артём.

— В июле — это ты у нас родился! — напомнила Майя.— Тебе ещё до-олго ждать до дня рождения... ну, хотя не очень долго. А у меня всего через месяц день рождения! Классно! Восемь лет уже исполнится.

— Уже-е... А мне — одиннадцать!

— Ну и ладно! Ты меня всего-то на... два года и десять месяцев старше!.. Это же немного, да, дядя Андрей? А я люблю с Тёмкой играть, хотя я его и младше... я люблю мальчиковые игры.

— А как вы играете?

— Бесимся по-всякому! — ёмко ответила девочка.

Каждое их с Тёмой слово было правдой. *Они сами* были — правдой: Андрей видел *в них* всё, о чём они говорили и... не передать словами, до чего это здорово! Будто «тыщу лет» знаешь человека, которого видишь первый раз в жизни... Ваша жизнь — общая, и вы не можете быть чужими. Надо же! да вы, действительно, *всегда* были вместе.

Дети зачем-то сорвали по дороге кончики кленовых веток с распустившимися зелёными мохнушками и щедро надарили ему:

— Возьмите! это вам от нас!.. поставите у себя.

Какая разница, *что* дарят, важно, что *дарят*. Чем абсурднее, тем дороже. Попалось бы им на глаза что-то другое красивое, подарили бы что-то другое.

Когда переходили по мостику болотце — старое русло заглохшей речки, — Андрей «расплатился» и подарил им сухие тростниковые метёлки. Сказать длинные — ничего не сказать... длинню-у-ущие! Метра четыре-пять. Бывают такие: человек под ними — как в лесу. Впечатление от «подарка» превзошло все ожидания! Дети в восторге от обретения держали их то как копья, то как удочки... то, — сами того не зная,— как церковные хоругви.

Знаменосцами у них получилось быть недолго: они быстро сломали их друг о друга. Андрей, по их просьбам, сорвал новые — ему, с его ростом, это было проще сделать сквозь чащу.

— И себе сорвите! — настояли дети.— У вас тоже должна быть!

Ну, должна так должна. Надо, чтоб уж если вас что-то объединяет, то — *всё*... даже предметы.

Казалось, они доставали этими метёлками до самого неба — подметали его, пасмурное. Напоминали мирозданию, так, на всякий случай, что сейчас в нём Весна, а не Осень. Весна... Андрей впервые в этом году наконец-то ощутил её. Он нёс её, как венчальную свечу — «в лице» этой сухой *осенней* метёлки. Как Гроб — знамение Воскресения, Осень — знамение Весны, Одиночество — знамение Встречи.

Всё стало на свои места. В мироздание вошли Люди, *настоящие* Люди — и исправили его собой.

Это «Сталин наоборот»: «Нет человека — есть проблемы. Есть человек — нет проблем».

«Проблемы» решаются вовсе не теоретически, а *появлением человека* в нашей жизни. Это и есть Новолетие, о котором Андрей мечтал.

Но есть только один Человек, с Которым совсем нет проблем. «Се, Человек».

Любовь к Нему избавляет нас от всего. Главное — *от нас самих*.

* * *

Как ни старались не спешить, но остановка наконец их застала. Тёме, Майе и Люде ехать было — в противоположный конец города, «на край света». Перед прощанием успели обменяться телефонами.

— Как-нибудь с удовольствием встретимся ещё...— неопределённо, но приветливо пообещала Люда.

— Да, я очень рад буду поближе тебя узнать,— серьёзно, как взрослый, сказал Тёма.

— Так разве ты меня ещё не знаешь? Посмотри-ка на меня.

Тёма проницательно посмотрел на него, улыбнулся и сказал:

— И правда — знаю.

— По-моему, мы уже с тобой всё друг про друга знаем! — подтвердил Андрей.

Они заговорщицки посмотрели друг на друга — слишком понимающе, чтоб это нуждалось в каких-то словах. И правда, чего тут ещё можно не знать!

Автобус подошёл быстро, но Артёмка запрыгнул на подножку чуть ли не спиной — всё оборачиваясь и махая Андрею. У него как будто только тело уезжало, а сам он оставался здесь. «Встре-тим-ся! я буду ждать!..» — крикнул он. Из-за спины его энергично махала Майя. Улыбалась их мама.

Улыбалось белое небо. Уехал красный автобус — проплыл по блестящему, похожему на воду асфальту, как теплоход... но куда же можно уехать теперь! Теперь уж никто, никуда, ни от кого не уедет.

Всё, чему до́лжно, — свершилось!

БОРИС СКОТНЕВСКИЙ

ЧУЮ РОДИНУ СКВОЗЬ ГОСУДАРСТВО

* * *

Какие были времена —
Любовь прозрачная, сквозная…
Не знал великих имена,
Но знал, чего теперь не знаю.

Там, где асфальт, там, где бурьян,
Бродил и весел, и доволен, —
И только Родиной был пьян,
И только музыкой был болен.

* * *

Потерялась счастливая нота,
И судьбу не сыграешь с листа.
Голос умер.
Немо́та. Немо́та.
Звук исчез.
Пустота. Пустота.

Только бьётся душа, вырастая
Из неясных мучительных снов,
Как высокое небо — пустая,
И немая — как песня без слов.

ВОСПОМИНАНИЕ

Морозище. Дымок над крышей.
Закат стремительный и рыжий.
И тонкий запах чистоты,
И тень длиною в полверсты.

И лай собак, и сектор частный,
И я, счастливый и несчастный,
Портфель тетрадками забит,
И душу смертную знобит.

И я один, и где же люди,
И я без водки во хмелю, —
Ещё никто меня не любит,
А я весь мир уже люблю.

* * *

Помню яблоки — алый анис,
Помню сад молодым и счастливым
И дорогу, летящую вниз
Мимо кладбища к синим заливам.

Помню в камни вцепившийся лес,
Помню ветер, пропитанный Волгой,
И рассвет вполовину небес,
И волнушки в расщелине волглой.

Помню страсть пароходных басов,
Комариные трели моторок.
Помню солнечный крик петухов
И мышиный чуть слышимый шорох.

Помню снег, что отчаян и смел,
Шёл со мною, листву заметая…
Помню всё, что забыть не сумел,
От любви сам себя забывая.

ПАМЯТИ ОТЦА

1

Он не уедет ни за что,
Ни насовсем, ни в гости.
Наденет старое пальто
На пожилые кости.

Пойдёт смотреть во все глаза,
Дышать родимым ветром, —
И наплевать, что это за
Сто первым километром.

Глаза не видят ничего
И ноги ходят еле.
Но добрый дух ведёт его
К какой-то вечной цели.

2

Страну почуяв под собой,
Живём, мудреем…
И стал он русскою землёй,
Хоть был евреем.

Он прожил жизнь не за живот —
Любовь и слёзы.
И стал землёй — такие вот
Метаморфозы.

Антисемиты всех мастей –
Равняйсь и смирно!
Склонитесь пред землёй своей
Светло и мирно.

Грядущее покрыто мглой…
Когда устану,
Я стану русскою землей,
Лишь ею стану.

* * *

Вселенная… Какое чудо!
Я в никуда из ниоткуда
Иду в могучей тишине,
И вся Вселенная во мне.

И нету никого на свете,
Чтоб на один вопрос ответить, —
Весёлый и простой вопрос —
Куда же Бог меня занёс?!

* * *

Не потешить бы вас, распотешить,
А хотел бы я, Боже, прости,
Не спасти, но хотя бы утешить, —
А утешив, быть может, спасти

И себя, дурака, и планету,
И старуху в убогом пальто,
И дворнягу, и женщину эту,
Хоть её и не любит никто…

* * *

С ветром резким
и мерцающим дождём,
С отлетающим высоким сентябрём,
Где дрожащая жива ещё листва,
Состою я в высшей степени родства.

Состою я в высшей степени любви,
Где чужие лица всё-таки свои.
Где чужих печалей нету и обид —
Дождь идёт родной
и лист
родной
летит.

* * *

Сижу я в кабаке.
Мой нос не в табаке –
Он в табаке у тех, кто говорит
серьёзно.
Но я один, один на весь кабак,
Кто понимает что оно и как,
Что всё исчезнет рано или поздно.
И лишь любовь печальная моя
Задержится у края бытия, —
Ей хватит воздуху, с неё довольно!
Сижу, молчу в гудящем кабаке,
И наплевать, что нос не в табаке.
А на душе
так хорошо и больно.

* * *

Владимиру Мисюку

Какой уютный дворик,
Как-будто бы во сне!
Какой печальный дворник
Идёт навстречу мне!

Он снег гребёт лопатой
И ходит по прямой,
Он стал почти горбатый
От музыки самой.

Чудесная погода!
Вот только не пойму:
Какое время года?
И нежность почему?

Ах, этот самый дворник,
Стрезва или спьяна,
Убрал кромешный дворик
В тугие письмена.

Дружок, не будь спесивым
И письма все прочти —
И станешь вдруг счастливым
Почти,
почти-почти...

У, сколько в мире снега,
Но музыка права.
И снег восходит в небо
Как из земли трава.

* * *

Без надежды и без коварства
Чую родину сквозь государство.
Слышу песни её и душу,
Вижу реки её и сушу.

Где ж вы, царства и секретарства?
Упоительное лекарство —
Без надежды и без коварства
Слушать родину сквозь государство.

ВАЛЕНТИН НЕРВИН

НИКОГО НИЧЕМ НЕ ПОПРЕКАЯ

* * *

Эта Родина проще простого,
эта правда, как небо, стара.
У кривого столба верстового,
наконец, оглянуться пора.
Сколько всякого было-случалось
и случается в ней до сих пор! —
и земля под ногами качалась,
и стреляли друг друга в упор.
Но, какого-то лешего ради,
представляется мне, например,
будто жили по вере и правде,
будто слушали музыку сфер.
У кривого столба верстового
подымается дым без огня.
Эта Родина проще простого,
эта вера от пули меня...

НА ВЫДОХЕ

Как подумаю об Отчизне,
так и выпью, и закушу.
По касательной к этой жизни
разворачивать не спешу.

Много видел, да мало толку,
много слышал, да не пою;
в стоге сена искал иголку,
а надыбал судьбу свою.

На похмелье не злопыхаю
и не брезгую оттого,
что вдыхаю и выдыхаю
дым Отечества моего.

* * *

Никогда не будет плохо
там, где было хорошо.
Уходящая эпоха
с нами пьёт на посошок.
Помаленьку, понемногу —
по этапу зим и лет —
мы уходим, слава Богу,
тоже — времени вослед.
Наливай,
страна родная,
веселись, кому ни лень,
безоглядно поминая
неоплаканное всклень!

* * *

Батареи, не веря весне,
понемногу тепла добавляли.
Я фрамугу открыл на окне —
сквозняки
по квартире
гуляли.
Очертания прошлого дня
исчезали по мере заката;
разве, милая, ты виновата,
что весна разлюбила меня?
А тебя
унесло
сквозняком,
но пропахли твоими духами
три звезды над моими стихами
и над выморочным коньяком.

* * *

Отчего, скажи на милость,
на какой такой предмет
этой ночью мне приснилась
песня юношеских лет:
там красивая такая
отражается в трюмо
и поёт, не умолкая,
Сальваторе Адамо.
Только время априори
человеку не судья —
Сальваторе, Сальваторе,
спета песенка твоя.
Что упало, то пропало;
мы не выкрутимся, но
даже то, чего не стало,
в зеркалах отражено.

ЦЫГАНСКАЯ ОСОБАЯ

Заговорили рюмочки-стаканчики —
по всей России полный балаган.
Вот я сижу в паршивом ресторанчике
и на закуску слушаю цыган.
Несёт меня мелодия цыганская,
но я теперь судьбу не тороплю:
кто не рискует, тот не пьёт шампанское,
а я и так шампанское не пью.
Плесни-ка, брат, «Московскую особую»,
да за любовь сказать не позабудь,
а я по старой памяти попробую
любимой позвонить... куда-нибудь.
Давай, земляк, надеяться на лучшее —
наш человек нигде не пропадёт.
Когда цыган я на закуску слушаю,
то хорошо «Московская» идёт!
Несёт меня мелодия цыганская,
но я теперь судьбу не тороплю:
кто не рискует, тот не пьёт шампанское,
а я и так шампанское не пью.

* * *

Помню, по молодости, на заре
пел за окном соловей —
как я наивно по ранней поре
верил фортуне своей!
Замысловатое время летит —
вот и состарился я,
долбаный ГАЗик с утра тарахтит
пуще того соловья.
По разнарядке проложен маршрут,
а повернул наугад,
и на помойке вороны орут,
обременяя закат.

В ОЖИДАНИИ ЧУДА

По ночам,
когда Синяя птица
принимает обличье совы,
и копытами в сердце стучится
лошадь Всадника без головы,
я лежу
в ожидании чуда,
но, покуда Россия во мгле, —
громыхает пустая посуда
и летает жена на метле.

«УЛЫБКА»

Около фонтана, в чебуречной,
где всегда роились алкаши,
говорили мы о жизни вечной
в плане трансформации души.
Атмосфера этого кружала,
не переходя на эпатаж,
в некотором роде освежала
серенький воронежский пейзаж.
Разливное пиво, чебуреки,
водочка, нечёрная икра
и чудные люди-человеки,
не особо трезвые с утра.
Но... уже давно, по всем приметам,
жизнь пошла по новому пути:
боулинг стоит на месте этом,
алкашей в округе не найти.
Если наше прошлое — ошибка,
если даже горе не беда,
вспомните название «Улыбка» —
это у фонтана, господа.

ПУШКИНИАНА

За Михайловским — тетерева
по лесам токовали от страсти,
только эти леса на дрова
мужики порубили отчасти.

Наши люди не дюже хитрят,
но зато веселятся душевней:
сдуру пушкинский скарб, говорят,
утопили в пруду за деревней.
Но, когда на дворе торжество,
у поэта высокая проба:
дайте волю — его самого
к юбилею достанем из гроба!
Разгуляется кровь с молоком
и покатится Пушкиниана —
от Михайловского прямиком
через Болдино — до Магадана.

* * *

Хрустнул пальцами и пошёл —
и трава ему не расти!
До чего же, блин, хорошо:
хрустнуть пальцами и уйти.
И — на память! — последний штрих —
фраза, брошенная в дверях:
оставайтесь, мол, при своих
интересах и козырях.
Эка невидаль! — до поры,
что написана на роду,
выйти-выскочить из игры,
как из поезда на ходу...

КРУГИ

Кого мечты, кого долги
удерживали в этом мире,
но только по воде круги
расходятся на все четыре.
Остановись и оглянись;
по грозовому небосводу
круги земные разошлись —
а мы пеняли на погоду.
Всё переменится, когда,
захолонувшие от света,
сойдутся небо и вода
на круге Вечного завета.

* * *

Сочинилось ни много ни мало
только то, что легло по судьбе;
накопление потенциала
происходит само по себе.
Что ещё у меня на повестке
до схождения под образа? —
византийские строгие фрески
не глядят человеку в глаза.
Привилегий от жизни не жду,
против лома не знаю приёма,
но квартирку в районе Содома
я могу обменять на звезду!

УДАЧА

Никого ничем не попрекая,
наконец, увидел наяву,
почему судьба моя такая,
и благодаря чему живу.
Слава Богу, что не позабыли
феи, серафимы, соловьи,
женщины, которые любили,
и друзья хорошие мои.
Слава Богу, в лучшие мгновенья
честно удаётся заслужить
пониманье и благоволенье
тех, что жили или будут жить.
Люди! —
пожелайте мне удачи
в самом очевидном и простом:
чтобы видеть так, а не иначе, —
и на этом свете,
и на том.

ВИКТОР ПЕЛЕНЯГРЭ

ПОД КАМЕННЫМ НЕБОМ

ВПОЛГОЛОСА

М.С.

Здравствуй, дом на Беговой,
Неприметный, угловой,
Где ступени — как ступени –
Тихо скрипнут под ногой.

Вновь над явью городской
Загляжусь на облик твой –
Неприкаянным прохожим
С непокрытой головой.

Верной тенью в час ночной,
Что с того, что я с тобой?
Схватит жизнь меня за горло
Неотпущенной виной.

Здравствуй, дом на Беговой…
Жмусь к сторонке, сам не свой,
С невосполненной утратой,
У подъезда чуть живой…

НОКТЮРН В ЖЁЛТОМ

Ты — жёлтый цвет моей разлуки,
Неповторимый жёлтый цвет.
Ван Гог в подсолнухах от скуки
Волшебной кистью ловит звуки,
И полыхает белый свет.
Легко слетают листья липы,
И воздух свеж, как апельсин;
Желтеют призраки и всхлипы
Безумных женщин и мужчин.

В соседнем доме окна жёлты,
И фонарей очерчен круг,
Ржавеет на губах Траволты
Неотразимый жёлтый звук.
Ступает золотая осень
По жилке жёлтого листка;
В тени от корабельных сосен
Со мною — жёлтая тоска!

ЗАДОЛГО ДО ЗИМЫ

Из подъездов тянуло прохладой,
Нерушимой несло стариной.
И бледнел за чугунной оградой
Лунный шар теневой стороной.

Откажусь ли от здешней свободы,
Что врезалась на всех парусах?
Сотрясая небесные своды,
Я забудусь в ночных поездах.

Ветер странствий мотался, неистов,
И вдогон, всё на свете круша,
Как смертельный прыжок каратиста,
Вдруг из тела рванулась душа!

С той поры я живу как попало,
Полыхая высоким огнём,
Будто разума мне не достало
Помышлять на земле о земном,

На задворках родной Салтыковки
По колено любые моря, —
Я продрог под крылом остановки,
Пропадая ни свет ни заря.

Кто окликнул во мне домочадца?
Я ладони над миром сведу:
Надоело по свету шататься
И пугаться себя на свету!

ПОСТСКРИПТУМ

Б.Б.

Ты хотел бы прожить без извилин
Там, где плачут, ревнуют и ждут…
Дом разрушен, а тополь — распилен,
Цезарь пал, и возвысился Брут.
Не дождёшься ты смерти мгновенной,
И галера твоя не всплывёт;

Вечный город, один во вселенной,
Вновь дорогу тебе перейдёт.

BEAUTY

Памяти Игоря Северянина

Ты помнишь, Наденька, в петлице лилию,
В садах империи наш ренессанс!
Твоё замужество — как путь в Бастилию,
В петлице лилия! Каков альянс!
Ах, танец бабочки! Ты — вся идиллия,
Дверь в преисподнюю наводит жуть.
Как не расплакаться: в петлице лилия
Плитой могильною легла на грудь!
В петлице лилия! В петлице лилия!
А ты в замужестве совсем одна;
Глоток шампанского. Прощай, Бастилия!
В петлице лилия пьяным-пьяна!...

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Всё казалось, что лету отказано будет в разлуке,
Стой и думай о воле, куда не ступала нога,
И томилась река, захлебнувшись волнами в разлуке,
И тяжёлая лодка сдвигала во мгле берега.
В наговорной воде плыли первые жёлтые листья,
Где чернел, чуть качаясь, висячий бревенчатый мост,
И алел на ветру свежий сгусток рябиновой кисти,
И вставали деревья заречных лесов во весь рост.
Тень от птицы легла. Догорели последние звёзды.
Раскололась луна, половинкой застыв в вышине,
И сводил нас с ума в эту полночь серебряный воздух
И неведомый отрок, мелькнувший на белом коне.

ЗИМА В ОДЕССЕ

Виноградной стопой анапеста
Я забытые звуки ловлю,
За высокой платформой разъезда
Мимолётной любви пригублю.
Там деревья стоят в беспорядке
Вдоль дороги, вперёд забежав,
А шоссе по спирали девятки
За холмом исчезает стремглав.
В затаённом причудливом танце
Мне мигают во мгле корабли.
Виснет девочка на иностранце
На глазах у родимой земли.
Здесь уже не найти Молдаванки,
Но хотелось бы вырвать на свет
Резкий профиль последней гречанки
И потёмкинский яростный след,

Что узнал я под каменным небом,
Заглядевшись, как звёзды горят
В переулках, не тронутых снегом,
Обращённых лицом на закат.

РУКОПИСЬ

Мы стали мифом! — вскрикнет римская провинция,
Всё тот же сад вокруг и та же темнота,
Сомкнули веки здесь плебеи и патриции
В густой тени тысячелетнего креста.
Мель, пресноводье… Там, где остов Наутилуса,
Хохочут женщины, терзая слух и мозг,
Свет прежних дней, останься с нами! Боже, смилуйся!
Пускай свечной нагар с лихвой заменит воск.
Сны разлетелись. Лишь один фонарь качается,
Узор волны кипит, расписывая гладь,
Матрос у стойки говорит, не повторяется –
Ещё способен он любить и сострадать.
Вечерних сумерек застигнутые всполохи
Под куполами августовских облаков,
В немом приветствии кивают мне подсолнухи
И гроздья клонятся, глотая пыль веков.
Там, в тихом пламени мерцает даль пустынная –
Где выбит звонницы туманный барельеф,
И зыбит рукопись печаль моя старинная,
Наполовину уж папирус тот изъев.

МНЕ УЖЕ НЕ БОЛЬНО, ГОСПОДА

Вот иду я вдоль старинной Мойки
В тусклом свете гаснущего дня,
Весь я — блеск почти английской тройки.
Ангел мой, ты видишь ли меня?

Обжигает губы папироса,
В голове — чечётка и канкан,
Пусть не похожу я на матроса,
Но в душе я точно капитан.

Вот иду я, а навстречу — дама,
Оставляет в небе виражи.
Я боюсь, что жизненная драма
Может стать трагедией души.

Что искал я вдоль старинной Мойки?
И зачем мне эта красота?
Господа! Я — жертва перестройки.
Мне уже не больно, господа.

ОЛЕГ ГЛУШКИН

МОРЕ ПО КОЛЕНО

рассказы

НОЧНОЙ ЗАМЁТ

— Давай дадим другие координаты! — сказал мне капитан Тирхов, когда наше судно подходило к промыслу. Вид у него был заговорщицкий, чёрные волосы, словно крыло ворона, закрывали один глаз, вторым глазом он мне подмигивал. Я ничего не понял. Тогда он стал разъяснять мне, как капризному ребёнку: «Чего ты упрямишься! Согласись, что так будет лучше, так будет разумнее. Мы сообщим, что идём на сто миль севернее, что прибудем на промысел только через два дня». Я возмущался, я кричал, что не допущу обмана. Я был представителем конторы, которая старалась держать в узде даже таких капитанов, как Тирхов. Он был орденоносец, с ним носились как с писаной торбой. Я впервые шёл на промысел вместе с ним. Я не мог понять его. Он, оказывается, хотел остановиться и даже стать на якорь, чтобы избавиться от запасов вина. Сухое вино давали тем судам, которые работали в тропиках. В жаркие дни полагалось к обеду выдавать стакан вина. Для моряков это вино было, что слону дробина. Но, как объяснял мне Тирхов, именно в дни выдачи вина на судне появлялись пьяные. К этим дням матросы готовились заранее, загодя варили самогон из рыбной муки или ставили бродить соки, взятые на судовом ларьке. Выпив стакан сухого вина, они уходили в каюту и там добавляли самогона. Обвинить их в пьянстве было невозможно, ведь сам капитан выдал им вина. «А каково мне с пьяными идти на замёт!» — почти кричал на меня Тирхов. Я по-прежнему говорил — нет. К вечеру против меня была настроена вся команда, я стал источником всех бед и меня охотно бы выкинули за борт, как библейского Иону, чтобы справить свой законный праздник — праздник уничтожения сухого вина. К утру я сдался, мы нашли мелководье и бросили там якорь, судовые двигатели смолкли. Господь послал нам тишайший и светлый день. Штилевое, глянцевое море расстелило перед нами свою ровную скатерть, на палубе был поставлен длинный стол, и сюда же были вынесены все запасы сухого вина. Это было вино самых худших сортов. Чего ещё было ждать от наших снабженцев? Но вина было много. Думается, что если выпить такое количество воды, тоже можно запьянеть, а здесь хоть и малые, но всё же были градусы. К тому же ярко светило солнце, подогревая сверху наши ещё незагорелые тела. Женщин на судне не было, поэтому сидели, кто в трусах, кто в майке, мочились прямо с борта и пели самые разухабистые песни. А потом плясали, да так, что содрогалась палуба. А когда расплывающийся шар солнца нырнул в океан, и сразу

стало темно, включили от аварийного движка прожекторы, и в их свете всё происходящее стало казаться мне нереальным. Словно я видел чудный сон, где был зван на бал и, погружённый в тёплые волны, парил над паркетом-палубой, и вокруг меня вальсировали полуголые матросы, а кто-то ползал по палубе в поисках заветной туфельки. Моё сладкое видение прервал Тирхов, он растормошил меня и сказал, что у него есть одна прекрасная идея. Конечно, идея эта была в том, что надо поискать, где бы ещё добавить. Свои запасы водки он выпил ещё на отходе, я в рейс водки не брал, так что идея Тирхова оставалась ничем не подкреплённой и неосуществимой. Так думал я. Но не Тирхов. Недаром это был самый удачливый и изобретательный капитан нашего флота. Оказывается, он успел связаться по радио со своим корешем — капитаном такого же судна, который был на заходе в инпорту и, естественно, набрал там несколько ящиков бакарди. «Понимаешь,— сладко улыбаясь, говорил мне Тирхов,— это ведь не сухарь, это сорок три градуса, только никому — ни гу-гу. Идём только вдвоём». В последний момент мне удалось уговорить Тирхова взять с собой ещё и матроса. Мы быстро спустили шлюпку-ледянку, молодой матрос молча дёрнул за шнур и завёл движок, и мы рванули в ночь. Я не понимал, как ориентируется Тирхов, вокруг стояла такая мгла, что, казалось, шлюпка сейчас воткнётся в неё и застрянет. Но Тирхов нюхом чуял запасы бакарди. Уже минут через десять он кричал во тьму: «Вася, курва, отзовись, мы здесь, Вася!» И Вася отозвался, ибо тьму прорезал прожектор, и мы пошли по его лучу. И вот уже нас втащили на васин корабль. И Тирхов стал обнимать Васю, а Вася, оказавшийся на две головы выше Тирхова, наклонился и чуть ли не плакал на плече друга. Вася был уже давно пьян. Но запасы у него ещё оставались. И он сопроводил нас в свою каюту, где не только стояли бутылки, но и лежали диковинные заморские фрукты. Тирхов, не закусывая, выпил подряд два стакана и сразу повеселел. Я только пригубил, я понимал, что должен остаться трезвым, мы ведь покинули свой пьяный корабль, никого не оповестив об этом. И теперь надо было как можно скорее вернуться. Между тем Вася вырубился и уронил голову на стол, а Тирхов выскользнул за дверь, пробормотав, что сейчас приведёт механика и что тот тоже его крепкий кореш. Прошло минут десять, я сидел в каюте и ждал. Какая-то нервная дрожь охватила меня. Я выбежал в коридор. Было совершенно темно. Хорошо, что я знал суда этого проекта почти наизусть. Я выскочил на палубу, прожектор освещал борт и прильнувшую к этому борту нашу шлюпку, в которой дремал матрос. Тирхова там не было. Я стал кричать, что есть силы: «Тирхов! Тирхов!» Никто не отзывался. Судно словно вымерло, вернее, все здесь были пьяны. Я спустился в камбуз, потом поднялся в кают-компанию, повсюду стоял сивушный запах, кругом были разбросаны бутылки, но людей не было. Я решил, что все покинули судно, и почувствовал, как холодный пот прошибает меня. Я стал бегать от каюты к каюте и кричать — Тирхова нигде не было. Никогда я ещё не попадал в столь глупое положение. Совершенно случайно я распахнул дверь гальюна, и — о чудо! — Тирхов был здесь, он мирно спал на толчке. Я стал тормошить его. Он очнулся и долго не мог понять, где он и что от него хотят. Мне пришлось волочь его по палубе и спускать в шлюпку, я крыл его последними словами. Я окатил его водой, и теперь, окончательно придя в себя, он точно вывел шлюпку к борту своего судна. Там тоже все спали. Силы покинули меня, я бухнулся на диван в своей каюте и сразу же погрузился в сон. Но спал я не больше часа. Громкие сигналы судового колокола разбудили меня. За дверьми слышался топот ног. Я быстро накинул куртку и поспешил в рубку. Судно наше неслось на вираже, вымётывая кошелёк. Радист повис на моей руке, он чуть не плакал, он кричал: «Остановите его, это же безумие! Он пьян, люди пьяны! И ему вздумалось идти на замёт!» Я бросился к Тирхову, тот,

словно охотничий сокол, был весь напряжён, он ждал добычу и готов был схватить её. «Образумьтесь! — закричал я.— Вы погубите людей! Здесь же отмель и сплошные рифы, Вы порвёте сети!» Тирхов отмахнулся от меня как от надоедливой мухи. Сети уже начали стягивать, и он выбежал на палубу. Его действия были чётки и выверены. И следа похмелья не было на его лице. Я тоже выскочил на палубу. Рыба бурлила в сетях, словно в огромном котле. Прожекторы высвечивали эту пузырящуюся и ворочающуюся живую массу. В кошельке было тонн двадцать чистой скумбрии. Нам не надо было идти в район промысла. Весь флот шёл на большую рыбалку к нам. Удача ждала всех, и было так мелко, что, действительно, пьяному море по колено.

НА ЖИВЦА

Слух о том, что на плавбазе «Фурманов» обитает настоящая русская красавица, быстро облетел весь промысел. Чтобы только взглянуть на неё, капитаны судов-ловцов старались попасть на сдачу рыбы только на эту плавбазу. Они готовы были терять время в очереди, они готовы были на всё. И действительно, тот, кому довелось увидеть врачиху, так между собой называли её капитаны, уже не мог спать спокойно, ибо она приходила в самые сладкие сны. Остальным членам команд судов-ловцов, изнывающих в океане без женщин, не дано было даже увидеть врачиху. И они расспрашивали своих капитанов — какая же она, эта сладкая женщина. И капитаны не могли толком объяснить, ибо не хватало слов, и могут ли слова передать то притяжение, которое возникало, когда она поднимала на тебя свои васильковые глаза, когда дышала учащённо, и высокая грудь её вздымалась, и каждое движение обещало такую глубину страсти, за которую не жалко было отдать жизнь, отдать всё, только бы без остатка растворитьcя в этой женщине, в её белом парном теле, слиться с её дыханием, или хотя бы просто прикоснуться к её нежной коже. И капитаны старались быстрее сделать замёт, чтобы заполнить кошелёк рыбой, чтобы получить право звать к себе плавбазу. И в ночи они всматривались в огоньки на горизонте, дрожащие огоньки малых судов, чтобы первыми увидеть, как их затмевает праздничное сияние прожекторов плавбазы. И едва борта соприкасались, капитан ловца устремлялся к трапу и карабкался наверх с удивительной ловкостью, одной рукой хватаясь за поручни, а другой бережно придерживая портфель, набитый бутылками рома и специальным угощением — рулетом или салатом из креветок, или же черепаховым тающим во рту мясом. Вахтенный сопровождал в рубку, где стоял хозяин плавбазы, всегда широко улыбающийся орденоносец Вартанов. Он улыбался в свои загибающиеся кверху, как у Чапаева, усы и протягивал руку, чтобы перехватить портфель и определить по весу, какую встречу оказать взошедшему на борт. А тот, ослеплённый огнями и уютом, стоял и ждал решения своей участи, не будешь же говорить открыто при всех штурманах, скопившихся в рубке, зачем ты пришёл сюда, когда можно было послать простого матроса-счётчика и тот подписал бы протокол о сдаче рыбы. Вартанов продолжал

улыбаться и делал жест рукой, жест щедрого распорядителя райским садом. И надо было идти за ним, палубой ниже, над которой витал аромат духов. И дверь лазарета открывалась, и оттуда пальчиком манила она, вся такая душистая и тёплая в распахивающемся халате, и с таким чарующим голоском, что можно было упасть в обморок, ещё не дойдя до неё, или излиться страстью на расстоянии, опустошив себя и покрыв позором. Но так случалось редко, ибо капитаны — это прежде всего достойная выдержка, они понимают, что страсть всегда должна быть взаимной.

Наверху же стампы быстро перегружали рыбу, а потому торопили — сначала звонками, потом стуком в дверь, потом сам Вартанов звал — надо было подписывать акт о сдаче рыбы. Глаза не хотели смотреть на скучные цифры. Они хотели сохранить видение роскошного тела и распахнутых бёдер. Подпись ставилась сама собой. Вартанов наливал рюмку, выпивал сам и продолжал улыбаться, теребя кончики усов. Ни одна из плавбаз не набрала столько рыбы, сколько смог набрать Вартанов. Ни у одной плавбазы не было такого запаса неучтённой рыбы. «Надо уметь ловить на живца,— говорил он, подвыпив, своим помощникам,— что бы вы делали без меня!» Иногда в их компанию приходила врачиха, и тогда они все затихали и смотрели на неё. Она пила аккуратно из рюмки, которую держала, отставив свой нежный пальчик. Вартанов становился перед ней на колени и просил: «Королева, допусти меня, смилуйся, королева!» Она отстранялась, улыбалась своей ослепительной улыбкой, но никаких надежд своему хозяину не оставляла. Иногда же протягивала своим нежным голоском: «Мы так не договаривались, Вартанов...» А внизу, там, где плескалась тёмная вода, уже жался к борту очередной ловец, и в кошельке его было полно рыбы.

НОВОГОДНИЙ ПОДАРОК

В том рейсе сразу всё не заладилось. То поначалу рыбы не было. Стояли, ждали, когда суда-ловцы на косяки выйдут. То, когда рыба пошла, — тара кончилась. А главное — команда на плавбазе была уж слишком пёстрой. Половина не визированных. Перед отходом, чтобы люди не разбежались, обещали в плановом отделе, что всем валюту заплатят. А потом на наши запросы о заходе в иностранный порт не отвечали. А без захода — не будет и выплаты. И это все понимали. И визированные злились на тех, у кого нет визы, а потом все вместе свою эту злость выливали на бригадиров. И чем ближе к окончанию рейса, тем мрачнее становились люди. В те времена валюта составляла половину заработка, и терять её никто не хотел. А тут ещё и Новый год на носу. Ёлок на транспорте не подвезли, посылки и почта наша в другой промысловый район попали. И погода мерзкая. Жара вроде спала, но начались тропические ливни. Сверху вода, снизу вода, все промокшие насквозь. И предупредил капитан своих штурманов и прочих начальников, чтобы поодиночке в кормовую надстройку не ходили, особенно по ночам. Я тогда радистом был. Не понял командира, переспросил: «Это с какого перепуга?» А он скривил рот в подобие улыбки и пояснил: « Сбросят за борт, узнаешь с какого!»

В жару, конечно, хорошо, когда дождь охлаждает тело, но если дождь льёт без перерыва, с ума сойти можно. Да и рыба заканчивалась. От безделья самогон начали варить. И от выпивки ещё мрачнее становились. И даже я, хотя и уважал нашего капитана, потерял всякую надежду на него. Не мог он ничего добиться. Я ведь все его радиограммы отсылал и шифровки тоже. Слишком в вежливых тонах он писал. Я даже один раз от себя завернул, мол, что вы, хотите людей до последнего предела

опустить. Был бы капитан похитрее, нашли бы больного какого-нибудь, запросили разрешение сдать в инпорт. Но не хотел наш кэп на обман идти.

И вот близится новогодняя ночь, у меня была припасена бутылка шампанского, штурманы достали пару бутылок водки. Но общий стол для команды решили не делать. Опасались, что вспыхнет потасовка. Были к тому основания. За два дня до Нового года хотели рыбообработчики технолога избить. С трудом мы их растащили. Технолог сам тоже виноват — сильно въедливый был, чуть что — браковал рыбу. Действовал, конечно, по инструкциям своим. Но нельзя быть таким рабом инструкций. Это на берегу можно всё до миллиметра измерить и до десятых градуса температуру соблюсти — а здесь море. Болтанка постоянная, дожди тропические, заработка нет...

Сели мы за стол в кают-компании. Старпом сипит недовольно. Капитан молчит. Даже тост сказать некому. Принесла буфетчица блюдо с креветками — но и креветки особым спросом не пользуются. Пошёл я в радиорубку за своей заветной бутылкой шампанского. Ёлки нет, так хоть шампанское откроем. Охотников пить его вряд ли найду, но зато обычай соблюсти можно, в двенадцать ровно чокнуться стаканами с шампанским.

А в радиорубке глазок мигает, на связь зовут, я к радиотелефону. Говорят по-английски — просят помощи. Тут и штурман вахтенный зовёт, SOS принял. Где-то совсем неподалёку финский сухогруз тонет. Не хватало нам ещё и этого — под самый новый год спасением заниматься. Даже мысль такая мелькнула — выпьем — а потом скажу капитану — не портить же Новый год. Но штурман уже кричит в телефон, зовёт кэпа.

Вбегает наш кэп в рубку, злой донельзя. Оторвали от стола. С какой стати. А когда узнал о SOS, даже подпрыгнул от радости. «Координаты финна давай! — это штурману. И по переговорной трубе в машину: — Ход полный!»

А сам руки потирает и уже на связь с финном вышел, и по-фински что-то трактует, он у нас полиглот, капитан наш.

Обнял он меня — и говорит: «Сеня, ты даже не представляешь, какой подарок ты нам всем преподнёс! Мы сейчас этого финна на буксир возьмём и в порт потянем, как бы он ни сопротивлялся, как бы он ни тонул! Давай, радируй в базу — следуем к финскому сухогрузу, терпящему бедствие! Идём в инпорт! Пусть плановики свои коготки спрячут и валюту готовят! Никуда им не деться!»

Выбежал я на палубу, а там уже всем новость известна, боцман троса готовит, технолог с рыбообработчиками корзины для пересадки тащат. Все возбужденные и радостные. Механики полный ход врубили, чтобы до финна первыми прискочить, да успеть, пока не утонул спаситель наш!

И дождь прекратился, небо стало чистым, луна полная повисла над мачтами, а главное — море спокойное, штилевое. В такую погоду спасать — одно удовольствие.

ШТОРМ И ШТИЛЬ

Думая о спасении других, можешь ли спасти себя? Мы все обречены. Мы все в одной не совсем надёжной лодке. Ни разу не мог насладиться радостями мира во всей их полноте. Казалось, был счастлив на рейде Лос-Пальмаса. Солнечный день серебрил гладь бухты. Плавбаза наша мерно покачивалась на прибрежной волне. В бинокли можно было увидеть дома, уходящие на взгорье, и фигурки женщин в белых накидках. Мы стояли в ожидании шипшандлера. Контора разрешила каждому сделать закупки. Я заказал зонтик и кофточку для жены. В те годы всё было в дефиците, и заграничные вещицы особенно ценились. И ещё шипшандлер должен был привезти так

называемые скоропортящиеся — разрешалась закупка фруктов и овощей, но вместо них брали ром. Так что нас ожидал праздничный вечер. Пир под тропическими звёздами. После шести месяцев выматывающей работы мы заслужили отдых. Я сидел на палубе бака и играл в шахматы. В этот день мне особенно везло. Я не проиграл ни одной партии. Даже рефмеханик, обычно делавший со мной ничью, на этот раз был вынужден сдаться. Вечером мы с ним получили бутылку рома на двоих и два яблока. И ещё пакеты для наших жён. Размягчённые жарким днём, мы наслаждались холодом кондиционера в моей каюте. Мы вспоминали дни, когда нам особенно везло, и включили в их число и этот день. Но память хранит не только счастливые дни.

Мы вспомнили тех, кого поглотил океан. И было уже за полночь, когда рефмеханик сказал: «Ты знаешь, я ведь замораживал бедолаг с большого траулера!» Траулер этот затонул в шторм, в Атлантике. Я был в комиссии, которая разбирала причины этой морской катастрофы. Слишком поздно они хватились — вода уже залила рыбцех и хлынула в машинное отделение. Был месяц март, и те, которых удалось вытащить из воды, умерли от переохлаждения. Спаслись те, кто сумел влезть на плотик. Тела погибших доставили в порт. Моряков хоронил весь город. Десятки красных гробов медленно везли на открытых грузовиках. Подле гробов на машинах стояли те, кто спасся, и спины их содрогались от рыданий. Я не забуду этот траурный день. Ярко светило весеннее солнце, но всё, казалось, потемнело вокруг.

«Ты знаешь,— продолжил рефмеханик,— у тех, кого я положил в морозилку, пальцы рук были синие и все в ссадинах... Они цеплялись за плотик, а те, кто сидел там, били их вёслами по рукам...» Меня всего словно окатило холодным душем, в тело, разогретое за день, вселилась дрожь. «Зачем ты сказал мне это! — закричал я.— Зачем!»

«Чего ты завёлся,— остановил меня рефмеханик,— если бы они всех потащили в плотик, они наверняка перевернулись бы...»

КАПИТУСЯ

Идеальный муж — глухонемой капитан дальнего плавания. Будете возражать, мол, никакая самая блатная комиссия не пропустит глухонемого. Спрошу — а за большие бабки? Я помню, нам прислали одноногого матроса. Заплатил за комиссию всего пять тысяч. Капитан может себе позволить и больший куш отвалить. А за валюту можно в море и свою любовницу протащить, даже если у неё нет паспорта моряка и в судовую роль она не включена. Это сейчас можно, возразят ветераны, а раньше попробовали бы, раньше порядок был... Раньше с моралью строго было, партком начеку был. Это теперь все распустились! Где это видано, чтобы водку круглосуточно продавали, народ спаивают.

Я тоже против такой продажи. Вот в Швеции, в Висбю на весь город один магазин, где спиртное можно купить, и то до шести вечера, а по субботам и воскресеньям и вовсе не продают. Помню, рассказал я об этом своему первому капитану, тот даже рот открыл, и веко у него от возмущения и обиды за простых шведов задёргалось. Мать, перемать, процедил он, да как же они там бедолаги выживают. Не хотел я его расстраивать и объяснять, что длительность жизни там много дольше нашей. Да и не поверил бы он. Жизнь, такую гнилую без водки, он и не представлял.

Так вот, этот капитан был почти глухой, да и неразговорчивый, так что супругом должен был быть идеальным. И жена его бахвалилась, говорила, что на берегу он больше недели не может жить, рвётся в море. Вот такой идеальный муж. Деньги отдаёт — и в порт на свой корабль. Соседки ей завидовали. А я про него совсем другое знал, да и она знала...

Давно это было, когда я ещё простым матросом ходил под его началом в первый рейс. Брал он с собой в море молодую девицу, прятал её в шкафу от всяких проверяющих и таможни, и только пройдя Бискай, выпускал её и веселился уже открыто. Что-то они в очередном рейсе с первым помощником не поделили, вот «поп» и настучал на него. На парткоме, когда моего капитана из партии исключали, сказал он местным церберам: «Что же мне — весь рейс мастурбировать?» Отделался строгачём. Жена за него заступилась.

Такого капитана терять ей не хотелось. Она и с девицей этой подружилась. Дочкой её называла. Я тоже эту девицу помню. Смазливая, ничего не скажешь, но маленькая, словно игрушечная, этакая кукла Барби. Зато такую даже не в шкафу, а в рундуке можно спрятать. Тихая такая. А в море расцветала. Принарядится — и на мостик — все с неё глаз не сводят. Капитан её в каюту гонит. А матросы кричат ему: шеф, не будь жабой. Который месяц бабы не видели! Мы тебе своё отработаем. И действительно, в те дни, когда появлялась она на мостике, работа кипела. И заморозка вдвое больше, и тралы поднимали тугие. Все хотели перед ней свою стать показать. А она только сверху глядела и улыбалась. И веером обмахивалась. В Лос-Пальмосе ей капитан японский веер подарил. Ходили ещё по рукам её фотографии в самых разных видах

и позициях, сам я, правда, их не приобрёл, тогда я был простым матросом, и у меня не было валюты для покупки таких фотографий. Эти фотографии продавали в межрейсовом доме моряков, где только ленивый не преминул пройтись по её похождениям.

Вот ведь, все её за потаскушку на берегу принимали, а в море она королевой была. Потом ещё и книгу о своих приключениях написала: «Капитан, капитан, капитуся...» Так этот её капитуся бегал по всем киоскам и магазинам, скупая книгу.

В девяностые годы, когда от рыбацкого флота пшик остался, встретился я совершенно случайно ещё раз с этим капитаном. Встретились мы в поликлинике, в очереди сидели, платную медицину кляли и тех, кто нашу рыбацкую поликлинику разорил. «Да что мы, дикие старухи что ли, чтобы здесь штаны просиживать?» — прохрипел капитан. Он голос почти потерял и слышал плохо. Взяли мы бутылку — лучшее лекарство от всех болезней — и пошли к нему домой. Жена от него сбежала. А дома склад книготорговли. Стопами эта пасквильная книга лежит. «Вот уничтожаю помаленьку»,— объяснил капитан. И сказал я ему, чего же стесняться. Много там есть выдумки, но много и хорошего, что на самом деле было. Ведь если бы не парткомы, могли бы все капитаны брать в рейсы своих возлюбленных. И тогда бы флот сохранился, потому что работали бы все в охотку. И вспомнили мы с ним, как работали у Дакара, и там японские траулеры тоже океан пахали, так им раз в месяц проституток привозили, и ловили они будь здоров, нам за ними не угнаться было.

Да, соглашался со мной капитан, многое мы протабанили. Сами виноваты.

И полюбопытствовал я, а где же теперь та девица, которую он в океан вывозил и которая книгу написала.

Ты не знаешь, удивился он. Слышал такую Дарью Клебецкую? Ну, конечно, отвечаю, это же очень известная писательница. У неё ещё недавно роман вышел, название такое нашенское — «Всё, что движется, и всё, что горит». Вот-вот — подтвердил капитан,— в море она этих поговорок набралась, помню, сидит в каюте — и всё записывает. Я её спрашиваю, мол, ты что, дуся, донос на меня строчишь. Отвечает — это похлеще доноса будет. Вот уж действительно, похлеще, донос, он в личном деле оседает, а книгу все могут прочесть. Иду по городу, а в меня пальцами тычут.

Капитан скривился, лицо его, и без того морщинистое, превратилось в сдутый футбольный мяч. Говорить ему было трудно. Да и я дальше расспрашивать не стал. Зачем бередить раны?

Лет через десять, когда капитан мой уже переселился в мир иной, я во второй раз попал на шведский остров Готланд, где в уютном древнем городе Висбю расположился Центр писательский, и где писатели изо всех европейских стран имели право на жильё и даже на получение стипендии. Была ранняя, но дружная весна. Сквозь камень пробивалась стойкая северная трава. В местном ботаническом саду цвели сирень и магнолии. Писателей было в этом Центре — раз-два и обчёлся. Весеннее томление мешало сочинять. Мучило одиночество и безмолвие. Был я здесь почти что в роли глухонемого. Из писателей никто не знал русского языка. А мой английский трудно было разобрать. В молчании я бродил по городу среди белых руин соборов. Всё здесь было на учёте, законсервировано и сохранялось в чистоте. Всё вокруг было ухожено и упорядочено. И в этом идеальном порядке я чувствовал себя неуютно. Хотелось всё бросить и уехать, когда мне сообщили, что на остров прибывает знаменитая писательница из России. Ну вот, обрадовался я, будет с кем поговорить, а если она ещё и не старая, то может случиться пусть мимолётный, но скрашивающий одиночество роман. Она приехала поздно вечером на такси. Я помог ей вынести из машины несколько чемоданов. Оба мы обрадовались друг другу, спешили новостями и своими мыслями поделиться. Какое это счастье — говорить без

переводчика! Оба не узнали друг друга. Она была в широкополой шляпе, скрывающей лицо, в цветном пончо и в сапогах с необычно высокими голенищами. Этакий ковбой в юбке. Когда она сняла шляпу, что-то знакомое мелькнуло, что-то кукольное, вроде постаревшей барби. Утром я узнал у директорши Центра фамилию писательницы и ахнул. Это была Дарья Стеблецкая. В тяжёлых чемоданах она привезла не дамские наряды, а свои книги. Это были эротические романы в ярких обложках с довольно-таки откровенными фотографиями. На фотографиях этих была давняя узнаваемая пассия моего капитана, а в её партнёре угадывался он сам. И я подумал: хорошо, что он не дожил до выхода этих книг. Ведь их было так много, что он не смог бы ни за что их выкупить. Да и заработок уже у него был далеко не капитанский. Дарья так и не узнала меня. А я помалкивал. Кто я был для неё в те давние годы — простой матрос, на палубе возившийся с тралом, юнец, стриженный под ноль. В те годы я мог бы многое отдать за один только её взгляд, за один поцелуй. Теперь ни я, ни она не испытывали друг к другу никакого влечения. Мы, правда, часто бродили по городу, сидели у крепостных стен, любовались скалами и крепостными башнями, говорили, в основном, о литературе. Взгляды у нас были разные. Для неё самое важное заключалось в продаже книги. Она считала, что очень многое зависит от оформления книги, особенно от обложки. Я похвалил фотографии на обложках её романов. Такая я была в молодости, похвасталась Дарья. Наивная девочка. Была влюблена в почти глухонемого капитана, с которым и поговорить-то было не о чем, кроме секса. Он меня держал взаперти, мой капитуся. Любил фотографировать наши любовные схватки. У него всегда стоял напротив нашего ложа фотоаппарат. Я потом делала фотографии и продавала их морякам. Не осуждайте меня, ведь я была в этих рейсах нелегально и ничего не зарабатывала, а мне надо было ещё в перерывах между рейсами жить на берегу. Я уже тогда писала. На деньги, собранные за эти фотографии, я смогла прожить в Москве несколько лет, закончить Литинститут. Да и теперь — посмотрите,— она протянула мне одну из своих книг,— где и какой художник изобразит так привлекательно любовь. Любовь юной девушки и старого морского волка.

ГАВАНА

Сказочный этот город подарила мне судьба, когда и мечтать-то о загранице было невозможно. Будто в фантастическом сне вошёл наш траулер в его порт, оберегаемый бастионами крепости Моро, и гранитный Христос раскинул нам свои объятия. Нас ждали карнавалы на Прадо, где улица была выложена цветными плитками. Духовые оркестры у здания Капитолия — увеличенной копии вашингтонского. Нам многое рассказали бывалые моряки о городе, где не бывает сумрачных дней, о красавицах-мулатках. И мы смогли скоро во всём этом убедиться. Мраморный город, залитый ярким солнечным светом, чистейшее синее небо, такая же синяя вода и белый берег — бесконечная череда пляжей и лёгкая прохлада ночи с её бесконечными карнавалами. Всё это очаровывало нас.

Музыка и фейерверк. Саксофоны и — никакого Моцарта. Классическую музыку сюда завёз мой друг — корабельный механик Вернер. Фамилия обязывала любить классику. Эту музыку не переносил комсомольский деятель Маханько. Он работал в представительстве и мог сделать для нас всё, что могли мы пожелать. Но Вернер, видящий людей насквозь, предупредил меня: «Не связывайся с ним!» Мы ремонтировали свой пароход в гаванских мастерских, у нас было мало времени и мало денег. Мы гордо отказывались от самых лестных предложений. «В Тропикано мы пойдём,

но без Маханько, на виллу Хемингуэя поедем сами. Учти, Маханько вертится вокруг тебя, возможно, он получил задание, ты ведь пишешь, а к писателям в их ведомстве большой интерес. Ни в коем случае не попадайся на удочку!»

Я внял разумным советам, и мы сами сумели побывать во многих прекрасных местах Гаваны и её окрестностях. Но избавиться от Маханько было не так-то просто. На вид он производил впечатление свойского, очень добродушного и компанейского парня. Всегда к месту мог пошутить. Хорошо играл на гитаре и довольно-таки прилично пел. Устраивал соревнования по волейболу. Собственно таким и должен был быть чиновник, отвечающий за культурный досуг моряков. Он был из породы неунывающих комсомольских вожаков. Сюда его направили не откуда-нибудь, а из самой столицы. Там он работал в Центральном комитете комсомола. И хотя я привык во всём доверяться Вернеру, мелькало порой — а не зря ли мы чураемся того, кто идёт к нам с открытой душой. И всё же что-то подозрительное было в его облике. Возможно, слишком вытянутый нос в крапинках веснушек и круглые бегающие глаза. Этот нос делал Маханько похожим на акулу, а может быть, даже и на крокодила. Как потом мы узнали, большая часть его работы в Гаване была связана с крокодилами. Он тайно занимался охотой на них и посылал в Москву крокодильи шкуры для жён цэковских работников. Тогда были в большой моде сумки из крокодиловой кожи. Кстати, он обещал мне показать крокодилью ферму. Но и здесь вмешался Вернер — сказал, чтобы с крокодильими делами я вообще не связывался. А Маханько всё настаивал на встрече, как он говорил, в неформальной обстановке. Намекал на поход к очаровательным мулаткам. И хотя я был готов согласиться, Вернер оставался неколебим.

И вот в один из вечеров Маханько сам явился к нам на пароход с сеткой, полной бутылок. Здесь была выпивка на любой вкус — и коньяк, и местный ром — бакарди, и сухое вино. Отказаться от всего этого было невозможно. Решили пировать в каюте у Вернера. Достали свои балыки и консервы и стали опорожнять бокалы под затейливые тосты Маханько. Вернер шепнул мне; ни в коем случае не напивайся, знаю я их манеры, споить человека и выведать у него всё, смотри, быстро тебя отсюда вышлют... А Маханько всё подливал мне и всё старался завести разговор на литературные темы, хвастал тем, что знаком с именитыми писателями. Я не был намерен раскрываться перед ним. Шутил, рассказывал анекдоты — не более. И на удивление, я не пьянел. И не я, а он стал откровенничать. Говорил об охоте на крокодилов, о том, как жадность губит крокодилов, как они, уже насытившись, бросаются на самую тухлую приманку. И главное — не испортить шкуру, тут нужно бить точно — объяснял он. «Это вроде акулы,— заметил Вернер,— той всё мало». И мы вспомнили, как в прошлом рейсе вытащили в трале акулу, она нам здорово помяла рыбу, её били ломом, потом рыбмастер стал резать большим ножом тут же на палубе. И, оглушённая, уже почти разрезанная пополам, акула продолжала двигать челюстями, заглатывая очередную рыбину и даже свои внутренности. Маханько стал рассказывать, как ему удалось добыть гигантского крокодила, величиной не менее акулы. Язык у нашего гостя уже заплетался. А Вернер всё продолжал подливать в его бокал ром. В час ночи Маханько с грохотом упал со стула и очутился под столом. Удостоверившись, что гость наш не притворяется, а действительно выбыл из строя, мы с Вернером не спеша допили ром. «Ты знаешь, в чём его ошибка,— сказал рассудительный Вернер,— он очень хотел напоить тебя и не рассчитал свои силы, он ведь спортсмен, а ты на вид — не очень, одно слово — писатель...»

Я полагал, что после этой пьянки Маханько отвяжется от меня, но через неделю он пришёл с «открытым забралом». Сказал, что ему нужно доложить в «контору» о том, что мною написано за последнее время, имелись в виду два последних рейса, предыдущее, как я понял, уже было доложено другими «затейниками». Я послал

этого крокодильего деятеля подальше. И после этого ждал скорого своего отзыва из Гаваны. Но, однако, прежде меня чудесный этот город покинул Маханько. Москва срочно вызвала его.

Через год я узнал, что моего визави расстреляли. В это я не хотел верить. Я полагал, что расстрелы закончились со смертью кровавого горца. Но потом мне объяснили, что никакой политикой здесь и не пахло. Что Маханько сгубила жадность. Он должен был забивать строго ограниченное число крокодилов. Но решил подработать сам, тайно переправлял шкуры через знакомых моряков — с кем-то не поделился, а может быть, и проболтался, ведь комсомольские вожаки были всегда такими открытыми... О, если бы его помиловали, и он дожил бы до перестройки. Наверняка стал бы олигархом — такие, как он, сейчас на самом верху нашей шатающейся пирамиды.

ЭКСКУРСИЯ

Впервые в жизни я заблудился в городе. Сначала пытался выехать из него на машине и долго кружил по кривым улицам центра, выбрался, наконец, на широкие проспекты, пытался понять, что написано на указателях, каюсь, английский язык я знаю плохо, да к тому же никак не мог разобраться — английский это или шведский. И, как ни кружил по проспектам, всё время выезжал в центр города. Каждый автомобилист, путешествующий по незнакомым странам, подтвердит вам, как тяжело выехать из большого города. Тем более из такого, как этот. Особенно в воскресенье, когда его улицы пусты и спросить дорогу не у кого. Напрасно я не пожелал оставаться в экскурсионном автобусе. У меня какое-то давнее неприятие к такому способу знакомства с неизвестной мне страной. При одном только виде туристов и туристок из нашей группы меня начинало подташнивать. Путешествующие пенсионерки, слишком суетливые и говорливые. Их угрюмые мужья. Девицы, ищущие знакомств. Да и сосед попался, профессор-историк, который всё время пытался поправлять экскурсовода. И ещё этот голос экскурсовода, искажённый микрофоном: посмотрите налево, посмотрите направо, прямо перед вами — памятник старины, памятник полководцу, в таком-то году такого-то числа в такой-то битве было убито столько-то тысяч... Цифры, конечно, никто не запоминает. Чужой город остаётся непознанным. Зато шофёр туристского автобуса знает, в отличие от меня, по какой дороге можно выехать из города. Что же, успокаивал я себя, когда кончился бензин, и на пути не встретилось ни одной работающей бензоколонки, оставлю машину на центральной площади и пойду пешком. Я ведь всегда любил ходить пешком по незнакомому городу, открывая для себя его достопримечательности и исторические места. Я всегда хорошо ориентируюсь в пространстве. Наверное, сказалась морская практика. В море, где почти нет ориентиров, я всегда точно знал, каким курсом идёт корабль. И не только в море. Я всегда знал, как мне выйти из любого, самого незнакомого леса. Во-первых, всегда надо знать, где солнце, даже если небо в тумане или нет просвета в тучах. Деревья, их кора, кольца на пнях — тысячи примет. А главное — твёрдо знать свой курс. Я и в незнакомых городах иногда ориентировался по солнцу. Помню, в Берлине рано утром я возвращался с другом-поэтом в гостиницу. Мы вышли на станции метро в Кройцвальде. Куда идти дальше, не знали. Слишком было рано, и улицы были пустынны. Спросить не у кого. Да я и не люблю спрашивать. Если ты спрашиваешь — значит, чужак, турист или гастарбайтер — и смотрят на тебя свысока. И я сказал поэту — не суетись, давай постоим немного. Мы остановились, и я смог за городскими огнями угадать светлеющий край неба — это был восток. Я чётко помнил, что гостиница

расположена к югу от станции метро. Мы зашагали на юг, и вышли точно к нашей гостинице. Я исходил пешком не один десяток городов, и моя память запечатлела их дворцы, замки и площади, направления их главных улиц, их реки и их памятники.

И по этому городу, оставив на площади возле памятника знаменитому маршалу свою машину, я уверенно зашагал на восток, понимая, что, если придерживаться взятого курса, можно выйти из города, найти работающую бензоколонку, а главное, понять — как можно выехать. Поначалу я шагал бодро, но с каждым часом моя уверенность таяла. Меня смущало отсутствие других пешеходов и полное отсутствие машин. Сначала я подумал, что слишком ранний ещё час, люди любят отоспаться в выходные дни, потом я вспомнил, что экскурсовод объяснял что-то о моногородах. О том, что здесь был автомобильный гигант. И что это город-музей. Я тогда не дослушал его объяснение, мне подогнали фордик, об аренде которого я заранее договорился. Я пообещал экскурсоводу, а это был внушительного вида и роста пожилой немец, что догоню экскурсионный автобус в столичном городе этой страны. Как и всякий немец, экскурсовод любил точность, он недовольно покрутил свой ус и уточнил, что автобус будет в столице завтра ровно в одиннадцать, и ждать никого он не намерен. Я заверил его, что он может не беспокоиться, что я не первый раз за границей, что я моряк и успел побывать на всех континентах. Он пожал плечами и заговорил по-немецки, я понял, что он не очень уверен во мне и не хочет отвечать за необдуманные поступки. И ещё он добавил по-русски, обращаясь не только ко мне, но и к остальным экскурсантам: «О, эти русские, они не признают порядка! И часы изобретены не для них!»

Сейчас он может торжествовать, уже половина первого, а я ещё в этом городе, от которого до столицы шесть часов езды. Вот я миновал торговые ряды — тоже пустые, ну, конечно же, воскресенье. Перешёл через мост, одинокий трамвай застрял на соседней улице и не думал начинать движение. Потом пошли высотки, стекло и бетон офисов. Сплошные каменные джунгли. Надо быстрее выбираться из них. Я миновал центр города, вышел через старинные ворота, когда-то здесь, очевидно, был въезд в город. Ворота были точно такие же, как в моём городе. Всё больше мне попадалось знакомых мест, впечатление было такое, что вроде бы по отдельности я всё это уже видел, но в целостную картину увиденное не складывалось. Вдруг между высотками возник вишнёвый сад, точно такой же, какой был возле дома моего детства. Я вошёл в него, чтобы отдышаться, отдохнуть от пустынных улиц и серых громад высоток, где не светилось ни одного окна. Здесь же среди вишен была беседка, а около неё качели, точно такие, какие были у меня в детстве. И странно, качели ещё покачивались, словно кто-то только что слез с них. Я несколько раз крикнул: ау! Кто-нибудь — отзовитесь! Ау! Никого. Будто был я не в вишнёвом садике, а в густом лесу. Отовсюду мне откликнулось эхо. Ни одной живой души. За садиком была баскетбольная площадка. Точно такая же, как в моей школе. Кольца без корзин, деревянные полусгнившие щиты. Похоже, что никто давно уже не бросал здесь мяч. Я огляделся, вот и находка, баскетбольный мяч притаился в траве. Я поднял его и почти не глядя на щит швырнул в кольцо. С середины площадки — и — о чудо! — мяч проскочил в кольцо. Такое было со мной только один раз в жизни, когда я приехал на каникулы в свой родной город и, чтобы подзаработать, нанялся тренировать ремесленников. Помню, я пришёл на первую тренировку, они уже ждали меня, сидели плотно на скамейке, все как на подбор рыжие и веснушчатые. Я вышел на середину баскетбольной площадки, ко мне подкатился мяч, и я, так же как и сейчас, не глядя, зашвырнул его в кольцо. Изумлённые ремесленники долго не могли закрыть рты. А я никогда больше не мог повторить такого броска, да и старался при моих подопечных не бросать мяч с такой

дальней дистанции. И вот, на тебе, после долгих лет такое удачное повторение. За площадкой было здание школы, а дальше опять высотки.

Современные высотные дома во всех городах одинаковы. Но здесь они несли в себе какую-то тайну — ни одного светящегося окна, и двери во всех подъездах закрыты. Витрины магазинов тоже не светятся. Вода в моей фляге скоро закончится. Томиться жаждой в большом городе — в это никто не поверит, ты же не в пустыне. Но впечатление такое, что здесь все вымерли. Но этого не может быть, зачем тогда нас привезли сюда на экскурсию. В программе путешествия этот город не значился, но с самого начала поездки все говорили, что его нельзя миновать, что надо учиться видеть не только столицы, что это наше будущее. Уж какое тут будущее, если его покинули жители. Я прошёл ещё несколько улиц и с удивлением обнаружил, что вышел на ту же площадь, с которой начинал движение. Всё тот же бронзовый маршал возвышался на коне, всё также была эта площадь пустынна, ничего не изменилось, за исключением того, что моего фордика нигде не было. Это и расстроило, и одновременно обрадовало меня. Значит, в городе есть люди. Надо найти отделение полиции и заявить об угоне автомобиля. Я заплатил немалую сумму за аренду, теперь не хватало того, чтобы с меня потребовали его стоимость. Хорошенькое получается путешествие.

Я обошёл прилегающие к площади улицы — ни полицейских, ни открытых магазинов. Затем я пошёл к рабочим кварталам, они обычно расположены на окраине городов, в непосредственной близости от заводов. И от них я сумею выйти к загородному шоссе и остановить попутную машину. Я шёл по направлению видневшихся вдали труб. Чем ближе я подходил к этим трубам, тем узнаваемее становилась местность. Такие же безликие дома, как и в моём городе. Я ведь до того как пойти в морские походы, работал на заводе. Жил в таком же подобии барака. В рабочем посёлке. Там всегда было шумно и весело. Вот и дом передо мной — почти что и мой, у дома яблоневый садик и высокая голубая башенка — это голубятня. Уж не сон ли это? Я ущипнул себя. Картина не изменилась. Здесь голубятня уцелела, а там, в моём посёлке, её разобрали в тот год, когда завод засекретели, считали, что рабочие могут с голубиной почтой передавать сведения о заводе. Сейчас это кажется смешным, рассказать кому-нибудь — не поверят. Пришло время Интернета и мобильников. Кстати, придётся позвонить. Я достал мобильник, номер нашего экскурсовода, к счастью, там был сохранён, но иное препятствие встало на моём пути — мобильник разрядился, а зарядное устройство я оставил в машине...

Тяжёлое впечатление производят бараки, а когда они не заселены — и вовсе грустно смотреть на них. Всякий брошенный дом быстро разрушается, вся начинка его, все системы приходят в негодность. Стёкла выбиты, двери распахнуты. Я зашёл в первую попавшуюся дверь и очутился в комнате, очень похожей на ту, в которой я прожил несколько десятков лет, когда приехал на завод по распределению. Такая же печка отделяет гостиную от кухни, из окна виден сад, причудливое переплетенье веток. Повезло мне на кухне, я обнаружил большие бутыли с вином, мы ведь тоже в том нашем бараке ставили вино, вишнёвку, с завода приносили большие бутыли, делали отвод в пробках для воздуха и настаивали. Надо было следить за тем, чтобы вино не перебродило. Здесь никто уже давно не заботился о вине. Бутыли покрыты пылью. Я был лишён какого-либо выбора. Воды в кранах не было. И я стал жадно пить вино прямо из большой бутыли. Настроение моё улучшилось. И я бодро зашагал к проходной завода, напевая песню юности про монтажников-высотников.

Возле проходной завода я увидел людей, наконец-то всё должно разрешиться, я ускорил шаг. Фигурки людей были неподвижны. И по мере моего приближения они росли в размерах. Застывшие великаны. Ещё несколько шагов, и я смог дотро-

нуться до ближайшей фигуры и почувствовать холод металла. Это были памятники. Изваяния окружали проходную. У одной фигуры был на плече отбойный молоток, другая стояла с тачкой, ещё несколько фигур держали в руках разводные ключи. Все они были, как и положено, в касках. Рабочие на заводах редко надевают каски, только в том случае, если ждут проверяющей комиссии. Я ходил от фигуры к фигуре. Что-то помнил я об этом памятнике. Солидарность, наверное. Но это в Польше, это в Гданьске, в прошлом веке. Я миновал заслон из бронзовых рабочих и подошёл к проходной. Заводские ворота были открыты. На дверях мемориальная доска. Язык мне неизвестный. Разобрал только слово — кризис и комитет. Ну конечно, это памятник рабочим, защищавшим завод в те годы, когда его хотели закрыть и всех уволить. Где-то я читал об этом. Всемирный кризис, моногорода, переселения... Хмель выходил из меня, и я начинал уже догадываться, куда я попал...

Заводские цеха подтвердили мои догадки. Я увидел сотни Мерседесов, все они были окрашены в красный цвет, они стояли ровными рядами, один к одному. И конца эти рядам не было видно. Я сел в ближайшую машину. Подумал — вот моё спасение. Сдам этот Мерседес вместо пропавшего фордика, должны принять, ведь эта машина намного дороже. Но ничего не вышло. Ни эта машина, ни другие не заводились. По-видимому, их не доделали здесь до конца. Конечно, если повозиться, можно наладить. Но тут провозишься до ночи. Этот вариант был не для меня. Пройдя вдоль, казалось бы, бесконечного ряда машин я вышел к другим заводским воротам. На том заводе, где я работал, тоже было несколько ворот с проходными, где круглые сутки, сменяя друг друга, дежурили бдительные вахтёры. Здесь проходная была пуста. Никто не собирался меня задерживать, никто не спрашивал пропуск. На моём заводе через дальние ворота мы выходили напрямик к рабочему посёлку. Через болотистое поле бежали по утрам, чтобы успеть проскочить проходную до восьми часов. Бежали мимо кладбища. А когда шли с работы, особенно в дни авансов и получек, забредали на кладбище с бутылками в карманах. Удивительно, но и здесь за проходной открывалось заросшее камышом поле-болото, а справа от него — кладбище.

Я вспомнил, что в моём городе дорога, по которой выезжали из города, проходила мимо кладбища, и пошёл туда, где виднелась кладбищенская ограда и часовенка перед нею. Было видно, что давно уже никто не посещал это кладбище. Если брошен город, то что говорить о кладбище. Дорожки здесь никто не расчищал, могилы заросли кустарником, многие надгробия разрушены, кресты повалены. Я шёл по тропке мимо памятников и надгробий. Надписи на чужом языке. Но фамилии можно прочесть. И фамилии тоже не русские. И вдруг в глаза бросается очень знакомый набор букв. Господи, да это же моя фамилия. Впрочем, ничего удивительного. Может быть, и однофамилец, а может быть даже и какой-нибудь дальний родственник из тех, что эмигрировали ещё в прошлом веке, убегая от кровавого колеса террора. Но что за чудо. Имя ведь тоже моё. Удивительное совпадение. И год рождения сходится. Вот чудо! Но год смерти? Здесь какая-то ошибка. Этот год ещё не наступил. Просто перепутали цифры...

В канаве рядом я отыскал ржавую лопату, расчистил тропинку, привёл в порядок кусты, проредил их. Потом долго сидел на сырой земле и смотрел на надпись. Уж не я ли сам лежу под надгробьем, вот какая нелепая мысль! И захотелось лечь здесь, прямо на могильный холмик, и заснуть. Ведь всё равно мне не выбраться из этого города. Но эту минутную слабость я поборол и поднялся. Надо было спешить, солнце уже прикоснулось к горизонту. Пора было подумать и о ночлеге, и о том, где можно перекусить. За кладбищем я легко выбрался на шоссе.

Дорога, к сожалению, была пустынна. В принципе, ничего удивительного, если город пуст, то и дорога никому не нужна. Я пошёл вдоль шоссе по узкой тропке, по-

том выбрался на асфальт — так идти стало легче. И вдруг за спиной услышал гудок. Я обернулся — ко мне медленно приближался экскурсионный автобус со светящимися фарами и светящимися окнами — он был в этом мире живым островом тепла, он был сама жизнь, и желаннее его ничего не было. На прицепе автобус тащил фордик. Автобус затормозил. Первым из него вышел немец-экскурсовод, за ним пенсионерки и их мужья. Все радостно и приветливо улыбались. Даже экскурсовод, который сначала подошёл с недовольным видом. Но особенно рад был сосед-профессор:

— Наконец-то! Мы Вас повсюду искали! Как Вам город? Потрясающее воздействие! — восклицал он.— Каков музей прошлого! Как, Вы не были в музее кризиса? Не нашли? Так это же на острове в самом центре. Значит, Вы совершенно не знаете тайн этого города...

И ПРИХОДЯТ МАРОДЁРЫ...

Часто мне снится один и тот же сон. Я лежу раненый на очень сырой траве. Возможно, это не трава подо мной, а кровь. Я слышу стоны. Рядом такие же, как я, бедолаги. Раздаются шаги. Стоны усиливаются. Но я-то знаю из предыдущих снов, что надо молчать и ничем не выдавать себя. Надо дать возможность бредущим по полю битвы обшарить твои карманы. Пусть возьмут, что хотят, но не выстрелят в тебя. Деньги, фляжки, сухари — чем ещё можно поживиться. Письма, столь дорогие для тебя, выбрасываются в траву. На рассвете, уже в полусне видишь поле, усеянное белыми хлопьями. И, очнувшись от тревожного сна, понимаешь, что в который раз уцелел и не стал жертвой мародёров. Ты был ранен, и у тебя не было сил, пытаешься оправдать себя.

Рассказываю сон своему соседу-ветерану с лицом, обожжённым порохом, и единственным красноватым глазом. В Пруссии он чудом выбрался из горящего танка. Он видит тоже сны о войне и пересказывает их мне. Иногда эти сны перемешиваются с воспоминаниями. У него тоже есть один повторяющийся сон. В этом сне он сам становится мародёром. Повозки остановлены на опушке леса. Падает медленный липучий снег. В колясках вместо детей — посуда и серебряные подсвечники. У каждого беженца часы. Только успевай снимать. И тут снег перестаёт падать. Расступается белая пелена. Блестит морозное солнце. И генерал, спрыгнувший с виллиса, на ходу расстёгивает кобуру. Мой сосед, раненый, падает в снег и видит, как генерал тоже падает. Стреляют сзади...

— И чего ему не сиделось в машине, ехал бы по своим генеральским делам, слишком боевой был,— ворчит ветеран, словно это и не сон мне рассказывает, а реальное событие. И бурчит, множа давние обиды.— Солдат за часы к расстрелу, а сами смершевцы и штабные генералы собирали ковры, кресла, шубы — в аккуратно упакованных ящиках вагонами отправляли. Они что? Не мародёры, что ли?...

Он прав, так уж сложилось, генералы не могут быть мародёрами. Мародёры — это солдаты, прячущие снятые с убитых часы и кольца в потайные карманы...

Я тоже часто не могу отличить сны от воспоминаний. Особенно, если эти сны приходят на рассвете. Это уже не во сне, а наяву. Разбомблённый эшелон. Паровоз сошёл с рельсов, уткнулся в насыпь — железный дымящийся кузнечик. Мы уцелели, наш вагон только немного накренился, но тоже горит. Мы спрыгиваем на землю. Солдат-охранник тащит узел с одеждой в кусты. Я знаю этого солдата, он дал мне сухарь. Его настигает другой солдат. Они катятся по земле. И тут хлопок выстрела. Солдат-охранник корчится, зажав руками живот. Хренов мародёр,— говорит командир

в красной фуражке, засовывая в кобуру револьвер. Так я впервые слышу это слово. И плачу — мне жаль солдата-охранника.

Потомки мародёров стали менеджерами. Они не выворачивали карманы и не грабили магазины. Они даже стали не только менеджерами, но и директорами приватизированных заводов. И стали грабить свои заводы. Фуры и вагоны с награбленным шли на запад.

А те, что не смогли стать директорами и менеджерами, пошли в охранники — им нравится быть стражами правопорядка. При любой аварии и при любом несчастном случае они оказываются первыми на месте происшествия и бродят среди трупов, выискивая добычу, — теперь это уже не сухари и фляжки, а мобильные телефоны, доллары, евро и кредитные карточки. Белые хлопья не усеивают поле. Никто не носит с собой писем, да и кто в наше время пишет письма... Разве только влюблённые поэты.

Моему знакомому поэту подвалило счастье. Нет, он не стал мародёром или рейдером, это занятие не для поэтов. Просто его завод захватили рейдеры. Ворвались в кабинет директора с боевыми качками, поставили своих охранников. Называется это — недружественное поглощение или силовой захват. А рейдеры — это те же мародёры. В переводе и то и другое слово означает — захватчики. И мой поэт почти год не ходил на работу, писал свои вирши, получал регулярно зарплату. И не один он, а всё конструкторское бюро в полном составе. На завод приходили только газорезчики и грузчики. Они разрезали почти готовые пароходы и отгружали металл в Испанию. Когда все свои корабли разрезали, принялись за трубы подачи пара и воды. Потом и сами стапеля стали резать.

— Чему же ты радуешься? — спросил я тогда знакомого поэта, глядя в его весёлые глаза.— Ведь это всё скоро кончится!

— На мой век хватит! — уверенно ответил поэт.

Через год он перестал получать зарплату, видимо, на заводе всё, что могли, порезали. Рейдеры стали нефтяными магнатами, клопами присосались к нефтяному вентилю, а поэт вынужден был пойти в дворники. Не худший вариант. Всегда на свежем воздухе. Как Андрей Платонов. Маши метлой и сочиняй, что захочешь...

Что его завод? Так, небольшая верфь. Никто и не вздрогнул. Вот на другом большом заводе не только всё оборудование вывезли, но и цеха разобрали. Решили сделать на месте завода современное обогреваемое футбольное поле, претендуют на проведение здесь матчей мирового первенства. Язык не повернётся назвать мародёрами тех, кто заботится о футболе. Никакой расстрельной статьи им не грозит. Скорее всего, будут подвергнуты преследованиям те, кто не занимается мародёрством и осуждает его.

И ещё из сонников: видеть во сне мародёров — предвестие того, что кто-то из ваших знакомых совершит подлый поступок, за который вы его никогда не простите. И ещё хуже во сне быть самому мародёром — такой сон обещает всевозможные тяготы и невзгоды, знайте — наступает неудачный период в вашей жизни...

БОРИС МИСЮК

МАО — МОЙ СОСЕД

быль

С юных лет ярый сторонник теории «большого скачка», ставя телегу впереди лошади, я заявляю сразу: если б не пожар на заводе двигателей КамАЗа в 1993 году, так бы оно и было — я мог стать соседом Мао Цзэдуна... И Дэн Сяопина тоже...

Семь десятилетий плясали мы от печки, затопленной в 1917 году. В Китае, соответственно, пляшут от 1949-го, когда над площадью Тяньаньмынь в Пекине был поднят красный флаг из шёлка площадью чуть меньше самой площади — более полутора тысяч квадратных метров — знай наших! Большая жёлтая звезда на флаге символизировала, конечно же, компартию, а четыре малых — четыре класса китайского народа: рабочих, крестьян, городскую буржуазию, национальную буржуазию. Я ничего не выдумываю, а цитирую «Краткие сведения о Китае», изданные в Пекине в 1992-м в издательстве «Синьсин». Две звезды из четырёх — буржуазия, каково?!

Ну, ладно, к буржуазии мы скоро подъедем вплотную, а пока — о тех далёких временах, обагрённых сенью гигантского флага. Вскоре после своего Октября, младшего брата нашего октябрьского ноября (ноябрьского октября), в Пекине собрали целую армию талантливой молодёжи, за год поднатаскали в русском языке, выдали каждому по два чемодана с флотский рундук величиной, набив их трудами Мао, толстенными словарями, стандартной синей робой, кастрюлями, мисками, прочей кухонной утварью, конечно же, этими щепками, которыми они едят, и отправили в СССР учиться. Через пять лет та же самая армия, но уже — инженеров и учёных, вернулась в Китай, чтобы петь за нами: «Мы наш, мы новый мир построим. Кто был ничем, тот станет всем!» Сейчас у нас, правда, поют: кто был ничем, тот стал никем...

Во многом нас переплюнув, китайцы в 60–70-е годы «культурной революции» успешно передушили половину своей интеллигенции. И когда, уже в 90-х, северным ветром меня и мой пароход занесло на ремонт в Шанхай, я не чаял найти живыми своих однокашников-китайцев. Мне повезло, однако, — мы встретились с Чжао, не изменившим профессии корабела, благодаря чему и произошло это чудо: в полуторамиллиардном (без малого) Китае отыскать человека, с которым, к тому же, ты не виделся 30 лет, ох-хо-хо!..

Чжао, то и дело озираясь, понизив голос, поведал мне, что один из «наших» прибился к хунвэйбинам и хунвэйбинами же был затем казнён из-за каких-то разногла-

сий, разночтений цитат Мао, а двух других «в порядке критики» лишили всех званий-степеней и сослали в гиблую западную провинцию, где их натурально сожрали малярийные комары. Двоим же посчастливилось уцелеть. Вторым как раз и был Лю Пичин, с которым я в студенческие годы больше всех дружил. Чжао рассказал и о его мытарствах, о том, как Лю, пошедший по партийной линии, взлетал и падал, угробил здоровье и в конце концов осел у подножия Великой Китайской стены, в городе Саньхай-Гуань. Название это переводится буквально так: Сань — гора, хай — море, гуань — ворота. Верти как хочешь: Горные Ворота Моря, Морские Ворота Гор...

Нет, не зря два класса из четырёх, обозначенных на флаге звёздами, буржуазию символизируют, не зря! Стоило в конце 80-х приоткрыться границе, как население целых двух провинций Китая практически стопроцентно превратилось в купцов-продавцов. Обуржуазившись, провинции расцвели и продолжают процветать, несмотря на обнищание «старшего брата». Чан из города Суйфыньхэ, что в провинции Хэйлунцзян, сказочно разбогатев на торговле синтетическими костюмами «адидас» и пуховиками, в которые оделось было пол-России, переехал с семьёй на курорт Камень-Тигр, что неподалёку от Горно-Морских Ворот, купил домик и зажил, как у Будды за пазухой. Гешефта притом не бросил, а поскольку правители Китая, перестав брать пример с кремлёвских, не бегали с ножом за курицей, несущей золотые яйца, не только процветал сам, но и содействовал процветанию соседей. А соседи на курортах знаете какие?.. Правильно, крутые. Но не в новом нашем понимании, не бандиты и не «новые русские», то есть не «новые китайцы» в русских кавычках, а старые китайцы, без всяких кавычек предержащие власть в жилистых и по-молодому крепких руках. Китайский народ называет их «чиновники-торговцы». Партийная элита любую перестройку оприходует себе на пользу, если не сама её затеет, дабы исцелить дряблые телеса свои и сердце от ожирения.

Где завязываются самые тёплые знакомства? Конечно, в бане. Но это чисто русский вариант. А если взять шире, то — на пляже, на курорте. Камень-Тигр — шикарный морской курорт. К тому же недалеко от Пекина. Выбраться сюда и понирванить денёк-другой чиновнику-торговцу не так уж трудно, даже при нынешней двойной загрузке. И Чан с чинами столичными неслабо задружил...

Приехал в Саньхай-Гуань и я. На Канары в отпуск — этого мне не потянуть, а тут... Мой старый друг Лю с помощью своего нового друга Чана не только приглашение мне сделал, но и оплатил гостиницу и целый месяц меня, холостяка, кормил бесплатно!..

Да, господа-товарищи-соотечественники, вы правы — про сыр в мышеловке я вспомнил довольно скоро. Но — рано злорадствуете — вспомнил с улыбкой...

Забравшись в сию китайскую курортную тмутаракань, я должен был по сценарию моего хитромудрого, как дракон (сравнение — made in China), друга Лю играть роль рашен бизнесмена. Как ни странно, в этом краю непуганых психов (кажется, так говаривал бессмертный Остап) роль мне удалась. Можно даже сказать, я сыграл её с блеском.

Предусмотрительный Лю вместе с приглашением прислал мне список предметов торга, из тех, что снятся китайским бизнесменам: дешёвая рыба, дешёвый металл, то есть металлолом (желательно в виде пароходов и танков, годных к продолжению службы), лес, удобрения и пр. Я должен был проставить примерные цены и адреса фирм, торгующих таким добром. Трудности это не составляло, поскольку наши газеты с конца 80-х кормились рекламой, и даже районка «Ленинец», в которой трудился мой приятель Женя Лебков, была талантливо переименована им в «Объявленинец». Не больше часа пошелестев страницами рекламной «толстушки», бесплатно, как в пари-

жах и лондонах, рассовываемой по нашим почтовым ящикам, я преспокойно, словно на удачной рыбалке, накуканил десятка два всяких ТОО, ОАО, ЗАО, ООО, АОЗТ, ИЧП и пр. со всеми их адресами, телефонами, факсами и телексами. Кой-каким из них позвонив, проставил в списке Лю цены — вот и всех делов-то. «Рашен бизнесмен» созрел.

Лю встречал меня на машине Чана. Поразительно, но мой Лю за 30 лет почти не изменился внешне! Такой же чёрный — ни волосинки седой, улыбчивый, живой, предупредительный. Лишь через месяц, у самого финиша моего гостевания, Лю откроет мне секрет своего брюнетства, похвастав заодно отменным качеством китайской чёрной краски...

О-о, как умеют китайцы встречать гостей! Славная хлебосольством Россия, изрядно обнищав за годы «перестройки», пальму первенства в гостеприимстве уступила, пожалуй, именно Китаю. Хотя нет, нет, каюсь: странноприимного радушия русских селян никакой перестройкой, слава Богу, не извести.

Мудрости предков, знавших толк в «чайной церемонии», деятель Чан, сорокалетний шустряк на шарнирах, следовал с похвальным прилежанием. Однако всё течёт, всё изменяется. Чайную церемонию постепенно (в угоду русским ли, по веленью ль времени) подменили пиво-водочной. И называется это дело — к а м б э й, что в переводе означает: пей до дна! А начинается всё — да, с невинного чайника, полного чая, зелёного, душистого (с жасмином, в основном), целебного. Но очень скоро появляются бутылки, блюда, одно другого интереснее и вкуснее, краснобаи заводят состязание в тостах, и вот уже над столом под звон бокалов звучит сакраментальное: — Камбэй! Камбэй!!!

Салат из побегов бамбука, тушёный осьминог, отварные угри, жареная медуза, хрустящая, недурная на вкус, маленькие крабы, креветки, всевозможные ракушки. В общем, по китайской пословице: живущий у моря питается морем, живущий у горы питается горой. Китайская кухня, известно, держит мировое первенство, а южная провинция Гуандун — на первом месте в Китае. Тамошние повара могут приготовить более 2000 блюд! Всё, что растёт, летает, плавает — всё идёт в дело. Царские блюда — верблюжий горб, слоновий хобот, медвежья лапа, губы гориллы, зёрна лотоса с финиками, синее вино из змеиной желчи.

Пока я уплетал свиные хрящи и медузу, Лю просвещал меня на сей счёт. Об одном я его просил — не подсовывать мне собак и кошек.

Чан же изощрялся в жанре тостов, одновременно представляя мне гостей:

— Пожелаем здоровья и успехов в делах товарищу Го из Пекина, вот уже третий год не забывающему наш Камень-Тигр! Камбэй!

Грузный, не меньше центнера нетто, Го довольно залоснился.

— Обаятельная Юй Сяоли прилетела к нам из далёкой западной провинции специально для встречи с русским гостем. Выпьем за её мужество и удачу!

Юй Сяоли, оправдывая своё имя (Сяо ли — маленькая красотка), приятно улыбнулась, порозовев сквозь смуглую кожу от смущения. Миниатюрная, черноглазая, а возраст не определишь: лет тридцати в течение лет двадцати...

Камбэили мы (дарю нашим выпивохам новый глагол) допоздна. Зато с утра ко мне в гостиницу нагрянули бизнесмены. Срежиссировал действо Чан. Он прислал моего друга Лю с огромной сумкой, набитой питьём и едой. Чего в ней только не было! Три пачки чая, зелёного, чёрного, галеты, конфеты, бутерброды, палка копчёной колбасы, увесистый сектор сырного круга и полдюжины бутылок: сок, пиво, водка трёх сортов. Теперь я мог устраивать камбэи и сам.

Вскоре появились Чан с обаятельной Юй Сяоли. Я кинулся было церемонить чай, но обаятельная, не отпив и глотка, пошла на меня в бизнес-атаку. Решительная тётя

(я вспомнил вчерашний тост Чана) решила брать быка за рога. Итак, она — тореро, а бык — это я, и значит, мне надлежит вертеться и не сдаваться. Только я так подумал, Юй сделала первый выпад: — У нас в провинции строится большой аэропорт, и нам нужно парочку ваших ТУ.

Среди моих знакомых значился и лётчик. Отлетав своё в небе, он приземлился прямо на поле бизнеса и торговал и ТУ, и СУ, новёхонькими стреловидными, суперскоростными истребителями.— Парочку? — переспросил я.— Да сколько угодно! А СУ не надо? — Ой, надо, надо! — темпераментно обрадовалась Юй.— А почём? — Дорого,— на всякий случай отрезал я, но глаза-маслины вдруг засияли, оплавились, стали источать то ли оливковое масло, то ли миро. И я немедленно поднял руки: — Для Вас, синьора, будет сделана скидка.

Я уже готов был и к скидке штанов, но маслины легко, как мишуру, стряхнули лучистость и с матовым металлическим блеском устремились в перспективу коммерции. Китаю нужен металл, много-много дешёвого металла, которым завалена ваша страна. Ну да, старые пароходы, военные корабли,— в общем, всё то, что вам не нужно, металлолом. А у нас есть то, что вам позарез нужно: одежда, бельё, рис, тушёнка «Великая стена», овощи, фрукты, ёлочные украшения, электрогирлянды. Знаете, такие мигающие и даже подмигивающие — прямо цветомузыка, да. Ну и, конечно, знаменитая праздничная пиротехника, которой вот уже тысячу лет славится Китай!

Кадры из любимых фильмов детства проплыли перед моими глазами: Миклухо-Маклай, папуасы, бусы, кокосы. Из политэкономии, кою штудировал в институте, вспомнилось: бусы — товар — бусы-штрих. Кораблями, я знал, пресса сообщала, у нас успешно торгуют адмиралы. И я воскликнул радостно: — О, этого добра, очаровательная Юй, у нас для вас сколько душе угодно! — Цены? — Ниже рыночных! — парировал я, как актёр в рекламном ролике.— Цены вас приятно удивят!..— А крылатые ракеты можно у вас купить?..

Я открыл рот и непроизвольно заморгал. Маслины, моргнув ответно, стушевались. Мудрый Чан пришёл на помощь: — Ладно, ладно, оставим это нашим министрам обороны, друзья мои. Юй — по-китайски значит «рыба». Давайте о рыбе поговорим.— О да, да,— подхватила Золотая Рыбка,— нам нужно много дешёвой рыбы. Минтай, камбала! Если дёшево, то мы много возьмём!..

За месяц, прожитый в Китае, я услышу эту фразу тоже много раз. Если дёшево, то много! В любой бизнес-беседе она звучит, как рефрен в песне.

Мы договорились с Юй о новой встрече и разошлись, удовлетворённые друг другом, как любовники. Чан и Лю также, я видел, остались мной довольны и, видимо, именно поэтому тут же отвезли меня в апартаменты пекинца Го.

В трёхкомнатном номере фешенебельного пансионата на журнальном столике гостиной изогнули лебяжьи шеи белые лилии в хрустальной вазе, на расписанном драконами подносе стояли блюдца с лёгкой закуской, красиво сервированной, но явно на европейца: ветчина, сыр, маринованные огурчики, салат. Из холодильника Го достал запотевшие бутылки с пивом, водкой, водой. Кондиционер, негромко жужжа, рассасывал дым, так и валивший изо рта Го, курившего американские сигареты одну за другой. По-американски он себя и вёл. Во всяком случае, «если дёшево, то много» я от него не слышал.

— Нам нужны удобрения, большими партиями. Если договоримся о поставках, с транспортом не будет проблем.

— Мне нравится ваша уверенность, уважаемый Го, но как раз на нашей железной дороге на границе затор.

Я случайно прочёл об этом в газете накануне отъезда. Вот как полезно бывает читать на дорожку, подумал я.

— Нет,— Го улыбнулся, тая в заплывших глазках превосходство,— проблем в этом не будет. Всё предусмотрено. Я знаком лично с министром путей сообщения Казахстана. Наш состав стоять не будет.

— О, это здорово! — меня пронзила радость за «наш состав».

— У вас сейчас списывают много танков в металлолом,— Го раскрыл глаза пошире, как-то подобрался весь.— Так вот ваши танковые дизеля, компактные и мощные, нужны нам для деревенских электростанций. Китайские деревни,— брови Го нахмурились,— много ещё деревень — не имеют света.

Отбить танковую атаку Го я был не в силах и поднял руки:

— Простите, но о танках я ничего не знаю, не занимался ими.

— Товарищ Го знает,— вмешался Чан,— можешь ему верить. Когда вернёшься на родину, узнай и сообщи нам. Хорошо на этом заработаешь!

Го подлил мне водки и пива.— Вы же моряк, да?

Я кивнул, обрадовавшись: ага, значит, сейчас он выдаст, наконец, тост «За тех, кто в море».

— Россия имеет очень много старых судов и военных кораблей...

Боже, взмолился я, опять двадцать пять! А «чиновник-торговец» деловито, пыхтя очередной сигаретой, продолжал: — У крупных судов до 60 процентов бортовых листов стальной обшивки можно использовать вторично. На наших верфях уже научились это делать. Вот помогайте нам покупать такие корабли.

Господи, какие ж мы, оказывается, огромные и круглые, что у нас прямо с боков можно обдирать шкуру и тут же шить себе шубу. О да, огромные и круглые дураки! Боже, вот уж где в точку попал Верещагин: за державу обидно.

Корабли постоят!..— загремел в ушах родной голос Владимира Семёныча.

Не знаю, сколь долго ещё могло продолжаться это бизнес-кораблятство, если бы Чан снова не вклинился: — Давайте съездим на небольшую экскурсию, отдохнём немножко, развеемся,— предложил он, то ли заметив кислую мою мину, то ли подслушав ненароком Высоцкого у самых моих ушей.

И мы попылили на джипе Чана в китайскую Ялту — город Циньхуандао (в переводе — остров императора по имени Циньхуан). Лю остался дома: дела.

Китай — словно другая, неведомая планета. Вот даже само пространство между городами у нас свободно, у них — нет. Нет свободного пространства — и всё тут! Каждый метр эксплуатируется: земля — под огородные грядки, вода — под рыборазводные ерики, лягушачьи фермы, устричные садки, оросительные каналы. И везде копошатся люди, с утра до ночи, нередко с фонарями-фарами. Невольная мысль терзает извилины: нам бы хоть половину их трудолюбия — и мы могли бы прокормить всё земное человечество, да, всё на свете, а не только прогрессивное, как именовали мы соцлагерников и сочувствующих.

Какой, оказывается, большой и красивый город, этот Циньхуандао! Квадратных коробок почти нет. Видно, обмен опытом между китайскими и официозными советскими архитекторами этих благословенных мест не коснулся. Дома — оригинальных проектов, пяти-, десяти- и более этажные белые лебеди, золотистые соты, кофейные и «кофе с молоком» шкатулки с огромными золотыми иероглифами сверху вниз по торцу или горизонтально по фасаду, с большущими, как «Седьмое небо» на Останкинской телевышке, НЛО с окнами кругового обзора, с трапецеидальными башенками. Масса магазинов, гостиниц, харчевен с огромными, барельефно исполненными красными, зелёными, золотыми иероглифами по фасаду. Миллионы велосипедов,

стоящих у гостиниц, офисов, заводов, раскатывающих по улицам. Очень зелёный город. Тополёвые аллеи, свечи кипарисов, трепещущие акации. Вдоль широких проспектов — двойной ряд деревьев или палисадников, отделяющих проезжую часть для машин от двух боковых велосипедных дорог с односторонним движением.

На морском берегу — правительственные дачи.

Город-курорт с населением пятьсот тысяч превращается летом в четырёх с половиной миллионный мегаполис. И ухитряется быть относительно чистым, хотя мусорят китайцы напропалую. Но трудится целая армия уборщиков. И туриндустрия тут тоже — напропалую: сувенирные лавчонки, забегаловки, харчевни, рестораны, курортные комплексы.

Чан выбрал один из самых дорогих кабаков — с шикарными отдельными кабинетами на двоих, на четверых, с непременным karaoke и затемнённым до глубокого интима танцзалом, утопающим в коврах. За щедро сервированным столом господа-товарищи Чан и Го сделали мне главное деловое предложение. Оно звучало так: — Городские власти отвели нам большой участок (а земля на курорте о-очень дорогая!) под строительство сборочного цеха КамАЗов. Занять рабочие руки — проблема первоочередная здесь. Если поможете нам наладить поставку запчастей, мы для Вас,— Чан сделал паузу и торжественно поднял палец,— построим дом на берегу моря!..

Дар речи я, естественно, утратил. Буколические картинки поплыли перед осоловелым моим взором: выхожу это я, значит, поутру в плавках на бережок — ну да, прямо перед крыльцом собственного бунгало, потягиваюсь, вдыхая шашлычные — с китайским акцентом — ароматы, а через заборчик, значит, мне приветственно этак, поленински, машут ручкой добрые соседи — Мао и Дэн. Ага, и мы хором идём купаться. И резвимся в волнах, как дети. И хором же поём: *Русский с китайцем — братья навек! Крепнет единство народов и рас! Плечи расправил простой человек! Сталин и Мао слушают нас!..*

Через месяц, окрылённый, я летел домой. И первым делом, прилетев, ухватился за кипу газет, складированных для меня соседкой. И как-то, знаете, сразу бросился в глаза именно этот вот заголовок: ПОЖАР НА КАМАЗЕ...

Вот так и не удалось бедному Мао — хотя бы посмертно — стать моим соседом по даче...

АНАТОЛИЙ БЕРГЕР

СЛЕПАЯ ЖАЖДА ПЕРЕМЕН

* * *

Я всё внимательней и строже
Тот разговор, что начал сам,
Веду, пронзающий до дрожи,
С душой своею по душам.

К чему придём? Судьбой какою
Всё обернётся? Правда в чём?
Мой разговор с моей душою
На тайном языке своём…

* * *

Я вброд переходил Неву.
Что невозможно наяву,
Но было так на явь похоже,
И так темна была вода,
И я неведомо куда
Брёл, как калика перехожий.

И этот сон я сберегу —
Там, вдалеке на берегу
Недвижно мать моя стояла,
Объятий нам не разомкнуть…
Темна вода, неведом путь.
Сон, явь… Но разницы так мало.

* * *

Безмолвие, возьми меня в сообщники.
Пускай никто не слышит на земле,
О чём молчат стихов моих подстрочники —
Кусты, деревья, небеса во мгле.

Пусть птицы притаятся, не откликнутся,
И зябкий дождь застынет на лету,
Часы споткнутся, и замрут, и свыкнутся,
Что Время им догнать невмоготу.

И солнца зимний отсвет чуть забрезжится,
И спрячется обратно в полутьму.
И голос вдруг неслыханный прорежется —
Чей? Божий? Человечий? Не пойму.

* * *

Мы в каждом дне,
Как в западне,
И выбираться бесполезно —
Отбудет день, и ночи бездна
Как бы провалит нас в себя,
Дневные связи враз рубя,
А утром — выброс на поверхность,
Тугая маятника мерность,
Секунд слепая мельтешня —
Побег под белым флагом дня.

* * *

О чём бы век ни бормотал —
Прислушиваюсь с недоверьем,
Давно дивиться перестал
Его чужим павлиньим перьям.

Вороньей хитрости примет,
Вороньей воровской повадки

Ему не скрыть и тыщу лет,
Хоть люди на обман и падки.

* * *

Прошлое зябкой звездой отдаляется,
Словно от тела душа отделяется,
Словно бы смотришь на явь и на сны
Искоса, исподволь, со стороны.

Словно бы всё это ненастоящее,
Кем-то забытое, чуждое, спящее,
Глухо бормочущее иногда:
«Ты-то откуда явился сюда?»

* * *

Сибирь — печальная любовь.
Два года ссылки в том посёлке,
Где сани на зиму готовь
И жди медведя из-под ёлки.

Здесь лес сплавляли по Тубе,
Скотину содержали в стайке,
И представитель КГБ
Без нас ЦУ давал хозяйке.

И всё. Попал, как птица в сеть,
Тянулся срок, душа томилась.
И впрямь, о чём тут сожалеть?
За что любить — скажи на милость.

* * *

Сибирь, Курагино, зима,
Туба замёрзла, затвердела…
А всё же ссылка — не тюрьма,
Хоть власть об этом не радела.

И здешний — не тюремный люд,
Хоть и знаток того жаргона,
Как выпьют — песни запоют
В дыму махры и самогона

Про Стеньки Разина челны —
Не про колымские зачёты,
Такие, знаешь, певуны,
Говоруны такие, что ты…

* * *

О, бедная моя строка,
Ведя подсчёт моих печалей,
Была ты на подъём легка.
С тобой играли мы вначале,
Но нынче кончилась игра,
И жить, и умирать пора
Взаправду.
Тут не до расчёта,
И не до росчерка пера.
Ну что, небось, примолкла?
То-то.

* * *

Прозрачная прохлада.
Небес голубизна.
И облачное стадо.
Блеск белого руна.

Сентябрь — пастух усталый
Присел невдалеке.
Лист пожелтевший, палый
Дрожит в его руке.

О чём же он вздыхает?
Ума не приложу.
И сам, видать, не знает,
И я не подскажу…

* * *

Тяжёлый дождь наизготовку
Темнеет на краю небес.
Оценивая обстановку,
Держа штыки наперевес.

Того гляди в атаку хлынет,
Громоздко, гулко топоча.
Лес зябко съёжится, застынет,
Ветвями голыми торча.

Ворона каркнет заполошно.
Весь мир оповестит она,
Что всё подстроено нарочно
И век не кончится война.

* * *

Пронизывает ветра гул
Оцепенение лесное.
Вдруг лист сорвался и мелькнул
Размашистою желтизною.

И наступила тишина
Отчётливо и неуклонно.
Огромной осени страна
Вошла в права свои законно.

И я — пришелец, может быть,
Жилец далёких пограничий,
Твержу, стараясь не забыть,
Её язык, её обычай…

* * *

С берёзами играя в перегляд,
Бреду среди зимы, снежинок дрожи
Который день, который год подряд —
Привычный, примелькавшийся прохожий.

И кто я здесь, и что держу в уме,
Что выведать хочу у перелеска,
Неведомо забывчивой зиме,
Ни воронью, взлетающему резко,

Ни тишине замкнувшихся небес,
Что и сама порой ответа просит.
Я был. Я есть. Я шёл здесь. Я исчез.
Прощально снег шаги мои заносит…

ЛЕНЕ

1

А если бы не встретились с тобой,
И неизвестной ныне нам судьбой
Кружила колея и завивалась,
И не было бы наших дней, ночей,
И наших нескончаемых речей,
Всей жизни, что когда-то нам досталась…

А было б то, что, к счастью, не сбылось,
Чего изведать нам не привелось,
Но чудится, подсказывает кто-то,
Что ты во снах мелькала бы моих,
Метафорой бы в мой врывалась стих,
Звала звездой небесной в даль полёта.

2

Так оказалось, так сошлось —
Любовью первой и последней
Ты стала мне. Нельзя нам врозь,
Всё было бы темней, бесследней,
Звезду не знала бы звезда,
В ночи прополыхав безвестно,
И опустел бы свод небесный
Необратимо, навсегда…

* * *

В тишине, белизною одетой,
Проскрипели внезапно шаги.
Между веток открылись просветы.
В небесах полыхнули круги.

После ночи глухой и метельной,
Просыпаясь, очнулся январь.
Огляделся — зима безраздельна,
Снизу снег, наверху киноварь.

Шаг людской, птичий посвист летучий,
Приклонённого леса молчок,
Сочетание зимних созвучий,
Разбегание зимних дорог.

* * *

Зима вокруг меня кружит,
А я средь суеты обычной.
И день, что мною пережит,
Мне вслед взирает безразлично.

Деревья ёжатся в снегу,
Во мгле небесной нет просвета,
Остановиться на бегу
Не может ни на миг планета.

Жизнь убывает, и снуют
Безостановочно и скоро
Снежинки. Сеть над миром шьют,
Не выберешься из которой.

* * *

За часом час и день за днём —
Меж ними не найдёшь отличий,

Меж облаками синь проём.
Он краток, словно посвист птичий.

Не знающим про времена
Как хорошо — для них всё длится
Одна секунда — лишь одна,
В ней море, облако и птица.

* * *

И что нам Блок, когда б не строки?
Шут, неврастеник, манекен,
Семейные дурные склоки,
Слепая жажда перемен.
И этот голос монотонный,
И безысходные глаза,
Когда бы на страну с разгону
Вдруг не обрушилась гроза,

Когда бы ни сбылись все сроки
Его пророчеств на Руси —
На что нам Блок? И что нам в Блоке?
От бед своих Господь спаси…

ВИКТОР СТРЕЛЕЦ

«И ДУША У МЕНЯ БОЛИТ...»

Вышел первый номер поэтического альманаха-навигатора «Паровозъ» под эгидой СРП (и на время поэтического путешествия его создатели превратились в паровозную бригаду: главный редактор Светлана Василенко — в начальницу состава, редактор-составитель Владимир Мисюк — в машиниста паровоза, литредактор Валентина Кизило — в проводницу...). Навигатора! Этакого масштабного в пределах Союза (и не только) разведчика поэтических лошадиных (Пегас — лошадь, хотя и с крыльями) сил. Роль альманаха (рабочей лошадки) традиционно в этом и заключается: в представлении текущего состояния литературного творчества. Представлено восемьдесят девять авторов с достаточно солидными «послужными списками» публикаций. И кто из них Бунин или Щепкина-Куперник — не столь уж важно. Это дело времени... Всё со временем наивнеет в сторону ностальгического ретро. Тем не менее альманах — вот он, приятен на взгляд и на ощупь. Задиристый дизайн бросается в глаза сиюминутной свежестью. Да и всё оформление (художники Павел Маркин (Ёж) и Катерина Арт) композиционно продумано. Поэты порционно рассажены по вагонам (есть даже вагон-ресторан для гуляк; почтовый — переводы, международный — русские поэты, живущие за рубежом, багажный — критика), вагоны географически привязаны к городам. Состав снабжён напутствиями-предисловиями идеологов... Катит сегодняшняя поэтическая Россия...

Наверное, сам факт появления издания в широком контексте — уже вызов «тусовочной» структуре сегодняшней литературной жизни. В этом смысле он задирист не только внешним видом, но и внутренним: стилистически. Без какой-либо выдающейся из ряда вон «камасутры языка» и фонетической «позы». Не для снобов — скажем так. Не для артистов языка, отделяющих стих от поэзии, как писал Иннокентий Анненский. Хотя на страницах «Паровоза» можно найти графические «изыски» (Андрей Коровин, Валерий Архипов, Сергей Бирюков, Инга Кузнецова, «экономящие» на знаках препинания и заглавных буквах, или Андрей В. Богданов со своим «зеркальным» письмом). Это касается и метрики. В основном — испытанные ямбы-хореи-дактили-амфибрахии, судя по всему, гибкость не исчерпавшие. Вполне вмещающие изречённую мысль, которая в конечном итоге всегда, как известно, ложь. Впрочем, мысль поэтическая. Вмещающая и медитативные погружения, и прямое

публицистическое высказывание. Попадаются — в процентном отношении ничтожные — и вольные размеры. «Вещь поэта самоударяет — собой, самовопрошает — собой» (Марина Цветаева). В любом случае альманах-навигатор добавляет «цветистости» в сегодняшний литературный процесс.

Светлана Василенко отметила в предисловии, что провинция не уступает столице в «лошадиных силах», что понятия «столица» и «провинция» в этом смысле весьма условны. В сущности, настоящий поэт — сам себе столица. Даже посаженный в вагон железнодорожного поезда или ещё куда. «Мои стихи, как отпечатки пальцев, Непоправимо выдадут меня» — реминисценцией из Марины Цветаевой выразила ту же мысль Любовь Бессонова. Единственное, в чём поэт «уязвим»,— он не в состоянии выскочить из своего времени (разве что в крайнем случае). Проскочить как-нибудь бочком. Он им отягощён по природе. Поэт — концентрация времени, по Пастернаку — у вечности в долгу. Традиция ответственности русской поэзии. Подобная тенденция характеризует и данный альманах. Не без «музы мести и печали» написано:

... На переезде одинокий дом,
бельё намокшее (хозяйка позабыла),
уже рассвет, но ни души кругом,—
всё-всё, что сердце русское любило
и любит, ревностное, поверяя снам,
за безысходность бытия земного,
за безнадежность, за тоску, за срам
минувшего... не надо мне иного!
Вот э т о Родина. куда ей без меня?
(Анатолий Богатых)

... Да, эта местность безобразна,
Но это родина моя,—

вторит ему Александр Логинов с зашкаливающими эмоциями. («Да и такой, моя Россия, Ты всех краёв дороже мне» — А. Блок). Галина Щёкина назвала свою подборку многозначительно — «Развалины». То есть гражданская лирика никуда не девается. Она по-прежнему надеется на прямую силу слова и на определённые «достоевские» моральные координаты («... где верят на слово, и верят в слова, и помнят, откуда они» — Александр Трунин). Глобализм, однако, на дворе с его эффективностью финансовых потоков, которому не до наших лирических отступлений от прогресса...

Среднестатистический автор альманаха по возрасту человек... с опытом — личным и социальным («Пишу, как динозавр, который скоро вымрет» — Александр Трунин). Если литература, как вершки, обладает какими-то реальными корешками, то корешки эти весьма горькие. Поэты так или иначе являются носителями духа своего времени. Альманах — своеобразно закодированное мироощущение поколения. Поколения, болезненно принявшего на себя тектонический сдвиг страны последних десятилетий — действительно весьма драматичный. Об этом у Владимира Макаренкова:

Как плуг без поля, серп без хлеба,
Заржавел без земли мужик...
... И, как маслёнку, поллитровку
Таит на дне его сума.

«Вызрело в сердце железное семя», — пишет он же в другом стихотворении. Понятно, о чём идёт речь.

... Или вправду мы виноваты,
что Россия трещит по швам? —

читаем мы у Николая Алешкова без обиняков. С последней прямотой. С баррикадной прямолинейностью даже... Не до «эстетики», стало быть, — рука горячая. Состояние ещё очень эмоциональное. Ольга Григорьева тоже как бы под горячую руку написала потрясающе мужественное стихотворение-заклинание «Никогда не оглядывайся». С эпиграфом из Ветхого Завета. Вроде бы с обращением к себе. Заклиная свою память. Вроде бы принимающая закон движения вперёд, соглашающаяся с ним, ибо в оглядке, в прошлом мало практического толку. Пример с Лотом поучительный, с Орфеем опять-таки...

... И зачем тебе лишняя рана, на сердце след?
Нет давно страны, где мы с тобой родились,
И отцов, за неё воевавших, на свете нет.
Прогони эту память, эти химеры прочь,
И тогда пойдут отлично твои дела.
Позабудь язык, страну, родителей, дочь,
Как жена Сальвадора Дали — Гала.
Что ещё в эту долгую ночь я могу сказать?
Снова память стучит в висок, прогоняя сон.
Не оглядывайся! Беги! Не смотри назад!
Но на кончиках пальцев уже проступает соль.

«Но на кончиках пальцев уже проступает соль», ибо человек — это память. «Всё у меня о России, даже когда о себе» — ёмко сформулировал тему В. Н. Соколов. Поэтому так или иначе эта тема звучит и у других авторов альманаха. В виде ли «кафкианского» стихотворения Натальи Перевезенцевой «Присутственное место», место, голое вроде бы в своём казённом мебельном минимализме, будничное, «понедельниковое», но мистически насыщенное и непостижимое: *присутственное.* Таящее в себе какую-то коренную отрицательную энергию... Ассоциативно у Светланы Василенко в её верлибре про бомжа по прозвищу Чкалов. Современные реалии (совершенно бытовой ряд лексики), как-то так раздваиваясь, обретают средневековый колорит («В честь князя, как солнышко алого, названный город...» Конечно же, с его церквами). С ключевым словом «чудо», выбивающимся из ряда вон, переносящим читателя в исконные «иконные» измерения. Этот сегодняшний уличный бродяга как-то «культурно» роднится с центральной фигурой средневековой Руси: юродивым, клянчащим копеечку. «Чудо» продаётся за стакан водки.

... Из темноты медленно проступает лицо Богоматери.
Чудо! Она плачет!
Стоит в выцветшем платочке, смотрит на небо, где Сын...

По ком звонит колокол?.. Очень русская надежда на чудесное спасение... Сила в ней или слабость?..

Каким-то боком перекликается с темой «чуда» «апокалипсическое» контрапунктное стихотворение Марии Ватутиной. Одновременно нагнетающее атмосферу уто-

пающей «безнадёги» нашей цивилизованной жизни, но не без той универсальной спасительной соломинки для утопающего (приём?), которая умирает последней (а может, усыпляет, анестезирует?):

... Вон едут женщины гуртом без света и надежд.
Но (показалось или нет?) из норковых одежд
Слегка мерцает темнота усталого чела,
Как будто при смерти мечта, но вся не умерла.

Апофеоз жути повседневности — «Письма из больницы» (ощущение подавляющей трущобности) Владимира Лаврова. Вроде маленькой поэмы. Очень экзистенциально пограничное место — больница. Философское место. И стихи по сути философские. Убийственные подробности и детали быта «конвейера здоровья» бытийственны:

... Журчит вода, не уставая,
В кривом и треснутом бачке,
И никогда не тонет стая
Окурков в долбанном «очке»,
Но (Чу...— В. С.) где-то слышен звон трамвая...

Как открытая форточка в небо, в мир... Разумеется, любые попытки разъятья стихов на составляющие элементы, как гоголевскую «Шинель» на нитки,— тщетны, прокрустовы.

Как, впрочем, и исчерпывающее объяснение жизни. Вроде бы всё перечислено из «джентльменского набора» её событий в стихотворении Светланы Лавренковой «от» и «до»: «Свадебный марш. Середина лета...», «Гроб в коридоре, длинный, как лодка». Жизнь ускользает из любых сетей и капканов произнесённых слов — какими бы они ни были правильными, умными или запальчивыми... Вообще поэзия, может быть, — некий плач Ярославны в «безвидную бездну» мироздания? Весьма метафизичный поэт Игорь Меламед с его классически чёткими ритмами:

... О Господи Боже, зачем эта гибель и мрак?
И горькая водка, и сладкая музыка эта?
Рукою ужаленной шарит несчастный дурак,
меся пустоту в беспорядочных поисках света.
Зачем он родился? Что в жизни он сделал не так?
Кто даст мне ответ? И к чему домогаться ответа?

(Как там у Льва Карсавина в «Поэме смерти»? «Создать меня, даже не осведомившись, хочу ли я этого, и потом обречь меня на вечную муку бессмысленного тленья...»).

... Значит, этим кончается время —
Душной рухлядью на чердаке?
Но звезда, что взошла в Вифлееме,
Не тускнея, горит надо всеми,
Как фонарик в Господней руке!
(Владимир Пучков «Я однажды залез на чердак...»)

Впрочем, кто-то уже сформулировал для себя чёткие ответы и знает наперёд. Например, Михаил Воловик мужественно принимает «правила игры» жизни, у него в каждом стихотворении теорема железно доказана:

Жизнь — только в целом: череда эмоций,
как будто на песке
рисуемых, стираемых... Но лоций
лишь две у Господа в руке:

Любовь — одна, другая — Смерть...

В итоге: «Любить — наивно, гибнуть — неспортивно. Но это — всё, что может пульс». Эрос и Танатос, однако. Наверное, с ясным знанием жить — легче. «А память, падая, сначала поскулит, потом, за давностью, на краски обеднеет...» — пишет по-экклезиастовски тот же Михаил Воловик, забегая вперёд и беря себя в руки.

При всём «дактилоскопическом» разнообразии авторов альманаха, «родственные» связи проглядываются. Есть поэты ночные, условно говоря, «вслушивающиеся в исток», опоминающиеся от дневной гонки, окольные, так сказать... Можно, наверное, это назвать религиозным чувством вообще, когда повседневные «замыленные» вещи вдруг предстают с точки зрения вечности. Тютчевская линия. Очень «обочинно» вдумчивый поэт Геннадий Калашников, работающий в жанре «пейзажной лирики»:

... погоди у воды, ледяным повернувшейся боком.
Кто-то смотрит на нас,
то ли тысячью глаз,
то ль одним, но всевидящим оком.

(Между прочим:
О Господи, тебя ведь нет, не говори со мной!
Движеньем странным в снежном сне меня не настигай,
Постой, не подходи ко мне, дыханьем не пугай,—
упоминаемая уже Мария Ватутина.)

Заглавные буквы просятся к «всевидящему оку». Вкрадчивая поступь времени подспудно чувствуется в стихах Калашникова.

... За время, что займёт случайная беседа,
неуловимо день изменит свой узор,
здесь места больше нет, исчезли мы бесследно,
но в воздухе пустом всё длится разговор.

Этот «длящийся разговор» и есть, надо полагать, поэзия. И альманах-навигатор — тот же самый «длящийся разговор». Жанрово насыщенный. Читатель найдёт в нём и сюжетные стихотворения (Наталья Горбачева: «Анька», «Приобретение шедевра»; Вячеслав Лейкин: «Железнодорожная музыка»), и чисто лирические — музы Эвтерпа (Ната Сучкова ли, Елена Карева) и Эрато (Александр Фанфора ли) будут довольны. Языческие боги будут удовлетворены народными ритмами Марины Кулаковой. В которых и хлебниковские гены прослеживаются:

... Я женствую — тебе.
Не торжество, не жертва.
Не шествие с огнём,
а женствие огня.
Блаженство ты моё, творимое блаженство,
Я женствую тебе
Меня.
Тебе — главенствовать,
Мне — женствовать,
Благоноченствовать —
И благоденствовать!

Поэзия — наедине с Богом произнесённое слово. Каждое знакомство с автором — это живое погружение в его мир. Многое можно в нём в буквальном и переносном смысле прочитать («И накопился в кофейных зёрнах запах обид, навсегда неразлучных с нами» — Давид Раскин). Стихи выдают поэта во всей его красе.

И выходит из леса лось
и пока мы спим говорит
вот живу я здесь — чисто лось
и душа у меня — болит

... мы проснёмся а леса нет
мы проснёмся и горя нет
и стоит кругом белый свет
самый белый на свете свет

Можно ли назвать стихотворение Андрея Коровина «Окские предания: пока мы спим» с его суггестивным обаянием «экологическим» или «апокалипсическим»? Чудо поэзии необъяснимо — оно есть или его нет. Альманах-навигатор просто полон хороших стихов, обозреть которые в небольшой статье невозможно. Совершенно неважно, в каком вагоне едет поэт и какой город представляет. Всё это уже наше — читателя, и с миром утвердилась связь.

НАТАЛЬЯ ВЕРДЕРЕВСКАЯ

«ЛЁД И ПЛАМЕНЬ»: ВЗГЛЯД ИЗ ПРОВИНЦИИ

Лицо любого журнала или альманаха определяет художественная проза. В альманахе «Лёд и пламень» она представлена жанром рассказа (только в одном случае — отрывок из романа, но вполне самостоятельный). Впрочем, определение жанра «рассказ» принадлежит составителям альманаха и в ряде случаев не вполне точно: здесь и документалистика, и авторские раздумья, и прямая публицистика. Чего нет? Нет развлекательности. Нет слащавости, избитых тем, нет декларативности. Это очень серьёзная, я бы даже сказала, трудная проза. Трудная в лучшем смысле этого слова. Она требует от читателя сомыслия, она рассчитана на людей думающих. Вот, например, отношение к истории. Не к древней истории, не к позапрошлым векам, а к тому, что было не так уж давно, на памяти многих из нас.

Вот дата: 28 октября 1962 года. Я прошла мимо неё в своё время, даже не заметив, как и большинство жителей СССР. Нас не информировали, мы не знали, что стоим на пороге атомной войны, на пороге конца мира. А шестилетняя девочка, живущая в городе за колючей проволокой, в ракетном центре, запомнила его на всю жизнь. Военный городок стал для неё городом Апокалипсиса. Именно здесь во время Карибского кризиса, во время ядерного противостояния Америки и СССР, когда весь мир висел на волоске, «я шестилетним ребёнком видела, как начинается Конец Света» (Светлана Василенко. Город за колючей проволокой).

А вот это уже позднее, это помним мы все: «пожарные в подбитых свинцом фартуках бегали по крыше энергоблока, сбрасывали лопатами никому не мешающие куски графита... о смертях в огне ещё не было известно» (Владимир Кравченко. Тбилиси — Баку-86). В рассказе — о встречах писателей, которые проходят по обычному шаблону: доклады, поздравления, застолья, а впереди... впереди армянско-азербайджанская резня на улицах Баку и прочие события того же рода.

В большинстве рассказов — наша сегодняшняя действительность. Но и в них преобладают не элегическое, не комедийное, а драматическое, подчас трагедийное начало.

Вот «Взрыв» Олега Павлова. У героя всё хорошо. «Хорошая жена. Хорошая работа. Хорошая машина. Хорошая квартира. Но почему же ему так плохо?» Да, личные

неурядицы: выросли дети, стали взрослыми, но они далеко, с ними порвалась душевная связь. Но только ли это? Звучат взрывы. В Нью-Йорке рушатся башни-близнецы, а ведь сын работает где-то там, Слава Богу, его не задело. В Москве взрывы на станциях метро. И хотя сам герой давно в метро не ездит и никто из знакомых не пострадал, но этот ужас — рядом, и никуда от него не деться.

У произведений разная тональность. Очень добрая, грустная и светлая у Ларисы Новосельской («Другой конец света»). Тёплая, полная глубокого сочувствия персонажам — молодым людям, покинувшим Россию, ищущим в Европе своего места,— у Алексея Варламова («Ночь славянских фильмов»). Жизнь может быть представлена в мельчайших бытовых подробностях («Ехал на Птичку Иван Раскоряк» Бориса Евсеева), а может быть полна таинственного, неизведанного, но и оно полно горечи и боли («Щётки, щётки» Александра Яковлева).

Меня лично задел, потряс один из рассказов: «Шизофрения» Олега Гонозова. В нём есть герой, со своей историей, со своим итогом: попыткой самоубийства и психиатрической лечебницей. Но читая, я забывала об этом. Потому что всё, о чём рассказывается, происходило и в моей, в нашей жизни. Стояли в очередях, чтобы купить «выброшенную» книгу, собирали макулатуру для «Королевы Марго» и «Женщины в белом», рыскали по полкам букинистических отделов, которые были тогда в каждом магазине. В конце 80-х — начале 90-х прямо на улицах в развалах продавались книги, самые неожиданные, самые разные, и на всё находились покупатели. А вот теперь...

Герой рассказа трижды печатает в газете объявление о продаже двадцатитомника Вальтера Скотта в хорошем состоянии. Он не дождался ни одного звонка. Такой же двадцатитомник стоит на моём стеллаже. Я не собираюсь его продавать. Но я с болью думаю: что будет с ним после моей смерти? С многотомным собранием романов Жюля Верна? С трёхтомником Честертона? С Лопе де Вега в двух томах, прекрасно изданных? На какой свалке они окажутся? Более-менее спокойна я только за русскую классику: за Пушкина, Лермонтова, многотомные издания Толстого, Тургенева, Достоевского, Салтыкова-Щедрина. Их приютит следующее поколение, оно ещё любит и ценит книгу. Остальное просто не влезет в малогабаритную «двушку», где и своих книг немало. А дальше? В квартире моего внука есть два «навороченных» телевизора, видики, компьютеры, выход в Интернет, но нет даже книжной полки. Подрастающим правнучкам дарить книги бессмысленно.

Герой встречает семидесятилетнего писателя, прежде знаменитого. Его книги шли нарасхват, за ними в библиотеках вставали в очередь. Теперь он ничего не пишет. «Книги никому не нужны. Это какая-то шизофрения»,— говорит он. Диагноз в заголовке относится таким образом не к личной судьбе героя: речь о судьбе страны. Дай Бог, чтобы Олег Гонозов ошибся.

Из других разделов альманаха остановлюсь на двух.

Документальная проза. Здесь два историко-культурных очерка: Олег Ермаков «Смоленский мост» и Игорь Кузнецов «Вокруг Лавры». Очень интересный краеведческий материал, богато иллюстрированный фотографиями.

Литературные истории. В них речь идёт о писателях XIX и XX веков, близких нам и сегодня.

Я думаю, каждый с интересом прочитает статью Павла Басинского «Всё правильно и всё бездушно» об отлучении или отпадении Льва Толстого от церкви. Статья содержательна и объективна.

Читатели будут благодарны Павлу Крючкову и составителям альманаха за статью «Остаться Чуковским». Не всем известны факты биографии Николая Корнейчукова,

который в нашем сознании, в истории нашей культуры и общественной жизни навсегда утвердил свой псевдоним: Корней Чуковский. Его жизнь, его раздумья, его нелёгкая судьба, судьба его литературоведческих работ, которые менее известны, но не менее значительны, чем его детские стихи,— всё это очень близко нам и сегодня.

И уже совсем наше, сегодняшнее — Юрий Карякин в его «Переделкинских дневниках». «Нужна ли в России вольная печать?» — так озаглавлена публикация, представленная Ириной Зориной-Карякиной.

Юрий Карякин, ушедший от нас в 2011 году, вряд ли нуждается в представлении. Публицист, историк русской общественной мысли, правозащитник. Кроме перечисленных в примечании его трудов о Достоевском я хочу вспомнить книгу, где Юрий Карякин — один из авторов: А. И. Володин, Ю. Ф. Карякин, Е. Г. Плимак. «Чернышевский или Нечаев? О подлинной и мнимой революционности». «Наука», М. 1976. И в «Переделкинских дневниках» стык этих имён: Достоевский и Нечаев, нечаевщина в «Бесах», позиция Ленина. И фигура Герцена как противопоставление Нечаеву и нечаевщине.

Мы воспринимаем сейчас нашу старую культуру, наше наследие весьма однобоко. Её вершины дл нас — Достоевский и Гоголь. Что ж, тут нет возражений. Но не слишком ли узко? Лев Толстой воспринимается как автор «Войны и мира», даже «Анна Каренина» как бы в стороне, а о том, что он написал «Воскресение», напрочь забыли. Тургенев явно не в моде: Базаров — фигура неудобная. Жизнь и подвижническая деятельность Короленко нам неинтересны. И Герцен — что его помнить? Он же был революционером! А я не представляю, как можно быть гражданином России, да и просто культурным человеком, не зная, не перечитывая много раз «Былое и думы». И я была рада перечитать у Юрия Карякина: «Герцен остался верен своей юношеской клятве. Он был настоящим патриотом, он любил отечество просвещённой любовью». И далее — уже непосредственное обращение к нам: «Извлечём и мы уроки из эволюции Герцена и Достоевского. Примем и приумножим их прозрения, не станем отвечать анафемой на анафему там, где возможен диалог, не будем пребывать в страшном (и страшно лёгком) искусстве делания врагов и преуспеем в прекрасном искусстве (но очень, очень трудном) искать, находить, удерживать союзников, укреплять союз со всеми животворческими, антибесовскими силами, и только тогда мы получим, наконец, соединение, взаимоусилие истинно гуманистической политики и подлинного искусства».

На этом позволю себе завершить краткий отзыв на актуальный, качественный по содержанию, глубокий по мысли, интересно оформленный альманах Союза российских писателей.

ОЛЬГА ХОЛМОГОРОВА

ОТСЕБЯТИНА

о живописи и графике Татьяны Морозовой

Когда я начинала писать этот текст, меня не оставляли сомнения. Почему его пишу именно я? Ведь Таню Морозову я знала очень мало. А всё её творчество, да и весь этот проект очень личностный, почти семейный, где все понимают друг друга с полуслова, полувздоха, а часто — и вовсе молча. Здесь важна система координат — понимания, считывания, контекста.

Я же, будучи «чужаком», сразу попыталась зайти не с того «поля», отыскивая для этой статьи подходящее пронзительно-сентиментальное название. Среди них были и «Коснувшаяся солнца», и «Приговорённая к любви», и «Ловцы счастья». Всё это названия Таниных статей и работ, но это о её образах, но только не о ней самой. В итоге получилась «Отсебятина» — то есть (как толкует словарь Даля) внесение своих слов в уже готовый, известный текст. Это как раз о Тане. Всегда СВОЁ — слово, видение, образ, и всегда — версия известного текста, коим выступала для неё сама жизнь. Хотелось озаглавить ещё фактурнее — «Варварская живопись». Но так о себе могла писать только она сама, точно формулируя суть своего во всех отношениях прямого искусства.

Сам феномен её творчества не тривиален и в то же время очень органичен. Уже взрослый и вполне состоявшийся человек вдруг начинает писать и рисовать — неистово и непрерывно. В литературе ею был намечен и пройден последовательный профессиональный путь: семинар Маканина в Литературном институте, работа в «Литературной газете», постоянное «писание» для души и на заказ. Графика и живопись так и остались стихией, любовью, дыханием, необходимыми для реализации всех иных жизненных предназначений. Не подкреплённые подобающей школой и академической грамотностью гуашь, а позже — масло просто стали её бытием, присутствовавшим всегда, независимо от состояний, перемен и рода занятий.

Работы исчисляются десятками, каждая — не спонтанность, а кропотливый многонедельный труд с набросками, компановкой, а затем — тщательным ремесленным шлифованием. Каждая представляет собой плотно населённый мир, где видимое и невидимое, реальность и невозможное переплетаются в нерасчленимом густом пространстве её — морозовских — вИдений и видЕний.

В центре этой планеты-зрелища она сама. И речь не о нарциссизме, а об абсолютной автобиографической достоверности каждого пластического высказывания. Дама и собачка — женщина и «кобелина» Бонд (любимый шоколадный лабрадор), вечно

прорастающий осирисоподобный Кузнецов (муж), гиганторотая Маха (дочь Маша), а дальше — летающие собаки и олени, танцующие на пуантах деревья, многоокие зайцы и глазастые рыбы, тыбыдымский конь. Всё это любимо, а потому зримо, зрелищно и по-своему празднично. Активная, временами преизбыточная образная система, не предполагающая приятия или несогласия и вообще какой-либо критической оценки, а просто требующая постоянной пластической визуализации, ибо всё уже было и просится быть «убитым словом», в нашем случае — изображением.

Татьяна Морозова

Так довольно безжалостно и картинно формулирует автор своё кредо в рассказе «Витраж». И это не лишённое позы признание даёт если не ключ, то, по крайней мере, вектор прочтения её густых, насыщенных смыслами композиций. Они сказочны по образному складу, нарядны и цветисты по языку и при этом удивительно жизненны, почти реалистичны.

Их пластическая и семантическая плотность не допускает пауз, где можно «перевести дух». Всё на пределе: открытый цвет, крупность фигур, динамика, непрерывное мифорождение, происходящее зримо, здесь и сейчас. Вспоминаются слова Д. С. Лихачева, писавшего о «сверхпроводимости пространства» древнерусской литературы. Танино мировидение тоже сверхпроводимо. К тому же, оно не терпит нейтральности: ты либо растворяешься в нём, либо прячешься, не найдя точек соприкосновения. Это не агрессия, а свойство прямой трансляции, не предполагающей пластической рефлексии, дистанции, самокоординации по шкале «высокой» (то есть профессиональной) культуры, но непосредственное и непрерывное образосложение, порождаемое...

И вот здесь происходит зависание, вызвавшее неизбежное многоточие. Что за почва питает это непрерывное, универсальное и алогичное образорождение? Какова её природа и структура?

Прямая трансляция всегда базируется на отсутствии рефлексии, «истинном простодушии», свойственным непрофессиональному, то есть наивному художественному сознанию. Но можно ли причислить цельного и опытного литератора, с ясным и весьма жёстким гуманитарным аппаратом, с выраженной жизненной и творческой позицией к феномену примитива, то есть в буквальном смысле незамутнённого опытом первичного художественного мышления? С одной стороны, все признаки «наивности» налицо: отсутствие специального образования, откровенное любительство, вольное обращение с пластическим языком и вкусовыми ориентирами и много иных допусков, не позволительных в рамках «первой», то есть профессиональной изобразительной культуры. С другой — зрелость собственного мировидения, его завершённость и непоколебимость, абсолютное, иногда пугающее знание причинно-следственных связей. И всё это облечено почти в детскую поэтическую форму, пёстрый цвет, лоскутную, чуть лубочную декоративность. Не произведения, а именно «картинки»: занимательные, рассчитанные на разглядывание и заглядывание, и всегда несущие мощный мифослагающий заряд. Это порождение невероятной творческой преизбы-

точности, а лучше — сверхполноценности, провоцировавшей автора на тотальную реализацию без границ.

В слове, являвшимся для Тани профессиональным делом, неизбежно действовали наработанные ремесленные цензы, нашёптывавшие «можно» и «нельзя». В холстах же наступала абсолютная вольница, оборачивавшаяся праздником образов, разгулом смыслов, часто столь желанным балаганом и какофонией формы. И в этой их самосности, несопоставимой ни с профессиональной, ни с наивной системой координат, ни, тем более, с литературным её творчеством и есть их уникальная природа, где всё, как пишет автор в одном из её текстов, «честно: ты либо живой, либо мёртвый».

У Тани — «всё живое», как это и бывает в настоящем мифотворчестве, где царит космическая неразделённость времени, географии, первичной природы и её производных, большого и малого, целого и части. Как лихому мифослагателю, ей не нужны готовые антично-былинные мотивы, она лепит свой миф из мирового и личного теста, заплетая Сиам и эвенкийский эпос, сказочную фольклорность и анимационную броскость, и Бог знает, что ещё. Словесное описание её композиций бессмысленно и граничит с безумием, ибо рассчитано именно и только на полноценную визуализацию. Гораздо плодотворней анализ художественного инструментария автора, обнаруживающего довольно показательные закономерности.

Её мир обладает абсолютной планетарной завершённостью. В нём есть своя сезонность и свой ход времени, свои традиции и приметы, и совершенно своя логика бытия. Магия его в абсолютной доисторической всего со всем взаимосвязанности, вновь восстанавливающей те разрывы, которые случились в так называемой человеческой цивилизации.

Собаки прорастают здесь стеблями, а вечно зелёнолиций Кузнецов, подобно Осирису, зримо колосится новой жизнью. Деревья встают на пуанты, снег, обращаясь балериной, тоже исполняет в небе падеде. Образосложение идёт по абсолютно иррациональным законам, синтезирующим фольклорные, мифологические и свои собственные — морозовские — архетипы. Отсюда и преобладающие не бытовые и житейские, а природно-вселенские мотивы, заплетающие всё и вся в единую фовистскую арабеску.

Таня всегда работала диким открытым цветовым пятном, не прибегая к оттенкам, размывкам, смешениям. Цвет для неё был — не средством, а уже сотворённой данностью, предполагающей познание, вкушение, но никак не искажающие манипуляции. Красочные сочетания обретают в её работах особые характеристики: не столько яркость, сколько пестрота и лоскутность. Такую же первичную роль играет и орнаментика, присутствующая в двух своих основополагающих свойствах — как формула нарядности и непрерывности зрительной картины мира. Движение тоже лишено здесь своих бытовых характеристик, оно наполняет образы как изначальное и пластически выявленное свойство всякой живой материи. Поэтому морозовские герои не ходят, прыгают, бегают и танцуют, а зависают, парят, кувыркаются, совершая первичные эмбриональные перемещения.

Её пластическая «картинка» мира предельно проявлена и завершена. Последнее — завершённость и сделанность обозначается автором как программный и осознанный ход, буквально проявляясь в часто используемом рамочном приёме. Большинство композиций имеет рисованную рамку — игровое завершение, стильно оконтуривающее художественную и смысловую отдельность Таниной планеты. На целостность работает и общий графический склад её языка с очевидным преобладанием линейности, плоскостности, отсутствием светотеневой проработки объёма.

Автопортрет с дочерью и лисой. 2001.
Холст, масло. 90x70

Дырявое небо. 2004.
Холст, масло. 80x50

Зеркало. 2006.
Холст, масло. 50x90

Место под солнцем. 2007.
Холст, масло. 40х50

Тунгусский метеорит: ответный удар.
2008. Цветная бумага, тушь. 40х65

Оба двое. 2007.
Холст, масло. 40х50

Укрощение солнца. 2009.
Цветная бумага, тушь. 40х65

Девочки с лисицей. 2004.
Холст, масло. 80х40

Зелёная собака. 2005.
Холст, масло. 70х40

Маха одетая. 2009.
Холст, масло. 40х80

Тропою тигра. 1997.
Холст, масло. 70х50

Танец маленьких. 1997.
Холст, масло. 70х50

Тыбыдымский конь со своим конёнком. 2008.
Холст, масло. 70Х50

Конь конём увидел шар. 2008.
Холст, масло. 70х50

На лыжне. 2007.
Холст, масло. 70х80

Птичий рынок. 1997.
Холст, масло. 65х55

Тихая столица, или Писатель Кузнецов
в Амстердаме. 1992. Холст, масло. 60х50

Шпион Гадюкин собирает образцы воды и грунта в запретной зоне. 1993. Картон, масло. 60х50

Пограничный пёс Алый обезвреживает шпиона Гадюкина. 1993. Картон, масло. 60х50

Семья. 1995.
Картон, масло. 40х48

Опасные связи. 1998.
Холст, масло. 70х40

Конь зовёт Поня в моря, Понь Коня ведёт в поля.
2009. Холст, масло. 70х50

Девочка и Анубис. 1995.
Холст, масло. 80х80

На крепыше. 2009.
Холст, масло. 50х30

Это не имитация реальности, а её зримые метафорические отпечатки, часто «приправляемые» словом.

Надписи, имена, слова живут в этой художественной системе наравне с пластикой, являясь одним из её проявлений. Здесь, конечно, вспоминается лубок — всегда «говорящие» затейливые и занозистые народные картинки. «Затейливость» Таниного искусства, несомненно, является её активом, предполагающим развитие и прорастание в иных, последующих жанрах и формах. Это, прежде всего, анимация — мультфильмы и видеокомиксы, уже заложенные в самой природе этих работ. Они часто серийны, сюжетно прирастающие, занятные и интригующие по смыслу, динамичные, подвижные в каждом своём узле. Ведь Таня и задумывала мультфильмы и детские книжки, которые предполагают ещё быть рождёнными на свет. «Перспективность» проекта после ухода его автора всегда говорит о его состоятельности, и здесь она не требует доказательств.

Для нас — продолжающих жить и взаимодействовать с её образами, важно не пропустить их смыслы, уловить иронично брошенные комментарии, которые при неторопливом прочтении часто оборачиваются посланиями. В Таниной бурной и сумбурной жизни была, очевидно, кристальная логика, которая с ясностью диаграммы проступает именно в её искусстве. Как известно, в памяти отпечатывается сказанное последним.

Последним и незавершённым стал автопортрет «Небо голубое! Я хочу покоя!» Огромный опрокинутый кентавр с лицом художницы, подобно титану Атласу, поддерживает своей бестелесной мощью небо. Трёхчастное композиционное членение — зримая формула бытия; неожиданная пастельная палитра; луноподобное солнце в правом верхнем углу, как на детских рисунках. И всё это — вбирает в себя и заслоняет собой она — хрупкая, ждущая покоя. Вот такие невесёлые «смешные» картинки.

АМИР МАКОЕВ

ВОЗВРАЩЁННОЕ НЕБО

повесть

Как велось уже многие годы, Лиуан встал в пять утра, выпил стакан воды с мёдом, неторопливо оделся и вышел во двор. Ещё со ступенек крыльца он видел себя в зеркале старого шкафа, выставленного под навес за ненадобностью, и каждый раз удивлялся: почему его тянет взглянуть на себя? Что хочет увидеть он в своём облике, да и что за интерес у мужчины к зеркалу, если нет в том необходимости в данный момент? Может, как-то промелькнуло сомнение, не одолевают ли его годы близкой немощи и он хочет удостовериться в обратном? Хотя присмотреться — даже морщины у него не от возраста, а от солнца и напряжения в труде, вот только волосы изрядно поседели. Желание к деятельности в нём до сих пор необычайное, он постоянно в работе и крепок не в пример другим. А может, что-то другое он пытается в себе разглядеть: может, не так устроил свою жизнь?

Да что там: дочь младшая замужем за хорошим человеком, старшая с семьёй в далёкой столице, хорошо зарабатывают, по двое внуков у него от дочерей, есть сын, младшенький, возраст трудный, ну и что, со временем изменится — всё вроде бы как у людей. Но грустно ему как-то, нет в нём радости существования, какая, вероятно, должна присутствовать в душе хоть сколь-нибудь счастливого человека. А годы такие, что дальше пойдут болезни, а там, гляди, и конец всему, как бы ты не крепился. Всю жизнь работал, как говорится, не поднимая головы, даже не мечтал ни о чём высоком. Но так все живут, не он один. Вот разве с женой нет прежних отношений. В какой-то момент он почувствовал, что, не будь её рядом, он переживёт это без напряжения и какого-либо неудобства. Оказывается, за все годы не возникло у них дружеской привязанности, не образовалось даже привычки к ней. В заботе о детях она всё меньше тянулась к нему, а он всё чаще замечал её нерасчёсанные должным образом волосы и халат с выцветшими розами. Она винила его, что сделал из холёной городской девушки обыкновенную домохозяйку с круглыми формами, а он не мог простить ей, что она так быстро поддалась всему бабьему, что сократило чувственную сторону его мужской жизни. Ссорились они редко, но каждый раз давали друг другу почувствовать всю горечь не сложившихся как они того хотели отношений.

Эти мысли теперь занимали его часто, как будто наступило их время неотвратимо, и, как ни уклоняйся, придётся с ними повозиться. Но шкаф решил завтра отвезти на свалку, чтобы беспредметные размышления не мешали приготовляться к работе. Заметил, как много они душевных сил и внимания на себя отвлекают, а у него на собственной ферме сорок восемь голов скота.

В воздухе неподвижно висел мглистый туман, он неприятно щекотал кончики усов, двухдневную щетину на лице и тягучей влажной смесью проникал внутрь. Растерев по старой борцовской привычке лицо и уши для бодрости, Лиуан пошёл открывать ворота, чтобы выгнать машину. Но, открыв левую сторону, он увидел на ней прибитого гвоздями за крылья их красного петуха. Голова с массивным гребешком безжизненно свисла на грудь, из-под сломанной верхней части клюва торчал криво застывший язык, возле левого глаза отметина засохшей крови, а ноги, которыми он властно вышагивал по двору, обречённо болтались. Вид так бесцеремонно и, что огорчительнее всего, издевательски убитой птицы подавил его. Этот петух был в некотором роде символом достатка, уверенности и силы его дома, а теперь он распят на воротах. Должно быть, в назидание хозяину за что-то. Но за что?

Расшатав не в меру большие проржавевшие гвозди, Лиуан снял петуха и прикрыл ворота. Он направился под навес, теряя силы с каждым шагом, опрокинул ящик с остатками яблок и подсел к шкафу, потревожив его изношенные соединения. Протяжно скрипя, дверца открылась так, что Лиуан показался в зеркале в профиль. Правой рукой он держал на коленях петуха, левой с безотчётной силой сдавливал два гвоздя, окрасившие его шершавую ладонь ржавчиной. Он повернул голову и в застывшей немоте долго разглядывал своё лицо. При всей схожести отражение казалось чужим. Нос с горбинкой скорее великоват и не так симпатичен, как утверждала когда-то жена, усталый взгляд лишён и смысла, и чувств, белки глаз, точно присыпанные жёлтым пеплом, наверняка сулят какое-нибудь расстройство в организме. Усы же при внимательном рассмотрении просто смешны, и для чего он носит их вот уже сорок лет, неизвестно. А ещё он завёл привычку не бриться по два-три дня — нехорошо это.

Первым, кто был объявлен виновником происшествия и к кому мысленно отправились угрозы, оказался, конечно же, лесничий. Давнишний спор между ними из-за лугов в зоне предлесья обострился как раз в последние дни. Все законные документы на аренду земель были у Лиуана, но лесничий, владевший до него лугами в личную пользу, не мог примириться с новым распределением администрации села. Лесничий хотел владеть землями по-прежнему, но арендную плату давать отказывался. Его аргумент, что земли эти и лес в придачу — пусть в стародавние времена — но принадлежали его роду, никто не хотел брать в расчёт.

Стало быть, лесничий? Вряд ли, скорее нет. Он не смог бы на такое решиться, не убоявшись Лиуана,— нет у него должной силы духа. Кляузничать, душу из всех выматывать жалобами — да, но поступок совершить — не годен, это точно.

Но вот те двое, что вчера торговали у него бычков, готовы, он уверен, решительно на всё. Цену сбивали немилосердно, торг походил на издевательство, они хотели чуть ли не даром выманить у него товар, да отпор получили полный. Сгоряча были вполне заслуженно названы неприятными словами и отправлены куда подальше. Были и со стороны тех оскорбления, даже угрозы, одним словом, вели себя крайне вызывающе. Да и не покупатели они вовсе, одно им название — вымогатели, теперь их много развелось, кто на чужом труде хочет нажиться. Вот, стало быть, предупреждают, мол, будь посговорчивее, а не то... Так неужели они? И как только он на них сразу не подумал.

Подбежала собака, годовалый волкодав, и стал обнюхивать убитую птицу. Что ж ты, Пират, проглядел преступников, даже не залаял ночью ни разу? И какой ты пират после этого? Для чего, ответь, хозяин отпускает тебя бегать по двору, когда он спит — ради твоего баловства? Что ж, пошли привязываться, глупыш. Молод ты ещё — что с тебя взять? Они направились в огород, где находилась под орешником его будка,

вот сиди теперь на привязи, сейчас хозяйка завтрак вынесет. Скорее бы ты подрос, что ли, а то содержу тебя, брат, без всякой пользы.

Его двухмесячным щенком подарил сыну на день рожденья друг Тимошка.

И снова мысли о сыне, как ни уклоняйся, они будут возникать вновь и вновь. Как это произошло, он и сейчас не смог бы отчётливо объяснить. Погорячился он, это верно. Возможно, виноват. Но ведь сколько раз говорил ему, что не потерпит от него, единственного сына, всякой безалаберности в учёбе, да и во всём житейском поведении — надо помнить, чей ты сын, и вести себя подобающе. В их роду на обозримом временном пространстве не было людей легкомысленных, все в порядке: честные и трудовые люди. Видать, с жениной стороны примешалась подпорченная кровь, трави её — теперь не вытравишь. Ну, не желаешь ты возиться, как отец, со скотиной, палки тоже во дворе не подымаешь, пользы от тебя никакой — так учись хотя бы прилежно, сдавай, что полагается, к сроку в своём университете и приобретай профессию для достойной жизни. Так нет же: интерес к иностранным автомобилям, страсть к безвкусной музыке, увеселенья всякие — вот его жизнь, хотя парень смышлёный и мог бы многого добиться. А друзья, какие? — что здесь, в селе, что там, в городе,— одни бездельники. Все только и ждут подачек от родителей, сами же не хотят стать хоть чем-нибудь полезными старшим и не стремятся ни к чему путному.

Сын его, конечно, не совсем такой. Но себе, что называется, на уме. Да, запускает учёбу, по ходу семестра отстаёт, но почти все экзамены в итоге сдаёт отлично. Говорит, я умный, схватываю всё на лету, мне скучно идти наравне со всеми. Отсюда пропуски и жалобы преподавателей, грозящие ему отчислением. Ему, видите ли, скучно. Наглость какая. Ни один преподаватель не смирится с тем, что его занятия игнорирует какой-то юнец. Да и кто у нас любит умных? Нет никакой дисциплины у сына, и почтения к старшим тоже никакого. А отца родного держит за древнего ящера, ничего не разумеющего в современной жизни. Да, именно так и высказался он как-то, но отец этого юмора понимать не хотел. Сколько раз Лиуан пытался смирить заносчивость сына, и сколько ссор по этому поводу возникало в семье. В его доме будет тот порядок, который понимает и принимает он, глава семейства. Видано ли такое: сын критикует отца, да ещё потешается над ним. Нашёл ровню. Вот и высказался насчёт всего этого, да высказался так, что указал в горячке на дверь родному сыну. «Пока я жив, кричал он, можешь не заходить сюда...» А тот взял и спокойно ушёл, как будто ждал этого. Вернётся, не далее как через три дня прибежит, говорил Лиуан поднявшей панику его матери, с пустыми карманами не очень-то и разгуляешься. А зарабатывать сам — ох, как не скоро он ещё сможет.

Но сына не было уже второй месяц.

Только вернувшись во двор, Лиуан заметил, что в пристройке для гостей горит окно. Почему там горит свет? Может, заходила жена по делу и забыла выключить? Столь незначительное упущение, что в другой раз осталось бы незамеченным, сейчас его насторожило. Он медленно, с нарастающей тревогой, поднялся по четырём ступенькам низкого крыльца, бесшумно прошёл сени и открыл дверь комнаты, в которой горел свет. На кровати, укрытый простынёй, неподвижно сидел сын.

— Мурат... сынок,— произнёс он. В его интонации не было ни вопроса, ни удивления, он как бы с прикрытой радостью утверждал: вот, мол, ты предо мной сидишь, и ты есть сын мой. Он хотел ещё прибавить: «Хорошо, что вернулся. У нас с тобой много дел, не правда ли? Всё это твоё, я работаю ради тебя одного, моего единственного сына, знай это, мне же ничего не нужно»,— но почему-то не решился.

Сын молчал. Воспалённые его глаза отдавали жаром. Он смотрел отцу прямо в глаза, испытующе, со страхом и вызовом одновременно. Лиуан не выдержал этого

откровенного взгляда — нельзя так смотреть на старших — и отвернулся, осмотрел комнату без надобности, выключил свет и опустился на ближний стул.

— Что случилось, сынок? — спросил он. Отец смотрел на худые плечи сына, «тут он не в меня,— подумал,— я-то в его годы был крепышом, каких мало, вот что значит поздний ребёнок». Вгляделся в родинку на правой ключице, в точности как у него, «кровинушка моя,— произнёс про себя,— как много любви я тебе не додал». Он хотел подсесть к сыну, обнять его, но это так не шло к прежним их отношениям, что от мысли этой он отказался, да и взгляд сына, неотступно стремящийся глубоко заглянуть к нему в глаза, не позволил бы этого сделать. Что-то пугающее сейчас было в этой неуместной его смелости перед отцом. «Так,— подумал отец,— может смотреть человек, которому всё равно, что с ним случится в следующую минуту».

Сын отвернулся, невидящие его глаза устремились куда-то далеко поверх деревьев, и стало видно, как идущий в окно утренний свет тускло отражается в нарастающей в его глазах влаге.

— Папа, я погиб,— сказал он. Лицо его исказило горькое выражение, с которым, однако, он не без труда совладал.

— Что ты, сынок, такое говоришь? Пока я жив...— Лиуан вспомнил свои же слова месяц назад и прервал фразу.— Ничего не бойся, сынок. Всё преодолеем,— теперь ему стало ясно, какие грозы сгустились над головою петуха и кто стал причиной его погибели. Ну, это не страшно, подумал он, мальчишеские шалости, за что-то его проучили приятели. Наверное, из-за девчонки. От этой мысли ему стало даже как-то легче.

— Это только слова. А мне очень плохо, папа. Я заблудился в этой жизни.

— Ну что ты, сынок? Какие шумные выражения! Какая такая жизнь в восемнадцать лет? В таком возрасте нельзя ни потеряться, ни заблудиться. А надо только до поры слушаться старших. Нас, кто знает жизнь. Поступать так, как мы велим. И ничего плохого с тобой не произойдёт. Я ведь тоже был таким, как ты. Такой же характер... непослушный. Я ведь тоже бывал отцу своему в тягость по причине разногласия. Да, да. Не понимал я его, а он меня. Но со временем всё наладилось.

— В моём случае ничего не наладится... Само собой не наладится. Нужны деньги, папа... И много.

Лиуан встал и подошёл к окну: за ним уже рассеялся туман, в саду вовсю шумели птицы, обещался ясный тёплый день. Хорошенькие дела, подумал он. Но сын вернулся, и это уже успокаивает. Он ведь рассчитывал, что тогда он возвратится через два-три дня, но просчитался. Где его носило всё это время, как жил, на что? У своей сестры в городе он не появлялся, если ей верить. В общежитии не показывался, но на занятия ходил добросовестно — он узнавал. Хотя, надо думать, и мать, и сестра с ним как-то общались, но Лиуана держали в неведении: или из боязни, или из желания заставить его пожалеть о своих словах — негодницы. Напомнили ему, как он уже раз выгонял сына, тогда ещё ребенка, из-за пропавшей коровы. Но какие неприятности он успел нажить за столь короткий период?

Лиуан оставался у окна, спиной к сыну, так, подумал он, ему легче будет рассказать о своих злоключениях. Опытный ум теперь связал воедино и убийство петуха, и вчерашних посетителей по поводу бычков, и сына, и себя. И отчётливо увидел: след последних событий тянется из того вечера, когда он выставил сына из дома.

Он выслушал и воспринял сводящий скулы короткий рассказ сына как жестокое унижение. И кто всё подстроил? Сын районного начальника милиции с его друзьями. Мурату предложили подзаработать, надо было отвезти кое-какой ценный товар одному человеку, причём деньги за услуги дали наперёд. Соответствующие службы — как

знали — сына взяли с поличным, товар изъяли. Предложили откупиться, пока не дали ход делу — деньги-то у отца имеются. Вот к чему всё подводили. Предъявленная сумма примерно соответствовала стоимости всего имеющегося у него хозяйства. Даже это высчитали. Наверняка расчёт такой: дело тянет на тюрьму, а в таких случаях торг, разумеется, не уместен, чтобы спасти восемнадцатилетнего сына, единственного.

Он не спросил сына ни о деньгах — конечно же, мелочь какую-нибудь сунули, ни о товаре — по всей вероятности, нечто криминальное. Он видел, что сын больше не скажет ни слова, да и сказать ничего не сможет — тот сидел, едва подавляя слёзы. Лиуан произнёс:

— Хорошо, что ты вернулся, сынок.

Затем подошёл к кровати:

— Доверься мне и постарайся поспать. Глаза — посмотри в зеркало, какие они у тебя красные. Наверное, не спишь уже которую ночь.— Он легонько постучал его по плечу и, как бы между прочим, коснулся родинки на ключице.

И, крутя руль, он всю дорогу до фермы с нежностью ощущал под подушками пальцев шероховатую поверхность родовой отметины сына.

Трое его работников, постоянно проживающих на ферме, встретили хозяина у ворот. Доложили: ночью, часов около двух, неподалёку остановились две машины, люди в них шумели, светили фарами, громко включали музыку. Похоже, выпивали. Да и ладно, подумали работники, всякие в эту сторону заезжают отдохнуть, посидеть с друзьями на природе, а то и с девушками повеселиться, вон лес, красивая излучина реки — тянет сюда людей. Но пора больно не подходящая, да и холодновато ночью в поле у реки, осень ведь наступает. Насторожились, какое-то время присматривали за ними, выходили к ограде показаться, мол, мы не дремлем, если они с каким неблаговидным умыслом явились. Но, когда направление их разговоров не менялось и, по всей видимости, не ожидалось никакой пьяной агрессии со стороны пришельцев, они спокойно ушли в комнаты. Ну а где-то часу в четвёртом они услышали два выстрела кряду, стреляли из ружья. Тут же, без малейшего промедления, они выскочили из помещения с оружием и рванули к ограде. Увидели только, как белая «Нива» отъезжает от фермы — надо же, как незаметно подобралась. А вторая, должно быть, уехала раньше. Стрелять вдогонку они не стали, а надо было. Сначала думали: пьяные люди пальнули вверх для удовольствия или, скорее, от сумасбродства. И только потом заметили, что кавказская овчарка Султан, хромая, ковыляет к вольеру. Молчит, терпит боль, и ковыляет из последних сил. Переднюю лапу перешибло, да, кажись, и шею задело. Вон там он лежит. Хотели перевязать, но он дал знать, что больно ему, жалобно зарычал — не трогайте, мол, меня сейчас. Они и не стали. Думали, подождут ветеринара — он ведь должен приехать с утра делать вакцинацию телятам? Они хотели позвонить ему, Лиуану, сразу, но их телефоны, как нарочно, со вчерашнего вечера показывают «нет сети».

Он выслушал работников спокойно, не проронив ни единого слова, и только на лице его скупо отразилось течение тревожных мыслей. Также молча он пошёл осматривать Султана. И в самом деле, простреляна правая лапа, и шея кровоточит. Который год Султан находится у Лиуана на службе, но только сейчас он заглянул ему в глаза, и его удивила застывшая в них по-человечески трогательная грусть. Их взгляд будто говорил ему: «Вот ведь как случается, хозяин, всему приходит когда-нибудь конец. Ты особо не жаловал меня, а я хотел стать твоим любимцем. Но служил я тебе верно, как велело моё собачье достоинство».

Лиуан поручил одному из своих работников срочно отправляться за ветеринаром. Не то он собирается к ним на ферму только после обеда, кажется, с утра хочет в городской больнице навестить родственника. Ничего, если родственник останется

до вечера без его внимания. Живёт ветеринар в соседнем селе, дожили — на всё их село ни одного ветеринара, был один да умер полгода назад. Вот на кого нужно было выучиваться сыну, специальность полезная, был бы востребован, а значит, имел бы приличный доход. А то, что за профессия — социальный работник? Разве это дело для мужчины? Его девчонка-одноклассница сбила с толку. Куда она, туда и он. Испортить себе карьеру, чтобы ещё пять лет просидеть с ней за одним столом. А теперь вроде рассорились.

Но разве о том сейчас нужно думать? Он отвлекает себя неуместными в такую минуту рассуждениями, а надо бы по делу. Посыпался весь порядок действий, составленный им по дороге. Что происходит вокруг него? Как посмели? Враз перевернули его жизнь. Даже не сообразить, с чего начать день. Ещё несколько минут назад всё было ясно. Стало быть, так: первым делом надо поехать к Исмелу, отцу этого негодяя. Объяснить ему, кто они и что они — вся их семейка, не посмотрит на его высокое положение. И, если не остановит опрометчивую затею сына с дружками и — очень может быть — в связке с его подопечными, то до скончания века род их будет о том жалеть. Они ещё не знают Лиуана в гневе.

А сегодня, как нарочно, набралось много дел, и надо отдать необходимые распоряжения, если его не будет на ферме. Но мысли не складывались, решил зайти в кабинет и всё изложить доходчиво на бумаге, по пунктам, кому что делать. Привезут ветеринара — дело своё он знает: вакцинировать всех телят и взрослое поголовье, что осталось не привитым в прошлый раз, ребята знают, укажут. Приедут рабочие доделывать силосную башню — за ними проследить, а то, как получили деньги, делают всё наперекосяк. И ещё: чтобы не выпивали здесь. За комбикорма уплачено, принять и засыпать — куда, они знают. Электрикам доходчиво объяснить, как развести проводку, пусть возьмут вчерашние его наброски. Привезут гравий, должно быть четыре машины, подсыпать сначала подъезд к подстанции, а оставшееся в продолжение дороги к башне. Это всё неотложные дела с утра. В остальном как обычно. Кажется, пока всё. А к обеду и сам предполагает быть.

Ехать в город, прямо к Исмелу на работу, хотя живут они в одном селе. Лиуан выезжает всегда рано, в пять утра ни к кому не завалишься с разбирательствами. Вечером оба задерживаются допоздна, а тот, бывает, в городе остаётся, квартир у них там без счёта. Учились они когда-то в одной школе, но дружбы не заводили, что-то отталкивало друг от друга: то ли стремление обоих к лидерству, то ли безотчётное отвращение к поступкам и манерам другого, что, впрочем, могло следовать из первой причины. Исмел всегда был окружен уличными, а впоследствии институтскими ребятами, казалось, он никогда не ходил один. Такого уважали и даже боялись, хотя растущая чемпионская слава Лиуана избавляла его с этим считаться. А потом жизнь у каждого пошла своим чередом, встречались они только на различных сельских мероприятиях, уважительно обменивались рукопожатиями, но так и не сблизились.

По пути в город его душили воспоминания, следовавшие друг за другом так плотно и стремительно, что Лиуан даже почувствовал лёгкую одышку. Какой-то нерв болезненно дрожал в этих картинах, вызывая беспокойство, а отдельные фрагменты, будь они связаны с юностью, спортом, сельчанами, семьёй, фермой — осыпались в нём отравленным осадком. Везде в них непонятно почему маячил образ Исмела. Агрессия, которая ещё час назад влекла наказать виновных, неожиданно сменилась физической слабостью, он вдруг пожелал, чтобы всё закончилось по возможности мирно. И когда он подъехал к зданию районной милиции, то не сразу пошёл к проходной, а просидел в машине ещё несколько продолжительных минут, безуспешно пытаясь выстроить мысли в надлежащем порядке. Ведь если спокойно не разобрать и не осмыслить

ситуацию, она может вызвать такую муть нежелательных последствий, что одной бравадой из них не выберешься. Насколько можно верить рассказу сына, он не знал. И сейчас жалел, что, поддавшись сентиментальному минутному чувству, дотошно не расспросил его ни о деньгах, ни о товаре, да и вообще обо всём детально.

И ещё он заметил, что ищет слова и подбирает тон для разговора с важным начальником в его кабинете, хотя этот самый начальник проживает на соседней от него улице. Эта вынужденная и непривычная для него церемония начинала раздражать, он усмотрел в ней изначальную уступку и посчитал проявлением слабости. И когда Лиуан взглянул на дежурного лейтенанта, с улыбкой отдававшего ему честь, то выражение его глаз настолько смутило молодого человека, что радость узнавания сменилась в нём сухим приветствием:

— Добрый день, Лиуан. Подождите минутку, я доложу, что Вы пришли.

Этот смуглый парень был откуда-то ему знаком. Ах, да, ну как же: это зять его соседей, Заур, два месяца назад играли свадьбу. Надо же, оказывается, лейтенант, в форме сразу не признал. А на прошлой неделе они узким кругом сидели у его тестя запросто, ближе познакомились, понемногу выпивали. Приятный, должно быть, человек, весь тот вечер смущённо и молчаливо улыбался. Но откуда он знает, что Лиуан пришёл именно к Исмелу? В здании, кроме начальника, есть разные отделы, куда он мог прийти по делам. Неужели все знают о случившемся и догадываются, по какой причине он сюда явился?

Высокий начальник разговаривал по телефону. Он не встал, а только переложил трубку из правой руки в левую и протянул пухлую ладонь через стол, указал садиться. Но Лиуан не сел, дрожь нетерпения распространялась по телу, и в продолжение телефонного разговора он ходил по кабинету, водил невидящие глаза по наградным дипломам, вымпелам, фотографиям. А когда общение хозяина кабинета с абонентом о проведённом вчера питейном мероприятии затянулось (хотя в его оправдание можно было сказать, что и он тяготился неуместным звонком), перевёл взгляд на Исмела. Лиуан думал: как может человек с таким непомерно большим животом и ляжками, круглой лоснящейся физиономией и узко посаженными мышиными глазами пребывать на такой ответственной должности — внешность уважающего себя человека должна располагать. А этот торчащий кадык под маленькой головой и вовсе какая-то аномалия, его не скрывает даже непомерный слой шейного жира. Кто таких выбирает, кто назначает? Ладно бы человек был добропорядочный. Так нет же.

— Зачем пришёл спозаранку? — на посетителя не смотрит, просматривает бумаги, подписывает и перекладывает.— С утра я всегда занят, много работы. На посторонние разговоры не хватает времени. У меня ведь не коровы, я с людьми имею дело,— здесь он даже скривил правый уголок губ в попытке улыбнуться.

Створки двойных дверей оказались не до конца закрытыми, и в приёмной без напряжения можно было слышать голоса из кабинета начальника. Секретарь и молодой офицер Заур, обмениваясь необязательными репликами, делали вид, что их совсем не интересует происходящее в соседнем помещении. Они отчётливо слышали, как Лиуан отозвался на не очень вежливое с ним обращение: разве это работа, чем они здесь занимаются, они обязаны порядок поддерживать, а не создавать беспорядки. Как его сын, например. Тут, вероятно, их руководитель поднял голову, пусть сосед следит за речью, а не то он живо... привык, понимаешь, там у себя со скотом иметь дело. А Лиуан в ответ: а то что он сделает? Ему лучше по-доброму признаться, для чего они подставили Мурата. Ферму хотели забрать?! Мало им своих доходов?! Вся порода у них такая,— о них всё известно. Ей Богу, денег не пожалеет: заплатит какому-нибудь журналисту, а то и писателю, чтобы книгу написал про то, как его

предки скот воровали. В селе об этом помнят, а теперь будет знать вся республика. Ах, вот оно что, возмутился главный районный милиционер. Да, бывало, что предки угоняли скот — не отрицает, но из соседних областей, даже и откуда подальше, имели такое мужество. Своим-то что за убыток? А Лиуан стоит на своём: у кого бы ни крали — дело воровское, и наследники, он со своим сыном, идут по тому же пути. Что?! Не хватало такое произносить в этих стенах! Исмел и его семья никаким местом к проблемам его Мурата непричастны. Пусть выметается из кабинета, грязный скотовод, впору ему самому побеспокоиться не сесть в тюрьму вместе с сыном, которого он, однако, почему-то прогнал от себя — вот тот и полез в блудни. Отец называется...

Последняя фраза противной стороны оказалась уничтожающей. Лиуан с самого начала понял, что повёл разговор неправильно, не нашлось в нём должной учтивости и дипломатии в интересах дела, но укол последних слов лишил его самообладания. Пребывание в этом кабинете не имело уже смысла — кроме пустых угроз ничего на ум не приходило. Стараясь придать словам значимость и указать на затаённую в них опасность, он нашёлся лишь сказать:

— Очень тебе советую, Исмел, разберись со своим сыном, не то я таких бед натворю — пострадают все. Ты меня знаешь.

Выходя, он ни на кого не посмотрел, ни с кем не попрощался, хотя люди в приёмной от испуга вскочили и в одно мгновение вытянулись в стойке. Лиуан угрожающе хлопнул всеми дверями по пути и вскоре оказался в машине.

Надо ехать к Латифу, он имеет влияние на ход многих криминальных дел в районе, авторитет в известном смысле. Расспросить его, что и как — он должен знать всё по таким делам, это его основное занятие, можно сказать, на хлеб этим зарабатывает. Вот только бы застать дома, а то вечно его носит по свету. Хотя недавно он попал в аварию: слетел вместе с водителем в реку, пострадал незначительно, значит, должен зализывать раны дома. Ну вот, так и знал: у ворот полно машин. Возле Латифа всегда много всякой шушеры околачивается.

Непривычная для сельского жителя процедура пропуска в дом: уже у ворот за вами наблюдает камера, сейчас доложат, а уж потом только пригласят, если он вообще здесь желанный гость. К удивлению, церемония не затянулась, дверь щёлкнула, открылась, даже сам хозяин показался навстречу. Идёт через двор, согнувшись, на лице неподдельные страдальческие гримасы от боли. Вот что значит человек из прошлого благословенного времени, подумал Лиуан, когда молодые почитали старших — бандит и вор, а приличия разумеет. Латиф говорит: смотрю на экран и глазам не верю! Неужели сам великий чемпион к нему пожаловал?! Кумир его детства. Как он рад, как рад! Порог его дома редко переступают такие достойные люди. Очень значимые люди бывают, это да. Но разве это люди — мусор один. А он считает так: жизнь по-разному можно прожить, но всегда надо быть справедливым и милосердным. Это его кредо. Берёт гостя под руку, идём за дом, в беседку, от чужих глаз и ушей подальше, разве эти уроды дадут толком поговорить.

Латиф невысокий, худощавый, жилистый, говорят, в последнее время стал заботиться о своём здоровье. Ну конечно, имеются деньги, теперь есть ради чего беречь его. Да и раны тюремных лет надо залечить, а потом и забыть о них. Говорит о спортивном прошлом Лиуана, ведь они были совсем пацанами, когда он блистал на ковре. И до чего ж красиво он боролся, да, да, делал это так эстетично, стиль Лиуана особенно ему запомнился. Он был настоящий аристократ на ковре. Латиф и тогда не был дураком, он ведь замечал всякие тонкости — это было настоящее искусство, ну кто с Лиуаном мог в этом сравниться? После него такое мастерство никто не показывал на

ковре. Но почему он так рано бросил спорт, дальше не пошёл? Ведь он, кажется, никому не проиграл. Даже у чемпиона страны выигрывал дважды на различных турнирах.

Лиуан рассеянно разглядывает заднюю часть дома. Впереди небольшой павильон из резного дерева, где они и сели. На четырёх его проёмах белоснежные узорчатые занавеси, схваченные на концах широкими шёлковыми лентами. Полукруглый стол посередине, фрукты, сладости, напитки. Вокруг зелёная лужайка, пересечённая аллеями из крошек красного кирпича и низкими, крашенными в белый цвет бордюрами. Здесь вальяжно гуляют декоративные птицы: павлины, фазаны, цесарки, куропатки. Эти, говорит Латиф, указывая на павлинов, очень уж крикливые, надо избавиться от них к чёртовой матери — в суп их, смеётся. Вдаль уходит просторный тоннель из кованой решётки, обвитый плющом, внутри несколько скамеек — да, видать, Латиф оценил свободу и полюбил красивую жизнь.

Латиф же знает, отца Лиуан потерял рано, пришлось всё бросить и начать работать. У него три сестры на выданье были, а кормилец он один, мать бывала часто нездорова. Да, да, Латиф понимает, эх, тогда бы ему теперешние его возможности, Лиуан бы ни в чём не знал недостатка, помог бы ему дойти до самой вершины в спорте. Он ведь теперь тоже много помогает спортсменам, Лиуан знает, наверное? Да, он слышал, спасибо ему, но его сейчас беспокоит другое. Латиф понимает, закуривает тёмные тонкие сигареты. Конечно, проблема Лиуана известна ему. Но много он, конечно, не расскажет, и Лиуан знает, по какой причине. Он не хочет ссориться с Исмелом, каким бы тот ни был, но всё же человек он значимый. У Латифа своё хозяйство, и благополучие его во многом зависит от Исмела, вернее, от его невмешательства в дела Латифа. Но он ценит честных людей, и ему, Лиуану, кое-что откроет, правда, всё должно остаться между ними.

Такие вещицы, на которых погорел его сын, они подкидывают лохам и на том делают, вообрази себе, большие деньги. В основном это ювелирные изделия, предметы искусства, разные поделки довольно высокого качества и стоимости немалой. Признаётся, что своими глазами видел первый немецкий автомат с соответствующим серийным номером, картину из коллекции фюрера, ещё какую-то резную фигуру египетской красавицы. Все эти предметы из какого-то хранилища, а может, и музея. И неизвестно, как они оказались в соседней республике во время военных действий на её территории. Вероятно, обменяли на кого-то. Затем они были обнаружены при досмотре проезжающей через наш город автомашины и изъяты. Но глупо думать, что они до сих пор здесь, да и кто станет из таких ценных вещей делать наживку. Надо полагать, здесь гуляют подделки, которые у нас мало кто сможет отличить от подлинников. Но не в этом дело, здесь могут быть разные варианты подставок. Главное, с таким прикрытием, как Исмел, можно спокойно работать по этой теме. У Лиуана имеются деньжата — кто о том не знает? — вот они и позарились на его богатства. Сын, можно сказать, ещё ребёнок, что он понимает в искусстве? Как правило, взрослые впадают в панику и сразу пускаются искать денежки, и немалые. И находят, вообрази себе. Откупают своё дитя и дышат спокойно. Одни целы, другие сыты и, заметь,— все довольны. Латиф знает несколько подобных историй. Но, уверен, мало кто из обычных людей об этом даже слышал, настолько они свои дела подготавливают и проводят безупречно. И подстава пацанов, и откуп родителей — всё происходит на удивление незаметно для посторонних. Здесь руку они набили невероятно, разработана специальная технология по изъятию денег. А ты не испугался, решил бороться, ко мне вот приехал. Другие и не воображают воевать с ними, если и вступают в разговоры, то лишь попросить за меньшую сумму разрешить проблему. А он, возможно, что напугал их. В случае с Лиуаном получится, скорее всего, так: спустят дело на уровень мальчишеских разборок и на

том прекратится. Поколотят его пацана и делу конец. Тут не придерёшься — дети есть дети, что с них взять, подрались, помирились. Это у них способ отступления с таким, как он. Прощупали, а когда укололись — отказались. Вот такой его, Латифа, широкий взгляд на его, Лиуана, проблему. Диалектика, брат, никуда не денешься. А теперь без угощения Латиф гостя не отпустит. Но Лиуан сумел объяснить хозяину, что нет у него сейчас на душе покоя, подходящего для доброго застолья.

Лиуан уже выезжал из города, а всё думал: откуда Латиф знает такие слова, как «кредо», «эстетично», и что он имел в виду под понятием «диалектика»?

Конечно, на ферму он уже не поедет — прямиком домой. Его машина, не предназначенная, впрочем, как и её хозяин, для быстрой езды и витиеватых манёвров на шоссе, рисковала съехать в кювет. Не доезжая до села, Лиуан решил сократить дорогу и взял путь через поле, всё же километра два здесь выигрываешь. Грунтовая дорога, хотя наезженная и относительно ровная, вздымалась густой пылью и нещадно пудрила заднюю часть автомобиля. Слева от него, у родника, под узкими тенями тополей, он увидел несколько машин и толпу молодых людей, стоящих своеобразным полукругом, точно для свершения некоего ритуала. Любопытствующий взгляд выхватил белобрысую голову Тимошки, друга Мурата, а среди машин, возвышающийся над другими, джип Вороны, в селе так называли сына Исмела. Лиуан, не раздумывая, свернул в их сторону.

Напротив, примерно, десятерых юношей, большей частью незнакомых Лиуану, стоял Мурат, едва находя в себе силы поднять голову.

— Во, отец приехал, сына из садика забирать,— сказал кто-то из стоящих. Все рассмеялись. Лиуан встал перед ними, внимательно рассмотрел каждого из присутствующих.

— Что ж ты, Тимошка, на другой стороне оказался? — спросил Лиуан.

— Я? Я — ничего, стою просто... просто стою,— проговорил тот, смущаясь.

— Здесь все правильные люди стоят на правильной стороне,— сказал Ворона.— А сыну твоему не можем никак вдолбить, что за свои поступки надо отвечать. А как он это сделает, нам, знаешь, Лиуан, издалека наплевать.

— Не расплёвывайся перед старшими. Не научили тебя хорошим манерам, Ворона? Ты лет на десять старше этих ребят — какой пример подаёшь.— Лиуан сказал это сдержанно, стараясь не повторять сегодняшней ошибки.

— А ты, дед, не учи нас тут — здоровее будешь,— высказался кто-то из толпы, и для убедительности своих слов выступил немного вперёд. Коренастый загорелый парень в цветастой рубашке явно был склонен к более убедительному методу вести разговор.— Мы можем говорить и так, чтоб твои кости потом долго искали эти... как их там... военные похоронные экспедиции. Закатаем и утрамбуем в окопы. И скажем, что деда нашли, героя войны. Мумию, ёлки-палки, египетскую,— раздался дружный смех.

— Да, вас много, это правда. Но, милые мои, я ведь всю жизнь работаю лопатой и вилами. Руки такие, что, ухвати я кого-нибудь из вас, могу попросту разорвать пополам. И не одного, не двух, и даже, может быть, не трёх... Хотя, если дело принимает такой оборот, а вы, я вижу, на этом настаиваете, кто из вас рискнёт оказаться в числе первых? Есть желающие?.. Желающих нет, потому как тишина наступила сразу. Тогда стойте смирно и ровно дышите. Серьёзный разговор для вас ожидается. И какой я тебе дед...

— Оставь, Плеш,— вступил, наконец, Ворона,— не отвлекай нас от темы. Лиуан прав, она и вправду серьёзная. Плеш тебя не знает, Лиуан, не слышал про тебя, извини его. Ну, а вот мне нужны деньги, чтобы дело без шума закрыть. Мурат загрузился

отвезти товар за плату — правильно? Не довёз — так? На это я скажу: трудности чисто его. Я не должен за него потери нести. Я, Лиуан, на понятия не давлю, но таковы правила. Каждый за свою часть работы отвечает. Я вышел на товар, привлёк на нашу сторону, продумал и организовал весь процесс. А ему с Артёмом нужно было только из рук в руки передать товар и взамен получить, что положено. А когда их остановили, они вели себя как лохи последние. Сразу их заподозрили. Чем мне теперь расплачиваться с хозяином товара? Сажать Мурата никто не собирается, дело замнём, попросим отца помочь — кому он нужен сидящий?

— Кто ж его посадит? — с издёвкой вопросил кто-то,— Мурат же у нас памятник! — и снова дружный хохот.

— Сколько тебя не встречаю, Ворона,— говорит Лиуан,— всегда ты с толпой. Такой же был твой отец. Ты боишься оставаться один, что ли? Не пойму я. Может, из-за этого ушла от тебя жена? Представляю: у тебя дома постоянно толпа друзей твоего мужа. Ты, наверное, в свой сад ночью боишься выйти.— Друзья его, не удержавшись, прыснули смехом.

— У-у, Лиуан, это оскорбление уже. А вы чего ржёте? — Ворона выпрямился и сделал шаг вперёд.

— Не принимай, пожалуйста, угрожающих поз. Это смешно. Посмотри на себя: лицо землистого цвета, как-будто грязное, немытое, да ещё одет ты во всё чёрное. Вечно полусонный какой-то ходишь, кашляешь как туберкулёзник. Глаза мутные, будто они в тухлой воде плавают, на лице шрамы от подростковых прыщей — ну ни одной благородной черты. Ты никогда не задумывался, почему тебя называют Вороной? Не соловей, не голубь, не орёл — ворона?

— Какой есть. Оставь, Лиуан, птиц в покое.— Ворона повышает голос.— Но и не перепёлка. Не терпила какой-нибудь, как твой сын. Ворона — птица благородная. А вот птенец твой, желторотик, не понимает, что происходит и что нужно делать. Я даже уверен, что он не рассказал тебе, как он обломался. У него ничего нет, он нам по большому счёту неинтересен уже. Я понимаю: дело непростое и сумма не маленькая, нужно время, чтобы нам аккуратно разойтись. Время не терпит, но я великодушен, готов немного подождать. Давай обговорим сроки и сумму.

— Да ты, Ворона, я смотрю, совсем из ума выжил? Я с тобой не то что в сделку вступать, не стану даже разговаривать дальше. Иди к своему отцу, и подумайте вдвоём хорошенько, как самим здоровенькими выбраться из этого положения. Его создали вы, мне это известно. Сами и выбирайтесь. Неужели кто-то мог подумать, что меня можно поймать на такую дешёвку. И попробуйте только к ферме приблизиться, даже в этой зоне показаться. А за пса ответите отдельно и по полной, это я вам обещаю. И молите Бога, чтобы он не кончился. Пошли отсюда, сынок.

К дому ехали медленно, надо спокойно осмыслить происходящее и принять по возможности верное решение. Мурату велено было не вести больше никаких разговоров с этими ребятами, не они, по всей видимости, определяют, что и как им делать. За пацанами, вероятно, стоят взрослые люди, хотя бы те, что интересовались бычками, они, может, и стреляли на ферме. А Исмел обо всём знает, не может не знать. Здесь все обо всём знают, не Лос-Анджелес какой-нибудь. Ничего, всё скоро прояснится. Но, так или иначе, повторяет ещё раз: ни с кем, ни в какие разбирательства не вступать. Мурат ничего не ответил, а Лиуан почувствовал, что эта молчаливая беззащитность сына сближает их сейчас как никогда.

— Я их не боюсь,— вдруг сказал он перед самым домом.— А то решат ещё...— и выпрыгнул из машины открывать ворота.

Нет, подумал отец, здесь героем себя воображать не следует. Если они так безбоязненно встали на дорогу Лиуана, то намерения их серьёзные.

Но в продолжение недели всё было тихо: на ферме никто посторонний не появлялся, и Мурата перестали доставать, так, во всяком случае, он сообщал по телефону. Сын в городе, за всем не уследишь. Что ж, тем и должно было закончится: горе-вымогатели поняли свою ошибку — не на того напали — и прекратили глупую затею. Но сам он дело на том не оставит, вот подготовит коровники к зиме, высвободит необходимое время и разберётся со всеми по отдельности. А теперь неплохо было бы позвать на выходные городских родственников: дочку с зятем, сестёр с мужьями и детьми — отчего не приготовить барашка и не посидеть широким семейным кругом, а то и соседей пригласить? Странно, как нечасто им удаётся это нехитрое празднество, а ведь немного для этого нужно. Всё же есть.

Гости были приглашены на субботу. Мурат пропустил в этот день последние пары и приехал раньше, чтобы помочь отцу. Но тот возмутился: напрасно ты это сделал, сынок, разве отец с матерью не управились бы сами? Не нужно было так поступать: ему учиться, а родителям создавать для этого условия. Таков заведённый старшими порядок. А вот сестре его не мешало приехать с утра, а то ведь нет, без мужниной машины ни шагу. Добро — соседи хорошие, смотри, какие девочки скорые на руку, что за помощницы его матери. Столько кур общипали и распотрошили в какие-нибудь час-полтора. Эх, индейку бы или гуся, да не время теперь. А каких печёночных колбас они наделали — загляденье, такого на рынке не купишь. А телятина, а шашлыки, а бычьи хвосты — здесь он сам мастер. О вкусе он, наверное, уже догадывается, у самого не хватает терпенья дотянуть до стола. А девочки ещё с вечера сделали несколько сортов торта и других сладостей, он даже названия им не знает. Ради интереса, пусть посмотрит. На столах уже салаты, фрукты, сладости, приборы, салфетки, осталось только горячее и горячительное подать. Хвала Всевышнему, какие невесты в селе выросли! Ну что сынок такое говорит? Когда это они собирались сами по себе и втихую съедали такие роскошные приготовления — соседи за столом непременно должны сидеть. Это закон. Кто человек без соседа? Никчёмное существо. Ты, сынок, как будто из-за океана прибыл к нам. Почему считаешь, что слишком много приготовлено? А что такое два барашка? Ими только ритуал застольный соблюсти. Да и разве нет у них всякой живности, чтобы вдоволь всех угостить? С фермы он привёз ещё кроликов, жаркое с ними приготовит, с картошкой и сметаной, это он никому не доверит, только сам. На них есть любители среди его друзей, их тоже он позвал. Смотри, всё кипит-шипит, жарится-варится, ну, и чего он так смотрит? Да, не привык он видеть отца выпившим. Сегодня не без этого: как с соседом разделали барашка, печень и лёгкие быстро в жир укутали и обжарили на углях, да и накатили раза по три, а может быть, и по четыре его самодельную. Он же знает, папа не потребляет спиртного из магазина. Всё это гадость, химия одна, не советую никогда в рот даже брать, а лучше всего не пей вовсе — запрещаю. Радостно, радостно, сынок, у него на душе. Вот увидит: нежданно-негаданно получится такой замечательный для всех праздник, на всю жизнь запомнят.

Все собрались ко времени. Если мероприятие не официальное, как свадьба, юбилей или день рождения, то оно складывается гораздо быстрее, проще и даже веселее. Отсутствие обязательных церемоний и застольной строгости придаёт гостям обаяние непринуждённости. Немаловажное значение имеет и то, что на подобных мероприятиях не предусмотрены подарки — все приглашённые приходят с удовольствием. А если во главе стола посадить остроумного весельчака средних лет, а не мрачного старика, то праздник непременно удастся. Давно Лиуана таким не видели. И какая радость: все близкие родственники собрались, чего не получалось уже лет пять, наверное, а то и больше. Все здоровы, всего вдоволь, веселитесь, добрые люди, ничего

с собой на тот свет не унесём, и гармониста скорее привезите, музыкантов, музыкантов — как же о них забыли? Сынок, хоть бы ты, что ли, напомнил. Эх, молодость, обо всём отец должен позаботиться, когда ты только повзрослеешь? На селе вырос, а в обращении хуже любого городского недотёпы. Посылай Тимошку, что ли, за гармонистом, и пусть двух своих быстроруких барабанщиков прихватит — эти молодцы так играют, так играют, да поживей вы, что ли.

И закружился, завертелся от музыки и танцев двор Лиуана. Соседи уже в который раз спрашивают друг у друга: а в связи с чем собрались, что празднуем? И, молча пожав плечами, продолжают веселье. Мурат хочет непременно чем-то помочь, но оказывается, что всем только мешает. Вот идёт мама, красивая, круглая и румяная, как пирог, она добрая и бывает строга только с отцом. То есть пытается ему противостоять, но отца не одолеешь, он её не слушает. Поглаживает лицо Мурата, точно целует его, ты, говорит, иди за стол, здесь теперь женские руки всюду нужны. Сестра Инна, стремясь пересилить музыку и шум двора, кричит Мурату, что отец всё это устроил ради него, отец ни в ком из своих детей не нуждается — только в сыне. Она уже в другой семье, сестра далеко, а с мамой у отца, сам знаешь, какие отношения. Другие с возрастом держатся друг за друга, а он неизвестно что себе думает на старости лет, с ним же запросто не поговоришь. Мурат кивает, с нею соглашается, три бокала шампанского, выпитые в саду с Тимошкой и двоюродным братом, сладко и торжественно кружат голову. А та девушка с нижнего селенья, подружка их соседки, которая каким-то образом случилась здесь помогать — ну, что она за вдохновение для юношеского сердца! Вся она так и светится от своей же улыбки. На ней серое платье то ли с огромными синими цветами, то ли с птицами. Не подойдя близко, не различишь, а подойти никак не получается. Да и при чём здесь птицы, что за дурь в голову лезет? Когда она попадает в ярко освещённое место, платье притягательно просвечивается и на какой-то момент будто обнажает её ноги, так они красивы. И так же от фонарей бесстыдно просвечиваются её ушки с золотыми серёжками полумесяцем. Она только поступила к ним в университет, и видел её Мурат до сегодняшнего дня только раз. Но почему-то никого сейчас для него нет на всём свете дороже, чем эта девушка. А она, проказница, где бы ни находилась,— на крыльце дома, откуда хорошо видны танцующие, или из окна комнаты, куда она только что отнесла новые блюда,— отовсюду смотрит в его сторону и как бы мельком его отмечает: вот ты где, мой милый, единственный, родной. Ну, так ему, во всяком случае, кажется. А может, это воздействие шампанского? Но как он раньше её не замечал в селе, как без нее жил, жизнь его отныне имеет смысл только в связи с нею. За весь вечер Мурат смог приблизиться к ней только однажды: она стояла в ожидании подноса на пороге кухни, Мурат смело подошёл к ней заговорить, сам не зная, о чём, да о чём бы ни было. Но растерялись оба, вспорхнули её серые большие глаза, она покраснела и, получив спасительный поднос, побежала прочь. Это у неё птицы, как цветы, отметил Мурат, улыбаясь. И шагнул в круг танцующих — исполнять свой первый в жизни танец.

Праздник завершился поздно, но все разъехались по домам. Городские были с водителями, благо дети взрослые, сами водят машину. Уехала даже Инна с мужем, у него завтра важные дела, правда, оставили детей, они к тому времени уже спали. Сразу после их отъезда ушла к себе мать, голова разрывается с самого вечера, отпустила и девочек, а то когда такое было, чтобы до утра оставлять столы неубранными. Сил уже нет, а уйти в их присутствии неудобно. Утром всё уберёт сама, да и соседки наверняка подойдут.

Вот так, говорил Лиуан сыну, провожая его в комнату, одни мы с тобой на всём белом свете, никому мы не нужны. Отец и сын самые одинокие существа во всём

мире, им нельзя друг без друга, запомни это, сынок. Он подождал, пока Мурат ляжет в постель, присел на минуту возле него, поправил одеяло. Сказал, что хотел поговорить, но поздно уже, и сам устал. Привык, знаешь, рано ложиться и рано вставать. Да и пьян его отец, веришь, за многие годы так не напивался. Эх, Султана жалко, славный был пёс, оказывается. Спи, сынок, спи.

Мурат успел подумать только об одном: сколько же в ней женственности, обаяния, игривости в глазах и движениях, и как я всё это в ней люблю, никому её не отдам.

Мурат пропал через два дня, он не отвечал на звонки. Об этом Инна сообщила матери, хотела передать через него обещанный набор омолаживающих кремов подруге, ведь обычно Мурат среди недели хотя бы раз приезжал домой. Так было раньше до их ссоры с отцом. Мать без всякой тревоги спросила о сыне у Лиуана, не связывался ли Мурат с ним. И уже через два часа почти все ближайшие родственники, перезваниваясь друг с другом, нет ли известия о его местонахождении, стали искать Мурата в общежитии, в университете, справляться у его друзей и знакомых. На занятиях он был. Одни говорили, что он может быть у тех, другие, что у этих, ведь последний месяц Мурат так и жил. Друг Тимошка тоже ничего не знал, расстались они ещё в городе, сам он попал в драку и был здорово побит, ходить не может. Минутами появлялась утешительная мысль: может, дело просто в увлечениях молодости, да и не за каждым шагом молодого человека уследишь. Объявится завтра, говорили, никуда не денется, что вы панику подняли. К ночи с тем и угомонились.

Только в доме Лиуана всю ночь горел свет. Поначалу от тревожных мыслей его отвлекали внук и внучка, лазили по нему, дёргали за усы. Когда его оставляли в покое хотя бы на минуту, в груди его начинало холодеть, он вставал и ходил по огромной зале из угла в угол, безрадостно улыбаясь весёлым проказам детей: «Дада, а ты так умеешь? А посмотри, как я ещё могу? Нет, я лучше делаю». Он снова садился в кресло и, крепко обхватив туловище, будто его одолевал вселенский холод, качался из стороны в сторону. Он не заметил, что час назад бабушка уволокла внуков в спальню, даже не почувствовал, как они цеплялись за него и молили за них заступиться перед сном — внуки представляли сон одушевлённым существом. Нет, невыносимо так просто сидеть, надо выйти хотя бы во двор.

Сначала он повозился с Пиратом, разговаривал с ним, воспитывал его. И, то ли всерьёз, то ли пытаясь себя отвлечь, настоятельно просил усвоить нехитрые правила поведения, которые ему сейчас зачитал. Затем направился в сторону курятника — вспомнил, где он видел такие же гвозди, какими был прибит к забору петух. За курятником стоял небольшой ящик с гвоздями, присыпанный опавшими листьями. Ящик находится здесь ещё со времен постройки курятника, Лиуан об этом забыл, да и кому нужна дюжина здоровенных гвоздей. Но кому-то они пригодились. И логично предположить, что гвозди из ящика среди ночи мог достать только знающий человек. А кто это мог сделать, как не сам Мурат? Лиуан давно забыл об этих гвоздях и никогда не натыкался даже на ящик, мать исключается, не сошла же она с ума. К тому же именно в эту ночь Мурат вернулся домой. Всё указывает на него, больше некому, да и как бы ни был Пират молод, на незнакомого человека он набросился бы незамедлительно.

Но для чего Мурат это сделал? Боже упаси подумать, что он в сговоре с этими приблатнёнными ребятами с целью выманить у него деньги. Такое случается, он знает, был же подобный случай года два назад в соседнем селе. Но нет, совсем даже непохожий случай. То был наркоман, любимый родителями сын, но безнадёжный наркоман. Да и суммы не сопоставимы — тот, вероятно, хотел получить с родителей деньги на неделю полёта в призрачных мирах, здесь — состояние. Да и как возможно

так убедительно разыграть его? Нет, нет и нет. Но тогда кто это сделал? Бог мой, что за испытания на него насланы? Что же такое происходит в его жизни? Как дожить ему до утра? Сердце рвёт закравшаяся боль.

Он зашёл в пристройку, где ранним утром после длительного отсутствия к радости своей нашёл Мурата. Включил свет, осмотрелся, прилёг на ту же кровать и, думая о том, что сон — это маленькая смерть,— наверное, потому его так боятся внуки,— скоро уснул. И он нисколько не удивился открывшейся панораме позади заброшенной амбулатории, потому что давно предполагал некую таинственность этого места. То ли он и в самом деле об этом думал, или это предположение было вынесено из другого сна, но он точно знал, что за амбулаторией вовсе не свалка сельхозмашин, как это видится сельчанам, а самая что ни на есть дорога. И дорога эта не ведёт через поля к насосной станции и к кладбищу, а проходит между ними — в полосу предлесья, а за ней поселение, о существовании которого, он уверен, никто, кроме него, не знает.

Дорога вскоре тонет в мелкой, но довольно широкой реке с прозрачной родниковой водой. Дойдя до середины, Лиуан опускается на колени с намерением ополоснуть лицо, и вдруг замечает, что не видит своего отражения. Он садится в воду, пытается взять пригоршню гальки из-под ног, но рука до них не достаёт. Странно, на чём же он стоит? В недоумении он несколько раз проводит рукою под собой и снова не обнаруживает никакой опоры — рука проходит сквозь гальку. Невдалеке какие-то люди над ним смеются, и вдруг он замечает, что река превратилась в маленькую лужицу, и в ней он стоит. Он выскакивает и, стыдясь своего поведения, укрывается в лесу. Это древний лес, густо заросший папоротниками. Справа, за редкими деревьями, крутой спуск, а внизу болото с разноцветьем всевозможных растений и яркими летающими насекомыми — откуда-то есть знание, что по этому лесу ещё не ходил ни один человек. Скоро он выходит на небольшой синий луг, с двух сторон обнесённый неестественно высокими оранжевыми тополями, и встречает там Халида, кажущегося на этом фоне невероятно маленьким. Халид — сельский фотограф, он когда-то жил с ними по соседству. Халид возится со своей машиной, вероятно, чинит. Лиуан приветствует его и продолжает путь.

Вот и поселение, о котором он, разумеется, знал, но откуда знал, сказать бы не смог. На краю посёлка дом с решётчатым ограждением, в этом доме живёт Халид — и об этом он тоже почему-то знает. Прутья решётки до того близко расположены друг к другу, что меж ними едва можно просунуть руку. А ограждение высоты немыслимой, конца не видно. За ограждением под тенистым деревом Мурат сидит на табуретке за столиком, он чем-то увлечён. Присмотревшись, Лиуан видит, как Мурат пинцетом сосредоточенно складывает глиняные кусочки. Что это, сынок, ты делаешь, спрашивает отец с нежностью в голосе? И как к тебе пройти? Вот ограждение себе Халид выстроил — ни забора, ни калитки. Хотя он чудно́й всегда был: ему бы жениться, детей завести, а он голубей гонял и свистел им, как мальчишка. А где сам хозяин, зачем-то спросил Лиуан. Мурат, не поворачивая к нему головы, отвечает: тебе, мол, сюда нельзя, а Халид по делам отъехал. А что это ты, сынок, делаешь? Папа, я заново собираю эту вещицу, разбилась она. Никак не складываются части, уж больно на мелкие кусочки разлетелась.

Лиуан идёт вокруг, надеясь найти хоть какую-нибудь лазейку. Но оказывается на ветреном берегу моря. Сюда волнами выброшены водоросли, обломки досок и прочий мусор. Где-то был ураган. Он видит засыпанную наполовину мокрым песком телефонную будку, бросается к ней и начинает откапывать. О края разбитого стекла он ранит руку и, обильно орошая липкой кровью трубку и ржавый диск набора цифр, которые, впрочем, и не различимы, пытается позвонить. Сначала ему кажется, что он

разговаривает с женой, а потом с кем-то другим. Лица и голоса на том конце меняются с чрезвычайной быстротой, но то, что он хочет им сообщить, ни до кого толком не доходит. Его не понимают, и в какой-то момент он совершенно отчётливо слышит себя: его голос походит на мычание немого, отчаявшегося от невозможности быть услышанным и понятым абонентами.

Лиуан возвращается к дому Халида усталый, пряча окровавленные руки под мышками, но Мурата уже нет в саду. На столе остался предмет, с которым он возился. Это какая-то глиняная табличка, на ней портрет. Да, не сразу определишь, кто изображён. Мурат же говорил, что не складываются части, как ему хотелось. Но Лиуан увидел ясно, как он считал, увидел сердцем. Когда все куски улягутся на свои места, он уверен, на табличке покажется портрет самого Мурата.

На обратном пути снова встречает Халида у своей машины. Скажи, Халид, что у тебя делает Мурат? Отпустил бы ты сына домой. Тот ничего не отвечает, лишь глуповато улыбается, вытирая тряпкой замасленные руки. Что, до сих пор не починил? Лиуан заглядывает в салон: там вместо сиденья на водительском месте точно такая же табуретка, на какой сидел Мурат. Всё поросло травой, под капотом нет двигателя, нет у машины и колёс. Халид продолжает улыбаться. Лиуан в страхе пускается от него прочь. Халид его зовёт, зовёт много раз, Лиуан открывает глаза...

Голос раздался не со стороны ворот, а, кажется, из-за дома, откуда можно близко подойти с переулка, дом Лиуана угловой. Он вышел во двор и прислушался — тишина

полная, село ещё не проснулось, рассвет только ожидался. Он направился было через двор к воротам, но, дойдя до шкафа, остановился, чтобы не отражаться в зеркале, вытянулся и попытался глянуть поверх забора, нет ли там кого. Затем вернулся на прежнее место и снова прислушался, показалось, что услышал щёлканье дверного автомобильного замка именно позади дома. Он встал на бетонный уступ заборного фундамента и глянул в тёмный переулок. И в самом деле, шагах в пяти от него стоял старенький автомобиль, в окне которого испуганно ёрзала чья-то голова. Увидев Лиуана, из машины вышел низкий худой человек с впалыми глазницами и виновато приветствовал его. Он смущённо заговорил: почему-то решил подъехать с этой стороны и сразу выключил мотор, чтобы не беспокоить домашних в такую рань. Да и свет горел только в маленьком доме, что в глубине двора стоит, думаю, может, кто-то уже проснулся. Но позвать не решился, хорошо, что ты сам вышел.

Этот парень был Лиуану знаком, раньше он на току работал, но потом долго не встречались, наверное, перебрался в город, как многие из села. Лиуан поинтересовался, разве он не звал его, Лиуан несколько раз отчётливо слышал, как его зовут. О, нет, он не успел ничего произнести, попробуй в такую рань крикнуть в спящий дом, испугаешь ещё кого до смерти, не каждый и решится на это, лично он не решился, подъехать — подъехал, но позвать духу не хватило. Его попросили привезти Лиуана в одно место, ну туда, к гаишному посту возле реки. Сам он оказался там проездом, его остановили и попросили, в общем, можно сказать, приказали тебя к ним привести, надобность какая-то у них в тебе. Время неурочное, но дело, видимо, важное, раз дали такое поручение, знали же, в какую пору человека беспокоят. Да и его не стали бы отвлекать понапрасну, а он сегодня в такую рань выехал из города, чтобы помочь младшему брату — к свадьбе тот готовится, забот много. Так вот, там экскаваторщик, что балласт из реки достаёт, невдалеке от моста что-то нашёл, говорят, Лиуана надо привезти, а что там нашёл экскаваторщик, сам он не ведает, Всевышним клянётся.

Вот что, говорит Лиуан, с трудом сдерживая нарастающее сердцебиение и пытаясь глубже вдохнуть воздух, чтобы не выдать своего волнения. Вот что, повторяет он уже в который раз, запутавшись в мыслях: я мог бы и сам туда добраться, машина на ходу, да только, прав ты, не хотелось бы тревожить домашних, я тихо сейчас выйду...

А ночами уже прохладно, произносит Лиуан, сев в тёплый салон «Жигулей», да, да, истинно так, соглашается тот, лето на исходе, а Лиуан признаётся себе, что дрожит вовсе не от холода — что же там произошло и что за мучения он вынужден переживать в последнее время? Но перед парнем бодрится, потирает уши, руки, ухает, мол, ничего, всё это дела житейские, без них тоже не получается. Вот, к примеру, в прошлом году у его работника угнали машину, и знаешь, где нашли? — как раз на берегу реки, недалеко от этого самого поста ГАИ, куда они сейчас едут. А ещё, продолжает он себя успокаивать, был у него случай с коровой — тоже, можно сказать, угнали, и знаешь, где нашлись её рожки да ножки? — опять же в зарослях у реки. Так что такие выезды при его работе дело привычное. Да, дела, соглашается тот, время такое, стоит только расслабиться — и враз тебя разорвут, люди свирепее волков стали, не жизнь, а сплошное выживание, ей-богу, никакой радости на сердце не осталось, прежде всё было по-другому, здесь мы свернём, дорога плохонькая, но всё же ощутимо короче.

Начинает светать, чего не хотелось бы больше всего. Под покровом темноты легче переносить боль, пространство кажется бесконечным, боль как будто разносится по невидимым ночным просторам. Сейчас же, при свете дня, источник боли начнёт воплощаться в конкретную причину. Если бы путник облегчил его мучения, так нет же,

наперёд сказал с убийственной учтивостью, что ни о чём не ведает. Врёт, скорее всего, хотя и поклялся Всевышним, но у них это просто. Упаси Бог от ответственности, просят они, не хочу быть свидетелем, соучастником, сопереживателем, ничего не знаю, и всё тут, разбирайтесь сами, я вообще проезжий, мне до ваших дел, знаете ли, нет никакого дела. Что за бред лезет в голову, при чём здесь он, бедолага, простая душа, сейчас у него, Лиуана, все виноватые.

Выехали на трассу, мимо пронеслись четыре машины, и куда люди прут в такую рань, знали бы они, в какой глупой игре участвуют, всё глупо, жизнь не имеет никакого смысла, о чём это я, вот и мост уже виден, слева пост ГАИ, глухой, спящий. Хотя нет, показались из тумана чёрные силуэты, их трое. Завидев знакомую машину, все одновременно стали махать, мол, езжайте туда сразу, вас давно ожидают, и что за спешка, даже не поздоровались. Едут через мост, при пересечении белых поперечных полос каждая из них оглушительно отстукивается в голове, вызывая тупую боль. Да, ведь на этом самом мосту пьяный чиновник высокого ранга сорвал с молоденького солдатика-постового автомат и выкинул в реку только за то, что тот посмел остановить его машину. К чему сейчас эти воспоминания о давнишних событиях, сам через этот мост ездит чуть ли не каждый день и не вспоминал об этом ни разу, событиям этим лет тридцать. А высокого чиновника на следующее утро заставили искать автомат в реке, говорят, нашёл. За мостом налево, где подростки продают наловленную за утро рыбу, дальше — путь по грунтовке вдоль берега, против течения. С высоких придорожных трав по обе стороны сбита роса, это он видит в свете фар. Видать, не одна машина здесь проезжала за последние часы. Вон в русле реки показался висящий в мглистом воздухе ковш экскаватора, он как будто указывает им, что ориентир следует держать на него.

Остановились на дамбе против экскаватора, стали спускаться в русло, путник Лиуана замешкался, говорит, может, я всё-таки поеду, не нужен ведь теперь, ждёт его брат. Да, конечно, пусть едет, спасибо. Ах, лиса, знает ведь, для чего сюда привёз, не таков наш сельчанин, чтобы вот так повернуться и уехать, не унеся с собой ценные сведения для сплетен и пересудов.

Внизу мгла ещё не рассеялась, русло метров в сто двадцать только на две трети занято водой, по берегам большие отмели: тёплая погода, отсутствие осадков, полив культур и подача большого количества воды на пастбища не дают реке наполниться. Экскаваторщик, загорелый до черноты, мятый, с впалыми небритыми щеками, оказался у своей машины, он возился с сетями и, похоже, изрядно в них запутался. Увидев Лиуана, бросил сеть на гусеничные колёса и направился к нему, стараясь скрыть нетрезвость. Почему-то поклонился Лиуану и осторожно, едва перекрывая шум воды, негромко заговорил. Послушай, говорит, как всё получилось: я сети бросаю, закидушки там разные, ловлю к ужину рыбу, я ж ночую в салоне машины, это, как ты видишь, не трактор, а ракета самая настоящая, ценности такой, что ахнешь, жалко, если пацаны залезут, раскурочат ведь, а я получил её как лучший экскаваторщик, радуюсь — не нарадуюсь, берегу́, короче говоря. А тут мы с приятелем посидели, закуски, значит, не хватило, а в магазин глубокой ночью не побежишь, да днём-то магазина нету поблизости, куда бежать, вот я и пошёл к сетям своим, пусть, думаю, порадуется гость жареной на костре рыбе. И, как бы это сказать, ух ты, чёрт, где это я содрал кожу на пальце, я сейчас, подлечу малость рану, замотаю чем-нибудь, погоди.

Между тем Лиуан оглядывается по сторонам, сердце не на месте, а этот про рыбу, но нет, только бы он ничего другого не говорил, лучше уж про свою рыбу, а Лиуан сам во всём разберётся. Но ведь кругом никого. Может, что-то напутали, не того по-

беспокоили, сколько раз случалось, что поднимали его среди ночи понапрасну. Ваши коровы, скажут, арестованы, посмели зайти на кукурузные поля фермера такого-то, заплатите штраф в его пользу и забирайте скотину, коров загнали на территорию лесхоза, коровы с вечера не доены, молоко из вымени так и течёт, пожалели бы бессловесную тварь, хозяин тоже называется. Невдомёк, что коровы Лиуана не гуляют среди ночи по чужим полям — они у него по часам укладываются спать. И много случалось других ночных посетителей по разным нелепым поводам. Значит, вышла очередная ошибка. На душе хоть какое-то облегчение, а этот нетрезвый человек вдруг становится для него самым милым и добрым из всех, кого он знает на свете.

Эти черти милицейские, продолжает тот, придавив ранку оторванной от сигаретной пачки бумагой, меня прогнали: иди, мол, выспись, говорят, как будто я несу что-то несуразное, я им, видите ли, понадоблюсь трезвым. Разговаривают как со скотиной, знали бы они, что это моё нормальное и всегдашнее состояние, по-другому на такой работе невозможно. Они заехали глубже, а вот они — видишь? — проявились как на фотографии, ты уж, Лиуан, сам к ним иди, я покойников не выношу.

Выше по руслу из тумана показались две фигуры, но в тот же момент исчезли. Лиуан пошёл на них. Вслед экскаваторщик кричит, что впереди одно проблемное место: ночью забор воды из реки уменьшается, и разливается она местами почти во всю свою ширь, но пусть он держится бережка, здесь всё-таки вода не дотягивает до него, а то бы и ему не работать. Но Лиуан ничего уже не слышит, шум воды оглушает его с нарастающей силой, как будто навстречу несётся вселенский поток, сметая всё на пути. Ему кажется, что ноги вязнут и проваливаются в песчано-гравийную массу, с трудом выбирается, но тут же спотыкается, носами ботинок бьётся о крупные булыжники, они откатываются в стороны, точно пластилиновые шары. Тревога нарастает, он машинально хватается за лоб, с усилием проводит по волосам и видит, что они клочьями остаются в руке, зубы расшатались в одну минуту, а десны кровоточат, стекая розовой слизью на куртку — мерещится ли ему, или это происходит на самом деле? Место, о котором предупреждал экскаваторщик, он прошёл напрямую, вступил выше колена в ледяную горную воду как в кипящую смолу, отчётливо видя, как она снимает вместе с обувью плоть с его ног, и кости ступней начинают скрежетать по каменистому дну неглубокого затона. А вместе с тем ощутил, как плавится горячим маслом и стекает тугой струёй кожа с кистей его рук. Кому протянешь эти руки, кого ими обхватишь, на что они теперь годны, но болит здесь, в груди, сердце сморщилось и в мгновение иссохло, дышать тяжело до невозможности. Приблизившись к людям, он спрятал кисти рук под мышки, посмотрел на ступни ног, подумал: как быть с ними, но пошёл дальше — всё равно.

Хмурые заспанные лица по очереди всплывают перед ним, да сколько же их собралось, некоторые ему знакомы: участковый, оперы, дознаватель, врач «скорой» и ещё какие-то тёмные люди. Они таинственно заглядывают ему в глаза, которые от мутной солёной влаги вот-вот перестанут различать очертания, уступают дорогу и, отворачиваясь, указывают друг на друга подбородками, мол, дальше, тебе нужно идти дальше. Вокруг тишина невыносимая, почему никто ничего не говорит, и куда подевался шум воды — это оглох мир или оглох я? Он, как заворожённый, следует молчаливым указаниям, идёт от одного к другому, умоляюще смотрит в надежде понять происходящее. Кажется, целую вечность он кружит около них, но неожиданно между ними образуется просвет, и где-то там, за неширокой водной полосой открывается песчаный островок с белой отметиной посередине. Окружающие расступаются, и вот его несёт к островку — что это там впереди, отрезок белой материи, ну и что, для чего позвали его, я же говорил, не того побеспокоили, почему они меня

мучают. Встал ближе: на сером фоне ослепительно белая простыня, сдёргивает её, видит рубашку с засученными рукавами и чёрные джинсы, утопленник без обуви, лежит головою к нему. Боль пронзает остаток тела при виде юноши, лежащего на холодном взмокшем песке. Заходит со стороны ног и опускается возле, острые колени вонзаются в податливый песок, он смотрит, не произносит ни звука, ничего не понимает. Внезапно весь этот оглохший мир взрывается от его крика, но никто ничего не слышит, он орёт в себя, вовнутрь, разрывая остатки артерий и сухожилий, и от силы этого крика гаснет солнце и осыпаются звёзды. Каждая последующая мысль напитана ядом, ему больно думать, как же я не уберёг тебя, не разглядел гибельного нагнетания событий, опрометчиво отпустил к людям, не подготовил, не дал нужных наставлений. Глаза твои, сынок, как будто и не смотрели никогда, на них застыла и, кажется, затвердела горная с песком и пеной вода. Рот по-детски приоткрыт и страдальчески молит о помощи, как мог я быть не с тобой в те страшные минуты, как мог дышать в этот момент, как не упали небеса на землю. Рассудок меркнет, где он и что с ним происходит, не поймёт, ничего не чувствует, но вот снова боль к нему возвращается. Как же ты вырос, сынок, я впервые вижу тебя таким: ты незаметно возмужал, на животе появилась пушистая узкая полоска волос, она поднимается к груди, подбородок и скулы начали выделяться как у настоящего мужчины. Здесь шрам на шее, он появился после того, как ты упал с дерева, а вот и любимая мною родинка, я вожу костями пальцев своих по твоему лицу, наверно, тебе больно, сынок. Чем же мне прикоснуться к тебе, сын мой, чтобы не причинять боли, ты же видишь, что стало с моими руками, под одеждой ничего не осталось, кроме груды костей, даже внутри меня от боли истлело сердце и осыпалось прахом. За последний час я отдал всего себя, чтобы вымолить тебе благополучие, но что же ты наделал, мой мальчик, ты разрушил мир и погубил всех людей разом, разве могу я теперь их простить и помиловать. Но безжалостнее всего ты обошёлся со мной, с отцом твоим, как мне теперь жить без тебя, сынок, как жить. Посмотри, ведь никого на всём свете не осталось, только одни мы с тобой плывём во вселенной на этом маленьком песчаном острове. Останови, сынок, этот нелепый сон, где я серебряной небесной влагой омываю твоё тело, украшаю голову твою упавшими на островок осколками звёзд и пеленаю тебя в белый саван проплывающих облаков, умоляю, останови этот страшный сон.

На похоронах люди обсуждали только одну версию случившегося: сын Лиуана задолжал большие деньги. Было, правда, несколько отклонений в деталях. Первое: проиграл в карты, второе: попался на продаже наркотиков, третье: был пойман при сбыте краденых музейных экспонатов. Каждое из отклонений обрастало множеством нелепейших подробностей, как будто распространители этих слухов были если не очевидцами, то, по крайней мере, ведущими это дело следователями. Особо неугомонные «знатоки» без смущения свидетельствовали, что Лиуан отказал сыну оплатить его долги, то есть предотвратить возбуждение уголовного дела, после чего слабохарактерный парень, не находя иного выхода спастись от наказания, утопился. Правда, к чести их недоуменно вопрошали: но как же так получилось? Лиуан уважаемый и порядочный человек, Мурата всегда считали прекрасно воспитанным парнем, никогда он не был замечен в неблаговидных поступках, умница и, говорят, был даже особо одарённым юношей, разве что наговаривают на него, но тут уж ничего не поделаешь, пришла беда, как говорится...

Все три дня, что приходили люди почтить память молодого человека и соболезновать родным, Лиуан отстранённо глядел на происходящее в его дворе. Он никак не

реагировал на рукопожатия, слова поддержки и пожелания больше не видеть в жизни такого горя. Какое же горе, думал он, я могу ещё увидеть, чтобы забыть своего сына, разве не понимают они, что произошло. Не понимают, и никто понять не сможет, пока самих не коснётся. Все слова, составляющие суть соболезнований, казались ему теперь неумными, банальными, в его случае даже кощунственными и оскорбительными, хотя сам их, не задумываясь, произносил множество раз в своей жизни. Неужели непонятно, что здесь не нужно никаких слов: оставьте меня, давайте помолчим, разве доставляет вам удовольствие меня мучить. Никто не сможет ни понять, ни боли разделить, как не мог и он в подобных случаях. Вот сейчас выйдут они со двора, станут о делах своих говорить, истории разные рассказывать, а то и смешные случаи, ему же оставаться наедине со своим горем.

Лицо Лиуана не изменилось, даже когда в открытые ворота он увидел подъехавшую машину Исмела: прибыл, значит, пособолезновать. Он повернулся к рядом стоящему своему зятю и что-то сказал. Тот поспешил выйти к воротам и ещё за их пределами встретил Исмела в группе мужчин, собирающихся зайти во двор, и отвёл его в сторону. После нескольких слов Исмел вскинул руки вверх, выражая возмущение, произнёс негромко, чтобы не привлекать внимания: «Это невиданно, неслыханно»,— после чего сел в машину и уехал. С тем же неизменным выражением лица Лиуан выслушал зятя: махал руками, говоришь, возмущался, обидели его, значит, незаслуженно, ну ничего.

На исходе третьего дня Лиуан закрыл ворота, сел под навесом на стул и объявил близким родственникам: с поминками тянуть не будет, не станет дожидаться сорока дней, а устроит их в ближайшее время, так можно. За все три дня он заговорил лишь во второй раз, произносить слова, выражать мысли было ему больно. Более того, он не находил в том никакого смысла — для чего, с кем и о чём ему теперь разговаривать. На следующей неделе в воскресенье, решил он, то есть через девять дней и сделаем поминки. Ему попытались возразить: так, мол, не получится, какая в том необходимость, да и родственников надо оповестить, хотя бы через две недели на третью. Никого он приглашать не собирается — не свадьбу играет, а тянуть не видит смысла, ему готовиться не нужно, всё есть, будет так, как сказал он. Возражать никто не стал, да и перечить ему боялись, все тихо разъехались по домам, измучились за три дня.

Во дворе установилась тишина, как в прежние дни, посторонних уже не было, жена с дочерью и зятем ушли в дом. В этот момент Лиуан с удивлением огляделся в поисках шкафа: где он? Стоял здесь, под навесом, в самой середине. Так вот же он, кто-то задвинул его лицевой стороной в самый угол и накрыл брезентом. Встал, подошёл к нему. Что ж ты не смотришь на меня своим старым ядовитым глазом? Посмотри, в кого я превратился, тебе это окажется в радость. Давай, повернись ко мне, смотри мне в глаза, ты этого хотел, решил всех нас убить, да? Как это я сразу не догадался и не выбросил тебя на свалку, а ещё держал в доме столько лет. Поворачивайся, поворачивайся, я сказал. Однако, тяжёлый ты, расторопнее давай. Брезентом он, видите ли, накрылся от взора моего, хотел в доме остаться? Смотрите, он ещё и упирается, какой неповоротливый, встань прямо, против меня, я сказал. Получай вот, ещё, ещё, ещё, ещё, узнал ты силу моих ударов? Вот тебе в твой старый убийственный глаз, вот тебе, потёк ты, да? Выпустил я из глаз твоих кровавую отравленную жидкость, вот и руки мои испачкал этой заразой. На вот тебе по бокам, ах, на какие мелкие части мы разлетаемся, знаешь ведь, за что я тебя убиваю...

На шум из дома выбежали родные. Жена с криком «он сошёл с ума» бросилась ему в ноги, дочь и зять пытались обнять его, успокоить. Прибежали ближние соседи, бывшие в эту минуту у себя во дворе, всё же слышно. Лиуан не сопротивлялся,

он схватился за голову окровавленными руками, как будто вспомнил что-то очень важное, сел на стул и затих. Шкаф был разнесён им до основания.

В последующие дни Лиуан несколько раз ездил на ферму, но делами не занимался. Всё управление хозяйством он передал старшему зятю, мужу своей сестры, и его сыновьям, ребята серьёзные и работящие, будут знать, что заработают — своего не упустят. Можно быть спокойным и за них, и за свою семью, будет им на что жить. Сам же ходил по окрестности, в лесу, где именно, никто не знал, и появлялся лишь под самый вечер. Племянники показывали ему свою работу, наперебой рассказывали о предполагаемых изменениях в ведении хозяйства — так будет лучше — и радовались, что дядя молча, но одобрительно качает головой. На самом же деле Лиуану было всё равно, он не вникал в суть их предложений. Видя, сколько жизненной силы и, как он раньше говорил, радости существования в этих парнях, больно сжималось его сердце, он завидовал их родителям. А теперь представьте, где мой сын, мысленно спрашивал он. Вот так-то, отвечал он себе же. Потому не хотел ни с кем встречаться лишний раз.

Дома он тоже старался не разговаривать. Всегда, если не дочь, то кто-то из сестёр или их детей был рядом, чтобы не оставлять в одиночестве мать Мурата. Зная, что Лиуану неприятен разговор на любую тему, его не беспокоили. Он уходил в сад, задумчиво там копошился, обрезал ветки, собирал и сжигал листву. В один из дней он ровно уложил лежавшие в беспорядке доски, накрыл их, в сарае сделал удобные полки для инструментов, хотя давно ими не пользовался. Видимо, в такой момент и пришла мысль сделать беседку в глубине сада. Он отобрал лучшие доски, отдал в столярную мастерскую, и вскоре привёз их фигурно обработанными, с пазами и выступами, оставалось только аккуратно собрать. Четыре дня, с раннего утра до поздней ночи, он возводил беседку, разбирался в своём набросанном от руки проекте, а на пятый кончил крышу и выкрасил всё сооружение в бело-синий цвет. Через день, уже под самые поминки, он привёз заказанные ранее белоснежные занавески, повесил их без женского участия, и посередине перехватил шёлковыми бежевыми лентами. В этот же день появились четыре огромных толстых стекла для проёмов — их нужно будет вставлять в осенне-зимний период, чтобы не заливало дождём. Надо будет подумать и о двери.

Установил на столе портрет сына в деревянной позолоченной раме, перенёс из его комнаты книги, конспекты, фотографии, висевшие на стенах, разные предметы, которые Мурат любил держать возле себя. Закончив, сел на табуретку в стороне и облегчённо подумал: вот поставлю после поминок тебе памятник на могилке, и тогда... Он не знал, что будет «тогда», мысль захлебнулась, потеряв направление развития, осталась без логического завершения. Он вдруг представил себя в образе этой остановившейся мысли или, вернее, мысль в виде себя, в образе человеческом, и с ужасом увидел и ощутил полную свою растерянность, когда впереди ничего — абсолютная пустота.

Обеспокоенная тем, что Лиуан с утра ничего не ел, впрочем, никто не видел, чтобы он что-то ел и в предыдущие дни, сестра принесла еду. Придвинула к нему другую табуретку, сняла с себя фартук с подсолнухами, подстелила под тарелку с нарезанными кусками телятины и овощами. Пусть немного перекусит, а то может и свет белый в глазах погаснуть, ему только этого сейчас не хватало. И ещё: эти две таблетки надо принять сейчас, очень его просит, ему полегчает, вот и воду принесла. Сестра ушла сразу же, чтобы не беспокоить его разговорами, а Лиуан отправил таблетки в рот, отпил из кружки, и какое-то время сидел, глядя в тарелку. Затем взял всё-таки кусок мяса, макнул в кисломолочный соус с чесноком, поднёс ко рту, стал жевать, думая

о том, почему его мысль остановилась после слова «тогда». А что тут думать, я просто не вижу себя в будущем, его нет, он и сын едины, одно тело, одна душа. И вдруг он увидел, как через свою глотку проталкивает еду в утробу сыну, в утробу без соков, без сокращений, необходимых для пищеварения, в утробу несуществующую, мёртвую — он вскочил, подбежал к ограждению, его стошнило. Он кашлял долго и громко, не умея остановиться.

Прибежали жена, дочь, сёстры, соседки, дети, что были во дворе. Остатком воды Лиуан умылся и полил на голову, развернулся к ним. Они на представление спешили? Что им всем нужно? Пойдите все прочь, оставьте меня, наконец, в покое, кричал он вне себя. Жена не выдержала: кто его беспокоит, зачем себя так ведёшь, стыдно перед соседями, не один он с болью теперь живёт, они тоже люди, однако держатся. Лиуан хотел было ответить — «разве для меня вы теперь люди», но удержался, отвернулся, сказал, чтобы убрали еду, и ушёл в беседку. Там он думал о женщинах: что же они за существа такие? В муках рожают детей, света белого не видят в стремлении поставить их на ноги, вывести в люди, и живут при этом только жизнью своих детей, забыв о себе. Но вот случись что, как с ними, например, то могут пережить самую, казалось бы, непереносимую боль, уйти с головой и душой в устроение посмертных ритуалов и утешить себя мольбами и причитаниями. Непонятно ему это.

Вечером он перебрался в комнату сына. Ему трудно было оставаться наедине с женой, женский плач и слёзы он не переносил, да и старшая дочь приехала, ей в самую пору быть при матери неотступно и утешать её. Маленьких внуков он просил не привозить до поминок, свет и радость, что они приносили с собой, никак не сходились с состоянием мрачной грусти, в котором хотел оставаться Лиуан. Соседских мужчин он избегал, но приходил самый близкий из них, Ахмед, тесть лейтенанта Заура. Это он, Ахмед, наученный женщинами, как-то сказал ему: ты это, Лиуан, береги себя, ничего не предпринимай, просто дай боли время отстояться, она сама и притупится, жить-то надо. Лиуан, мирившийся до этого с присутствием Ахмеда, вдруг так обжигающе взглянул на соседа, что тот даже отшатнулся от силы этого взгляда, смутился и ушёл, что-то лестное сказав о качестве и красоте его новой постройки.

В день поминок Лиуан немного оживился, во всяком случае, скупо, но всё же общался с родственниками и соседями, которых собралось довольно много. Он никогда не придавал значения ни похоронным, ни каким-либо другим ритуалам, а священнослужителей попросту не уважал, даже не воспринимал их всерьёз. Жертвенные быки — это следование тысячелетним традициям черкесского народа, он уравнивал такое действо скорее с постройкой в саду беседки, дабы чем-нибудь занять себя в горькие минуты, и не находил в этом никакого священного таинства, как это было у религиозных людей. Впрочем, и за другими он не признавал истинной религиозности, считал, что в жизни не встретил ни одного верующего. Если таковыми являлась хотя бы малая часть из тех сельчан, кто себя к верующим причисляет, то над ними загорелся бы свет небесный, не было бы несправедливости, зла и горя в селе. Но все они либо мошенники, либо просто глупые люди. Его добрый сосед предлагает ему повременить, дать боли остыть, чтобы она притупилась, потом всё установится, тогда он сможет жить как прежде. Хотел бы я им сказать: возьмите дом мой, ферму, имущество и деньги мои, всё, что я накопил за мою жизнь, берите, пользуйтесь, вам только это нужно, ради этого вы живёте. А мне оставьте мою боль, не трогайте меня, избавьте от своего присутствия.

На протяжении всего дня к Лиуану подходили с разными предложениями, советами, и не было никакой возможности укрыться в себе даже на время. Среди них оказался и лейтенант Заур, он тоже был у них с женой, помогал развозить на своей

машине пакеты с жертвенным мясом, продуктами и сладостями. Он сказал, что у него к Лиуану есть важный разговор касаемо Мурата, и по этому поводу он хотел бы с ним встретиться, вероятнее всего, завтра пополудни. Во всяком случае, он так рассчитывает, просто кое-какие детали дела он должен ещё уточнить. Будет лучше, если они встретятся вдали от посторонних глаз, скажем, в тутовой роще с часу до двух дня, другим временем он, к сожалению, не располагает, да и ехать ему на встречу предстоит из города. Возможно, с ним будет ещё один человек, самый важный свидетель известных событий. Он извинился за вынужденную конспирацию и добавил, что ситуация того требует.

Сообщение это Лиуан воспринял как весть из прежней жизни, с которой он потерял всякую связь, и возобновлять её не хотел. По какой причине ему может понадобиться предстоящий разговор, пусть даже самой огромной важности — для него не осталось здесь ничего более важного, чем мысли о сыне, и к мыслям этим он не хотел примешивать разбирательства по поводу проступка его несчастного мальчика. Ну, о чём Заур может с ним говорить — о виновности Мурата и удовлетворении претензий со стороны закона? Если его сын нанёс государству ущерб по своей юношеской неопытности и неосторожности, то пусть озвучат указанную в бумагах сумму, он готов выплатить всё сполна. Но ходить на допросы, участвовать в судебных мероприятиях он не будет, и никто не заставит его это сделать. Как издалека возникли шум и суета прежней жизни, и как хорошо, что он больше к ней непричастен. Хотя, с другой стороны, не стал бы Заур назначать ему встречу в тутовой роще, если бы представлял только официальные органы. Конечно, нет. Может, сын его ни в чем и не виноват, не было никакого товара, мальчика запутали, запугали и заставили взять вину на себя, а он, боясь отца, не сказал ему всей правды. Нет, нет, он поедет к нему.

Он приехал в рощу за час до назначенного времени, оставил машину недалеко от дороги у иссечённого топором пня — будет знаком, что он здесь,— а сам зашёл в рощу. В этих местах он мальчиком часто косил с отцом траву для коров и кроликов, подростком приезжал с ребятами за тутовыми листьями для червей шелкопряда, которых откармливали всей школой, чтобы заработать денег в летние каникулы. В молодые годы с друзьями устраивал пикники, потом привозил сюда дочерей, а позже и сына — поесть тутовых ягод. Нахлынули благостные воспоминания — и в самом деле, прежняя жизнь казалась светлее и счастливее. Может, причина тому в особом восприятии молодости, и с годами он попросту утратил способность видеть красоту жизни. Но, похоже, люди сюда уже не приезжают, так что лучшего места для тайных разговоров и не найти. Но вот, кажется, и они едут.

Остановились, вышли из машины Заур и Тимошка. Заур пожал руку Лиуану, а Тимошка не подошёл, только пробурчал едва слышно слова приветствия. Друг Мурата был явно чем-то раздосадован, глаз не поднимал, нервно потирал руки и мял под собой высокую траву, наклоняя её ногами то в одну, то в другую сторону. Левая щека его горела, скорее всего, от пощёчины, она ещё довольно отчётливо хранила след чьей-то руки. Поняв, что Лиуан это заметил, Заур признался: это я, пришлось, ехать не хотел. Его расследования неожиданно привели к этому молодому человеку, Тимошке, он и есть тот самый человек, который и внесёт полную ясность в известные события. Заур ими заинтересовался ещё в период разгара известных событий, и отслеживал их ход не из простого любопытства, полагал, что добром всё это не кончится. Но он тоже виноват, опоздал, не думал, что всё так обернётся. А кто думал, замямлил Тимошка, что так получится, ведь игрались просто. Заур, оказывается, может быть и жёстким, даже агрессивным: нет, ты постой, игрались они, видишь ли, ты давай рассказывай Лиуану с самого начала, что и мне говорил — чётко, по порядку,

со всеми подробностями и без запинки. Говорить ты мастер, не прикидывайся неумёхой, в театре студенческом играешь, конкурсы разные выигрываешь, да и юрист ты в будущем, так что излагай ясно и доходчиво, здесь всё важно, понял? А мы тебя не перебиваем, все вопросы потом. При этих словах Лиуан опустился на пень, стараясь на них не смотреть, да и стоять оказалось трудно после такого начала.

Тимошка попытался собраться, расставил устойчивее ноги, как будто ему предстояло вынести сильный удар, начал: петуха вашего это я, короче, я не хотел, только один на мне грех. Заур перебил: до петуха ещё не добрались, с самого начала рассказывай, ты понимаешь, с самой главной причины, и по порядку, ты тупой, что ли? Тимошка встрепенулся, от испуга напрягся как-то демонстративно и начал говорить: Вороне нужны были крупные деньги в очередной раз, взять негде, не всю же дорогу у пахана стрелять. В городе он уже многих покидал на подставе, а тут у себя в селе свой богач имеется, говорит, никем до сих пор не обиженный, за что ему такая благодать? Надо, говорит, подтянуть каким-то образом Мурата, пусть хоть как-то участвует в деле, а там видно будет. Приклеим к делу незаметно, они огласки не захотят, отец быстро выложит нужную сумму, на кону университет сына, карьера, уважение друзей, соседей — метод проверенный, так рассуждал Ворона. Если что, пахан в курсе, выручит, он сам ядовитый зуб имеет на Лиуана, местный, говорит, хренов олигарх, один он во всём районе ему не платит. Мурату и Артёму он предложил заработать — отвести один дорогой предмет покупателю, сам срочно уезжает и его не будет, а то бы не стал просить никого. Их дело — только аккуратно и осторожно доставить товар и получить деньги, деньги немалые, он другим не доверяет, а они ребята серьёзные. Гонорар и ответственность пацаны разделят пополам, но Мурат главный. Ну, они и клюнули: что сто́ит, подумали, отвести какой-то свёрток в соседний город, возьмут такси и поедут, подозрений на такси не будет, кто станет обыскивать. Их взяли сразу же по выезде из города, мол, досматриваем все машины, есть сигнал: ценные камни из какого-то хранилища пропали, говорят, где-то у них в районе находятся. Ясное дело, милиционеры эти — сотрудники Исмела, с ними дружен Ворона, но без подачи Исмела те не стали бы проводить такую операцию, будь они трижды приятели Вороне. Но Исмел как бы не при чём, не выйдет с вымогательством денег — можно уйти в сторону и дать делу другой ход. А Ворона должен был в этом случае сказать: ничего не видел, никого не знаю, в день их ареста я вообще был в другом городе за тысячи километров отсюда, а пацаны от страха голову потеряли, не соображают даже, чего моросят. Откуда у него могут быть в таком количестве огранённые камни чёрного алмаза и доска с Колей-чудиком. Заур поучает: говори икона Николая-чудотворца, священный предмет всё же, чему их только в университетах учат, хотя, вероятнее всего, подделка это. На что Тимошка говорит: не знаю я, не видел. Потом Ворона с парнями своими начал доставать Мурата, Артём-то ведь был подсадным, о нём и забыли. Мурат должен был сказать отцу о своей оплошности и просить денег, иначе его ожидает громкое судебное дело. Мурат не испугался, но очень переживал, что подвёл Ворону, он и не подозревал, что его просто подставили. Тогда решили воздействовать на него психологически. Это Ворона придумал насчёт петуха, хотел показать, что намерения серьёзные. Ославит Мурата на всё село — держать слово не умеет, товарищей подставляет, а сам в сторону, как будто и не виноват вовсе. Мурату, известное дело, никто руки не подаст после такого позора. Я не хотел петуха выкрадывать, знали бы Вы, как я отказывался, и вообще, все подробности, что я здесь рассказываю, сам узнал много позже. Он сам хотел всё Лиуану рассказать, только не мог набраться смелости. Я говорил, что из этого ничего не выйдет, спалят его, зря только рискнёт, в курятнике по-любому шум поднимется. Но его уговорили, Тимошка многим обязан Вороне,

тот денег ему одолжил. Отец родной не дал на машину, а он дал, значит, нельзя было отказать в таком пустяке. Это на игру, на розыгрыш похоже, да и что за преступление, подумаешь, петух. Вот он и залез во двор ночью, Пират же его знал, не залаял на него. Расчёт Вороны был в том, что препятствий из-за пса не возникнет. Взял он петуха почти бесшумно, шею свернул ему сразу же, только курочки малость покудахтали. За курятником прихватил пару гвоздей, видел этот ящик сто раз, бывая у них, и махнул через ограждение в переулок, на всё про всё ушла минута, не больше. Прислушался — в доме тихо, вышел к воротам, на них были уже две глубокие дырки от таких же гвоздей, на этом месте они вешали с Муратом мишень и кидали дротики, так что прибивать их не пришлось. Он только проткнул крылья петуха и сильно вжал гвозди в глубокие дырки. В это время, а шёл уже третий час ночи, как нарочно, домой подвезли Мурата, чуть было с ним не встретился. Мурат остановил машину в начале улицы и пошёл пешком, не то бы я попался. А ещё он не зашёл во двор, а перепрыгнул забор с проулка и сразу пошёл в свой домик. А не то бы заметил бедного петушка. А к выстрелам на ферме я вообще не причастен. По правде сказать, он не причастен ни к чему, зря думают люди, на его совести только несчастный петух. И насколько он знает, никто из ребят тогда с Вороной не был, он с разными тёмными людьми водился старше себя, только они и могли стрельнуть. А пацаны нет, откуда у них оружие? Да что оружие, они рогаток в детстве не держали, городские они все, так просто — блатуют, а из себя ничего даже не представляют. И Ворона не герой, он для виду носит пистолет, а сам только ворон сможет им напугать, но и тех не пугает, говорит, нельзя, это мои родичи. А после того как у родника Лиуан общался с Вороной, тот посчитал себя оскорблённым, хотя, конечно, вслух этого не говорил. Он думал, что пацаны за спиной над ним смеются, и он теряет авторитет. Чем больше он хотел это скрыть, тем больше это проявлялось, без очков было видно, что ему не по себе. До этого он обрабатывал Мурата: вот, мол, ты меня предал, подставил. Теперь я, получается, должен возмещать деньги за изъятые милицией товары, а ты, значит, в кусты, я мол, не при делах. Мурат сам был потерянный, не мог ему даже обещать, что поговорит с отцом насчёт денег. И Ворона просто люто возненавидел Мурата, считая его причиной своего унижения. Ворона мстит всегда исподтишка, здоровья подраться нет, но защипать человека может до смерти. А в тот день сам не подъехал к Мурату, следил за ним от университета на машине. Мурат проводил девушку до квартиры её родственников, ну, знаете её, из села нашего, неважно, короче, и подпустил своих приятелей: садись, Мурат, разговор есть к тебе у людей. К тому времени я нагнал Мурата, мы вместе собирались домой. Услышав, что едем в село, предложили подвезти, по дороге заодно и поговорят. Честно сказать, мы не знали этих ребят, не видели даже никогда, двое их было. Но в дороге они не произнесли ни слова, вот так, молча, и добрались до реки. Это как раз то место, где, если помните, в прошлом году свою машину утопил наш пьяный агроном, поляна там есть и берег пологий. Стояло несколько машин, люди у берега разговаривали, и Ворона был среди них, злой, сам на себя не похож. Мурат вышел из машины, говорит Вороне в лицо, чтобы он отстал от него навсегда. Фокус, типа, не удался: голуби и цыплята, которых он спрятал в рукаве, дома у него находятся. А за них он не собирается ничего платить. Ворона начал возмущаться, кричал вне себя, произносил много бранных слов, захлёбывался и краснел, помню только одну фразу из всего: сгною, говорит, в тюрьме, всю вашу породу сгною. На минуту они сцепились. Мурат, думая высвободиться, сделал резкое движение, и Ворона упал на одно колено, но руку его не отпустил, так и повис на нём. Но подбежал Плеш и схватил его за другую руку, вывернул её за спину, наклонил Мурата, надавил всеми своими девяноста шестью килограммами. Так они, держа Мурата за

обе руки, потащили его к воде, и пока шли, Ворона падал на колени несколько раз, но руку не выпускал. Это место, между двумя большими деревьями, вроде как лагуна, вода в ней кружится тихо, а до разделительной полосы с бурным потоком метра три, четыре. Окунали Мурата головой в воду раз пять, и держали его в таком положении по несколько минут, вытаскивали и снова окунали. Я хотел кинуться на помощь Мурату, но приятели Плеша меня схватили и не отпускали. Да не дергайся ты, говорят, искупают его, уму-разуму поучат и вытащат, чего ты волнуешься. Я хотел вырваться, но моих сил было недостаточно. Я слышал: Мурат захлёбывался, кашлял, когда его вынимали, ослаб он. Я ещё раз попытался вмешаться, но тоже получил своё, не в воде, так на суше. Не верите мне, тогда смотрите: вот под рубашкой все ребра мне перебрали, видите, в синеве всё тело, вот и по ногам битой получил. Смотрите, думаете, я притворялся, когда ходить не мог. По лицу не били, а только в места, что скрыты под одеждой. И в живот меня больно ударили несколько раз, я лёг и дышал с трудом, не то что передвигался. Друзья Плеша все спортсмены, чуть что — сразу бьют, отрабатывают удары на живых людях. Из всех, стоявших там, только те ребята, что подвозили нас, выразили недовольство происходящим, так, мол, дела не делаются, поговорить же хотели. Но и на них заорал Ворона: заткнитесь, уроды. С ослабленного Мурата он снял туфлю, но она выскользнула из рук и пропала в воде, тогда стянул другую и стал каблуком бить его по голове: вот тебе, говорит, по твоей тупой башке, может, поумнеешь. Но вдруг Плеш сжалился, что ли, говорит, отпустим его, Ворона, с него хватит, а то ещё утопим, что-то он уже дрыгаться стал слабо. Плеш отпустил Мурата, вышел на берег. Тогда Мурат с трудом поднял голову и задышал, что есть силы и возможности лёгких, задышал так шумно, как будто воздух всей планеты хотел вдохнуть. Дышал, кашлял, дышал и кашлял. Но тут Ворона набросился ему на плечи, и кричит: ах, хитрец, прикинулся доходягой, надуть нас решил. Схватил Мурата за голову двумя руками и снова стал окунать его в воду. Мурат ослаб совсем и не мог уже сопротивляться. Плеш и другие ребята говорят: ты, Ворона, оставь парня, лишкуешь уже, в натуре. Плеш залез в воду и вытащил за шиворот Ворону на берег, рубашку ему даже порвал. К этому моменту Мурат перестал сопротивляться, а теперь точно — хватит, говорит ему Ворона, вылезай ты тоже. Получил своё, и нас заодно искупал. Чёрт с тобой, прощаю, говорит, что с тебя взять, ты и не нужен мне был, это отец твой всех нас кинул, волчара, а ты ни в чём не виноват. Потом повернулся к Мурату, он лежал на поверхности воды лицом вниз, и Ворона говорит: хватит притворяться, всё кончено, подурачились — и хватит, я удовлетворён, хоть так своё взял. Потом говорит: смотрите, разжалобить меня хочет, чтобы я слезу пустил, или он дыхалку свою прикололся испытывать, давай вылезай — и нам, и тебе надо обсохнуть, выпьем мировую. Но Мурат не притворялся, ему не хватило воздуха в самый последний момент. Пока думали, что он играется с ними, его как-то неожиданно поднесло к разделительной полосе, поток его подхватил и унёс. Все думали, и я тоже, что он сейчас взмахнёт руками и выплывет за деревьями, но этого не произошло. Бурный поток уносил Мурата всё дальше, белая рубашка потерялась из виду. Все стояли ошарашенные, слова не могли сказать, просто смотрели друг другу в глаза и молчали. Ворона упал на колени, долго так сидел, а другие слушали шум реки, невыносимый такой шум. А потом он выговорил: если кто проболтается, если хоть одним словом, даже намёком, запомните, вас никого здесь не было и ничего вы не знаете. Лучше живите, пусть в страхе, но живите, так лучше будет для всех. Я позабочусь, чтобы люди узнали правду, и вы тоже это запомните: из-за ожидаемого позора Мурат сломался и утопился — держитесь этой версии, распространяйте её, как предположение. А сам чуть не плачет. Ворона сразу же уехал, через отца он себя и свою машину за-

регистрировал в другом городе несколькими часами раньше, когда Мурат был ещё на занятиях. А потом из страны уехал. Плеш тоже куда-то наглухо исчез. А другие все по норам, ни с кем я потом не встречался.

После последних слов Тимошка вытер слёзы, облегчённо вздохнул, из него заметно ушло внутреннее напряжение — теперь будь что будет. Он попытался в своё оправдание ещё что-то сказать, но слова никак не складывались, запнулся, снова вытер глаза и впервые посмотрел на Лиуана. Несколько минут все молчали. Затем Лиуан встал, подошёл к машине, едва слышно произнёс: «Одно мне непонятно: как ты с этим жить будешь?»

В тот же день соседи видели, как машина Лиуана подъезжала к дому Исмела, но, не застав никого, Лиуан медленно, с неохотой садился в кабину и, подождав некоторое время, отъезжал. Так, говорили, повторялось несколько раз. Куда они все подевались, думал, кто-то же должен быть дома в выходной день, дочери его с внуками обычно бывают здесь по воскресеньям. И тут он с неприязнью вспомнил, что у Исмела, как и у него, тоже две старшие дочери и сын. В любом случае он не ляжет в кровать, пока с ним не встретится. Может, отправиться в город и там его поискать, нет терпенья ждать, всё должно решиться сегодня же. Проходившая мимо соседка сказала, что они в гостях, у племянника его, поздравляют с новорожденными, двойня у них. Что ж, Исмел никогда долго не засиживается на такого рода мероприятиях, у него для приятных застолий свой круг, стало быть, скоро вернётся. Ничего, подождёт, теперь уже всё равно.

После сообщения соседки он ещё два раза подъезжал к воротам и снова возвращался домой. Там он метался по двору, разговаривая сам с собой, заходил в гараж, выносил оттуда мелкие запасные детали автомобиля, рассматривал их долго, заносил обратно и клал на место. Тело зашлось мелкой дрожью, нарастала тревога, к лицу подкатывали горячие волны. Вдруг он вскинул голову вверх и вскричал: как это понять: «он задышал так шумно, как будто воздух всей планеты хочет вдохнуть... каблуком по голове». Ты соображаешь, Тимошка, что говоришь? Ты сошёл с ума, Тимошка, это неправда. Ну, подумай сам: кто посмеет такое сделать с моим сыном? Он опёрся о стену гаража плечом и снял туфли, бросил их в угол, туда же следом полетели и носки, а вода, Тимошка, холодная. В это время открылась дверь и появилась на крыльце жена, тогда он скрылся в гараже, как будто украл что-то и хочет это скрыть. Заметив, что она за ним наблюдает, он подумал, что ему необходимо совершать осмысленные действия, чтобы она видела эти самые осмысленные действия. Не попасться бы до времени, действовать надо осторожно, я, наверное, весь красный, всё тело горит, что это я хотел сказать, ах, да: чтобы она удостоверилась, что я... что не я... что я не... что со мной всё в порядке. Тимошка, как это — каблуком по голове? Ты просто глупый мальчик, наплёл от страха чёрт знает какой чепухи. Погоди, а где же ключи от машины, мне надо ехать, воздух всей планеты, говоришь, ах, Тимошка, Тимошка, а это что, это мой запасный генератор, я же могу отвезти его на починку, вот и повод, могу, имею право, пусть думает, что у меня есть надобность отдать его на починку, у меня есть дело, надо машину починить, а без машины какая может быть работа, нужно держаться спокойно и быть убедительным, иначе эта ведьма снова меня запрёт, а мне надо обязательно отсюда выбираться, надо спасаться, спасаться, спасаться во что бы то ни стало, иначе опять сырой подвал, кусок чёрствого хлеба с горшком воды, а по утрам коровы, коровы, коровы, и так весь день, весь остаток моей жизни, бежать, сейчас же бежать, стоит, ведьма, смотрит, скажу ей: вот взял на починку генератор, а то мой барахлит, отвезу сейчас его в мастерскую, а завтра заберу, стоит и смотрит, ведь не поверит мне, ни единому слову моему не

поверит, соображает, как со мной поступить, прошмыгнуть бы мимо неё скорее, пока она соображает, молчит, проклятая, вот направилась в сад, ну, а теперь дотянуть бы до ворот и — бежать.

Лиуан вышел за ворота, прижимая генератор к груди. Миновал свою машину, скорыми шагами дошёл до следующего переулка, до мостка через гнилую речушку, протекающую через всё село, и внезапно уронил генератор в воду. Как же он нагрелся, пока я шёл до речки. Невозможно было его удержать. Лиуан пошёл дальше, не смотря по сторонам и никого не замечая, не поздоровался даже с соседями, мирно устроившимися на скамейках для вечернего отдыха. Что это он, говорили вслед, не хочет нас признавать. Да нет: он пьян, глядите-ка, как шатает его, и никак босой он. И в самом деле, ха-ха. Тихо вы, будет попусту молоть, в конце концов, понять его можно: такое пережить, одними мускулами и деньгами от горя не укроешься.

У дома Исмела стояла его машина, ну, теперь он дома, надо идти, идти, времени осталось мало. Мало для чего, куда спешить, разве ему есть куда торопиться, не знаю, я ничего не знаю, но надо спешить, вот и ноги себе поранил об острые камешки, а может, и о стекло порезался. Почему так стучит сердце, в жизни ничто не могло его взволновать, чтобы оно так забилось, а сейчас вот-вот разорвётся. В теле набухает незнакомая сила, он берётся за ручку входной двери, опускает её, и она остаётся в руке, сломалась, не поймёт, как это получилось. Исмел стоит на открытой широкой веранде в спортивных брюках и майке, вытирает ноги и ругается с кем-то. Лиуан проходит вглубь двора, на зелёной лужайке стоит стул, на нём свежие газеты, их он аккуратно спускает на траву, кладёт к ним отломанную ручку, садится. Вечер сегодня нетёплый, но отчего-то ему душно, глаза слезятся, и дышать тяжело, расстёгивает ворот рубашки, отирает шею. Хозяин смотрит на него недружелюбно: ручка-то чем виновата, нельзя ли осторожнее, и не простудится ли он, трава-то мокрая, полил её только что из шланга. Что там лопочет этот человек, хотя с чего ему радоваться незваному гостю, да ещё такому, как он? Ну, да, наступил на помёт щенка, игравшего на веранде в отсутствие домашних, и теперь чистит тапочки веником, бурчит: в доме беспорядок, а женщинам лишь бы по гостям ходить да за столом сплетничать. Веник сильным махом ударяет по породистому щенку, и тот летит с крыльца, перебирая пузом ступеньки, пронзительно скулит, прячась от жестокого хозяина за кустами роз. Похоже, домой он приехал один, тем лучше. А жар всё нарастает, на лице выступает пот, наверное, где-то простудился, на стуле долго не усидеть, да и нечего тут засиживаться, встаёт и направляется к веранде. В ушах неожиданно возникает шум реки, вероятно, это и есть тот невыносимый шум воды, о котором говорил Тимошка, ах, да, вспомнил, он же хотел пойти к реке, но позабыл, теперь нужно торопиться. Мой бедный мальчик хотел вдохнуть воздух всей планеты, дышал ненасытно, тогда ещё дышал и надеялся, что отец поспешит к нему на помощь. Лиуан всходит на веранду, шёпотом спрашивая, как посмел Ворона стучать каблуком по голове его сына, зачем не дал ему возможности глотнуть воздуха в критическую минуту, и разве не он распустил слух, что мальчик его покончил собой. Исмел грозит ему пальцем: стой там и не двигайся, я ведь могу и выстрелить, послушай, я не собирюсь ни о чём с тобой разговаривать, убирайся по-доброму. Исмел с ним как с человеком, а он на похоронах высылает вперёд зятя, и этот дурачок при всём народе указывает ему, Исмелу, идти вон. Оскорбить его хотели, унизить при всех, если бы не деликатность положения, он бы показал, как с ним надлежит обращаться. Но Исмел в отличие от них, людей низких, себя уважает, не стал опускаться до их уровня. Но, увидев глаза Лиуана, этот взгляд без выражения, испугался, он же не в себе, о каком воздухе он тут говорит, о каких каблуках? За пистолетом бежать в другую половину дома уже поздно — догонит. Скрыться в комнатах и запереться — разнесёт двери. От-

толкнуть его и бежать на улицу к людям — рискованно, его, гада, это только разозлит ещё больше, да и не прошибёшь его, здоров, как буйвол. С такими надо больше разговаривать, убаюкивать их, и где это мои запропастились, сказали же, через час приедем сами. Послушай, Лиуан, я и в самом деле перед тобой немного виноват, не в том, конечно, что ты думаешь, а так, вообще по жизни. Зря я тебя сторонился все эти годы, что поделаешь, такая собачья у меня работа, чего нам делить, мы односельчане, росли вместе, в одну школу ходили. Не делай глупостей, о которых потом будешь жалеть, эх, последней фразы говорить было не нужно, прозвучало как угроза. Лиуан приближается к нему, неторопливо берёт за шею, пододвигает к стене, прижимает. Исмел лопатками касается поверхности прохладных дубовых панелей, и в горле чувствует такую боль, будто на него упал чугунный столб. Что делать, он же ничего не соображает, как с ним говорить. В жизни он, кажется, не оставался один, вот подловил, так подловил. Может, просто стоять, ничего не говоря и ничего не предпринимая. Нагрубит, пофыркает, выскажется и уйдёт, чего ему бояться,— пусть говорит, сколько ему захочется, перечить ему не станет. Сейчас вытерплю всё: любые оскорбления, унижения, в ногах буду валяться, прощения просить, ну а завтра... Как же больно, задушит ведь! Погоди, завтра он будет арестован по всем правилам, потом судим и сослан на край земли, откуда никогда не вернётся, уж Исмел позаботится об этом, не знает, дурак, с кем тягаться решил, ой, что ты делаешь, проклятый. В этот момент мокрая от пота рука сжимает его шею, скажи: ты попадал в ситуацию, когда ты очень хотел жить, а тебе в такую минуту перекрыли воздух? И если бы тебе дали снова дышать, то ты, кажется, так бы и вдохнул воздух всей планеты, без остатка. Было, спрашиваю, у тебя такое, идиот, ты понимаешь, о чём я тебя спрашиваю? Но Исмел не может уже ничего говорить, от страха и нарастающей боли в шее он онемел. Попытка отвести руку Лиуана, отогнуть пальцы и вырваться показалась ему таким бессмысленным занятием, что он никак не сопротивлялся и чувствовал себя мокрицей, зажатой в железные тиски. Что же это происходит, такого быть не может: умереть в окружении стольких соседей, имея заряженный пистолет в соседней комнате, деньги, звание, авторитетную должность — да никогда тому не бывать, абсурд какой-то, в это никто не поверит. Значит, это просто кошмарный сон, скоро он закончится и всё будет как прежде. И хотя Лиуан увеличивал давление на его глотку, со стороны могло показаться, что Исмел ничем особенно не обеспокоен, он только лишь с глупым удивлением рассматривает капельки пота под чёрными волосами душившей его руки. В какой-то момент, следуя один за другим, перед ним пронеслись два фрагмента, которые, впрочем, он принял за продолжение кошмарного видения. В одном был щенок, испуганно смотревший на него из-за кустов роз, его было ему отчего-то жалко, но не мог припомнить, откуда его знает, и по какой причине явилась ему эта жалость. В другом фрагменте увидел, как в детстве, играя в тутовой роще, они с Лиуаном достали из коры поваленного дерева толстую гусеницу, и как его приятель проткнул её тупым концом палки, с любопытством наблюдая выходящие на свет потроха насекомого. Это было похоже на то, как сейчас Лиуан сильной рукой сдавливал его жирную шею: вот-вот расколется череп, а тело его, не выдержав напряжения, разойдётся и выпустит наружу содержимое, не ведая ни стыда, ни боли. Впрочем, никакой боли он больше не почувствует — передавленные сонные артерии ещё до того, как он, бездыханный, сползёт на измазанный щенячьим помётом пол, позволят ему незаметно скрыться от Лиуана в роще. А на коре останется развёрстая тушка гусеницы в угоду птицам и другим неведомым хищникам.

Лиуан до предела открыл огромные крепостные ворота чужого дома, убрал с пути стул с газетами и отломанной ручкой, закинув их подальше в кусты и оглядел просторный двор: скоро он наполнится скорбящими людьми. Он направился в сторону

дачных участков, большей частью ещё не застроенных и даже не ограждённых, через них река значительно ближе. Лиуан шёл босой по гравийно-щебёночной дороге и не чувствовал боли от мелких камней с заострёнными гранями. Походка его сделалась неуверенной, ноги отказывались работать слаженно, он то и дело задевал лежавшие на пути булыжники.

Возле одного из дачных участков он остановился, устало облокотился на стоящий там автомобиль. Он не заметил, что под ним хозяин чинит какую-то поломку, напевая мелодичную песенку. Из этой песни, сочиняемой, вероятно, на ходу, было понятно, что скоро должны подъехать его приятели, с которыми предстоит вкусный обед на свежем воздухе. Взглянув снизу на ноги подошедшего — концы штанин мокрые, ступни ног в крови под плотным слоем дорожной пыли, — он подумал, что какой-то бездельник до невозможности ободрал себе ноги, не повезло ему, а он скоро будет выпивать с товарищами и есть чёрного ягнёнка. Такая вот несправедливость, он не виноват. Послушай, эй, там, наверху, убирался бы ты по-доброму, не серди меня и не порти выходной день, не то заставлю машину мыть. Лиуан не различил его слов, но понял, что побеспокоил дачника, и, с усилием оттолкнувшись от автомобиля, пошёл дальше. Он чувствовал, что тело его слабеет с каждым шагом. Рука, бывшая в сильном напряжении несколько минут назад, безвольно повисла, он шёл как-то боком, вся сторона больной руки тянула его книзу. Из-за кустов соседнего участка вспорхнули два мальчика в матросках и, весело подпрыгивая, подбежали к матери, крича: мама, мама, смотри, вон идёт сумасшедший.

Ровные дороги дачных улиц в воображении его лукаво змеились, затевая с ним злую игру. Ноги как будто бы проваливались в грунт как в слегка затвердевший снег. А может, это и есть снег, но откуда он теперь взялся? Выбравшись, он смотрел на ноги и видел, что они оплетены грязными изорванными простынями. Он садился на землю и делал распутывающие их движения под недоуменные взгляды дачников, затем вставал и долго разглядывал предстоящий путь. Вон это место, сынок, уже немного осталось.

А помнишь ли ты, Мурат, как отец возил тебя сюда маленьким мальчиком на мотоцикле? В то лето река вышла из берегов и залила прибрежные земли до этих дач. Но тогда здесь было пустынное место. Залило даже шоссе. Ты с удивлением смотрел, как машины одолевают потоки воды, колёс почти не было видно. Отец покажет сейчас твои изумлённые глаза в тот момент, сохранилась же фотография. Хотя, что он такое говорит? Сынок, кажется, твой отец выжил из ума: у меня никогда не было фотоаппарата, как бы я мог сфотографировать твои глаза? Во всём селе фотоаппарат был только у Халида, он же фотограф. А что он делал в доме Халида? Всё хотел тебя об этом спросить. Не нужно к нему наведываться, ты же знаешь: человек он неровный, взбалмошный, пьющий, хотя и милый по-своему. Сынок, весь этот видимый мир перевернулся в моих глазах, и ты вправе считать меня сумасшедшим. И другие, наверное, так могут подумать. Мальчик мой, я даже не знаю, как это назвать. Или всё в моей голове помутилось, или, наоборот, наступила полная ясность — не разберу. Посмотри на меня, может, ты что-то понимаешь.

Но эти твои глаза, иногда ты так странно смотрел на людей. Бывало, обидит тебя кто-то, ты залезал под стол и смотрел исподлобья на обидчика, не отрывал от него взгляда, пока тот не смутится и не пожалеет о своём поступке. И точно так же ты смотрел на меня, когда я выгонял тебя из дома поздним вечером, совсем ещё ребёнка, искать нашу единственную корову. Я был сердит: ты её не усмотрел, заигрался в поле с ребятами. На то ты и ребёнок, чтобы заигрываться, но я был очень рассержен. А ужаснее всего — я послал тебя за коровой, выставив из-за стола во время еды. По-

терял корову, а ещё спокойно сел ужинать, возмущался я. Но ты не знаешь, как больно потом меня обжигал остаток твоей трапезы. Кажется, я часа два сидел и смотрел на стол. От боли я не мог двинуться с места. Сметанный соус, картофельный пирожок и кусок сыра, который ты успел надкусить. Представляю, какое страшное сиротское чувство ты тогда испытывал. Каким одиноким ты показался мне в тот момент, мой мальчик, ты — ушедший один в ночное поле, ты — оставленный отцом своим. Я нашёл тебя глубокой ночью на холме под проливным дождём — где ж отыщешь корову в такую пору? Ты сидел на краю обрыва и смотрел вниз на реку, хотя, что ты мог видеть в темноте на таком расстоянии? Так не ведут себя дети в семь лет. Что думал ты, сидя на том холме? Может, проклинал меня? А может, ты недоуменно вопрошал: за что

ты, отец, так со мною поступил, на кого оставил меня одного в поле, где мне одиноко и боязно? Трудно даже вообразить, о чём ты мог думать в таком возрасте. Это уже потом ты скажешь мне, что заблудился в этой жизни. Помнишь? Странно, но я никогда тебя об этом не спрошу. И ещё более странно, что я скоро забуду о том давнем случае. У нас ведь как: сына жалеть нельзя, он должен расти в трудах и суровости.

Нет, нет, что я такое говорю, совсем не в этом дело — меня все эти годы что-то спасало от воспоминаний. У меня разорвалось бы сердце, если каждый раз вспоминать остывший пирожок и сыр с отметинами твоих маленьких зубов. Как мог я думать, что лучше тебя? Как мог на тебя сердиться? Не прощу себе, что пустил тебя к людям без своей опеки. На что я надеялся? Что примут и полюбят тебя? Нет, я очень просчитался. Ещё недавно казалось, что нет никого лучше и сильнее меня на всём свете. А теперь я хочу упасть к ногам самого скверного человека и признаться ему, что нет хуже и несчастнее меня во вселенной.

Сынок, вот этот берег. И вот то самое место, где ты ждал меня. Ты задыхался, погибал, и мог ожидать помощи только от отца своего, а я не появился. И нет мне прощения. На что нужен человек, если его нельзя позвать в самую тяжёлую для себя минуту? Он ни на что не годен. И тебе не советую знаться с такими людьми. Но я всё-таки пришёл, сынок. Как странно, горная река, а совсем не холодная, правда? Какое блаженство для ног моих. Ты даже не представляешь, сколько я исходил этими ногами по земле. А так хорошо им только сейчас. Почти как в детстве. Тимошка говорил, что здесь поток сильный. Я нисколько не чувствую его напора, иду легко, как по взмокшей утренней траве. Мне уже по грудь. Вода гладит моё лицо и омывает глаза мои. До чего же здесь хорошо: уже вечер, а всё вокруг сияет, подо мной белые облака на ослепительно синем небе. Посмотри, разве это не чудо, сынок. Я знаю, ты здесь. Отзовись. А теперь возьми мою руку, вот так, надо же, она у тебя совсем даже не холодная. Чувствуешь, как обдувает нас прохладный ветерок, так легко и приятно здесь дышится. Держи крепче мою руку, сынок, нам так долго теперь идти вместе.

ВИКТОР ГЛАДКОВ

ИШАК ПРАВДА

рассказ

Дядько Телик жил недалеко от яра на улице Калинина, в маленькой саманной хатёнке с сестрой, женой и тремя детьми. Тогда, в начале шестидесятых, районный центр Арзгир ещё не был полностью электрифицирован, не говоря уже о наличии у сельчан такой роскоши, как телевизор. Поэтому мой земляк к мудрёной технике, естественно, никакого отношения иметь не мог, следовательно, соседи и знакомые называли его «Телик» без всякой подоплёки, сократив лишь окончание фамилии: ов. Среднего росточка, худощавый, но крепкий, жилистый Телик вёл неприметный, обособленный образ жизни, был малоразговорчивым, добрым и трудолюбивым мужичком. Однако за свои сорок прожитых лет он успел пережить и выдержать коллективизацию, испытать голод, поработать в колхозе, повоевать пять месяцев в сорок первом году, получить ранение и заслужить одну медаль, попасть в окружение и в плен к немцам, познать все ужасы концлагеря, дождаться освобождения из плена советскими войсками и заново угодить в тюрьму, но уже в своей стране, на восемь лет за измену Родине. После смерти Сталина, в 1953 году он освободился и вернулся в село. К тому времени из близких осталась в живых лишь его младшая сестра, так как мать и старшая сестра, оказывается, умерли от голода в 1947, а отец от заворота кишок и грудничок-братишка от менингита (это он помнил) ещё в 1933 году. Не осталось на белом свете и девушки Ани Пелипенко, что жила сразу за яром, дружила с его сестрёнкой и была дочерью подруги матери. Симпатичная, шустрая, хохотунья и трудолюбивая, как пчёлка, она частенько, особенно перед тем, как Телика забрали на войну, бывала у них дома. Когда-то они вместе ходили в школу до шестого класса, но потом он бросил учиться — нужда заставила работать. Последнее время, если им приходилось встречаться вдруг взглядами, Аня то прыскала со смеху, то быстро отворачивала голову в сторону и краснела. Иногда она засиживалась у подружки дотемна, и тогда он провожал её домой до калитки. Переминаясь с ноги на ногу, говорил, что её ждут родители, а ему ещё по хозяйству управляться надо, и уходил. На призывной пункт Аня прибежала, когда уже была дана команда всем новобранцам садиться в полуторку. Оттащила его в сторонку и, глядя в глаза, зашептала: «Я буду тебя ждать!.. Слышишь?.. Запомни, что буду тебя ждать... очень!.. Калечным придёшь, всё равно!.. К себе жить возьму... только вернись... будем вместе... всегда. Слышишь?... Запомни!... Слышишь?» И она неожиданно обхватила его за шею, притянула к себе. Задрожала. Впилась горячими и мокрыми от слёз губами в его губы отчаянно и страстно. Потом отстранилась. Закрыла лицо ладонями и, не оглядываясь, почти побежала от страшного бабьего воя-горя вокруг и «пьяной» гармошки.

Вот этот первый поцелуй он и запомнил. Пронёс его через все напасти и невзгоды. Хранил, жарким и солоноватым, под сердцем. Жил им, берёг, боролся за него и рвался с ним на родину, чтобы вернуть Аннушке вместе со своим поцелуем, пусть робким и неумелым, но тоже — первым. Только и её прибрал к себе Господь, а за что и почему — не объяснил. Клятву «дождаться» не дал выполнить. А ведь она и вправду ждала...

Ему же не довелось сказать ей вслух то коротенькое, тайное и самое дорогое слово, которого он сам стеснялся, и которое волновало, бодрило и придавало сил пережить все прошедшие, тяжкие годы.

Вскоре Телик привёл в свою хатку робкую, добрую и такую же немногословную, как он сам, жену, приданое которой состояло из двух подушек, небольшой перины и полугодовалого, забавного ишачка. Идти работать в колхоз или в какую-либо организацию Телик категорически отказывался. Душа его требовала тишины, свободы, покоя и одиночества. Зарабатывал на хлеб тем, что рыл копани и бассейны, клал из самана сараи и хаты, выделывал шкуры, пас скотину, выжигал известь из камня — пилобута.

Подросшего ишака Телик приспособил к делу не сразу. Долго прикидывал все «за» и «против», прежде чем записаться в единоличники — зарабатывать на жизнь своим личным хозяйством. Нужно сказать прямо, отношение к такой классовой прослойке трудового народа, как «единоличники», в тот период социалистической действительности было достаточно негативным, особенно у представителей власти. Советами и напутствиями помог ему в этом деле единоличник со стажем, сосед Евтей Шугайло — свободолюбивый и независимый мужик, битый незавидной судьбой.

Евтей вернулся с войны в 1944 году с ампутированной выше колена правой ногой. Через год он, отбросив костыли и приладив к культе деревянный штырь, несуразное жалкое подобие ноги — изобретение, мучающее всех безногих со времён войны с Наполеоном, начал один содержать семью, которая насчитывала восемь ртов: престарелую мать, жену и шестерых детей. На самодельной бричке с помощью лошадки Маруськи Евтею приходилось работать от зари до зари, чтобы хоть как-то сводить концы с концами.

Вот и Телик последовал примеру Евтея, ставшего на долгие годы ему не только наставником, но и другом.

С тех пор жизнь Телика наполнилась новым, разнообразным и целенаправленным содержанием. Он сам искал и получал от сельчан заказы, определял сроки их выполнения, «вкалывал» столько, сколько того требовало дело, и ежедневно имел возможность подсчитать свои честно заработанные копейки.

Хотя жизнь и оставалась крайне бедной, тем не менее за последние восемь лет на свет появились трое ребятишек, которые не тянули ручонок к матери с требованием дать «ням-ням». Во дворе мычала корова Зорька, верещал поросёнок Борька, греблись куры и часто орал благим матом ишак по кличке Правда— равноправный с хозяином кормилец семьи и дворовой живности.

Работали они вместе много и дружно. Автомобилей тогда было мало, и люди охотно пользовались услугами гужевого транспорта: перевозили саман, черепицу, камыш, известь, сено, солому, кизяки, мешки с мукой, пшеницей, а в районную заготконтору заготовленный металлолом, тряпьё, шерсть, кости... Так что работы хватало выше крыши. Это позволяло Телику быть независимым от колхозных палочек-трудодней и иметь на руках хоть какие-то деньги.

Лично ишаку больше всего нравилось работать в выходные и праздничные дни. Как он определял эти дни, сказать трудно: или он замечал, что на улице с самого

раннего утра становилось особенно многолюдно, или был у него свой, только ему известный, календарь.

Летом, в пять часов утра, я обычно поднимал влёт своё голубиное хозяйство и давно заметил, что в это же самое время по выходным дням ишак начинал издавать такой громкий и частый крик: — Иии-Ааа! Иии-Ааа! Иии-Ааа! — что петухи, собаки, овцы и свиньи во дворах замолкали, а голуби устремлялись быстрее набрать высоту.

Этот зычный, несносный ор Правда прекращал лишь тогда, когда оказывался за воротами, и начинал охотно бежать трусцой в гущу базарной жизни, где мог предложить себя на работу, а заодно повидаться со своими сородичами.

На базаре дядько Телик всегда привязывал своего ишака к забору, рядом с «Закусочной». Здесь обычно его уже ждали клиенты. Одним срочно надо отвезти на продажу тушу свиньи или барана, громоздкую глиняную посуду, а другим приобретённую мебель, бочки, визжащих поросят в мешке...

Бывало, уже до обеда они успевали сделать три-четыре рейса. Иногда, после удачной «шабашки», Телик позволял себе расслабиться, приглашая кого-либо из приятелей в «Закусочную», или сам оказывался приглашённым. А вот этого ишак Правда очень не любил. Если через час хозяин не выходил, чтобы ехать домой, ишак беспокоился. Он вначале пару раз подавал голос. Выжидал ещё минут 15-20 и, не дождавшись появления Телика на ступеньках злачного заведения, начинал свой неудержимый, беспрерывный, требовательный крик.

— Иии — Ааа! Иии — Яяя! Иии — Ааа! Иии — Яяя! — орал он во всю глотку, дёргая привязь и наезжая грудью на штакетник, грозясь его сломать. Выходили мужики из закусочной, стыдили ишака: «Опять распелся, Робертино ты наш, Лоретти, не даёшь ты нам хоть разок «Шумел камыш» спеть...»

Потом приведут полуспящего хозяина и, уложив его на повозку, отвязывают ишака. Дальше Правда сам знал, что делать: он давал задний ход, разворачивался и во всю прыть бежал домой. И никакая сила не могла его остановить.

А однажды вот что произошло.

Сидим мы как-то с другом на завалинке возле дома. Глядим — по улице в клубах пыли несётся ишак, в тележке мертвецки пьяный Телик телепается — и вдруг он мешком вываливается на дорогу, прямо напротив нас. Ишак резко останавливается, поворачивает голову в нашу сторону и призывно трубит — идите, мол, помогайте. Мы вскакиваем, грузим Телика на тележку. Потом садимся по бокам «кареты» для подстраховки, и Правда, уже не торопясь, шагает к своим воротам, где снова подаёт голос. Так делал он всегда, когда хозяин сам не мог открыть ворота.

После я убеждался не раз, что ишак служит своему хозяину преданно и верно, и отлично соображает своей ушастой башкой.

Однажды он неожиданно заорал у калитки нашего дома, чем вызвал моего отца-ветврача на разговор с дядькой Теликом, который сам только ещё намеревался постучаться к нам в окно. Я вышел вместе с отцом на улицу.

— Пётр Иванович,— говорит Телик,— мы вот тут с жёнкой на Правде в Будённовск мотались. Сейчас, на обратном пути, сразу к тебе. С ногою у ишака что-то, опухла вся. Еле шкандыбает.

— Как в Будённовск? На ишаке? — изумился отец.— Это же семьдесят километров туда и столько же назад!

— Так оно и получилось. Трое суток в один конец. Обратно так же. Отвёз в город Катерину погостить к сестре, да пару мешков муки. Глянь, возвращаюсь с дефицитом — вон, зеркало-трюмо везу, тумбочку. Ещё патефон купили, одежонку, обувку кое-какую для детворы. Сам-то я больше пёхом отшагал, а бабу с грузом Правда пёр.

Выдержал, чертяка! А вот на обратном пути, как только Петропавловку проехали, ковылять начал. Посмотри, что с ним.

Отец осмотрел переднюю, заметно опухшую, ногу ишака. Затем принёс ветаптечку и принялся что-то там резать, обрабатывать, бинтовать. Всё это время Правда стоял, подогнув ногу, как вкопанный, и — ни звука! Только настороженно поводил ушами, да по телу его пробегала мелкая дрожь.

— Умный он у тебя, однако, и терпеливый. Весь в «батьку»,— подтрунивал отец над Теликом.

— Признавайся, жёнку ты сплавил и на радостях кадриль в степи отплясывал с ишаком под патефон, вот он там ногу и пропорол! А тебе хоть бы хны! Перед трюмо теперь собой любоваться будешь, на тумбочке сидеть да ковырять в носу, пока у него нога не заживёт?

Давно и хорошо знал дядько Телик своего соседа Петра Ивановича как удивительно отзывчивого человека, всеми уважаемого специалиста и шутника, а потому не обижался и отвечал:

— Через неделю мы с Евтеем начинаем заготовку сена. Патефон с собою в степь возьмём. Пусть Правда и Маруська на свободе кадрили отплясывают, а нам на трёх ногах с косами, граблями и вилами с утра до ночи придётся по степи вальсы кружить, а вместо зеркала в луну смотреться!

Мне тоже не терпелось вмешаться в разговор старших и задать несколько вопросов дядьке Телику по поводу их отважного путешествия, но я решился только на один, больше всего меня волновавший:

— Дядь, а с какой скоростью Вы на ишаке в Будённовск ехали?

Он посмотрел на меня внимательно и с улыбкой ответил:

— Дык, с обыкновенной: как час, так столб!

Видимо мы с отцом одновременно представили себе, как мелькали телеграфные столбы, расстояние между которыми пятьдесят метров, перед глазами участников ишачьего марафона, и потому разом зашлись неудержимым хохотом...

Бывала у Правды раз в году и «блатная» работа, которую он воспринимал как заслуженный месячный отпуск. Это когда после изнуряющей летней жары и пыльных бурь, непролазной осенней грязи и пронизывающих до костей зимних ветров, в начале мая, начинался сезон отлова и заготовок шкурок суслика. Тогда дядько Телик и Евтей Шугайло, как и другие единоличники, заключали с Райзаготконторой договор. Им подотчёт выделялся инвентарь: штук по сто капканов, брезент, мешкотара, алюминиевая посуда. В качестве задатка и стимуляции предстоящих работ давали и некоторые дефи-

цитные товары: килограмм по десять кускового сахару, несколько метров мануфактуры, хозяйственное мыло. Оговаривалась и закупочная цена за сданную шкурку суслика: десять-двенадцать копеек. Надо сказать: по тем временам это были неплохие деньги, если вспомнить, что на двенадцать копеек, например, можно было купить двенадцать коробков спичек или два килограмма кильки. Тринадцать копеек стоил батон, а шестнадцать — буханка хлеба. Для единоличников, кто выезжал на такой промысел, это была основная и единственная возможность за месяц-полтора заработать наличные деньги в сумме 120-150 рублей. Колхозники, как правило, получали чистыми деньгами за трудодни в среднем (кроме натуральных продуктов) по 200–350 рублей, но за весь год работы, а деньги выдавали один раз— перед Днём Великого Октября или перед Новым годом. Труд же «суслятников» был не только каторжным, но и небезопасным. Бывали случаи, что и нападали на них, и даже убивали, забирали заготовленное сырьё, провиант, лошадей. Ищи-свищи потом варвара, как ветра в бескрайней степи. Поэтому и ружья, и патроны брали с собою на промысел всегда. У каждого «суслятника» имелся свой инвентарь: вёдра, лопаты, ломы, косы, вилы и грабли, топоры, примус, канистры с керосином, верёвки и деревянные колышки, чтобы отмечать места установки капканов. Из продуктов — сухари, сало, соль и сахар. Обычно дядько Телик и Евтей направлялись в сторону Калмыкии. Там по обе стороны реки Маныч, на нераспаханных степных просторах, водилось несметное количество сусликов. Это теперь их почти не стало. Запахали, вытравили, перебили, что привело почти к полному исчезновению лис, корсака, пернатых хищников. Ещё лет десять тому назад на селе можно было купить пол-литровую баночку сусличьего жира, который по целебным свойствам превосходит барсучий и медвежий,— нынче не отыскать вообще. Какой вред суслик приносил зерновым культурам, раньше много писали, подсчитывали, привирали и оглашали. А вот сколько миллионов людей в нашей стране благодаря этому незатейливому грызуну спаслось от голодной смерти в двадцатые, тридцатые и сороковые годы, вылечилось от туберкулёза и других болезней, одевалось в лёгкий, тёплый мех, не считал и не расскажет уже никто. Жаль, что нет памятника этому столбику-свистуну на степных, лесостепных и лесотундровых ландшафтах нашей страны.

Первую стоянку Телик и Евтей по традиции делали недалеко от реки, возле кургана. Засветло ставили бричку и тележку рядышком — буковкой «г», завешивая их с северной и западной стороны брезентом. Обкладывали накошенным разнотравьем свою «буковку», устраивая таким образом уютный и душистый кров-шалаш. Маруську и Правду стреножили и отпускали пастись на «вольные хлеба». На ночь расставляли капканы. Затем поднимались на курган, чтобы вдоволь надышаться степными просторами, полюбоваться красотой заката, встретить тихую лунную ночь, позволяя себе хоть разочек в году порадовать душу этим степным великолепием. Разводили костерок. За ужином выпивали бутылочку водки, и, немного поговорив, ложились спать, чтобы с рассветом заступить на длительную сезонную вахту. Работать приходилось весь световой день, без выходных, в любую погоду. Через каждые два-три дня они меняли место стоянки: то углублялись в степь, то вновь возвращались поближе к Манычу. Забот хватало. Не так-то просто на площади примерно в квадратный километр под солнцепёком переставлять, закреплять, отмечать места установки двухсот капканов, постоянно обходить их, собирать отловленных сусликов (от пятидесяти до ста в день). Шкурки снимали, натягивали на рогатинки, тушки потрошили, топили жир, сортировали, пересчитывали. Высохшие шкурки (сухосол) укладывали в мешки. Пищевой рацион Телика и Евтея в основном состоял из суслика: варёного, жареного, сушёного. Иногда попадалась под выстрел пролётная утка или зазевавшийся заяц.

Зато у Правды и Маруськи «отпуск» был беззаботным и полнокровным. Сочные, на выбор, цветущие травы и практически мизерные физические нагрузки придавали им силы, округляли и лоснили бока.

Вот в такой-то безмятежный период своей жизни Правда сумел достойно проявить себя, сослужив несвойственную ему службу.

Это случилось в тёмную ветреную ночь, когда заготовительный сезон подходил к концу. Ишак вдруг тревожно и часто заорал. Евтей тут же встрепенулся (он всегда спал на бричке) и сразу увидел метрах в сорока от стоянки силуэт приближающейся лошади с двумя ездовыми на телеге. Он выхватил двустволку, и, сделав первый выстрел в воздух, крикнул:

— Больше не предупреждаю!

Подал голос и Телик:

— Куда, гады, прёте? Стреляю!

Приехавшие, не издав ни звука, развернули лошадь, и через минуту гулкий топот копыт растворился в степи. Ишак успокоился, а мужики закурили... Не стали гадать, кто это мог бы быть: калмыки, туркмены, чабанующие чеченцы или ссыльный бродячий люд — камышатники — неважно. Было ясно, чего хотели, и что могло произойти, не подай Правда тревожный сигнал.

Обычно Телик после расчёта с Райзаготконторой за сданное меховое сырьё устраивал себе трёхдневный отпуск, а для Правды — любовные игры с его подружкой, ишачихой Кашкой. Они отправлялись на окраину села к радушному, шустрому, речистому куму и другу Митьке Сологубу, хозяину Кашки.

Как только ишак услышит заветную фразу: «Ну что, Правда, поедем в гости к Кашке?» — на глазах преображается! «Иии-ааа!» — радостно отзывается, полный сил, энергии и сказочных желаний Правда. Он мчит Телика сначала к Продмагу за ящиком «Портвейна» или «Белого вина», сладостями для Митькиных детишек, и дальше на полных парах туда, где ждёт его Кашка. И уже метров за двести до места встречи они обмениваются зычными приветствиями.

«Кашкой» ишачиху назвали потому, что она с малых лет любила лакомиться гроздьями белой цветущей акации, именуемой в нашей местности «кашкой».

Вот под этой огромной акацией, растущей во дворе, под бесконечные тосты, шутки-прибаутки, рассказы да песни в исполнении кума Митьки и его жены Дарьи и любил проводить свои мини-отпуска Телик. Лишь откроются ворота, Митька кричал жене:

— Дуська, давай, ходь сюда! Смотри, какие гости пожаловали! Спеши на представление! Сейчас «Правда» будет свою «ракету» запускать! Кашку нашу зачнёт в космос двигать! Бесплатно тебе свою «ценность» демонстрировать!

— Типун тебе на язык, звонарь несчастный, — сердится Дуська и уводит младшего сына в хату, чтобы не зреть «представлений» с запусками и демонстрациями.

Митька уводит Кашку за сарай. Выпрягает терявшего всякое терпение Правду, и тот сразу начинает показывать Кашке свою прыгучесть и тратить на неё накопленные силы, делая весомые заявки на продолжение ишачьего рода.

Выходит из укрытия Дарья, накрывает под акацией стол, расставляет немудрёную закуску и приглашает мужа-балабола и гостя-молчуна потрапезничать. Пьют за всё, что предлагает своими тостами Митька.

Митька прошёл три войны: с финнами, «фрицами» и японцами. Вернулся домой при медалях, орденах, дырявленный пулями и осколками, шитым-перешитым, без здоровья. Любил ли его Телик, уважал ли сильно — кто знает, только было ему с кумом всегда светло и спокойно.

С удовольствием слушает Телик, как слаженно, чувственно и вдохновенно поют супруги одну за другой песни: русские, украинские, казачьи. Душа его кружит вместе с песней над степными просторами, родным селом и Аннушкиною могилкою, которую Телик давно отыскал и содержал в полном порядке...

«Вот ведь гавкаются вроде меж собою Митька с Дуськой, а любовь-то у них есть, и совсем иная, чем у Правды с Кашкой,— думает Телик.— Хотя кто у животин-то спрашивал, что и как они чувствуют и о чём «говорят» друг с другом...»

Все три ночи Телик отсыпался на раскладушке под старой яблоней, при свете луны и мерцании звёзд. Сон был спокойный, глубокий, крепкий.

Ранним утром старший сын кума, двенадцатилетний Стёпка выгоняет в степь десяток овец на выпас, и заодно Кашку с Правдой выводит на «медовое путешествие». Телик помогает куму по хозяйственным делам. Полученного заряда бодрости теперь должно хватить ему на целый год! Заканчивается «отпуск» и у Правды — довольного, окрепшего, готового служить своему хозяину верой и правдой...

Хотя «Правдой» его назвали не за это.

Ещё будучи школьником, я знал истинную историю происхождения клички «Правда» и о тех неприятных для Телика последствиях из-за этой клички.

Расскажу всё по порядку.

Первые два года своей жизни ишак вообще не имел клички. Ишак — он и есть ишак, зачем обзывать его? Дядько Телик и не обзывал, ибо никогда с ним не разговаривал, не понукал, не «воспитывал» кнутом или палкой. Потому-то ишак и приучился воспринимать всего три спокойных слова: «поехали» — значит на работу, «приехали» — если надо остановиться и «быстрее» — когда требовалось ускорить шаг. Лишь иногда после особенно тяжёлого трудового дня Телик вдруг подойдёт к ишаку и, если нет никого вокруг, обнимет его за шею, прижмётся головой к холке, почешет за ушами, погладит круп и постоит так, не двигаясь, несколько минуток, но ничего другого и не скажет.

Но как-то, проезжая мимо школы, на углу которой стоял киоск «Союзпечать», Телик остановил ишака, чтобы купить детишкам переводных картинок и цветных карандашей, а заодно спросить у соседки Людмилы, которая работала здесь продавцом, не надо ли отвезти ей домой накопившуюся макулатуру.

Была большая перемена. Возле киоска суетилась детвора, и один старшеклассник стоял и просматривал купленный только что свежий номер газеты «Правда». Следует заметить, что почтовая связь в те далёкие времена работала гораздо лучше и быстрее, чем теперь. Все знали, что свежие газеты, например, доставлялись в Арзгир к десяти часам утра самолётом ежедневно. Письма и посылки из Москвы доходили за три дня. Посылки населению доставлял на дом почтовый работник на лошадке без всякой за то оплаты — только распишись в извещении.

Ожидая, когда прозвенит звонок и подступ к киоску будет открыт, Телик вдруг услышал за спиной громкий хохот детворы. Он оглянулся и увидел: его ишак на глазах у публики невозмутимо и смачно пережёвывает клочок газеты «Правда», только что вырванный им из рук читающего раззявы, и торопливо глотает. Ошарашенный случившимся старшеклассник недолго думая суёт ишаку оставшуюся часть газеты и тоже смеётся.

Не успел Телик сообразить, что ему делать, как дети снова развернули перед ишаком ещё один свежий номер газеты «Правда».

— На, читай, вслух! Всю «Правду» читай! Кушай на здоровье! — весело шумели и радостно пританцовывали от необычного зрелища дети.

Ишак, мотнув головою слева направо и справа налево, прижав от удовольствия уши, принялся «читать», уже не спеша, вторую газету с жирного заголовка. Телик

был в недоумении от поведения ишака. Отобрав у сорванцов газету, нахлобучил одному мальчонке картуз на глаза, другому дал шуточный подзатыльник и строго сказал:

— Расходимся!..

Весть об ишаке, любящем разжёвывать газету «Правда», быстро разошлась по селу. Так и повелось: только ишак и Телик окажутся в поле зрения школьников на площади между школой и новым зданием райкома, дети сразу бегут наперегонки к киоску с криками: «Сейчас Правду «Правдой» кормить будем! Дядько Телик, завертайте сюда!..»

И обязательно находился тот, кто первым, жертвуя жареным пирожком за пять копеек из школьного буфета, покупал одну или даже две газеты и спешил развернуть «угощение» перед мордой ишака. Газета «Правда» стоила тогда две копейки, а со вкладышем — по причине значительных событий в стране (материалы съездов, праздники, похороны видных деятелей) — три копейки.

Шутил народ:

— Где ещё в мире, в какой стране такую дешёвую правду найдёшь?

Телик добровольным подношениям ишаку больше не препятствовал, только наблюдал, как детишки суетятся, радуются и от души смеются. Сам улыбался, но следил, чтобы больше трёх газетных страниц «лакомке» в желудок не попало. Как оказалось, никакого вреда нет ишаку от такого количества съеденной газетной массы — лишь удовольствие. Также было замечено, что не всякую газету ест Правда, а только свежий номер, и что название не имеет значения, лишь бы газета пахла свежей типографской краской. Но предпочтение ишак всё же отдавал тем газетам, где краски было особенно много: люди на трибуне Мовзолея, парадные шествия, фотографии известных деятелей, передовиков производства.

Так и прилипла к ишаку кличка. На улице привычно было слышать: «Глянь, дядько Телик на Правде едет!»

Со временем тот факт, что ишак Правда иногда жевал газету, уже не вызывал большого удивления, а тем более каких-то крамольных мыслей.

Но однажды произошёл случай, который очень сильно обеспокоил и надолго вывел Телика из душевного равновесия, которое за последние годы вроде бы вернулось к нему благодаря повседневной занятости и заботам.

Как-то в разгар лета он на минуту остановился у киоска «Союзпечать», чтобы купить конвертов, да и Правду, настырно тянувшего к киоску, угостить газеткой. У киоска стоял незнакомый Телику молодой человек и любезничал с Людмилой. В правой руке за спиной он держал свёрнутую, только что купленную газету «Прав-

да». Ишак, видимо, полагая, что это именно ему приготовлено заветное лакомство, дотянулся до руки «доброго» человека и выдернул газету, тут же принявшись за её поглощение.

Людмила расхохоталась. Молодой человек вначале опешил, потом вырвал из пасти ишака ополовиненный свёрток газеты и, резко повернувшись к Телику, побледневший и озадаченный, нервно спросил:

— Это ваш ишак?

— Мой,— ответил Телик.

— И это его зовут «Правда»?

— Да, кличут « Правда».

— Тогда пойдёмте сейчас же к первому секретарю райкома, товарищу Цунаеву, он как раз на месте,— сказал незнакомец тоном, не допускающим возражений.— У него к вам есть разговор.

— Если надо, пойдёмте.

Телик привязал ишака рядом с киоском к акации. Попросил продавщицу Людмилу, чтобы присмотрела за Правдой. Шепнул ишаку на ухо: «Скоро буду»,— и пошёл за молодым человеком к райкому, до которого было всего полсотни шагов.

— Я здесь районным секретарём комитета комсомола работаю. Уже полгода прошло с тех пор, как направили меня активизировать комсомольскую жизнь в вашем районе. Зовут меня Александр Александрович,— представился он.— А вас как зовут, что-то я запамятовал?

«Рановато что-то себя по имени-отчеству преподносит»,— подумал Телик, и представляться не стал. Ему-то это зачем? Работник он не государственный, да и из возраста комсомольского давно вышел. Не знал Телик и первого секретаря райкома. Видел, правда, год тому назад на базаре — мужики показывали. Только без надобности ему всякие секретари, парторги и председатели колхозов. «Может быть, должность кучера или курьера мне предложить хотят?» — мелькнула мысль, и он усмехнулся: «Будем с Правдой «Правду» по селу развозить или какие-нибудь другие ответственные задания выполнять».

Поднялись на второй этаж. В приёмной никого не было. Комсомольский вожак приоткрыл дверь в кабинет с табличкой «Первый секретарь РК КПСС Цунаев» и спросил разрешения войти.

— Заходи, Комсомол! — последовал ответ. Вошли.

— Вот (Комсомол назвал имя и отчество секретаря), привёл я к вам Толика, то есть, Телика, ну, того самого, который дал своему ишаку кличку «Правда». Вы ещё намечали пригласить его на собеседование после окончания уборочной страды,— напомнил он партийному секретарю.

Телик с любопытством осматривал кабинет. Он впервые в жизни попал в такие хоромы. Огромная комната — по площади больше всей его хаты. Четыре высокие, светлые окна со шторами из бордового бархата. Вдоль стен — три десятка венских стульев. Книжный шкаф, набитый толстыми книгами с позолоченными корешками. Красивая люстра о пяти лампочках. К столам вела широкая (длиною метров семь, не менее) шерстяная красная дорожка, окаймлённая по бокам зелёными и жёлтыми полосами. За большим, покрытым зелёным сукном столом сидел полноватый, лет сорока пяти, мужчина. Лицо овальное, татарского типа. Волосы и глаза тёмные. Тонкие, чётко очерченные брови. Над его головой висит портрет Ленина. Сидит он, откинувшись на стул, упираясь в край стола левой рукой, рядом с которой находился массивный чёрный телефон. В его правой руке красного цвета карандаш. Ритмично постукивая им, районный секретарь пристально смотрит на Телика.

— Давай, садись, — сказал он, указывая карандашом на стул у приставного полированного столика.

— И ты, Александр, тоже садись. Свидетелем нашего разговора будешь,— больше приказал он, чем попросил. Тот сел, разровняв перед собою огрызок газеты «Правда».

При слове «свидетель» в душе Телика что-то ёкнуло. Он насторожился.

— Так это ты и есть Телик? — начал свой разговор Цунаев.

— Нет.

— Как нет? — и он перевёл свой недоумевающе-вопрошающий взгляд на комсомольского лидера.

— Теликов моя фамилия. Николай Степанович, 1923 года рождения,— ответил Телик.

— Хорошо, товарищ Теликов,— после некоторого замешательства и короткой паузы говорит первый секретарь райкома и, обращаясь уже на Вы, продолжает:

— Это правда, что у Вас, Теликов, есть ишак «Правда»?

— Правда.

— И правда, что Вы дали ему кличку — «Правда»?

— Неправда.

— Как неправда?

— Так. Кличку «Правда» ему присвоили лет пять тому назад пионеры-школьники. Теперь уже и весь народ на селе «Правдой» его называет. Я тут ни при чём.

— Какие такие школьники-пионеры? Какой там ещё народ? — подался вперёд вместе со стулом и повысил свой голос Цунаев. Лицо его покрылось красными пятнами.

Вдруг он нагнулся, выдвинул нижний ящик стола, достал из него пухлую тёмно-коричневую папку, развязал тесёмки, начал торопливо листать, просматривать и перекладывать исписанные печатным текстом страницы. Затем, пробежав глазами одну из них, не без ехидства спросил:

— А газетой « Правда» вашего ишака тоже пионеры и народ кормят?

— Дык, с этого-то всё и началось... — хотел рассказать историю появления клички Николай Степанович. Но Цунаев прервал его и теперь уже кричал, снова перейдя на «ты»:

— Ты что себе позволяешь, Телик? Где находишься? Или хочешь нам здесь сказать, что не знаешь того, что газета «Правда» — это орган Центрального Комитета КПСС? И потому суёшь её в пасть своей скотине?

— Никакими «органами» мой ишак не питается. А съесть он может не только центральную «Правду», но и «Комсомольскую правду», и «Ставропольскую правду», и местную «Зарю коммунизма», и газету «Труд»,— лишь бы они были свежими, потому что...

И снова первый секретарь райкома не дал ему договорить:

— Ты думаешь, мы так тебе и поверим, что ты неумышленно назвал скотину Правдой, и неумышленно на виду у людей на посмешище скармливаешь газеты? А также думаешь (он ещё раз заглянул в лежащую перед ним страницу из папки), мы не знаем, что ты в войну сдался в плен немцам, затем был судим и отсидел восемь лет как изменник родины?

Дальше Николай Степанович уже ничего не слышал, да и не хотел слушать. Теперь он ясно понимал, зачем его сюда пригласили, какие «работы» и где могут ему предложить. За пайку хлеба тяжёлые и надолго. В его памяти чётко и осязаемо, одна за другой, стали всплывать картины прошлого, очень похожие на те, что нарисовались здесь сейчас. Только тогда, в апреле 1945 года, на следующий день после ос-

вобождения из плена его допрашивал молодой, чернявый лейтенант. Сидел он за обшарпанным столом на стуле точно в такой же позе, как теперь сидит этот секретарь райкома: откинувшись и отведя левую руку в сторону и упираясь ею в край стола. Только вместо чёрного телефонного аппарата лежал перед ним планшет. Портрет Дзержинского над головой, на столе аккуратно сложенные листы бумаги, а в правой руке химический карандаш, которым он так же монотонно постукивал по столу. Рядом суконная фуражка с чёрным лакированным козырьком, красным околышем и тульей василькового цвета. Лейтенант задавал вопросы, но записывал лишь некоторые ответы: имя, год, национальность, где родился, где воевал, как и почему сдался в плен, почему струсил, почему предал родину, почему не застрелился, не убежал, не умер... не завербован ли немцами? Требовал обратных доказательств.

Теликов пытался ему рассказать и объяснить, как через неделю после возвращения из госпиталя в часть в ноябре месяце на территории Белоруссии они попали в немецкое окружение. Были разбиты. Осталось в живых около полусотни рядовых бойцов и старший лейтенант Кольцов. По его приказу разбились на группы и стали пробираться к своим на линию фронта через болота и леса. В группе было семь человек, включая и самого тяжелораненого Кольцова, который через два дня, чтобы не быть обузой, застрелился, предварительно назначив командиром рядового Ивана Романенко, имевшего медаль «За отвагу». Из боеприпасов осталась единственная граната, одна на всех. Штыками вырыли лейтенанту неглубокую могилу. Похоронили. Пометили место захоронения тремя винтовками без патронов. На шестые сутки, совершенно обессилившие от голода и холода, к ночи вышли к какой-то деревне. В разведку вызвался пойти рядовой по имени Лёва (родом из Львова). Остальные остались его ждать, как договорились, за кустарником, у большой берёзы. На рассвете внезапно появились немецкие автоматчики с криком: «Хенде Хох!» Романенко выхватил гранату, но тут же был сражён автоматной очередью. Второй очередью немцы прошили рядового Диму Петрова. В фашистском плену их оказалось трое: Володя Воронин, Андрюшка Сычёв из Пятигорска по кличке Сыч. Его же самого ребята называли Телёнком, видимо потому, что всегда больше молчал, чем «мычал», и не ругался матом. Втроём сошлись во мнении, что немцев вывел на них всё время изводивший всех своим нытьём Лёва из Львова.

По пути в Германию, куда эшелоном везли пленных, пытались совершить побег, но неудачно. Уже в самой Германии несколько десятков военнопленных отделили и оставили на одной из станций. В их число попали Воронин и Сычёв. Его же через сутки вместе с оставшейся полутысячей пленных выгрузили в другом месте. Так что, если однополчане остались в живых и их тоже теперь освободили из плена, то они смогут подтвердить, что всё рассказанное — чистая правда.

Так Телик пытался подсказать допрашивавшему его лейтенанту ход к справедливому расследованию с надеждой на объективные выводы, чтобы защитить себя и своих боевых товарищей от страшного обвинения. Пытался ещё заявить следователю, что не считает себя трусом. Так как уже после первого в своей жизни боя его, а также друга-земляка Сергея Черныша и боевых товарищей Ивана Романенко и Виктора («не помню фамилии») за то, что они первыми ворвались в посёлок, подавили пулемётную точку и выбили из школы немцев, представили к награде и перед строем вручили медали «За отвагу». А что не застрелился или не бросился на колючую под напряжением проволоку — так жить хотел. К матери хотел вернуться и сказать: «Вот он я, твой сын!» Хотел с Аннушкой встретиться, рассказать ей, как помогала она ему выжить, обнять её, поцеловать и пройтись вместе весною по красной от тюльпанов степи. Хотел вырваться из плена и мстить всем гадам фрицам за командира Коль-

цова, за Ваню Романенко и Димку Петрова, за погибшего друга-земляка Серёжку, за убитых в боях и замученных в плену солдат, за дикий повсюду вой горя. Сам не умер в плену, видимо, потому, что с детства познал голод и привык к тяжкому труду, а вот крупного телосложения высокорослые ребята умирали от недостатка пайка, от непосильной работы. Поэтому часто имитировали побег или нападали на конвоиров, чтобы наверняка получить избавляющую от невыносимых мучений горячую очередь свинца.

Да только наплевать было чернявому лейтенанту на рассказанную правду, на справедливое расследование, на честь и дальнейшую судьбу его сослуживцев, на медаль «За отвагу».

Так и получил Телик тюремный срок и пожизненное клеймо предателя Родины. И повезли его в товарном вагоне вместе с тысячами других бывших пленных через разбитую Германию, через чужие, освобождённые страны, через всю непокорённую родную страну — Союз Советских Социалистических Республик. Доставили в края далёкие, глухие и холодные для каторжных работ на рудниках и лесоповалах...

А Цунаев продолжал злобствовать и допытываться:

— Ты нам докажи, что не ты лично назвал ишака «Правдой», что не ты лично приучил его есть газету ЦК КПСС! Ты о своих детях подумал? Что с ними станет, если мы тебя ещё раз отправим на несколько лет туда, где тебе пребывать не нравилось?

Телик больше не собирался выслушивать вопросы, а тем более отвечать на них, зная, куда гнёт секретарь. Терять было нечего. Телика осенила дерзкая мысль. Он встал и, глядя прямо в глаза Цунаеву, твёрдо сказал:

— Значит, по Вашему мнению, мне и детишкам кормить «Правдой» моего ишака нельзя? А вожаку комсомола скармливать «Правду» ишаку ради любопытства или чего-то другого можно? — и, взяв огрызок газеты со столика из-под рук остолбеневшего секретаря комсомола, положил его на зелёное сукно перед носом секретаря райкома.

— Вот вам доказательства! Полюбуйтесь: на этой «Правде» ещё не высохла слюна ишака! Не я же эту газету так измусолил. Вот с этим лучше разберитесь и с ним,— Телик кивнул головой в сторону «Комсомола».— А я человек не политический, но за правду готов биться, и заявление, куда надо, написать могу!...

Тут комсомольский секретарь вскочил, как ужаленный, и, трясясь от негодования, растерянности и страха, залепетал:

— Это же неправда... Ишак Правда сам вырвал у меня из рук «Правду»... Я не виноват!...

Но дядько Телик перебил его и решительно продолжал:

— Не надо оправдываться, «воспитатель молодёжи»! Поздно! У меня есть свидетели: двое мужчин, одна женщина и продавщица киоска — Людмила. И если придётся тебе объясняться в другом месте, то они подтвердят, что я говорю истинную правду!

И здесь «Комсомол» сник. Растерянно посмотрел по сторонам, будто его уже окружили следователи, свидетели и судьи, так как вспомнил, что, действительно, когда он стоял у киоска, мимо прошли двое мужчин и оба поздоровались с Теликом, а когда уходил, то с киоскершей уже разговаривала тучная женщина средних лет. Знать он их не знал, но в том, что они могли видеть и показать на него, можно было не сомневаться, а вот доказать обратное навряд ли удастся. Вон и первый секретарь посмотрел на него с какой-то задумчивостью.

А Телик, теперь уже обращаясь непосредственно к Цунаеву, продолжал:

— И Вам, товарищ секретарь, меня пугать не надо, негоже это. Я похожих на Вас людей уже повидал на своём веку. Встречался много раз. Потому «боялки» мои давно кончились. За детишек моих тоже не беспокойтесь. В случае чего наше государство их выкормит и выучит, а правда — она рано или поздно на свет вылезет...

В этот момент раздался первый, зычный зов ишака Правды.

— Мне тут с вами лясы точить некогда. Делайте со своими «правдами» что хотите, а меня, вон, слышите, мой Правда зовёт. Работать надо,— сказал Телик и пошёл к двери.

— Подождите, Николай Степанович,— вдруг, сменив гнев на милость, заговорил Цунаев.— Вы, наверное, неправильно нас поняли. Мы просто хотели побеседовать с Вами и предложить как-то подумать вместе и переименовать, желательно, Вашего ишака. Дать ему, например, кличку «Труд». А то неудобно как-то... «Правда». Знаем мы, что и человек Вы смелый, и медаль «За отвагу» у вас была. Подумайте. И ещё просьба: о состоявшемся здесь разговоре Вы уж, пожалуйста, не распространяйтесь. Всякое в жизни бывает. Договорились?

Уже в дверях, обернувшись, дядько Телик сказал:

— Чего-чего, а «труда» ишаку хватает, и ничего кроме труда у него нет. Обойдётся он без вашей клички. Что касается Правды, так это вы уж сами с народом решайте, как Правду переиначить,— и, не попрощавшись, не прикрыв за собою дверь, Телик вышел.

Как бы в подтверждение тому, что хозяин сказал всё верно и разговор закончен, ишак Правда второй раз прокричал громкое и призывное «Иии — Ааа».

— Чё это им, дядь Коль, от Вас надо? Или в партию предлагают вступить? Вместе с Правдой? — спросила Людмила.

— Да, ничего. Так. Правда, видишь ли, им наша не нравится,— как-то непонятно ответил Телик, и добавил: — Гады...

Купил конвертов, свежую газету, отвязал ишака и, больше не проронив ни слова, уехал. Надо сказать, что самыми ругательными словами у Телика были «гад», «гадюка», «гадёныш», «гады», которые он произносил редко, и в адрес лишь тех, кто причинял зло, боль и горе другим...

Несмотря на то, что сам Телик нигде не распространялся о своём посещении райкома и сути состоявшейся там «беседы», слух разошёлся по селу быстро и не без комментариев. Должно быть, комсомольский вожак, оправдываясь, изложил сослуживцам свою обиду на то, как одурачил его дядько Телик.

Ещё до закрытия киоска «Комсомол» попытался получить сочувствие и поддержку, заручиться показанием Людмилы, что она видела, как ишак сам вырвал газету.

Людмила же в ответ ему вдруг вспылила и резко заявила:

— Вы там дядьку Телика не чипляйте! Он мужик честный и справедливый. А что в пасть ишаку ты сам газету совал, видела не только я, но и тётка Нина! А впредь, чтобы тебе меньше попало, покупай лучше для ишака «Комсомольскую правду»,— и она захлопнула окошко.

Дошли слухи и до моего отца. Он спрашивал Телика:

— Ты, дружище, мне-то уж расскажи, как таскал на второй этаж райкома ишака своего, как умудрился ему ноги не переломать? Как отчёт там вместе держали за любовь свою к органам центральной печати?

Дядько Телик лишь улыбался и говорил:

— Бог им судья!

Но с тех пор в центре села кормить газетами ишака никому не разрешал. Сам иногда покупал парочку свежих номеров и сначала просил прочитать новости семейству

вслух сынишку-второклассника Серёжку, а потом угощал чтивом Правду — на радость детишкам. О случившемся в райкоме старался не вспоминать, но чувство негодования, обиды и какой-то необъяснимой тревоги нет-нет да и возвращалось к нему.

Сразу после завершения сенокоса наступала горячая уборочная страда зерновых культур. Естественно, что единоличникам трудодни никто не проставлял, следовательно, пшеницы, ячменя или проса по ним не выдавал, а купить зерно было непросто. Поэтому Телик, как и многие другие его «коллеги», часто с июля по август, когда зерно вывозилось из района на элеватор в Будённовск, выезжал на дорогу и начинал свою заготовительную деятельность по сбору, в основном, пшеницы. На грунтовых дорогах, сплошь покрытых кочками, рытвинами и ухабами, грузовые автомобили виляли и подпрыгивали в мареве всюду проникающей пыли. Поэтому при резких поворотах, торможении и сильной тряске зерно из машин просыпалось на дорогу и обочины. Вот этот «урожай» пополам с пылью и собирал Телик с помощью веника и совка. Чтобы по дорожным «сусекам» намести три-четыре мешка такой смеси, ему с Правдой приходилось целый день под палящим солнцем исходить и изъездить не один километр, вдоволь наглотавшись пылью. Зато в итоге набирался «прожиточный минимум» пшеницы, часть которой уходила на прокорм дворовой живности, а просеянная часть шла на муку. Самым же тяжёлым временем в году для Телика и Правды была всегда осень. Колхозники получали заработанную пшеницу, которую вначале нужно было доставить каким-то образом из колхозных зернохранилищ домой, потом уж везти на мельницу, чтобы запастись мукой и дертью. Количество заказов было огромным. Мельница крутилась круглосуточно. Столько же приходилось работать и Телику с Правдой. Забирали со двора мешки с пшеницей и возвращались на этот же двор уже с мукой. Простоев практически не было. Пока один хозяин привезёт пшеницу и займёт очередь на помол, другой, уже получивший свою муку, ждёт очереди, чтобы отвезти намолотое домой. За работу сельчане рассчитывались пшеницей, ячменём, просом, мукою или деньгами: рублями, трояками, пятёрками. Грузили на тележку по шесть, а то и десять мешков, так что особенно тяжко приходилось Правде: и днём, и ночью по разбитым улицам большого села возил он тяжёлый груз. Да и Телику было нелегко. Приходилось всё это время ходить пешком и помогать Правде — подталкивать тележку на подъёмах. Ещё труднее приходилось в дождливые дни. Медленно, упрямо, почти без остановок обычно вышагивает Правда от пункта «А» до пункта «Б» и обратно, дрожа от напряжения и покрываясь потом.

Но вот всё чаще и чаще Правда стал внезапно останавливаться на десять-пятнадцать минут, чтобы передохнуть. И Телик уже не торопил его словами «поехали», и тем более — «быстрее», а стоял молча и ждал, когда тот сам, разок-другой вскрикнув, как будто извещая, что снова готов тянуть поклажу, тронется с места.

Как-то в ноябрьский, пасмурный день Телик решил наконец-то приготовить и отвезти на помол несколько мешков своей пшеницы. Пошёл к сараю и остолбенел: у сарая на земле, вытянув ноги, как будто он только что оттолкнулся от стены, запрокинув голову и оскалив зубы, на боку лежал Правда. Он был мёртв.

Телик отправился к Евтею за лошадью. Евтей как раз запрягал Маруську. С помощью ещё одного крепкого мужика-соседа они затащили труп на бричку и накрыли брезентом. Жена выла в сарае. Старший сын Серёжка и пятилетний Колька стояли у скирды соломы, хлюпая и шмыгая носами. А трёхлетняя дочурка Анютка, обхватив деревянную ногу Евтея ручёнками и заглядывая ему в глаза, допытывалась:

— Дядечка Етей, ты правда насу Правдуску покатаес на Марусичке и назад привезёс?

Телик, прихватив с собою верёвку, лом, топор и лопату, сказал мужикам:

— Дальше я сам.

Он выехал за ворота. За селом свернул в степь. Поехал кратчайшим путём по едва заметной дороге в сторону скотомогильника, который находился в десяти километрах. Много всякой павшей скотины перевозил сюда Телик. Он обычно быстро сбрасывал трупы и спешил уехать. Теперь же спешить было некуда. Работа не ждала. В голове роились беспорядочные мысли, было горько и больно от вопросов вперемешку с ответами самому себе.

— Не уберёг я тебя, Правда. Загнал, загубил помощничка, кормильца. Ведь видел же, что ослаб, хотя не стар был ещё. Петру Ивановичу показать надо было,— вздохнул Телик,— сердце бы твоё он послушал, укол какой-нибудь ширнул... Не показал. Всё некогда было. Почему не дал ему передохнуть? Не умерли бы сами, чай, с голодухи. Так нет же, всё что-то надо. Заработать рублей больше хотелось. Ну, нет у Катерины на зиму пухового платка, а у детишек валенок и шапок с кожаным верхом, так обошлись бы. Беда-то какая? Не впервой. И должок бы отдать мог соседям попозже за купленную черепицу. Торопился куда? Теперь вон своя пшеница осталась немолотой. Курая на топку завёз недостаточно. Соломой топить зимою — один «пшик». Придётся у Евтея Маруську одалживать. А главное, в Каменную Балку не успел съездить к Галине Петровне, не отвёз муки и сусличьего жира...

Он часто навещал Галину Петровну Черныш, мать погибшего друга. Слушал её горькие причитания, радовал её своим присутствием, наблюдал за доброю суетою, ловил ласковые взгляды, чувствуя себя сыном. Задерживался у неё денька на два, чтобы переделать мужскую работу.

И вдруг Телик невольно, уже, наверное, в тысячный раз увидел перед собою чётко, подетально эпизоды своей жизни, связанные с другом Серёжкой Чернышом: как познакомились в машине — полуторке, которая тронулась с призывного пункта и повезла их в сторону войны, как вместе впервые увидели горы, леса и болота, первую кровь, первые трупы людей, жуткие сцены войны и человеческого горя. Как вместе рвались в бой и ходили в атаки, как мечтали вернуться на степные просторы, в побелённые хатки к матерям, родным и близким. Они всегда старались быть рядом: спали рядышком, ели из одного котелка, делили пополам последний сухарь и патроны. Всё между ними было поровну. И отношения между ними были одинаково мирными, тёплыми и улыбчивыми. Оба выросли без отцов. Разнились только в одном: он, Колька, среднего росточка, щуплый, с виду неказистый, а Серёга — под два метра ростом, с могучим разворотом плеч. И право — черныш с голубыми глазами. Красавец! Правда, один раз, когда их перед строем награждали медалями «За отвагу», Серёга всё же подчеркнул своё превосходство, шепнув: «Колян, после команды «Вольно!» ты подойди ко мне, встань на цыпочки, я тебе медаль на груди поправлю...»

И ещё Телик вдруг явственно ощутил себя в реальности того самого страшного боя: свист пуль, грохот разрывающихся снарядов, лязг и скрежет металла и безумное, летящее из сотен глоток «Ура». Вот они с Серёгой бегут вперёд почти рядом. Нарастающий в их сторону вой снаряда заставил рвануться в сторону большой воронки. Сзади раздаётся оглушительный взрыв. Серёжка неожиданно останавливается, как бы на секунду задумываясь, потом изгибается назад, вскидывает руки, и, качнувшись вперёд, падает в воронку лицом вниз. На его спине с левой стороны, чуть ниже лопатки, из глубокой раны хлещет кровь. Николай срывает с себя гимнастёрку, быстро скомкав её, прижимает к ране друга и переворачивает его на спину. Серёжа застонал, открыл глаза и медленно, тихо произнёс:

— Ска... же... шь ма... ме, что... я... живой.

Вздрогнул и затих. Его голубые глаза продолжали смотреть в голубое небо.

Только через двенадцать лет он смог выполнить этот последний наказ друга. В первые же дни после освобождения пришагал за тридцать вёрст к Галине Петровне передать ей последние слова сына, рассказать, как дружили, воевали, каких ужасов насмотрелись...

Уважали Сергея бойцы, тянулись к нему. Но и подтрунивали над ним тоже — мол, такой красавец, богатырь, а ушёл на войну нецелованным. Поделился с Галиной Петровной и тем, что благодаря её сыну сам-то и остался в живых, так как после разрыва снаряда смертельные осколки приняла сначала на себя Серёжкина спина, а ему, прикрытому, достался лишь один небольшой осколок, отправивший его на месяц в госпиталь. Рассказал также, за что и как награждали их медалями, и как потом, шутя, «чокались» они ими с Серёжкой, прежде чем чокнуться алюминиевыми кружками со спиртом. Уже при первом расставании Галина Петровна, убрав со стола шкатулку с похоронкой, подошла к нему, обняла крепко и сказала: «Вот я и дождалась! Нашёлся. Пришёл. Теперь ты тоже мой сынок». А он ответил ей: «Спасибо, мама». С тех пор никак иначе они друг друга и не называют.

Телик тяжело вздыхает:

— Подвёл, Правда, и маму ты своей смертью. Кроме харчей надо было ей отвезти ещё пару возов сена для овечек... Ладно, исправимся, выкрутимся, решим. Маруська или Кашка теперь за тебя поработают. Выручат.

К скотомогильнику Телик подъехал с наветренной стороны. Остановил лошадь. Под острым углом глубоко забил в землю топором лом. Затем один конец верёвки привязал к лому, вторым связал задние ноги Правды. Взял под уздцы Маруську и потихонечку тронул с места. Туша ишака медленно сползла с брички и легла вдоль края рва. Отвёл лошадь в сторонку. Поднял голову и посмотрел в хмурое сырое небо. Над скотомогильником уже кружили и опускались всё ниже собравшиеся в стаю крылатые хищники — коршуны.

— Нет, гады, пировать вам я не дам. Не достанется вам Правда, гады! — сказал Телик вслух, и с помощью лома столкнул труп ишака в яму.

Потом взялся за лопату и неистово начал обрушивать вниз глинистую почву, забрасывать тушу так, чтобы не осталось на виду даже копытца, чтобы не размыло дождями. Он закончил работу, постоял несколько минут, опёршись на черенок лопаты, теперь уже над могилой Правды. «Прощай, родной...» — печальным стоном отозвалось где-то в сердце.

Он бросил лопату на бричку и пошёл по степи в сторону села. Маруська заржала, как бы попрощавшись со своим другом Правдой, и поплелась следом.

Шёл Телик по жухлым, серо-ржавым травам, не глядя под ноги, медленно. Хмурое, свинцовое небо скрыло горизонты. Давило своею близостью и тишиной. Какая-то странная боль вдруг защемила, кольнула сердце, и он заплакал. Заплакал, как себя помнил, четвёртый раз в жизни.

Первый раз это было, когда умер отец, возле свежевырытой могилы после слов матери, которая, причитая и прижимая его к себе, прокричала: «Ты теперь единственный наш кормилец, Коленька...» С этого истошного крика матери и началась его осознанная жизнь. Второй раз он заплакал в воронке, на груди у друга Серёжки. Плакал долго — тряс его, мял грудную клетку, шлёпал ладонями по щекам, умолял не умирать... И глаза закрывать не решился — живой... Потом сам потерял сознание. Вот об этом он никогда не рассказывал Галине Петровне.

Третий раз были слёзы от обиды, бесправия, унижения ночью на нарах в сыром бараке после первого трудового дня в тайге, куда завезли тысячи таких же, как и он, «изменников» родины. Плакал от бессилия и осознания того, что нескоро увидит он

свою родную матушку, сестрёнок, солнышко своё — Аннушку, раздолье степное, поля красных тюльпанов, душистые белые акации в свадебных нарядах.

И вот теперь... Незнакомое, нестерпимое, горькое чувство чего-то непоправимого, невозвратного переполняет душу. Он идёт, прижав к груди кулаки, а слёзы сползают по щекам к уголкам плотно сжатых губ, и глухой, едва слышный стон вырывается из груди...

Вдруг он останавливается, резко разводит кулаки в стороны, как будто распахивает, разрывает напополам грудную клетку и выпускает наружу свою кричащую душу.

Дикий, жуткий крик «И-ии, а-аа, и-ии — а-аа!» всколыхнул сонную степь, оглушил притихшее перед дождём небо. Казалось, что к этому крику присоединились и усилили его вернувшиеся из далёкого прошлого неведомо каким образом — и страшный крик мамы, хоронившей своего мужа, крик Серёжиной мамы, получившей похоронку на сына, последние вскрики многих товарищей — солдат, сражённых насмерть.

— Иии — ааа! Аааа — аааа! — неслось под неритмичное движение рук со сжатыми кулаками: к груди — в стороны, к груди — в стороны, будто Телик рвал и рвал меха той гармошки, что провожала его на войну, стараясь перекричать гремевшее вокруг людское горе. Затем он запрокинул голову и взметнул руки к мутному, грязному небу. Потрясая кулаками, он то ли взывал отчаянно к Богу, прося помощи и прощения, то ли посылал угрозы и раздавал дули всем гадам, что встречались на жизненном пути, да тем крылатым хищникам, что продолжали кружить над скотомогильником...

Глухая боль всё ещё не отпускала сердце, но слёз больше не было. Телик присел на корточки, сорвал веточку полыни и сунул в рот. Так делал он всегда, когда мысли витали тёмные и страшные, а душа начинала требовать правды. Жевал он её, не сплёвывая. Душистая, острая горечь потихонечку отвлекла и заглушила проявленную слабость, о которой, конечно, никто не узнает, а видевшая и слышавшая всё Маруська его не выдаст. Телик садится на бричку:

— Поехали быстрее, Евтей ждёт, дела у вас есть,— торопит он Маруську, и она, довольно фыркнув, ускоряет шаг.

— А у тебя теперь какие дела? — пытает он себя.— Нет дел... Дело твоё — швах! Но ничего, переживём, не впервой! По весне, может быть, Кашка маленького Правдушку принесёт, а уж подарить — за кумом не заржавеет! У старшего сына Серёжки появятся дополнительные обязанности по хозяйству, а у дочурки Анютки — забава. Вырастим. Опять же, какая-никакая перспектива нарисуется,— продолжал успокаивать и утешать себя Телик.

Мрачная, настороженно притихшая степь окружала его со всех сторон. Чёрные тучи полностью закрыли горизонт. Первый сильный порыв холодного ветра пронзил его и вызвал озноб.

— Вот она — моя перспектива! — горько усмехнулся Телик.

И это была правда.

Хлынул дождь.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

ДВА РАССКАЗА

ЛОХМАТЫЙ

Молодцеватый, несмотря на свои пятьдесят семь лет, Фёдор Дементьевич, или, как его звали в деревне, Лапа, стоял, упершись сильными ногами в широкие свежеструганные доски крыльца, и в который раз оглядывал красивые резные наличники на новеньком доме зятя.

С шумом распахнулась дверь, и из неё вывалились, похохатывая, плотная, во всём похожая на отца, дочь Наталья и высокий жилистый зять.

— Пап, кончай смолить. Пошли в дом, замёрзнешь,— выпалила она.

— Да, пора мне, Натаха,— сказал Лапа, кивнув на расплющенный между туч багровый глаз солнца. И, потоптавшись, неторопливо спустился по ступенькам в пока ещё неухоженный, необжитый двор.

— Лохматый! — уверенно и властно позвал он собаку и направился к переминавшемуся с ноги на ногу от мороза и нетерпения Гнедку. Ласково похлопал его литой круп. Расправил упряжь. Взбил в санях сено. Укрылся тулупом и удобно устроился в розвальнях, облокотившись на тугой, прикрытый брезентом, мешок муки.

— Бывайте здоровы! Ждём в гости,— крикнул он, обернувшись.

Крупный, с мощным загривком, лохматый кобель, крутившийся вокруг, рванул вслед заскрипевшим саням, и в мгновение ока обогнал затрусившего ровной рысцой мерина. Миновав посёлок и густую сосновую посадку, въехали в берёзовый с осиной пополам лес. Солнце скрылось за ощетинившимся верхушками деревьев холмом. Темнело.

— А всё-таки правильно, что в августе на новоселье не поехал,— подумал Лапа.— Дотянул до срока и сразу двух зайцев убил: у молодых побывал и мясо продал. Однако башка у меня с толком,— самодовольно улыбнулся он, поглаживая бороду.

Дорога нырнула под гору и завиляла по стиснутой увалами долине ручья. Сани на покатых ухабах мерно покачивали, точно баюкали. Лапа, не выпуская вожжей, вытянулся и с удовольствием прикидывал, как распорядится выручкой.

Он не любил людей, не умеющих зарабатывать. «Лентяй или простодыра»—говорил о таких. Вот и зять тоже хорош! Буровой мастер называется! Цемента не может подкинуть... Тоже мне — порядочный! Тьфу! — сплюнул он.

Его размышления прервало испуганное фырканье Гнедка.

Конь тревожно прядал ушами и, раздув ноздри, опять фыркнул. Бежавший впереди Лохматый прижался поближе к саням. Лапа обернулся и, шаря глазами по сторонам, заметил какое-то движение вдоль увала. Смутные тени скользили по гребню не таясь, открыто! Волки!!!

Противно заныли пальцы, засосало под ложечкой.

— Но! Но! Пошёл! — сдавленно просипел Лапа, наотмашь стегнув мерина, хотя тот и без того уже перешёл на галоп и, вскидывая в такт прыжкам хвост и гриву, нёсся по накатанной дороге так, что ветер свистел в ушах. Деревья, стремительно вылетая из темноты, тут же исчезали за спиной. За упряжкой потянулась вихрастым шлейфом снежная пыль.

Волки растворились во тьме. Лента дороги вместе с ручьём петлёй огибала высокий, длинный увал. Хорошо знавший окрестности матёрый вожак неспешно перевалил его и вывел стаю на санный путь к тому месту, куда во весь дух нёсся Гнедко.

Лапа, нахлёстывая коня, лихорадочно соображал, что делать: стая не могла так легко оставить их в покое. Он чуял, что петля таит смертельную опасность, но повернуть обратно не решался — посёлок уже был слишком далеко.

— Авось, упрежу,— успокоил себя Лапа. И, придерживая вожжи одной рукой, другой нашарил в сене топор.

Внезапно мерин дико всхрапнул и, взметая снег, шарахнулся в сторону — наперерез упряжке стрелой вылетела стая. Мощный главарь сходу прыгнул на шею Гнедка. Ещё миг — и тот бы пал с разорванным горлом, но оглобля саданула зверя в грудь, и он рухнул на снег. Лапа опомнился, схватил и с силой метнул в стаю мешок муки.

Увесистый куль ещё не успел упасть, как волки живой волной накрыли его и растерзали в белое облако. За это время Лапа успел выправить сани на дорогу.

— Давай! Давай! — осатанело заорал он, нещадно лупцуя мерина кнутом. Обезумев от жути и боли, Гнедко нёсся, стреляя ошмётками снега из-под копыт.

Он обошёл умчавшегося было вперёд Лохматого.

«Неужто оторвёмся?» — мелькнула надежда.

Сани неслись по ухабам, то возносясь, то падая. На поворотах Лапу бросало из стороны в сторону. А сзади неумолимо накатывалась голодная стая. Лапа ощущал это каждой клеткой тела. Вот вожак, парализующе клацая зубами, попытался достать не поспевавшего за упряжкой Лохматого, но пёс в смертельном ужасе прибавил ходу и, изнемогая, запрыгнул в розвальни.

Вытянувшись вдоль узкой колеи, стая бежала свободно, легко, как бы скользя по снегу, молча и неотвратимо настигая выдыхавшегося коня.

Лапа явственно слышал их прерывистое дыхание. Ещё немного и волки, пьянея от горячей крови, разорвут, растерзают долгожданную добычу на куски. Он выдернул из под себя овчинный тулуп и швырнул на дорогу. Звери на секунду задержались, но, обнаружив обман, возобновили погоню с ещё большей яростью.

Лапа снимал и кидал в сторону стаи то шапку-ушанку, то рукавицы, но однажды одураченные серые не обращали на них внимания. Разгорячённая преследованием стая жаждала крови и мчалась, неумолимо сокращая расстояние. Бешеная, изматывающая гонка близилась к жуткому финалу.

Охваченный страхом Фёдор Дементьевич, не умолкая, иступлённо вопил, брызгая слюной, то на коня: «Быстрей, Гнедко, быстрей!», то, обернувшись назад, устрашающе тряся топором на стаю: «Порублю! Всех порублю!»

Казалось, ещё несколько секунд — и матёрый повиснет на руке, а остальные трое станут рвать его, ещё живого, на куски...

Мужик лихорадочно огляделся. В ногах жался Лохматый.

Глаза Лапы вспыхнули сатанинским огнём — собака? Живая тварь, кровь — вот, что нужно стае! Он ногой пихнул пса навстречу смерти, но бедняга, широко раскинув лапы, удержался. Всё его существо выражало недоумение и обиду.

— Пошёл, паскуда,— срываясь на петушиный фальцет, завизжал разъярившийся Лапа и нанёс сапогом увесистый удар.

Лохматый скособочился, и, сомкнув челюсти, мёртвой хваткой вцепился в борт саней.

А волки были совсем близко. Лапа упёрся спиной в передок, поджал ноги и с такой силой ударил по лобастой голове, что пёс, оставив на гладко отполированном дереве светлые борозды от клыков, косо слетел с саней и, перевернувшись в воздухе, рухнул на дорогу. Слух полоснули истошный визг, глухой рык.

«Всё, конец»,— подумал Лапа, передергиваясь. В беспощадной памяти остался немигающий, укорительный взгляд собаки...

Упряжка промчалась сквозь ольшаник и вывернула из ложбины на заснеженный холм, откуда уже видны редкие огоньки деревни. Загнанный Гнедко замедлил бег.

Только тут полураздетый Лапа почувствовал, как трясётся от страха и холода всё его тело. Закопавшись в сено, он натянул поверх кусок брезента и настороженно вглядывался в удаляющийся непроницаемо-чёрный лес. Испуг постепенно отпускал, уходил как бы внутрь. Но раз за разом прокручивая в памяти происшедшее, Лапа то и дело невольно ёжился.

Въехав на окраину деревни, он попридержал запалённого коня: «Добрый, однако ж, у меня мерин. Другой не сдюжил бы такой гонки».

Подъезжая по унылой, пустынной улице к своей красавице-избе за сплошным крашеным забором, расчувствовался: «мог ведь и не увидеть боле».

Ставни были плотно закрыты. Свет не горел.

— Спит, чертовка. Ей-то что,— злился Лапа, вылезая из саней. Открыл ворота, загремел сапогом по двери.

В доме глухо завозились. Торопливо засеменили. Лязгнул засов. Дверь приоткрылась, и Лапа, не взглянув, прошёл мимо тощей фигуры в сени. Щёлкнул выключателем — темно.

— Лампочка перегорела, Федя,— тихо пояснила жена. Лапа чертыхнулся и скрылся за ситцевым занавесом в жарко натопленной горнице.

— Не думала, что так скоро. Назавтра ждала,— оправдывалась хозяйка.

— Мечи на стол, замёрз,— скомандовал муж, опускаясь на табуретку.— Эх, чёрт, Гнедко-то на улице,— и, нахлобучив старую ушанку, поспешно выскочил.

Распряг и завёл мерина в тёплое стойло. Накрыл подрагивающие, взмыленные бока попоной. Подложил в кормушку охапку сухого душистого сена.

— Ешь. Это тебе за справную службу,— Лапа протянул руку погладить ухоженную гриву, но мерин почему-то отвернул морду.

— Ты чего?... Чего ты?... Эт ты зря! Да если б не Лохматый — мы б все погибли. Понимаешь — все! А я спас тебя... Спас! — горячо зашептал, оправдываясь, Лапа. Гнедко, тяжело дыша, упорно смотрел в сторону.

«А может, и не погибли б?» — неожиданно уличил Лапу кто-то изнутри. Топором саданул одного, глядишь, другим острастка, а то и на порубленного собрата позарились бы».

От этой простой мысли Фёдор Дементьевич сник. «Совсем я расклеился. Чего голову себе морочу... Что сделано, то сделано... и сделано правильно».

Проходя мимо конуры, зацепил цепь. Она сиротливо звякнула и обожгла сердце тупой болью. Пересиливая внезапно навалившуюся слабость, он воротился в избу.

Жена ждала у накрытого стола. Умывшись в прихожей, сел, прижался спиной к тёплой печке и замер.

— Как съездил, Федя? Видал молодых-то?

— Видал... Живы — здоровы. Хоромы здоровущие, со всеми удобствами. Топят газом. Обещают на недельку приехать... Помочь по хозяйству.

— Да у них, поди, у себя в дому работы хватает,— робко возразила жена.

— Ничего, у себя всегда успеется.

— Мясо-то продал?

— А то! Мясо — не редька, только свистни,— Лапа нащупал завораживающе толстую пачку купюр и, вспомнив про подарок, вынул из другого кармана свёрток.

— Держи,— развернул он цветастый платок.

— Ой, спасибо, Федя! Ой, спасибо!.. А красавит-то как!

— Будя трепаться,— грубовато оборвал Лапа, шумно хлебая щи.

Примерив обнову у зеркала, жена ещё более оживилась. На губах заиграла несмелая улыбка. Прибирая со стола, обронила:

— Пойду Лохматому костей снесу.

Лапа чуть не поперхнулся.

— Ложись-ка лучше, сам покормлю. Посмолю заодно перед сном,— торопливо возразил он,— да и Гнедка пора поить.

Взяв миску, он вышел на свежий воздух. Покурил. Напоил коня. Опять покурил. Сколько ни старался Лапа заставить себя думать о происшедшем как неизбежном и оправданном, гибель Лохматого занозой сидела в мозгу, палила огнём.

В постели Лапа без конца ворочался с боку на бок. Перед воспалённым взором вновь и вновь возникала одна и та же картина: сквозь вихри снежной пыли взлетает тёмный силуэт, плавно переворачивается в воздухе и скрывается в гуще голодной, разъярённой стаи. Взлетает, переворачивается и...

За окном время от времени раздавались странные, непонятные вздохи. Он, напряжённо вслушиваясь в них, незаметно забылся. И опять стая догоняла, окружала его, неумолимо затягивая живую петлю всё туже и туже. В голове возник нарастающий гул смерти. А... а... а...! — заметался Лапа.

— Федя, ты чего? Что с тобой? Заболел? — трясла за плечо жена.

Лапа затравленно уставился на неё — не мог взять в толк, где находится — всё ещё жил привидевшимся. Оглядевшись, наконец, узнал дом и жену.

— Фу ты,— облегчённо выдохнул он.

— Чего кричал так, Федя? — допытывалась встревоженная супруга.

— Мяса видать переел. Мутит. Не доварила верно... Спи...

Жена принялась участливо гладить сивые, непокорные кудри мужа. Так и заснула, оставив маленькую жёсткую ладонь на голове. Лапа осторожно убрал её на подушку. Сон не шёл. Чем старательнее пытался он отвлечься, думать о чём-нибудь приятном, тем назойливей лезли в голову мысли о Лохматом.

С щемящей тоской вспомнилось, как принёс его, ещё безымянного щенка, домой. Как радовался тому, что растёт сильный, не признающий чужих страж усадьбы. Как преданно сияли его глаза, как ликовал, суматошно прыгал, захлёбывался счастливым лаем, встречая с работы; с какой готовностью он исполнял все желания хозяина.

Промаявшись почти до утра, Лапа осторожно встал, оделся и вышел в сени. Отпер дверь.

У крыльца из предрассветной мглы проступило косматое чудище: морда в рваных лоскутах кожи, ухо, болтающееся на полоске хряща, слипшаяся в клочья шерсть, злобно ощерившаяся пасть...

— Лохматый?! Ты?! Не может быть...

Растерявшийся Лапа невольно попятился, запнулся за порог и упал...

В голове вновь возник и стал нарастать гул смерти...

СВОРА

В один из долгих июльских вечеров волчья стая томилась на лесистом утёсе в ожидании сигнала разведчика. Над ней клубилась туча безжалостной, надоедливо-звенящей мошкары. Чтобы согнать наседавших кровососов, серые трясли головами и совали морды кто в траву, кто в еловый лапник.

Наконец от подножья Южного хребта донёсся вой, густой и немного расхлябанный. Он не срывался на последней ноте, а завершался плавно гаснущим звуком, возвещавшим — «чую добычу». Спустя некоторое время призывный вой вновь поплыл над тайгой, наводя на всё живое безотчётную тоску.

Отвечая вразброд, потянулись ввысь голоса встрепенувшихся хищников: «Слышим, жди!»

«Видящие» носом не хуже, чем глазами, волки затрусили цепочкой, то опуская, то вскидывая морды, стремясь не пропустить ни единого запаха. Мягко перепрыгивая через поваленные стволы и рытвины, бесшумно скользя сквозь непролазные заросли, звери готовы были в любой миг замереть или молнией ринуться на жертву.

Вёл стаю матёрый — Дед. Он даже издали заметно выделялся среди прочих более мощным загривком, широкой грудью с проседью по бокам.

Звери, поначалу семенившие не спеша, учуяв вожделенный запах добычи, перешли в намёт. Густой лес не замедлял их бег: подсобляя хвостом-прави́лом, они ловко маневрировали среди стволов и переплетений веток...

Горбоносый лось, дремавший в нише скалистого обрыва, заслышав вой, вскочил, беспокойно затоптался на месте. Увидев множество приближающихся из темноты огоньков, он понял, что схватки не избежать. Прижавшись задом к отвесной стене и опустив голову, вооружённую мощными рогами, лось приготовился к бою.

Опытные волки взяли сохатого в полукольцо. Дальше всё должно было развиваться по хорошо отработанному сценарию: вожак, отвлекая жертву, всем своим видом демонстрирует готовность вцепиться ему в глотку, а остальные в это время нападают с боков и режут сухожилия задних ног. Но, разгорячённый бегом и предвкушением горячей крови, Дед совершил ошибку: прыгнул на быка прямо с ходу, угодив под сокрушительный встречный удар — острое копыто проломило грудь. Зато подскочившие с боков волки сработали чётко и молниеносно: лось беспомощно осел на землю. Воспользовавшись промашкой вожака, его давний соперник Смельчак первым сомкнул мощные челюсти на горле поверженного лося и, дождавшись, когда тот, захлёбываясь хлынувшей кровью, перестанет бить ногами, взобрался на поверженного гиганта. Мельком глянув на раненого Деда, Смельчак понял, что тот не жилец, и победно вскинул голову: наконец пробил и его час! «Отныне я вожак!» — говорили его поза и грозный оскал.

Смельчак, выделяясь отвагой и силой, несомненно, являлся достойным преемником. Он был настолько ловок, что умудрялся прямо на ходу вырывать куски мяса от бегущей жертвы. А главное, обладал сверхъестественной способностью подчинять собратьев своей воле.

Новый вожак стал действовать по правилу — «как хочу, так и ворочу», поправ справедливые порядки, устоявшиеся в стае за годы предводительства Деда. И волки безоговорочно подчинились Смельчаку. Это стало доставлять ему особое, ранее неведанное наслаждение — наслаждение властью.

Уступчивость стаи подпитывалась тем, что в первые годы правления Смельчака сложились очень благоприятные условия для сытной жизни. Оленей во Впадине расплодилось так много, что хищники безо всяких усилий резали их каждый день.

Обильная добыча помогла упрочить владычество Смельчака и нескольких приближённых угодников: вокруг вожака образовалась как бы стая в стае.

Власть и превосходство над всеми довольно скоро растлили деспота. Предпочитая, чтобы, высунув языки, рыскали и охотились рядовые волки, Смельчак со свитой угодников выходили из-за деревьев только тогда, когда жертва уже дымилась кровью. Поначалу они отнимали её силой, но мало-помалу сами добытчики свыклись с этим беспределом и, завершив набег, послушно отходили в сторону, в ожидании своей очереди. Изредка, когда добыча ожидалась необременительно-лёгкой, шайка Смельчака, чтобы размяться, тоже участвовала в охоте.

Питались звери так хорошо, что их шерсть приобрела особый блеск, от чего при свете луны казалась серебристо-белой. Ум и хитрость Смельчака позволяли успешно завершать все набеги, отличавшиеся, как правило, бессмысленной жестокостью. Возможность играючи, без усилий добывать поживу привела к тому, что и остальные, доселе вроде нормальные волки, втянулись в этот дикий разбой.

Промышлявшие в этих местах охотники из староверческого села Варлаамовка стали то и дело натыкаться в лесу на зарезанных, но не тронутых телят. Как-то даже обнаружили растерзанного волками медвежонка. Рядом, уткнув морду в живот, сидела оглушённая потерей медведица. Безвольно опустив передние лапы, она раскачивалась из стороны в сторону, как человек. Тяжко вздыхала, горестно поскуливала. Жаль было мамашу, и люди в сердцах проклинали серых, но в то же время полагали, что «на всё воля Божья».

Стая чувствовала себя хозяйкой всей Впадины и бесцеремонно промышляла даже возле селения: затравленные олени, ища защиту, всё ближе жались к нему.

Однажды олений табунок в надежде, что волки не посмеют подойти к строениям вплотную, расположился на ночь прямо у бревенчатого частокола, окружавшего поселение. Не успели они задремать, как встревоженно захоркал бык-вожак. Напуганные животные вскочили, притиснулись друг к другу. Один из них ни с того ни с сего начал вдруг с силой, словно от кого-то отбиваясь, лягать воздух. Но сколько олени ни всматривались в безмолвный мрак, так и не смогли разглядеть ничего подозрительного. Тем временем рогач, взвившись на дыбы, упал и начал кататься по траве. Воздух наполнился запахом смерти.

А серые тени, уже не таясь, выныривали из тьмы леса со всех сторон, и вскоре табунок превратился в метущийся хаос: обезумевшие животные вскидывались, падали, хрипели, захлёбываясь кровью. Вся эта резня продолжалась не дольше десяти минут. Когда разбуженные лаем собак мужики уяснили, что происходит, и пальнули для острастки в черноту, всё уже закончилось.

Утром при виде множества туш, лежащих на примятой, бурой от крови траве, потрясённые скитники окаменели. Казалось, что даже горы, и те с немым укором взирали на столь бессмысленное побоище.

— Сие — проделки диавола в волчьем обличии! Пора дать ему укорот! — воскликнул общинный староста.

Ещё до этой трагедии время от времени, изучая по следам жизнь стаи, первостатейный стрелок Колода, кряжистый бородач лет сорока, смекнул, что ею верховодит умный и кровожадный зверь. Он был уверен, что если удастся выследить и уничтожить вожака, то разбой прекратится. Распутывая паутину следов, опытный промысловик не единожды выходил на место отдыха волков, но вожак, умная бестия, всегда ускользал со стаей раньше, чем можно было сделать верный выстрел.

Смельчак тоже скрытно наблюдал за охотником. Колода чувствовал это, и несколько раз их взоры даже скрещивались, но за то мгновение, пока он вскидывал ружьё, зверь успевал исчезнуть — словно растворялся в воздухе.

Кровожадность стаи так возмутила охотника, что он, не колеблясь, первым присоединился к праведному делу восстановления справедливости и покоя в окрестностях их селения, полагая, что всем миром удастся быстро избавиться от шайки серых разбойников.

Изучив район обитания стаи и определив наиболее часто посещаемые ею места, охотники устроили с вечера засады на всех возможных проходах.

Колоде с братом Матвеем достался караул возле ключа, отделявшего кедрач от осинника. Натеревшись хвоей, они сели в кустах, старясь не смыкать глаз, держа ружья наготове. Вот привидением проплыл над головами филин. Вышли на прогалину олени. Сопя и пыхтя, карабкался на косогор упитанный барсук. И только волков не было видно, хотя стая всё это время бродила здесь же, искусно минуя засады.

Среди ночи у Колоды возникло ощущение чьего-то пристального взгляда, но он так и не заметил Смельчака, вышедшего почти прямо на него. Волк некоторое время понаблюдал из-за куста за давним соперником и, развернувшись, увёл стаю в путаную сеть отрогов и распадков.

Последующие засады также не дали результата. Попробовали насторожить самострелы. Одного из волков стрела пробила насквозь. Живучий зверь с версту бежал, временами ложась на траву и пытаясь зубами вытащить стрелу, но рана была смертельной, и он вскоре околел. Охотники нашли его по голосу ворона-вещуна, каркающего в таких случаях по-особому. Шкуру снимать не стали — от волка исходила невыносимая вонь.

— Питаются хорошим мясом, а пахнут дурно,— удивился Матвей.

— А что ты хочешь? Они же слуги диавола! — пояснил кто-то из стариков.

После потери собрата стая словно испарилась. Ставшие уже забывать о её существовании люди через несколько месяцев вновь были потрясены жестокой и бессмысленной резнёй: большинство зарезанных оленей лежало нетронутыми. Повторные облавы, пасти, луки на тропах и на привадах теперь вообще не давали результата. Предыдущие уроки явно не пропали даром. Поднаторевший Смельчак запросто разгадывал хитроумные замыслы охотников и всегда обходил ловушки.

Смекалка вожака проявлялась порой самым неожиданным образом. Он, например, догадался, как избавиться от постоянно мучивших волков блох.

Как-то раз, переплывая речку, Смельчак заметил, что сотни паразитов, спасаясь от воды, собрались у него на носу. Выйдя на берег, волк взял в зубы кусок коры и стал медленно погружаться с ним в воду. Дождавшись, когда все блохи переберутся на кору, Смельчак разжал зубы...

А однажды зимой серые, обежав в поисках оленей все окрестные горы, обнаружили наконец-то небольшое стадо, но никак не могли подкрасться к нему для успешной атаки: приученные к бдительности животные не позволяли приближаться. Догнать же их по глубокому снегу узколапые хищники не могли. Вот если бы весной по насту!

Инстинкт подсказал Смельчаку, что стаю выдаёт резкий волчий запах. И тогда перед набегом звери, следуя примеру вожака, долго тёрлись о снег, политый мочой оленей и их свежим помётом. Эта немудрёная процедура позволила подойти к табуну настолько близко, что удалось зарезать разом важенку и престарелого рогача. Стая попировала и залегла на долгожданный отдых. Случайно наткнувшиеся на место трапезы охотники вспугнули зверей. Объевшиеся волки убегали поначалу не торопясь, грузно прыгая, но, когда меткий выстрел Колоды уложил одного из них, они изрыгнули съеденные куски мяса на снег и махом оторвались от преследователей. Одна из пущенных вдогонку пуль настигла отстававшего волка. Раненый зверь зашатался. Изнемогая, повернулся к бегущим на снегоступах стрелкам и, злобно оскалившись,

пошёл навстречу смерти... Остальные члены стаи укрылись в окрестностях пещер, куда люди никогда не заходили: считали, что там обитает нечистая сила.

Колода, изучивший повадки стаи, уверовал, что их вожак и в самом деле порождение дьявола. Не мог же Господь наделить столь выдающимися способностями такую кровожадную тварь!

Смельчак тоже хорошо знал своих гонителей. Особенно Колоду, чуя в нём сильного противника, тушуясь порой от его уверенного и проницательного взора. Волк привык видеть в глубине зрачков любого встретившегося ему существа панический страх. В глазах же этого человека горел особый, неустрашимый огонь. Он бесил Смельчака, но вместе с тем и непостижимым образом притягивал, порождал желание вновь схлестнуться, помериться силой.

Осмотрительно избегая прямой стычки волк, дабы доказать своё превосходство, замыслил прикончить верного товарища своего противника — ручную рысь по кличке Лютый. Маленьким, умирающим котёнком Колода подобрал его в лесу. Живя рядом с Колодой, рысёнок превратился в преданного друга, понимавшего человека с полуслова. Да и сама стая давно точила клыки на независимого и изворотливого кота. Но котяра в те дни, когда уходил из селения постранствовать, спал только на деревьях, а уж чуткости у него было несравненно больше, чем у волков. Однако удобный случай своре всё же представился.

По изменениям в следах Лютого серые поняли, что кот повредил лапу. И действительно, когда они встретили рысь на склоне отрога, она заметно прихрамывала. Не воспользоваться этим было глупо, и вожак с ближайшими сподручниками пустились в погоню. Спасаясь от преследователей, рысь помчалась к внушительному скалистому останцу. Бежала она с трудом, а споткнувшись, даже неловко растянулась на камнях. Свора, окрылённая доступностью жертвы, прибавила ходу и уже предвкушала скорую расправу, но почти настигнутый кот успел заскочить на узкую горную тропу и скрыться за скалистым ребром, где в засаде терпеливо караулил Колода с дубиной. Он пропустил рысь, а затем по очереди молча посшибал в пропасть всех волков, выбегавших из-за поворота.

Благодаря понятливости и бесстрашию Лютого, хитроумный замысел охотника удался на славу. Кот, гордый убедительным исполнением роли увечного, подошёл к другу. На дне пропасти лежали разбившиеся о камни окровавленные разбойники. Но самым невероятным во всей этой истории было то, что Смельчак, повинуясь своему особому чутью, остался внизу. Увидев сияющего Колоду, спускавшегося с вполне здоровым Лютым, он понял, что предчувствие его и на этот раз не обмануло. Проводив недругов ненавидящим взглядом, волк осторожно поднялся по тропе и обнаружил, что все его сподручники погибли.

Утрата своры приближённых стала для Смельчака потрясением. Лишь на следующий день он вернулся в стаю, отдыхавшую в глухом распадке. Волки дремали в тени деревьев, блаженно развалившись в самых немыслимых позах. Увидев Смельчака, они по привычке встали, но смотрели на него напряжённо, иные даже враждебно. Воспользовавшись его отсутствием, главенство в стае захватил Широколобый. Видя, что вожак один, без свиты, он совсем осмелел и открыто демонстрировал своё непочтение.

— Ну что, померяемся силой? Давай! Я готов! — говорил он всем своим видом.

Смельчак понимал, что должен во что бы то ни стало осадить самозванца, но праздный образ жизни последних лет не прошёл даром: он утратил былую силу и ловкость. Однако даже отдавая отчёт, что скорее всего уступит Широколобому, Смельчак не мог добровольно сдать власть — гордыня не позволяла.

Склонив голову набок, Широколобый настороженно следил за каждым движением вожака. Чуть приоткрытая пасть придавала его морде выражение уверенности

в победе. Взбешённый Смельчак подскочил к самозванцу. Соперники, ощерившись, встали друг против друга, выражая решимость отстаивать право быть вожаком. Стая внимательно наблюдала.

Уже были показаны белые, как снег, клыки, поднята дыбом на загривке шерсть, гармошкой сморщен нос, неоднократно прозвучало устрашающее рычание, но звери с места не сходили. Наконец Широколобый, отступая назад, принудил Смельчака сделать бросок, а сам только и ждал этого — отпрянув в сторону, он неуловимым боковым ударом лапы сбил вожака с ног и, нависнув над ним, принялся остервенело трепать ненавистный загривок.

Смельчак вырвался, но сильно ударился головой о ствол берёзы и, метнувшись в чащу, умчался прочь. Ещё никогда он не чувствовал себя таким опозоренным...

Давно заглохли последние верховые запахи стаи, а Смельчак всё бежал и бежал, кипя от бессильной злобы. Наконец он добрался до местности, где зияли тёмные глазницы пещер. Эта окраина Впадины была богата зверьём, а следы пребывания людей отсутствовали.

Постепенно Смельчак свыкся с участью изгоя и стал жить бирюком. Иногда, правда, наваливалась невыносимая тоска, но, не желая выдавать себя, он воздерживался от исполнения заунывной песни о своей горькой доле. В такие минуты он лишь тихо и жалобно скулил, уткнув морду в мох.

Как-то стая Широколобого, перемещаясь по Впадине за стадом оленей, случайно столкнулась со Смельчаком. Волки с показным безразличием прошли мимо низвергнутого вожака. Даже бывшая подруга отвернула морду. От унижения Смельчак заскрежетал зубами, да так, что на одном из них скололась эмаль. Ему, всю жизнь одержимому стремлением к главенству, жаждой превзойти других, видеть такое нарочитое пренебрежение было невыносимой мукой, но приходилось терпеть. Невольно вспомнилась волчица Деда: та не отходила от смертельно раненого супруга ни на шаг, а когда тот околел, ещё долго тихо лежала рядом, положив передние лапы на остывающее тело.

Утратив за время царствования охотничью сноровку, Смельчак вынужден был довольствоваться мелкой и, как правило, случайной поживой. Зато, хорошо разбираясь в оттенках голоса ворона-вещуна, он легко определял, что тот обнаружил падаль, и по его подсказке не гнушался сбегать подкрепиться на халяву.

Однажды, переев протухшего мяса, Смельчак чуть не околел. А после поправки уже не мог даже приближаться к падали — его тут же начинало рвать. Неспособный быстро бегать, он приноровился размеренно и упорно, с присущей волкам неутомимостью и упорством преследовать добычу часами, а порой и сутками. Безостановочно шёл и шёл, не давая намеченной жертве возможности передохнуть, подкрепиться. Преследуемое животное поначалу уходило резво, металось с перепугу, напрасно тратило силы, но постепенно шаг его тяжелел, клонилась к земле голова. Расстояние между хищником и добычей неуклонно сокращалось. Страх приближающейся смерти парализовывал жертву, лишал последних сил. А Смельчака же близость добычи наоборот будоражила, придавала силы. Наконец наступал момент, когда до предела измотанное, загнанное животное, чуя неминуемость гибели, смирялось с уготованной участью и покорно останавливалось, уже безучастное ко всему. И, когда Смельчак подходил к нему, как правило, даже не пыталось сопротивляться — расставалось с жизнью безропотно...

Волк потихоньку восстанавливал былую форму и к следующей зиме нехватку в пище не испытывал: мало кому удавалось уйти от его клыков.

В один из знойных полудней дремавший на лесине Смельчак проснулся от хруста гальки и плеска воды: кто-то переходил речку. Похватав пролётные запахи, волк уло-

вил чарующий аромат стельной лосихи*. Точно, она! Брюхатая осторожно брела по перекату прямо на него. Волк сглотнул слюну. От предвкушения возможности поесть свеженины в голову ударила кровь.

Когда лосиха остановилась под обрывом, чтобы дать стечь воде, Смельчак выверенным прыжком оседлал её и вонзил клыки в шею. Очумевшая от внезапности нападения корова, оберегая бесценное содержимое живота, опрокинулась на спину и с ожесточением принялась кататься по хищнику. Тот, разжав челюсти, чуть живой пополз к воде, а потрясённая мамаша удалилась в лесную чащу...

Выполняя просьбу отца-травозная, Колода после Тихонова дня, когда солнышко дольше всего по небу катится, и от долгого света Господня все травы животворным соком наливаются и вплоть до Иванова дня высшую меру целебности имеют, шёл по высокому берегу, собирая лапчатку серебристую, необходимую для приготовления лечебного сбора прихворнувшей матушки. Приседая на корточки, охотник с именем Христовым да именем Пресвятой Богородицы срывал ту траву аккуратно, чтобы не повредить корни.

Неожиданно Колода ощутил на себе до боли знакомый взгляд: по голове и спине аж холодок пробежал. Неужто Смельчак?! Он резко обернулся и внизу, у воды, увидел невзрачного, всклокоченного волка, но глаза, вернее один полуоткрытый глаз, сразу выдал его — точно, Смельчак!

— Вот это встреча! Так ты, старый вурдалак, оказывается, жив?! — воскликнул человек.

Зверь вздрогнул, ещё сильнее прижал к загривку уши и втиснул голову в песок. В его взгляде засквозили испуг, тоска, чувство полной беспомощности: не было сил даже оскалить когда-то страшные клыки. Глаза заслезились — то ли от жалости к самому себе, то ли от того, что было трудно смириться с бесславной участью обречённой жертвы.

А охотник смотрел на старого поседевшего зверя сочувственно, можно сказать, с грустью. Смельчак отвёл глаз, тяжело вздохнул. Они поняли друг друга. В какой-то момент во взгляде Колоды вместе с жалостью невольно мелькнула мстительная удовлетворённость. Смельчак, словно почуяв перемену в настрое человека, едва слышно заскулил.

— Нечего плакаться, получил ты, браток, по заслугам.

Но просьба волка о пощаде и помощи была настолько откровенно выраженной, что охотник даже смутился. Он спрыгнул с обрыва на прибрежную косу и направился к Смельчаку. Тот в ужасе съёжился, дёрнул грязным, как дворовая метёлка, хвостом и как будто всхлипнул. Шумно вздохнул и замер.

— Не робей, лежачих не бью,— охотник склонился над зверем и... наткнулся на угасающий взгляд. Волк был мёртв...

Набрав травы, Колода вернулся в хижину и рассказал отцу о неожиданной встрече.

— Всё как у людей,— задумчиво растягивая слова, проговорил старик,— кто затевает раскол, тот от него сам же и гибнет.

* Период рождения телят у лосей растянут. Отёл, порой, случается в июне и даже в июле

ВАЛЕРИЙ СУХОВ

КОРНИ РУССКОЙ ТРАГЕДИИ

библейский и мифологический подтексты романа М. Ю. Лермонтова «Вадим» и трагедии С. А. Есенина «Пугачёв»

Содержание романа М. Ю. Лермонтова «Вадим» и трагедии С. А. Есенина «Пугачёв» не ограничивается изображением пугачёвского бунта, а заключает в себе библейский и мифологический подтексты, позволяющие провести творческие параллели между двумя этими произведениями. Не случайно в Лермонтовской энциклопедии подчёркивается, что «черты идеологического, философского романа преобладают в «Вадиме» над приметами исторического повествования...»[1]. Характеризуя особенности есенинской трагедии, Н. И. Шубникова-Гусева проницательно отмечает, что «историческим или историко-документальным характером есенинский «Пугачёв» не исчерпывается, напротив, эта поэма созвучна не только событиям, происходящим в послереволюционной России, но имеет универсальное значение»[2]. О. Е. Воронова намечает новые перспективы исследования, предлагая рассмотреть особенности романтического историзма «Пугачёва»[3]. В связи с этим представляет интерес сопоставление «романтического историзма» Есенина и «демонического романтизма» Лермонтова. Т. П. Голованова не без основания утверждала: «Романтизация Пугачёва у Есенина гораздо органичнее связана с лермонтовской традицией... Аналогия с этическими проблемами и образами «Вадима» несомненна...» [4].

На самом деле, сравнивая изображение пугачёвского бунта Лермонтовым и Есениным, мы можем найти в романе «Вадим» и в трагедии «Пугачёв» много общего. Как известно, роман «Вадим» Лермонтов писал с 1832 по 1834 годы. В основу его сюжетной линии легли эпизоды пугачёвского бунта в Пензенской губернии, рассказы о расправах над помещиками и их приказчиками, о гибели родственника бабушки Лермонтова Елизаветы Алексеевны Арсеньевой Данилы Столыпина, о подземной пещере — Чёртовом логовище. Обо всём этом Лермонтов знал с юных лет, проведённых в Тарханах [5].

Глава V романа «Вадим» начинается так: «Дом Борис Петровича стоял на берегу Суры...»[6]. В трагедии «Пугачёв» также упоминаются Пензенские края. Творогов обращается к Бурнову с такими словами: «Слушай, слушай, есть дом у тебя на Суре». Казака Бурнова С. А. Есенин делает пензяком, который с тоской вспоминает свою малую родину: «...в Пензенской губернии у меня есть свой дом». Возможно, таким образом Есенин хотел подчеркнуть, что его «Пугачёв» связан с лермонтовским романом «Вадим».

Своеобразным эпиграфом к роману «Вадим» стало стихотворение шестнадцатилетнего Михаила Лермонтова «Предсказание»(1830):

Настанет год, России чёрный год,
Когда царей корона упадёт;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жён
Низвергнутый не защитит закон.

Пророческое предвидение поэта сбылось в октябре 1917 года. Поэтому и исторический роман «Вадим» мы можем воспринимать в духе этого предсказания-предупреждения. Пугачёвский бунт в представлении Лермонтова был отправной точкой той цепи исторических событий, которые в конечном итоге вылились в Октябрьский переворот и Гражданскую войну. Есенин в стихотворении «Воспоминание» (1924) отразил эти события, используя символику Апокалипсиса. Приведём соответствующую цитату из Откровения Иоанна Богослова: «И поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему и кто может сразиться с ним?... И дано было ему вести войну со святыми и победить их; и дана была ему власть над всяким коленом и народом, и языком и племенем» (Гл. 13. Стих 4 и 5). Как видим, у Есенина месяц «октябрь» не случайно ассоциируется с апокалипсическим образом зверя:

Теперь октябрь не тот,
Не тот октябрь теперь.
В стране, где свищет непогода,
Ревел и выл
Октябрь, как зверь,
Октябрь семнадцатого года.

Стихотворение «Воспоминание» можно воспринимать как своеобразный эпилог есенинской трагедии «Пугачёв».

Есенин начал задумываться над пугачёвской темой осенью 1919 года. Свидетельство об этом мы находим в неопубликованной рукописи мемуаров Б. А. Сорокина «Страницы минувшего». Осенью 1919 года он был послан в Москву с фронта от штаба I армии, встретился с Есениным и рассказал ему о чапаевцах. Б. А. Сорокин вспоминал: «Сергей Александрович с большим вниманием слушает мои рассказы о фронте, о Чапаеве, о мужестве бойцов, о неоглядных просторах уральских степей...

— А, знаешь, — говорит он, оживляясь, — я задумал писать поэму «Пугачёв». Как она выйдет, трудно сейчас сказать, но я её напишу. А ведь ты был и опять будешь в тех местах, где когда-то был Пугачёв — Уральск... Хорошо бы мне побывать там сейчас. А возможно, и один из предков Чапаева был в отрядах Пугачёва... Как знать!

В связи с этим интересной может показаться историческая аналогия, которую проводил Есенин, сравнивая пугачёвцев и чапаевцев.

Лермонтовский подтекст есенинского «Пугачёва» помогает понять такой поступок поэта. Даря свою поэму-трагедию Айседоре Дункан, Есенин на титульном листе написал: «За всё, за всё, за всё тебя благодарю я...» Это был единственный случай, когда Есенин, делая дарственную надпись, цитировал другого поэта. Можно предположить, что строка Лермонтова была выбрана не случайно. Стихотворение Лермонтова «Благодарность» (1840) с его саркастическими обращениями к Богу имеет явно богоборческий характер, свойственный лермонтовскому демонизму:

За всё, за всё тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слёз, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей;

За жар души, растраченный в пустыне,
За всё, чем я обманут в жизни был...
Устрой лишь так, чтобы тебя отныне
Недолго я ещё благодарил.

Если сравнить строки этого стихотворения с рассуждением о благодарности, которое Лермонтов вложил в уста горбуна Вадима, то можно найти много сходного: «Благодарность! — продолжал он с горьким смехом.— Благодарность! Слово, изобретённое для того, чтоб обманывать честных людей!..» Вадим в своём уродстве обвиняет Бога, и надвигающийся пугачёвский бунт для него — это возможность отомстить не только Борису Петровичу Палицыну, который свёл в могилу его отца, но и Всевышнему. В образе Вадима нашли отражение философские размышления Лермонтова, который осознавал диалектическую взаимосвязь зла и добра, дьявольского и Божественного в человеке: «...разве ангел и демон произошли не от одного начала?» Так воплощается в романе принцип контраста, характерный для романтизма. Вспомним сходную есенинскую поэтическую формулу из стихотворения «Мне осталась одна забава» (1923), которую мы можем отнести и к героям его трагедии «Пугачёв»: «Но коль черти в душе гнездились, / Значит, ангелы жили в ней». Таким образом, конкретный исторический сюжет даёт Лермонтову и Есенину возможность поставить острые нравственные проблемы, имеющие общечеловеческий смысл.

В романе М.Ю. Лермонтова Вадим впервые предстает перед нами в толпе нищих, которые стоят у монастырских ворот. Они видят в нём «демона, но не человека». Хотя Вадим с презрительной насмешкой смотрит на окружающих, но он способен и на сочувствие. Лермонтов подчёркивает, что его герой «почувствовал сострадание к нищим и остановился, чтобы дать им что-нибудь». В образе бродяги, «странника» впервые появляется Пугачёв у Есенина. В отличие от Вадима на бунт его подталкивает не личная месть, а сострадание простому люду. Пугачёв уже в первом своём монологе подчёркивает это, воскликнув: «Яик, Яик, ты меня звал/ Стоном придавленной черни!»

М.Ю. Лермонтов и С.А. Есенин начинают свой рассказ о пугачёвщине с предыстории бунта, стараясь объяснить его причины. Лермонтов так передаёт настроение крепостных: «Умы предчувствовали переворот и волновались: каждая старинная и новая жестокость господина была записана рабами в книгу мщения, и только кровь могла смыть эти постыдные летописи». Автор «Вадима» объясняет пугачёвщину особенностями русского характера и своеобразием национального менталитета: «Русский народ, этот сторукий великан, скорее перенесёт жестокость и надменность своего повелителя, чем слабость его... В 18 столетии дворянство, потеряв уже прежнюю неограниченную власть свою и способы её поддерживать,— не умело переменить поведения: вот одна из тайных причин, породивших пугачёвский год!» У Есенина бедственное положение народа лаконично характеризует в разговоре с Пугачёвым сторож: «Всех связали, всех вневолили, / С голоду хоть жри железо».

У Лермонтова символический смысл обретает то, что бунт начинается в «виду церкви, где ещё блистали свечи и раздавалось молитвенное пение». Пугачёв у Есенина сравнивает набатный колокольный звон, который зовёт на бунт, с благовестом: «Уже слышится благовест бунтов,/ Рёв крестьян оглашает зенит». Месть подталкивает народ на восстание против тех, «кто грабил и мучил». Поначалу возмездие пугачёвцев воспринимается как кара Божья, торжество справедливости. По убеждению Пугачёва, праведная месть делает бунт священным делом. Идеей мщения одержим и Вадим. Лермонтов при этом подчёркивает, что месть его имеет демонический характер. Лермонтовский Вадим — гений мести. Он признаётся своей сестре Ольге: «...какой-то бешеный

демон поселился в меня... он только терзал меня... Я не решился; кому завещать своё мщение?» К мести взывает тень его погубленного отца. Вадим говорит об этом Ольге: «Я видел отца твоего перед кончиной», «его проклятие живо» «и каждый год всё более окружает своей тенью семейство злодея». Тема мести, которая подталкивает к бунту и жестокой расправе над дворянами, сближает роман «Вадим» и трагедию «Пугачёв». О возмездии говорят многие герои есенинской трагедии, начиная с Пугачёва. Есенин находит выразительную метафору, которая подчёркивает эту взаимосвязь чувства праведной мести и буйства: «Месть щенками кровавыми щенится./ Кто же скажет, что это свирепствуют/ Бродяги и отщепенцы?/Это буйствуют россияне!» Торнов в VI главе восклицает: «Голос гнева, с бедою схожий, / Нас сзывает на страшную месть». Пугачёв стремится внушить своим сподвижникам мысль о том, что бунт против Екатерины имеет характер справедливого возмездия за убийство Петра III: «Мёртвую тень императора» «жестокий поводырь» «ведёт на российскую ширь». Образ восставшего из гроба мертвеца имеет апокалипсический смысл. В Откровении Иоанна Богослова об этом сказано так: «и смерть и ад отдали мёртвых, которые были в них; и судим был каждый по делам своим» (Гл. 20. Стих. 13).

М. Ю. Лермонтов подробно изображает жестокие акты мести, жертвой восставших бунтарей становятся дворяне. Изображение бунта у стен монастыря завершается такой страшной картиной: «множество нищих, обезображенных кровью, вином и грязью, валялось на поляне», «на некоторых деревьях висели трупы... Один из них по всем приметам был некогда женщиной, но, обезображенный, он едва походил на бренные остатки человека».

В отличие от Лермонтова Есенин не показывает, как жажда мести, которой охвачены восставшие, воплощается на деле. В его трагедии мы не найдём подробного описания жестоких расправ над дворянами. Есенин изображает не жертвы пугачёвского бунта, а гибель самих участников восстания, потерпевших под Сарептой поражение: «Мёртвые, мёртвые, посмотрите, кругом мертвецы». Восставшие из могил мертвецы — это образ из Апокалипсиса. У Лермонтова мы также можем найти достаточно много библейских аналогий. Вадима автор сравнивает с библейским пророком, который сорок лет выводил своё племя из рабства: «Вдруг толпа раздалась, расхлынулась, как некогда море, тронутое жезлом Моисея... и человек уродливой наружности, небольшого роста, запылённый, весь в поту, с изорванными одеждами, явился перед казаками...» Это одна из самых выразительных библейских метафор романа «Вадим».

Важную роль в художественной структуре романа Лермонтова и трагедии Есенина играют образы нищих. Не случайно главным героем своего романа Лермонтов сделал нищего «горбача», который воплощал в себе демоническое начало. Его горб — метафора сложенных крыльев демона, невидимых окружающим. Бывший монах, сменивший чёрную рясу на отрепья нищего, Вадим предвещает гибель дворянам, подбивая на бунт крестьян. В есенинском «Пугачёве» образы нищих также обретают символический смысл. В традициях славянской мифологии предназначенную человеку судьбу могут «открывать, изрекать странники, нищие... которые в народном сознании воспринимаются как представители иного, потустороннего мира»[8]. В VI главе «Пугачёва» в монологе Шибаева возникает странный образ ольхи, которая сравнивается с нищим слепым стариком: «Словно слепец, от ватаги своей отстав, / С гнусавой и хриплой дрожью / В рваную шапку вороньего гнезда / Просит она на пропитанье / У проезжих и у прохожих». Есенин подчёркивает, что это «страшное знамение», которое предвещает беду: «Говорят, наступит глад и мор».

Важную роль у Лермонтова и Есенина играет образ нищей старухи, которая предсказывает главным героям их дальнейшую судьбу. Лермонтов сравнивает нищенку

с мертвецом, от её ужасного вида у Вадима «волосы встали дыбом». Её проклятия ужасны: «Проклят! Проклят! проклят! — кричала в бешенстве старуха: — Чтобы тебе сгнить живому, чтобы черви твой язык подточили, чтобы вороны глаза проклевали... горбатый, урод, холоп... проклят, проклят!..» Есенинский Пугачёв видит причину измены своих ближайших сподвижников в том, что их «подкупила» «злая и подлая оборванная старуха./Это она, она, она, / Разметав свои волосы зарёю зыбкой, / Хочет, чтоб сгибла родная страна/ Под её невесёлой холодной улыбкой». Можно предположить, что старуха у Лермонтова и Есенина символизирует судьбу, из когтистых лап которой трудно вырваться. Если Пугачёв у Есенина смиряется перед ней, то лермонтовский Вадим вступает с ней в поединок. Старуху он «так сильно толкнул... в грудь, что она упала навзничь на каменное крыльцо».

С традициями славянской мифологии связан мотив оборотничества, обретающий при изображении пугачёвского бунта новый смысл у Лермонтова и Есенина. Оборотничество — «способность мифологических персонажей и людей, наделённых сверхъестественной силой, принимать чужой облик, превращаться в животных». «В оборотней могли превратиться обычные люди, ставшие жертвами магического воздействия или колдовства». Лермонтов подробно описывает, как Вадим, заметив «на стене свою безобразную тень», «как бешеный выбежал из дома и пустился в поле; поутру явился он на дворе, таща за собой огромного волка... Блуждая по лесу, он убил этого зверя длинным ножом, который неотлучно хранился у него за пазухой». Тем самым Лермонтов подчёркивает, что его демонический герой выбирает дорогу хищника, чтобы отомстить своему врагу. Душа убитого волка вселяется в Вадима. Он, как зверь, выслеживает свою добычу — помещика Палицына и его сына Юрия.

Опираясь на традиции славянской мифологии, связанные с представлениями об оборотничестве, Есенин подчёркивает особый «звериный» характер пугачёвского бунта. Пугачёв говорит о себе: «Долгие, долгие тяжкие года / Я учил в себе разуму зверя.../ Знаешь? Люди ведь все со звериной душой,— Тот медведь, тот лиса, та волчица». Из этой жизненной философии, построенной по принципу «человек человеку — зверь», Пугачёв делает вывод: «Нужно крепкие, крепкие иметь клыки». Здесь Есенин отмечает двойственность характера своего героя. Он пытался избавить от страданий народ, но его бунт привёл лишь к новым страшным жертвам. Творогов не случайно сравнивает в финале трагедии Пугачёва с волком: «Слава Богу! Конец его зверской резне, / Конец его злобному волчьему вою». Изображая пугачёвщину как «звериный бунт», Есенин создал в своей трагедии особый мифологический подтекст, что сближало его с Лермонтовым.

Близок своей жаждой мщения Вадиму другой есенинский герой — каторжник Хлопуша. Он говорит о себе: «Только весь я до самого пупа —/Местью вскормленный бунтовщик». Хлопуша готов обратиться в волка: «Завтра ж ночью я выбегу волком / Человеческое мясо грызть». Демоном мести Хлопуша одержим, как лермонтовский Вадим. Не случайно в своём монологе Хлопуша перефразировал известную пословицу: «Горбатого могила исправит». Он с трагическим пафосом вопрошал: «Сумасшедшая, бешеная кровавая муть!/ Что ты? Смерть? Иль исцеленье калекам?» Вполне возможно, что Есенин здесь намекал на лермонтовского «горбача» — Вадима, сравнивая с ним своего героя.

Не случайно у Лермонтова и Есенина разгул пугачёвщины связан с упоминанием нечистой силы. Вадим говорит пугачёвцам: «Если хотите, я вас наведу на след Палицына: пожива будет, за это отвечаю,— только с условием... и чёрт даром не трудится...» В славянской мифологии черти «постоянно вмешиваются в жизнь людей... вводят в грех, провоцируют на преступление, пытаются заполучить душу человека». Пу-

гачёв, образно говоря, продаёт душу дьяволу, назвав себя именем императора Петра. Есенин подчёркивает, что это решение далось Емельяну нелегко. Его герой признаётся: «Больно, больно мне быть Петром, / Когда кровь и душа Емельянова». Но свои переживания Пугачёв называет «жалость телячьих нег» и посылает их «к чёрту». Так демон власти побеждает в человеке Божественное начало и обрекает на гибель его душу. В первом своём монологе Пугачёв подчёркивает, как ему дороги степные просторы у реки Чаган: «Мне нравится степей твоих медь,/ И пропахшая солью почва». Можно предположить, что Есенин намекает здесь не только на соляные прииски. «Солончаковое место», где разыгрываются ключевые акты пугачёвской трагедии, оказалось роковым для главного героя. Есенин вкладывает глубокий символический смысл в реальную деталь. По народным приметам, рассыпанная соль — к ссоре. Есенинскому Пугачёву пришлось «солоно». Его предали самые верные сподвижники, с которыми он делил хлеб-соль. По легенде, «в солонку макал хлеб Иуда на тайной вечере и в этот момент по руке в него вошёл сатана». Поэтому выражение «насолить кому-нибудь» связано в славянской мифологии по своему происхождению «со способами наведения порчи с помощью соли». Так начало трагедии перекликается с её финальной сценой, когда между Пугачёвым и его сподвижниками вспыхивает роковая ссора, которая завершается предательством. Не случайно Хлопуша предрекает, что чернь, которая идёт за Пугачёвым, в конце концов его предаст: «Слава ему! Пусть он даже не Пётр / Чернь его любит за буйство и удаль». В окончании фразы слышится «Иуда», и в этом заключён глубокий «библейский подтекст».

Изображая пугачёвский бунт, Лермонтов объясняет его причины той жестокостью по отношению к крепостным, которая отличала многих помещиков. Борис Петрович Палицын не был исключением. Именно поэтому он со страхом ожидает заслуженного возмездия. Узнав о том, что взбунтовались его крепостные, Палицын в ужасе восклицает: «...все против нас... Бог и люди... и кто мог отгадать, что этот Пугачёв будет губить кого-же? — русское дворянство! — простой казак!» Никому из своих крепостных не мог довериться жестокий дворянин. Одного помещик «прибил до полусмерти», другой, по словам Бориса Петровича, готов был всадить ему «нож в бок за жену свою». Лермонтов с иронией пишет о том, как «малодушный старик», впавший в отчаяние, ожидал, что его спасёт «хор ангелов» и «унесёт за тридевять земель». Но спасение он нашёл не там, где надеялся. Не ангел, а «бедная солдатка с состраданием подошла к нему и молвила: «я спасу тебя».

Лермонтов в конце романа противопоставляет демонической жестокости Вадима и пугачёвцев чувство милосердия, которое было проявлено простой солдаткой. Её подвергают чудовищным пыткам: «К каждой её руке привязали толстую верёвку и, перекинув концы их через брус, поддерживающий полати, стали понемногу их натягивать; пятки её отделились от полу...» Пройдя через адские мучения, крестьянка не выдала то место, где скрывались отец и сын Палицыны. Лермонтов это объясняет удивительным свойством русской души, которая готова совершить подвиг самопожертвования: «В важные эпохи жизни, иногда, в самом обыкновенном человеке разгорается искра геройства, неизвестно доселе тлевшая в груди его, и тогда он свершает дела, о коих до сего ему не случалось и грезить, которым даже после он едва верует...» Рассказ о героическом поступке, совершённом простой солдаткой, готовой во имя спасения Бориса Петровича Палицына и его сына пожертвовать собой и даже своим сыном, выходит в финале романа на первый план. У Лермонтова мать, «содрогаясь», подходит к истерзанному сыну, но в «глазах её сияла какая-то высокая, неизъяснимая радость». Эта радость объясняется высоким христианским чувством самопожертвования, которое противопоставляется звериной жестокости пугачёв-

цев: «Он не высказал, не выдал своей тайны душегубцам». Идея христианской любви и милосердия противостоит дьявольской жестокости, которую Лермонтов связывает с образом Вадима. Так мы можем трактовать «евангельский подтекст», который заложен в содержание первого лермонтовского романа.

Во многом сходную авторскую позицию мы видим и в трагедии Есенина «Пугачёв». Тема милосердия и сострадания выходит на первый план в её финале. Н. И. Шубниковой-Гусевой было отмечено, что «библейский подтекст «Пугачёва» также говорит о том, что поэт внутренне не принимает войну, бунт и насилие, считая, что они противоречат стремлению каждого человека к жизни и счастью»[9]. Не случайно Крямин говорит Пугачёву, выражая «мнение народное»: «Есть у сердца невзгоды и тайный страх/ От кровавых раздоров и стонов./ Мы хотели б, как прежде, в родных хуторах / Слушать шум тополей и клёнов». Любимые есенинские образы «тополей и клёнов» символизируют человеческие ценности, которые были принесены в жертву мести. Обращение Пугачёва к Богу в финале помогает понять основную идею есенинской трагедии, которая тесным образом связана с христианскими ценностями. Пугачёв восклицает: «Боже мой!/ Неужели пришла пора?/ Неужель под душой так же падаешь, как под ношей?» Есенинский Пугачёв обращается к Богу с искренним покаянием, чем и спасает свою грешную душу, а лермонтовский Вадим остаётся нераскаявшимся «душегубцем»...

В заключение приведём цитату из монографии «Сергей Есенин и русская духовная культура» О. Е. Вороновой, в которой намечены дальнейшие перспективы исследования есенинского «Пугачёва»: «...выявление мифофилософского контекста позволяет глубже раскрыть трагедийное звучание поэмы, обнаружить скрытый, онтологический план переживаемой героем духовной коллизии, глубинные связи произведения с мировой художественной и национально-исторической традициями»[10]. Из приведённых нами примеров можно сделать вывод. В романе «Вадим» и трагедии «Пугачев» есть глубинные библейские и мифологические подтексты. Открывая их, мы можем осмыслить пророческие произведения М. Ю. Лермонтова и С. А. Есенина в едином контексте, отметив в них определённые творческие параллели.

Примечания

[1]. Лермонтовская энциклопедия. М., Большая российская энциклопедия. 1999. С.76.

[2]. Шубникова-Гусева Н. И. Поэмы Есенина: От «Пророка» до «Чёрного человека». Творческая история, судьба, контекст и интерпретация. М., ИМЛИ РАН — Наследие. 2001. С.162.

[3]. Воронова О. Е. Мировоззрение С. А. Есенина: опыт структурного анализа// Современное есениноведение. Рязань. РГУ. 2012. С.33.

[4]. Голованова Т. П. Чувство дома// Наследие Лермонтова в советской поэзии. Л., 1978. С. 69-70.

[5]. См.: Андроников И. Л. Исторические источники «Вадима»//Лермонтов. Исследования и находки. М., 1969. С.94-116.

[6]. Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. М., 1981. Т. IV. С. 15.

[7]. Сорокин Б. А. Страницы минувшего [встречи с Сергеем Есениным]. Рукопись хранится в архиве автора статьи.

[8]. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С.370. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием страниц в скобках.

[9]. Шубникова-Гусева Н. И. Поэмы Есенина: От «Пророка» до «Чёрного человека». С.187.

[10]. Воронова О. Е. Сергей Есенин и русская духовная культура. Рязань. 2002. С.412.

ВЛАДИМИР ЕРМАКОВ

ОСАДОК ДНЯ

своемерные заметки на полях календаря

Рано или поздно в любой работе опыт начинает довлеть над риском; для мастерства это хорошо, а для творчества плохо. Значит, нужно отказываться от выработанных стандартов, как бы они ни были удобны, и начинать искать другой путь от себя к себе, наступая на пятки себе самому, спотыкаясь на ровном месте и плутая в трёх соснах.

С некоторого времени во мне зрело желание сократить дистанцию между содержанием мышления и формой высказывания. Традиционной практикой свободного суждения и вольного выражения является дневник. Информационная революция лишила этот жанр прежней интимности. Как и любая другая форма словесности, дневник может быть заманчивым тупиком, последним прибежищем графомана, но в то же время быть выходом из кризиса, оперативным пространством для литератора.

Примеряясь к поставленной задаче, я пришёл к мысли, что фрагментарное отражение действительности в большей степени соответствует внутреннему устройству нашей жизни, чем правильно организованное изложение и изъяснение. Удобной формой современного эссе может быть литературный комментарий к повседневности: лирический, иронический, полемический, философский. Чтобы в свободной рефлексии на равных основаниях отражались вечные вопросы и случайные вещи, дух времени и злоба дня, чтобы в одном ряду стало наболевшее и надуманное, прочитанное и пережитое.

Так начались *своемерные заметки на полях календаря...*

1 января. С Новым годом! Последний удар курантов рассыпается в хрустальный перезвон бокалов. Озорная дерзость шампанского кружит голову. С новым счастьем!

Праздник продолжается, но... Есть уже не хочется. Улыбаться тоже. Честно говоря, в затянувшемся веселье чувствуется что-то натужное. От развлекательных программ, одинаково пошлых по всем каналам, скулы сводит. Незаметно исчезает праздничная эйфория, питавшаяся напряжением кануна; так выдыхается шампанское в отставленном бокале. Уж полночь минула... а счастья-то всё нет. Может, оно и к лучшему. С новым счастьем... а старое куда девать? Нет уж! счастье не стареет. Какое ни есть, суровое и скупое, а мы и к такому привыкли. А новое... вспоминается присловье: *счастье придёт — и с печи сгонит*. Это наш русский Екклесиаст так сказал, исходя из горького опыта перемен. Новое начинается с помпой и пафосом, но большого толку

из него не выходит: хлопот много, а в итоге одни убытки. Оттого мудрость осторожна в обещаниях лучшего.

Засыпаешь под пиротехническую канонаду, и просыпаешься от резкого треска под окном. Словно всю ночь десант наступающего будущего сражался за захваченный в календаре плацдарм. Ожесточённое сражение к рассвету закончилось торжеством прогресса, и теперь на улицах города патрули времени добивают одиночными выстрелами последние пережитки прошлого года... Чего только с недосыпу не забредёт в голову! –просто нашим пироманам ночи мало.

Первый день нового года — самый странный день в году. Час потехи уже прошёл, а для дела ещё не время. Основное настроение, которое во исполнение приличий надлежит скрывать под показной приподнятостью духа — разочарование. Что, праздник не удался? Да как сказать... Разве не было Деда Мороза? Ну, не то чтобы совсем не было... Был, заходил поздравить,— но с пустым мешком. Видать, поиздержался в дороге. У выдохшегося шампанского вкус несбыточности. Непонятная пустота в душе, с которой начинается год, глубоко символична. Надо лишь правильно истолковать её значение. Или назначение, если угодно. Это не ущерб и не утрата, это — свободное место для грядущих событий нашей жизни. Каких? Кто знает... Оттого так мутится ум и щемит сердце... или это просто симптомы похмелья? Ну, эту беду легко поправить...

Нет, не то, что вы подумали. (Хотя и стопка под смятую селёдку под шубой на пользу организму и душе не во вред.) Хорошо в ранние вечерние сумерки выбраться из дому и бесцельно пройти по пустой улице, вольно вдыхая подмороженный воздух и выдыхая с паром лёгкую похмельную меланхолию. Всё будет хорошо. Надо же — год-то уже начался!

2 января. Принято думать, что следует писать лишь о том, что хорошо знаешь. Может быть, в большинстве случаев именно так. Но такая целенаправленная проза слишком часто оказывается как бы служебной. Технической, идеологической, коммерческой. Или, как говорили прежде, изящной словесностью. Подозреваю, что все по-настоящему интересные тексты суть зашифрованные хроники внутренней борьбы автора с инерцией жизни. Особенно откровенно это нервное неравновесие формы и содержания проявлено в эссе. Эссеистика — попытка слова, заключённого в рамки жанра, к бегству на волю.

По сути, эссеизм в чистом виде есть текущий комментарий к ходу повседневного времени. В чём прелесть эссе? В свободе намерений автора от собственных предубеждений и читательских ожиданий. О сути жанра лучше сказать косвенно, строками поэта (и эссеиста) Ольги Седаковой —

чтоб говорить Бог ведает о чём,
чтоб речь, как пыль, пронзённая лучом,
крутилась мелко, путано, едва...
Но значила — прозрачность вещества.

Эссеисту свойственно путаться в посылках и постулатах своего замысла,— настолько, что порой он уже не в силах позаботиться о смысле целого. Но — пока есть язык, речь продолжается. О чём речь? Бог весть...

Какие выводы следуют из данного текста? Да какие угодно или никаких... О, эта навязчивая идея последовательности! Какие выводы, скажем, можно сделать из ветреной погоды или вечерней прогулки? Какие выводы из жизни вообще? Смысл дневника, в какой бы форме он ни вёлся, не в фиксации фактичности, но в отслеживании

того мерцающего шлейфа иллюзий, что следует за всяким фактом. Дневник не дискурсивный или нарративный текст; это вообще не текст, а тест-контроль прилежащей реальности. В любом художественном жанре довлеет эстетическая необходимость. Тема кончается, рассуждение обрывается в пустоту — а текст надо длить дальше, както сводя концы с концами. Недостаточность смысла приходится достраивать словами. Беда современной литературы в том, что она прежде всего и по преимуществу — литература. По мне лучше писать о том, чего знать не дано, но очень хочется. Может, за очередным поворотом мысли нежданно-негаданно...

Чем может быть, чем должен быть дневник напоказ, хронический монолог частного человека по разным случайным поводам? Не знаю. Оправдать этот риск можно только честной работой.

Жителей древнего города Болхова в прежние времена соседи дразнили *своемерами*. Дескать, обо всём судят по-своему, не сообразуясь с общим мнением. Я долго жил в этом городе и проникся его духом. Так что если говорю что не к месту или не ко времени — уж извините, но я сужу о том или о сём именно так. Своемерно. Может, в этом есть свой толк.

Парадокс искусства в том, что личное мнение, даже самое спорное, через художественное выражение получает общественное значение, в то время как бесспорная истина в прямой речи обретает пресный вкус банальности.

6 января. Ночь перед Рождеством. Самая светлая из мистических ночей земли. Проснеженный мерцающий воздух. Много званных... но мало избранных. Избранные к спасению, собравшиеся в просветлённых пещерах храмов, радуются случившемуся в них чуду.

7 января. Мир на земле, и в человецех благоволение... А в лабиринтах окрестных улиц, пребывающих во тьме, бродят потерянные люди, чья звезда сгорела до времени.

15 января. Подвалило снега. Все газоны и пустыри облагорожены свежими сугробами. Красота! Да, а птицам-то каково? И так клевать нечего... Птичья мелочь проводит на дорожке к мусорным бакам митинг протеста. На старом дереве конференция ворон, у подъезда тусовка голубей: кто виноват и что делать. А что тут поделаешь? Ждать надо. Вот пройдёт снежный кризис, оттают свалки — и туда подкинут нового мусора...

В высокие окна старого здания открывается вид на старый парк. Падает снег. И, представьте себе, по радио передают Вивальди: «Зима». Так уж совпало. Всё вместе так похоже на обещание чуда, что дух захватывает и перехватывает дыхание. Если бы только забыть, что это больница...

Доктор не смотрит в окно и не слышит музыки: он вглядывается в экран монитора и на что-то сердится. А снег идёт, идёт, идёт, идёт...

4 февраля. Выедешь за город,— и теряешься; теряешься в подступающем к окраинам пространстве. Ох, велика Россия, велика... но вот разница между величиной и величием по-русски выходит как-то смутно, неотчётливо. Сказал же Тютчев: аршином общим не измерить. А Бердяев добавил: Россия — страна, ушибленная пространством.

Велика Россия, и широка русская душа... Ох как широка! Оттого и мается. Там, где у всех просто пространство, у нас — простор. Расстояние между пунктами А и Б

измеряется общим аршином, а ширь и даль — как измерить? Рок России — невозможность *освоить* это нелинейное пространство национального бытия, то есть опосредовать собой, своей повседневной заботой. Даже широкой русской натуры, как ни расходуй её в непосильных трудах, на это не хватает. А вот *присвоить* землю, то есть сделать своей собственностью,— это проще, это можно. Беда в том, что у русской земли всегда были собственники, помещики, владельцы, арендаторы, пользователи, но никогда не было настоящего хозяина. Царь Николай II в опросном листе переписи населения в графе «занятие» написал глупо: хозяин земли русской. А какой он был ей хозяин? Никакой... По-настоящему хозяйствовать на земле мог только мужик, дай ему волю. Но ни своей земли, ни своей воли у мужика нашего отроду не было. Оттого неухоженная земля вопиет к небу. А над ней из конца в конец пролетает тихий ангел, отпаивая солнечным дождём и утешая пушистым снегом, жалеет её и шепчет: потерпи, матушка, ещё потерпи... И земля терпит. Терпит наши над ней бесчинства. И прощает. До поры...

Велика Россия, но русская природа не надменна и не навязчива; её затаённая прелесть открывается не вдруг и не каждому. Ей имманентны сдержанность, нежность и меланхолия. Высказывать любовь к ней вслух, а тем более ямбами, рискованное дело: большей частью выходит как-то бездарно и бесстыдно. (Оттого невозможно читать пафосные стихи страстных любителей родины; разве что с трибуны — с надлежащим выражением лица.) Убедительно, когда речь от обратного, как у Тютчева –

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа –
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

(Вот он — край для нашей бескрайности! дальше нам хода нет; дорога есть, а пути нету — разве что вон отсюда, чтобы и духа нашего здесь не было).

Зато государственность наша и надменна, и навязчива. И тяжела, и свирепа. Такова она в представлении Осипа Мандельштама:

И государства жёсткая порфира,
Как власяница грубая, бедна...

Ну, не так, чтобы совсем уж бедна... Зайдите при случае хотя бы в Кремль,— дабы преисполнится законной великодержавной гордости. Да и прочие официальные резиденции у нас отстроены с царственным размахом, на зависть скопидомным европейцам... на повседневную жизнь, понятное дело, уже не хватает.

5 февраля. Последние годы перестал писать стихи. (Хотя на визитке по-прежнему рекомендуюсь непозволительно гордо: *поэт*.) Не то, чтобы разучился рифмовать *чёрным* и *чёрт с ним*, *доверчиво* и *до вечера* et cetera или сравнивать воду и время, глаза и звёзды. Просто забыл, зачем это надо. Конечно, можно было бы ещё долго перебиваться ремеслом, сочиняя дежурные стихи на случай. Но не хочется. Как учил Лев Толстой,— *надо или молчать, или говорить вещи, которые лучше молчания*. Может быть потом, когда утратятся навыки версификации, вернутся стихи. Иногда они возвращаются...

Иногда, идя мимо жизни, вдруг замечаешь что-то чудесное в обыкновенном: в снежном сугробе старый репейник,— ветер сдувает шорох с мёртвых колючек...

И вдруг понимаешь, что это и есть поэзия. Остаётся только придать ей форму; скажем, форму японского пятистишия (танка):

В снежном сугробе
старый репейник,—
ветер сдувает шорох
с мёртвых колючек;
я вспоминаю...

9 февраля. Ночной дождь, к утру переходящий просто в ливень. Дождь облизал все грязные стены и походя сожрал половину накопленных за январь снегов. О, как неприятна, как неопрятна стала наша исхоженная, но неухоженная улица! (Подозреваю, что и другие не лучше.) С утренних сумерек до вечерних в мутном сумраке никакого просвета. Нет ни ясности впереди, ни надёжной опоры под ногами — или мокро, или грязно, или скользко.

Мрачность, мутность, мерзость... Состояние сродни похмелью. Источники оптимизма и энтузиазма забиваются житейским мусором. Толпа унылых и озабоченных обывателей угнетает своей никчёмностью. Образ Божий в каждом почернел лицом, как лик на иконе, которая только и сгодилась, что горшок накрывать...

И среди этой агрессивной серости мажорными аккордами, радужными миражами — женщины. Диву даёшься, как им удаётся преодолевать тяжесть жизни? Самопорождённые прекрасные иллюзии, они смущают и восхищают своей чудесной способностью не считаться с реальностью. Жрицы тайных орденов Avon и Oriflame, носительницы модных брендов, они не щадя себя и не жалея средств служат неясным целям неведомых сил.

Религия нашего прекрасного нового мира — реклама: поток желаний вызывают и направляют красивые женщины в вызывающих одеждах, красивые женщины в ажурном белье и узорных чулках, красивые женщины, распустившие роскошные волосы по солнечному ветру... Как и положено старому хрену, я смотрю на них неодобрительно... но — смотрю! И на контрасте к серому дню вижу положительную сторону яркого явления гламура. Гламур — перезагрузка сферы желаний, истощённой утомительной житейской суетой. Значит, реклама по большому счёту полезна. Полезна тем, что дразнит и блазнит воображение, норовящее впасть в хандру. Загружая сознание задачей приобрести какую-нибудь ненужную хреновину, реклама одновременно заряжает подсознание жарким светом, лёгким дыханием, вольным жестом, золотым сном... (Надо как-нибудь продумать тему в этом направлении.)

10 февраля. День памяти Пушкина. Плохо, что в России убивают поэтов; хорошо, что их помнят. В 1937 году, в столетнюю годовщину смерти Пушкина, советский официоз широко и торжественно праздновал скорбную дату. Это был год Большого Террора; могло показаться, что в жертву памяти поэта власть приносила жизни миллионов его читателей... А эмиграция сплотилась в ностальгической печали о Золотом веке, где Пушкин, склонивший бронзовую голову, стоял надёжной вехой, обозначающей вход в потерянный рай. Собственно, так он предстоит и нам, оказавшимся ныне чужими в собственном отечестве.

Нет, нельзя сказать, что Пушкин забыт. На него ссылаются в каждом удобном и неудобном случае. Лидеры постмодерна с классиком обходятся легко и вольно, перевирая в школьных цитатах и как бы похлопывая по плечу: ну что, брат Пушкин? Ревнители традиции чтят не столько самого Пушкина, канонизации не поддающего-

ся, сколько памятник Пушкину, установленный на века. Они настороженно хранят его наследие в хрестоматийной скуке. А ведь Пушкин, *наше всё*, дан нам не на хранение, а во владение.

То, что в рейтинге великих, в рамках помпезного конкурса «Имя России», Пушкин отошёл на малопочетное четвёртое место, уступив первенство аллегорическому Александру Невскому, проблематичному Петру Столыпину и одиозному Иосифу Джугашвили, мне видится поражение национальной идеи в правах на современность. Словно от *нашего всего* нам осталось всего ничего...

11 февраля. Всемирный день больного. Как хотите, но в этом празднике есть что-то нездоровое... Как его прикажете праздновать?

Дети любят играть в больницу. Взрослые, когда болеют, становятся похожи на детей. А как же... В цепких лапах болезни каждый становится маленьким, жалким, обделённым, беспомощным. Как будто ни за что ни про что взяли и обидели. Больной человек не в себе. Между больными и здоровыми разница всего-то в пару градусов температуры тела, но красная черта градусника проведена как магическая линия. Она неодолимым барьером огораживает внутреннее пространство болезни. Все заняты своими интересами, а до больного человека никому дела нет. Помрёшь — и никто и не заметит. Ну и ладно, ну и пусть; вам же будет без меня хуже. А если лучше, тоже пусть — значит, все вокруг злые и чёрствые эгоисты. Поэт Сергей Гандлевский выразил это смешное злорадство, вероятно, в какой-то степени свойственное всем нам, одной решительной строкой: *Умру — полюбите, а то я вас не знаю*... Не знаю, как других, но меня это детское чувство, подёрнутое поэтическим флёром, поддерживает в стоическом убеждении, когда ум мутится от забот и душа болит от обид. За что люблю стихи, так это за магическую способность просветлять даже тёмные наши мысли...

А ещё люблю анекдоты про медиков. В них спирт сарказма разведён цинизмом чистой воды. Вот отменный образчик нашего чёрного юмора.

Палата интенсивной терапии. Пациент в критическом состоянии. Экзальтированная медсестра: — *Доктор, доктор! — мы его теряем!* Флегматичный доктор: — *Голубушка, да что ж Вы так расстраиваетесь?! У нас таких ещё целая палата*...

Да что там, палата, у нас ещё целая страна таких — пока не диагностированных, ещё не госпитализированных, относительно здоровых и временно живых. Ничего, рано или поздно наше здравоохранение до всех нас доберётся! Уже то характерно, что основные медицинские учреждения у нас называются больницами. В семантике этого наименования есть что-то безнадёжное. *Больница*, обитель боли. Может, реформу здравоохранения следует начать с переименования больниц в лечебницы?

Несмотря на все уверения и ухищрения, состояние нашей медицины стабильно тяжёлое. Оно было бы совсем критическим,— если бы не врачи. Врачи — в полном и высшем смысле слова — у нас пока ещё не перевелись. Несмотря на все реформы. В лучших из них как в фокусе собираются положительные черты русского характера: сострадание, самоотверженность, верность долгу и преданность делу.

Как и большинство тёмных людей, я нерадиво отношусь к своему организму и не люблю лечиться. Да и вообще, признаться, не верю в медицину. По-моему, это лженаука, вроде алхимии. Но верю врачам, и в случае болезни вверяю свою немощь их попечению.

2 марта. С раннего утра и до полудня в вымороженном воздухе кружились снежные хлопья. Подлетая к стенам домов, снежинки доверялись восходящим потокам

пригревшегося воздуха и поворачивали обратно — в обманчиво близкое серое небо. Как будто пытаясь обратить вспять мимолётное время...

Снег, словно нежная пудра с пуховки облака, чисто и ровно покрывал все изъяны пейзажа, и безупречная белизна завораживала взор. Зима, как стареющая красавица, старалась произвести впечатление на очевидца её уходящей красоты. Ну что, разве я не хороша? Разве вам не жаль со мной расстаться? Как можно меня, снежную королеву, променять на ветреную весну, на эту сопливую девчонку, из молодых да ранних,— неверную, невзрачную, неряшливую...

С философской точки зрения, конечно же, нельзя пренебрегать тем, что есть, поддаваясь искушению надеждой на то, что будет, но — что греха таить? — нам не жаль уходящей зимы. Более того, она нам надоела своими непомерными претензиями на холодное совершенство. Ну какая же ты снежная королева! — ты просто старая дева с вздорным нравом, и зря ты так запоздало заневестилась — кружевная фата снегопада не скрывает твою отмороженную душу. Нет, никто не поспешит в твои ледяные объятья!

Видимо, зима скоро осознала бесплодность своих усилий и перестала строить иллюзии. Расслабилась, расстроилась, рассупонилась, раскисла серыми лужами; потом вдруг обозлилась, взвилась, завьюжила... но надолго её не хватило,— не февраль же, в самом деле. Переждав последние зимние капризы, цыган из присказки цыкнул золотым зубом и пошёл продавать уже ненужную шубу.

3 марта. Всемирный день писателя. Передёрнув Хемингуэя, можно сказать: праздник, который всегда без нас. Никто по этому поводу не напрягся. Страна, некогда самая читающая, теперь решительно отвернулась от литературы.

Это отчуждение от книги, это отвращение к серьёзному чтению суть симптомы деградации нации, признаки упадка современной культуры. Литература, то есть искусство слова, образует пространство понимания. Литература открывает явление сущего разуму посредством языка. В то время как телевидение, разводя общее течение жизни по коммерческим каналам, приводит к расслаблению умов, разобщению людей и порабощению массового сознания гипнозом видимости.

Слово — универсальный символ, ключ к дверям восприятия. Как математика выражает суть естественных наук, так литература сосредотачивает сущность гуманитарного знания. Слово катализирует реальность. Образ заражает грёзами. Замена вербального восприятия мира визуальным склоняет разум к наркотическим снам. А сны разума рождают чудовищ.

Культура в целом и литература в частности — дело элиты. Однако элита в здоровом государстве не замкнутая страта, а открытая среда. Составляющая ядро нации. В элиту вхож каждый, кто в свободной конкуренции может заявить свои претензии и обеспечить их реальными возможностями личности. То есть отвечать по обязательствам перед обществом всем своим человеческим содержанием. А духовное богатство, в отличие от материального, можно обрести — представьте себе! — только честным путём. Оно создаётся и накапливается собственными усилиями. Его нельзя получить, присвоить, приватизировать или капитализировать любым другим хитрым способом. Читать надо, господа хорошие! а читать можно только самому. Перебирая лёгкие страницы и разбирая трудные слова. Даже аудиокниги уже не книги, а всего лишь сгустки информации.

Литература, отлучённая от своего предназначения, становится резервацией утраченного времени. Язык, *дом бытия* (определение Хайдеггера), разделяется в себе. А *дом, разделившийся сам в себе, не устоит* (Евангелие от Матфея: 12; 25). Искусство

слова вымучивается в пустых экзерсисах; природа слова вырождается в обыденной речи. Читатель вымирает в человеке, и от человека остаётся пустопорожний обыватель.

А писатель... что писатель? Литература для него не отхожий промысел, а Божий промысл. Если писатель настоящий, он будет писать и писать, пока ему не прищемят родной язык и не вырвут стило из рук. Пройдёт огонь, воду и медные трубы — и всё опишет своими словами. На то он и писатель.

8 марта. Международный женский день. Праздник, основное содержание которого составляет торжественный ритуал принесения символических жертв женскому началу. (Которое скрытно репрессируется в нашей культуре все остальные дни года.) Легкомысленный бог, курирующий сферу эротического, почивает на лаврах и мимозах.

Равноправия в этой сфере между мужчиной и женщиной всё ещё нет,— и вряд ли скоро будет. Гендерные роли в обществе не симметричны, но когерентны. (Термин из физики: согласованные во времени параллельные волновые процессы усиливают или ослабляют друг друга.) Мужчина, озабоченный своей эротической привлекательностью, вызывает, мягко говоря, неадекватное чувство. В лучшем случае он смешон, в худшем — противен. Мужская сила скрытна и сдержанна, поэтому и потеря её с годами не так заметна. Жизненный опыт мужчина инвестирует в имидж.

Женщины стареют иначе. Сложнее и трагичнее. Женщина сама для себя — единственная тайна, которой она ни с кем не поделится. Тем паче с наступлением возраста, который в хорошем обществе принято называть элегантным. Мужество, с которым хранит себя женственность, просто восхищает. Исчезает обаяние, но появляется шарм. Красота зрелой женщины меньше обязана природе и больше культуре. Её привлекательность уходит вглубь, в недоступную для анализа роковую трагичность. В настоящей женщине из опыта утраты вырабатывается стиль, представляющий не лучшую, но достойную замену понесённому ущербу.

Эти рассуждения вряд ли подобают высокопарной риторике женского дня, но вполне годятся как послесловие к нему... от прошедшего праздника женщинам останется только грустная осыпь мимоз и послевкусие обманутых ожиданий. Ну, ничего, ничего... весна только начинается.

16 марта. Выходишь утром из дому — и от первого глотка свежего воздуха мгновенное головокружение. Нет, это уже точно — весна! Яснее всего она ощутима в атмосфере. Всё прочее ещё мутно и неясно, но воздух — евангельский! К волнующим испарениям просыпающейся земли утренним холодком приморожены эйфорические пары эфира. А ещё в весеннем воздыхании чуткому сердцу слышна нотка печали, придающая растрёпанным чувствам высокий стиль. Так в благородном вине всегда есть привкус горечи, а к настоящей любви примешан страх утраты... Эта весёлая тревожность в душе, эта вскипающая в крови свобода — это и есть весна. А уж только потом подготовка к сессии или севу, заготовка дурацких шуток ко дню дураков и мётел к экологическому субботнику.

Хорошо бы ещё к этому художественному пассажу приплести какую-нибудь мораль, чтобы вытянуть фрагмент до философского этюда. Скажем, концентрируя смысл отрывка в понятии *свобода*. Всю жизнь я был озабочен и озадачен поиском свободы в себе. Последовательно отвергая все известные (мне) концепции, я отформатировал своё интуитивное представление в следующее определение: *свобода — это*

онтологическая матрица сознания, которая не имеет собственного содержания, но без неё все человеческие занятия (включая работу и любовь) не имеют смысла.

Весна как метафора — перезагрузка базовой программы. Жизнь ощущается всем существом — сильно, полно и остро — как ускользающая возможность счастья. Томление духа и вялость плоти; наверное, авитаминоз...

1 апреля. Вот и настал долгожданный день дураков, день смеха, день радостного празднования собственной несуразности... *Над кем смеётесь? Над собой смеётесь!* Два века тому назад в этот день родился Николай Васильевич Гоголь, основоположник нашего идейного самоедства, самый загадочный из русских классиков.

Начало нашего Золотого века определяется бинарной оппозицией *Пушкин — Гоголь* столь же безусловно, как завершение его ознаменовано гениальной антиномией *Толстой — Достоевский*. Было сказано: *Пушкин — это наше всё*. Мне показалось возможным расширить максиму до парадокса: *Пушкин — это наше всё; Гоголь — это всё остальное*. Да, милостивые господа! — если вдуматься, так оно и есть: один с блеском явил всё, что мы знаем о себе и признаём за своё, а другой вытащил на свет Божий то, что мы прячем от себя, прячем в себе, от чего прячемся сами. Пушкин открывает русский космос, а Гоголь — русский хаос, окружающий и обуславливающий его. Гоголь в кошмаре нашей обыкновенной жизни как Вий наоборот: гений поднимает ему веки, и он видит ужас, входящий в мир через людей. Через нас... *Кого страшитесь? Себя страшитесь*!

И вообще,— всё, что связано с Гоголем, всегда отдаёт какой-то чертовщинкой. Задолго до Хармса и Беккета он открыл абсурд как резерв творчества. Всё в нём не так, всё экстатично и эксцентрично, всё как-то гениально смещено в сторону от здравого смысла. Гонимый не государством и не веком, а тёмным огнём в душе, Гоголь нигде и ни в чём не находит ни покоя, ни избавления: он страшится смерти и стремится к ней...

По большому счёту Гоголь конгениален Данте. Ибо что такое, говоря тезисно, первый том «Мёртвых душ», как не «Ад» на родной манер? Содержанием второго тома должно было стать видение русского рая. Но не стало. Что-то не сладилось. А поскольку Россия — страна логоцентрическая, утрата антитезиса имела роковые последствия для синтеза национального духа. Того, о чём у нас не было речи, не может случиться в нашей реальности. Незавершённость гениальной поэмы не просто прореха в хрестоматии, а поражение русской идеи в правах на действительность. Пепел сожжённого тома депрессивным налётом лёг нам на сердце...

Мало того, что Гоголь не смог открыть райские врата, он, кажется, и дверь в ад, куда заглянул, не прикрыл за собой. Осталась щель, через которую в душу Гоголя сквозит жутью. Странна его жизнь, и смерть странна и страшна. И даже посмертие. В 1931 году его могилу вскрыли и прах эксгумировали. Виктор Шкловский от имени русских писателей сказал: *Все мы вышли из гоголевской «Шинели»*. Один из литераторов, включённых в комиссию по перезахоронению, понял эти слова буквально. Он отрезал полу гоголевского сюртука и переплёл в неё свою рукопись. Кой чёрт, толкавший этого олуха под руку, так отомстил гению сарказма?

И вообще личность Гоголя настолько противоречива и парадоксальна, что иногда кажется, что никакого Гоголя на самом деле не было — эту гротескную мистическую фигуру сочинил Гоголь, да так ловко, шельма, сочинил, что все поверили. А загадочный автор сей мистификации, *ревизор мёртвых душ*, еси среди нас инкогнито — не узнанным, не познанным и даже неопознанным. Оставил нас с *носом* и ходит *гоголем*...

8 апреля. Международный день цыган. Вот уж у них-то солидарность самого крепкого замеса... иначе как бы им сохранить среди нас свою таинственную природу?

Цыгане — тёмное подсознание Европы, их промысел — бередить наши вытесненные иррациональные страхи. Неведомое племя страшит нас... и манит в пропасть. Подсознание глухо к доводам рассудка и чутко отзывается на наше тайное стремление к саморазрушению.

Эх, ромалэ! Загулять, что ли? — и пропадай всё пропадом!

24 апреля. 110 лет со дня рождения Владимира Набокова, гения и изгоя. Набоков — побег великой русской литературы на западной почве. С некоторой долей мистификации, к которой он был чертовски склонен, Набоков признавался, что всегда мечтал о карьере безвестного исследователя бабочек в каком-либо музее; сочинительство же было для него смесью отвращения и опьянения, развлечения и пытки. Может быть, все великие писатели — неудачники в главном деле жизни? Мечтал же Андрей Платонов быть мелиоратором...

Набоков и Платонов — бинарная оппозиция двух изводов национального гения, столь же выражающая суть нашего двадцатого века, как сущность предыдущего обозначилась антиномиями Пушкина и Гоголя, Толстого и Достоевского. Набоков и Платонов, дух изгнания и дух эпохи, кажется, воплотили в себе две крайности загадочной русской души — соблазн своеволия и грёзу о соборности. Они противоположны по всем параметрам: утончённый эстет — убеждённый аскет, ироничный эгоист — суровый альтруист, благоразумный циник — добросовестный фанатик, виртуоз языка — послушник речи, ностальгический космополит — патриот утопии, et cetera — и так далее...

Наверное, синтез этих столь несходных ипостасей национального менталитета в одной личности дал бы явление нового гения, который сумел бы нам объяснить нас самих, пребывающих в начале нового века в мучительном душевном разладе. К сожалению, надеяться на это трудно. Классику теперь вообще любят мало, притом платонически, в плане приобщения к ней довольствуясь экранизациями, а уж Платонов и Набоков, как наиболее сложные для понимания авторы, наименее востребованы в нашем духовном обиходе. Почему так? — может быть, основную причину нелюбви к себе назвал сам Набоков:

меня страшатся потому,
что зол я, холоден и весел,
что не служу я никому,
что жизнь и честь мою я взвесил
на пушкинских весах, и честь
осмеливаюсь предпочесть.

28 апреля. Письмо от сестры. Нерадостное. Кроме личного, в нём продолжение разговора о том, что касается всех: *Меня удивляет, когда с пафосом говорят о будущем России, закрывая глаза на реальное положение дел; давай, пересчитаем наше потомство...* Мне нечего возразить её аналитическому уму и математической логике. Если взять за основу послевоенное поколение, нас, Ермаковых, трое: сестра и два брата; у трёх супружеских пар, то есть шести родителей, уже только пятеро детей; в следующем поколении, на уровне внуков, наш общий генный вклад — лишь два человечка, мальчик и девочка. *Кто же,*— спрашивает сестра,— *будет защищать российские просторы от напора извне — мой единственный аллергический внук*? Сестра живёт на

Урале, и горный хребет, отделяющий Европу от Азии, видится ей в предчувствии надвигающейся беды ненадёжной дамбой, отделяющей Русь от разлива Великого Китайского моря, вышедшего из своих исторических берегов. И эта нарастающая тревожность перед грядущим не от слабости нервов, а от силы обстоятельств. Синдром Кассандры...

Наша державность, как ни велик её потенциал, неуклонно убывает как цивилизационная возможность, несмотря на укрепление государственных институтов и утверждение патриотических ритуалов. И далее будет убывать, словно шагреневая кожа,— потому что магическая сила русской пассионарности расходуется не на выполнение исторической задачи, а на исполнение желаний правящего класса, потерявшего всякую меру в стяжании благ земных. Дары природы и труды народа экспроприированы таким бездарным образом, что даже простое воспроизводство не гарантировано государством.

Что такое национальный демографический проект? — я не понимаю. Поговорили от стыда, да перестали. Пособие на второго ребёнка, распоряжение которым затруднено бюрократическими процедурами, кажется, мало вдохновляет молодых на семейный подряд. Когда с аналогичной проблемой столкнулись чехи, они установили такой порядок: каждая молодая семья получает в кредит квартиру; с рождением первого ребёнка списывается треть кредита, второго — ещё треть, а третий ребёнок покрывает долг полностью. Такое решение кажется само собой разумеющимся: если государство по природе своей есть способ самосохранения народа в истории, то любая политика, преследующая иные цели, не что иное как государственная измена.

29 апреля. В продолжение темы. Одна интеллигентная женщина, тяжело переживающая проблему с сыном, сказала растерянно: *У нас на улице из молодых ребят только четверо не сидели, да и то двое из них дефективные.* Улица, где она живёт, из коренных, и заселена старожилами. Отчуждение от опыта предков, на котором худобедно держался общественный порядок, оставляет новое поколение беззащитными перед угрозой нравственного хаоса. Кажется, что в стране идёт латентная гражданская война. Два незримых фронта: не красные и белые, не демократы и державники, не старые советские и новые русские,— в непримиримой схватке сошлись порядочность и подлость, и будущность нации зависит от исхода сражения.

Позиция подлости намного сильнее. В её распоряжении весь мировой опыт разврата и все природные ресурсы семи смертных грехов. Социально-экономический кризис — благоприятная ситуация для расширенного воспроизводства подлости. Грязные деньги, сконцентрированные в одних руках, достигают критической массы — и начинается неуправляемая цепная реакция распада сосредоточенного в них потенциала, сопровождающаяся выделением смертельно опасного излучения в окружающую среду.

Подлость вездесуща. На зоне обучается спецназ подлости — профессионалы насилия и волонтёры мрака. Оборотни в погонах — пятая колонна хаоса в силах порядка. Коррумпированные чиновники — двойные агенты, идущие на соглашение с подлостью и лоббирующие её интересы в государственных структурах. Продажная массовая культура, заражая цинизмом все информационные каналы, отравляет общественное самосознание и ослабляет волю к сопротивлению.

Единственный вид патриотизма, который надо утверждать и поддерживать в людях — это человеческая порядочность. Или, если угодно,— честь. Готов утверждать и отстаивать особое мнение по поводу патриотического воспитания народа, не совпадающее с официальным в самом важном пункте: в человеческой личности мы долж-

ны выделить как главную доблесть не военное мужество, а гражданское достоинство. То есть надо учить граждан призывного возраста (и всех иных возрастов тоже) не *отдавать честь*, а *иметь честь*. Для защиты Отечества сегодня нам в первую очередь нужны не обученные солдаты, а образованные граждане. Потому что третья Отечественная война, начавшаяся без объявления и продолжающаяся без обозначения линии фронта — гражданская. И поражение в ней подобно погибели.

8 мая. В Европе этот день, когда окончилась война, отмечается как День памяти и примирения. Памяти жертв войны. Считается, что погибло до 62 миллионов, из них 27 миллионов советских граждан. Сколько пало на самом деле, считая пропавших без вести, сгинувших в нетях, умерших от ран уже после войны — только Ты, Господи, веси! Снова и снова по весне поисковики отрывают старые окопы, доставая на свет Божий останки погибших солдат. *Вставай, вставай, однополчанин...* Едва ли одному из десяти удаётся вернуть имя. Кто остальные? — неизвестные солдаты. Великая армия неизвестных солдат, моральный резерв Главного командования.

С памятью жертв нам всё понятно. Как такое забыть? А вот с примирением не всё так просто. Конечно же, к нынешней Германии у нас претензий нет. Но что касается прошлого... с каким трудом удалось убедить ветеранов, чтобы они смирились с тем, что на территории России будут (за счёт германской стороны) благоустроены отдельные немецкие воинские захоронения...

Мне кажется, что даже в раю в этот день солдаты вермахта стараются не попадаться на глаза нашим бойцам. Конечно же, все фашисты попадают прямиком в ад, когда бы и как они не померли, но Бог наверняка простил мобилизованных бедолаг, замёрзших под Сталинградом и околевших в лагерях,— они ведь тоже жертвы той войны, хоть память о них темна и мучительна. Так что даже в раю... Хотя, как знать,— мне кажется, что мой отец, гвардии лейтенант Александр Ермаков (царствие ему небесное!), там уже не держит зла на тех фрицев, которых он положил со своим пулемётным взводом на боевом пути от Оки до Балтики, и даже на тех, кто прострелил ему лёгкое в 42-м под Козельском и берцовую кость в 43-м под Ульяново... наверное, там уже ничего не болит; разве только душа за нас, оставшихся здесь, и всё ещё уязвимых для страха, горя и злобы.

9 мая. Когда наступает ночь, в снящейся самой себе России ветераны Великой Отечественной снова и снова занимают боевые позиции согласно уставу. Пока они держат незримый мистический фронт, их дети, внуки и правнуки могут спать спокойно. Пока они живы, фашизм не пройдёт. Утром старики большей частью не помнят своих ночных сражений со смертью, и плохое самочувствие попросту списывают на перемену погоды и издержки возраста. Однако в каком-то высшем смысле каждое утро они возвращаются с войны. *Я не знал, что для тех, кто сражался, война никогда не кончается* (Курцио Малапарте). Однажды на рассвете, через полвека после Победы, отец закричал во сне и размашистым движением руки столкнул стакан с ночного столика. Смущённо и неохотно он рассказал свой сон. Рассвет застал его на передовой, и немецкий танк медленно и неотвратимо надвигался на окоп. И тогда он выскочил навстречу с последней гранатой...

11 мая. Когда пробегающий ветер нахрапом встреплет кроны отцветающих вишен, прохожих мгновенно обдаёт чудной ласковой метелью... не верится, что так бывает; не верится, что жизнь — за вычетом невзгод — так хороша сама по себе.

Вслед черёмухам покрылись нежной кипенью городские дички — яблони, вишни, алыча в детском парке. У меня под окнами заневестилась старая груша. А там

уже каштаны выставили по узорным канделябрам ветвей свечи розоватых соцветий. И всюду, где только можно, процветают одуванчики. Мягкие жёлтые капли тёплой солнечной плазмы щедро рассыпаны по городским газонам и обочинам всех наших путей. О, эти сорные цветы — они, как мы, выживают там, где до них в лучшем случае никому дела нет. Пора от первых одуванчиков до первых огурцов — лучшее время года. Всё ещё впереди! И всё живое стремится плодиться и размножаться — почками, ростками, плодами, детёнышами... Избыток любви веет в тёплом ветре и разносится инфекцией весёлого легкомыслия.

Маленький человечек, счастливый донельзя, носится как оглашённый под осыпающимся цветом и ловит летящие лепестки неловкими руками.

— *Маша! Маша! Перестань*!

— *Не хочу! Не могу*!

В голосе ребёнка столько восторга, а в укоризне мамы столько радости, что жизнь вокруг них очищается на расстояние видимости, и все, кто проходит по касательной к их простому бытию, невольно улыбаются. Что бы ни лежало на душе, нести это как бы уже чуть полегче.

Мне, по крайней мере, этой подзарядки хватило на день.

14 мая. В воздухе эпохи основным компонентом стала тревожность. Мир живёт в состоянии подавленной истерики, и в любой момент готов сорваться в панику. Пугает все — от свиного гриппа до экономического кризиса, от перманентного терроризма до предстоящего апокалипсиса.

Тревожность нагнетается средствами СМИ. Информационный повод номер один — катастрофы. Любого сорта; главное — количество жертв. Причём чтобы одновременно. Если две дюжины погибших в одном перевернувшемся автобусе, это информационное событие, а если то же количество жертв рассредоточено в десятке последовательных автомобильных аварий на протяжении одного дня и тысячи километров трассы, то вроде как ничего особенного и не случилось. Разве что местные новости оповестят в сводке дня.

А ведь люди, страдающие и гибнущие в одиночку, столь же несчастны. Если не более. Но их судьба — их частное дело.

15 мая. Всемирный день семьи. Вот уж не знаю, что это значит... Прошлый год полностью был годом семьи. Наверное, какие-то правильные решения были приняты, программы открыты и средства выделены. Но всё это далеко от действительности. А действительность драматична и проблематична.

Есть мнение, что семья отмирает как социальный институт. Современная цивилизация опирается непосредственно на личность, не связанную никакими традициями. А брак — это так, занятие на любителя. Хотите — оформляйте, хотите — живите, как вздумается. А можно даже, если свербит, заключать однополые браки. Если поглядеть из нашего далёка на красивую жизнь богатых и счастливых, то возникает представление, что главное в современном браке — это развод. Вот уж где страстей-то романтических! вот уж в чём человек может реализовать свою неординарную натуру!

Но это в мире гламура. А для простого человека, не рождённого для искусства скандалов, жизнь, как прежде, трудна и сложна одновременно. Простому человеку в одиночку не хочется и не можется. Ему хочется любви не столь красивой, сколь надёжной. И без детей он свой удел полагает неисполненным.

Нет, у нашей семьи прочный фундамент. И этот фундамент отнюдь не в поддержке государства. Скорее наоборот. Если позволено будет воспроизвести здесь старую ба-

нальность, семья — ячейка общества. Оправданием общего места в этом тексте может быть только необщее выражение заложенного смысла. А именно: семья — та минимальная социально-экономическая единица, в которой общество защищает свои высшие ценности от государства. В союзе двоих, расширенном потомством, воспроизводятся и передаются по наследству человеческие качества, которые не способны быть воспитаны ни улицей, ни школой, ни казармой. Любая анархия не окончательна и любая тирания не всевластна, пока у людей есть дом, где все друг другу — свои. Тоталитарное государство возникает там и тогда, где и когда государство начинает контролировать жизнь семьи, и в дом входит чужой, наделённый властными полномочиями.

16 мая. Кажется, сильная власть не может быть справедливой, а справедливая власть не может быть сильной. Дело справедливости прочно только в том случае, если оно движимо неумолимой логикой закона. В то время как наш свод законов — *тришкин кафтан*. Чтобы добиться справедливости, надо добиться поддержки в коридорах власти...

Наше нынешнее нищее величие есть торжество идеи над правдой и грамматики над прагматикой. В ходе новой централизации России восстановлена и укреплена вертикаль власти. Да, необходимость ремонта государственной машины была более чем очевидна. Вот только этот стержень не устанавливается как ось вращения маховика государства, а вгоняется как клин в трещину. Не зарастающую трещину меж людьми и начальниками.

Крепостная зависимость мужика от барина сменилась фактической зависимостью налогоплательщика от чиновника. В сильно облагороженном виде эта тенденция сублимирована как державная идея. Величие государства питается достоинством человека: чем священнее символы власти, тем легче принести им в жертву интересы каждого отдельного человека.

Власть, не осознающая вменённого долга, не имеющая внеположного смысла — не рациональная сила, а слепая стихия воли. Она накапливается, сгущается, развращается и порождает безумства. Кто сеет ветер, пожнёт бурю. И ещё одна мысль, которая, как мне кажется, может претендовать на статус афоризма. Или, если хотите, парадокса. Вот она: *Начальства много не бывает, но, сколько бы его не было — мало не покажется.*

21 мая. В этот день, посвящённый апостолу Иоанну, у меня окончательно вышел из строя компьютер. Памятуя, что Иоанн Богослов по статусу своему покровитель писателей, я взмолился об успешной перезагрузке — но тщетно. Набираю эти строки на редакционной машине и задним числом считаю, что надо было обратиться к Серафиму Саровскому, которого церковь выделила в небесные заступники физикам и программистам.

23 мая. Ностальгия — наркотическая зависимость сознания от минувших радостей. Лекарства от ностальгии нет, но искусство примешивает к нашей печали о себе странное наслаждение...

31 мая. Всемирный день без табака. Всей своей проветренной от дыма душой я выступаю за независимость человека от никотина. Люди, бросьте травить себя и вздохните свободно!

О, как я курил! — как сволочь... Смолить начал поздно (по нынешним временам) — в шестнадцать лет. Были годы, когда с утра, едва продрав глаза, я нашаривал

на тумбочке сигареты и спички, и, лёжа в постели, выкуривал первую сигарету. Потом стал оттягивать дозу хотя бы до завтрака. Но в каждой трапезе, как бы ни хороша была еда, самым главным моментом было её завершение: затяжка табака. Ел как насыщался, небрежно и наскоро, а вот курил со вкусом и с чувством... Пока не понял, что моё дело — табак: скверная привычка незаметно перешла в унизительную зависимость организма от чёртова зелья.

О, как я отвыкал! — в муках... Таким мрачным и злым я не был никогда прежде и, надеюсь, не буду впредь. Я огрызался на *здравствуй* и ощеривался на *прощай*. Я целый день ждал вечера, и всю ночь ворочался, не находя себе места. На улице чуял табачный дымок за десять метров и жадно, как голодный пёс запах мяса, втягивал в трепещущие ноздри наркотический ладан дьявола.

С тех пор, как двадцать лет назад, вдруг решившись, я выбросил в урну почти полную пачку Winston'a, не закурил ни разу. Разве что во сне,— но и тогда просыпался от стыда и гнева. По жизни я нахожу не так уж много поводов гордиться собой, но этим своим подвигом горжусь без ложной скромности. Жаль, что житейский опыт не передаётся словами убеждения. Даже в самой логоцентрической стране.

1 июня. Это ж надо было такое придумать! — *Международный день защиты детей.* Наверное, кто вышел с этой инициативой, руководствовался благородными намерениями: наличие повода в календаре позволяет дополнительно выделить средства из бюджета на разные хорошие дела, но... День защиты детей по определению подразумевает, что наш мир относится к ним враждебно.

Если посмотреть неприглядным фактам в лицо, так оно и есть. Конечно, люди по-прежнему любят детей. (Нравственные уроды не в счёт, хотя их развелось без счёта.) Любят самоотверженно и нежно. Как заложено от природы. Как заведено от века. Как заповедано от Бога. Но вот ведь в чём парадокс — любим-то мы каждого по отдельности, а губим в общем и в целом. Давайте рассудим беспристрастно,— как мы устроили мир, в котором нашим детям надо будет устраивать свою судьбу? Не будем говорить об экстремальных обстоятельствах, хотя экстрим у нас становится нормой жизни. В нашей тихой повседневности столько чёрствости и жестокости, что тревога за детей стала наиболее существенной частью родительской любви. Слишком много вокруг случается плохого. Впору в школьную программу вместо невнятного курса *основы безопасности жизни* с первого класса вводить *уроки практического выживания...*

Конечно, не мы начали историю. Прежним поколениям доставались под проживание ещё худшие времена. Но критическая разница видится в векторе эпохи: если наши предки, унаследовав человеческий удел, старались по мере возможности передать его своим детям в лучшем виде, то мы, кажется, оказались коллаборационистами. Современное общество пошло на негласное сотрудничество со злом, тихой сапой захватившим нашу эпоху,— в обмен на сладкие сны разума и бытовые удобства. Комфорт, конечно, дело хорошее, да ведь сны разума, как известно, рождают чудовищ.

Бросьте запугивать,— скажет не в меру нервному автору благополучный, благонамеренный и благоразумный обыватель,— *вот ещё Кинг доморощенный; откуда явиться чудовищам в нашу благоустроенную эру?* Ну можно ли быть такими наивными! Вам не надо далеко ходить, чтобы увидеть чудище воочию: загляните в зрачки своего ребёнка, когда орёте на него благим матом, срывая собственные неприятности и скрывая свои подавленные страхи.

Самое отвратительное и постыдное дело — обмануть доверие ребёнка. Сердце сжимается, когда видишь, как радостно дети вверяются прекрасной иллюзии игры.

И не подозревают, что завтра праздник кончится, и уже никто не защитит их от окружающей действительности.

6 июня. Пушкинский день России. Двунадесятый праздник русского духа. Сказал же Гоголь о Пушкине, что в нём дан образ русского человека в его развитии, каким он явится через двести лет. Прошло больше... Увы. Но мы, утратив веру в онтологическую обоснованность даже (страшно сказать!) самой русской идеи, на Пушкина не устаём надеяться. И, будьте покойны, не устанем,— пока в нас есть воля к национальной жизни.

На свете счастья нет, но есть покой и воля...

По милости судьбы я появился на свет в день стопятидесятилетней годовщины со дня его рождения. И этот случайный факт, пустой и ничего не значащий, с младых ногтей является предметом моей смешной гордости. Дежурный врач, принимавший роды, сказал матери: — *Назови его Александром,— может, станет поэтом.* (*Ну уж нет,*— подумала мать,— *муж, Александр, пьёт,— и сын, глядишь, пить будет...*) И меня назвали как назвали. Так рассказывала она сама. Но на вопрос, почему тогда Александром нарекли младшего сына, только разводила руками: *сама не знаю...* Пьяницей я всё же не стал (хотя, что уж скрывать, удручённый русской тоской, порой ходил по краю),— а всё-таки (вопреки здравому смыслу) стал поэтом. Неважно, что громкой славы на этом поприще не сыскал; не в этом дело.

Доволен ли ты сам, взыскательный художник?

Нет, не доволен; но — пишу, пишу и пишу, убеждённый, что в занятии поэзией есть нечто, облагораживающее человеческую природу. Гарантом тому — Пушкин.

РУСТАМ ТУХВАТУЛЛИН

ПИСЬМА ДРУЖБЫ

о жизни и творчестве татарских писателей в советское время

В прошлом 2012-м году я с группой Альметьевских писателей и журналистов побывал в Арском районе. Мы посетили «Арский музей литературы и искусства». На втором этаже музея в одной комнате расположены стенды, посвящённые Гарифу Ахунову и Рафаилу Тухватуллину. Их портреты висят на противоположных стенах. Уже много лет два друга смотрят со стены друг на друга и улыбаются. Их дружба продолжалась при жизни более сорока лет, продолжается она и после их смерти и в стенах музея, и в дружбе их детей. Я дружу с Наилёй Ахуновой, мы часто на разных мероприятиях рассказываем о своих родителях, встречаемся, созваниваемся, переписываемся в Интернете, участвуем в работе клуба «Династия», в который входят потомки известных татарских писателей. И именно по совету Наили я написал эту статью, перевёл на русский язык переписку Гарифа Ахунова и Рафаила Тухватуллина из архива Рафаила Тухватуллина и дал несколько своих комментариев, ведь наши родители дружили семьями и я очень хорошо помню удивительную атмосферу этой дружбы.

Гариф Ахунов и мой папа Рафаил Тухватуллин были земляками, ровесниками и настоящими друзьями. Папа родился в 1924 году в деревне Яңа Иябаш (Новый Иябаш), примыкающей к деревне Тукай-Кырлай, где Г. Тукай провёл несколько самых памятных детских лет, а Гариф абый родился в 1925 году в деревне Кече Училе (Малое Училе), которое находилось недалеко и от деревни Тукай-Кырлай, и от родной деревни мамы Г. Тукая — Училе, где жил и дед Тукая и где зимой 1911–12 годов некоторое время жил и сам Г. Тукай. Поэтому Рафаила Тухватуллина и Гарифа Ахунова можно назвать близкими в географическом плане земляками Г. Тукая. И Рафаил Тухватуллин, и Гариф Ахунов, когда учились в школе, встретились с писателями: у папы в школе в 1937 году преподавал татарский язык писатель Нәфикъ Ягудин (репрессирован в том же 1937 году), а к Гарифу абый в школу примерно в этом же году приезжал писатель Әхмәт Гыймадов (погиб на фронте в 1943 году). Эти встречи оставили в душе деревенских мальчишек неизгладимый след: «Встреча с живым писателем, пишущим стихи и рассказы, и даже печатающим их в книгах, оставила у нас очень сильные чувства», — пишет Гариф Ахунов в автобиографических рассказах «Мы ведь из Арских краёв»: «Ой, даже подумать страшно. И всё же... Что случится, если и я попробую написать? И из меня... Об этом подумать ещё страшнее... И из меня тоже может получиться писатель? Запала искра в душу», — пишет Рафаил Тухватуллин в своей автобиографической повести «Ягодные поляны».

В архиве Рафаила Тухватуллина есть письма Гарифа Ахунова и черновики ответных писем папы, начиная с 1954 года по 1994 год, то есть переписка длиною 40 лет.

Г. Ахунов, Р. Тухфатуллин, А.Маликов, г. Альметьевск, октябрь, 1962 г.

Кроме этого есть несколько статей друг о друге в газетах и книгах, есть записи о Гарифе абый в дневниковых записях папы «Минуты раздумий».

Дату, когда очно познакомились Гариф Ахунов и Рафаил Тухватуллин, в документах и воспоминаниях я не нашёл. Скорее всего, в начале 50-х годов, когда Гариф абый начал работать в редакции журнала «Совет әдәбияты» (Нынешнее «Казан утлары»). Но заочно они познакомились ещё в 40-е годы. Вот как пишет о Рафаиле Тухватуллине Гариф Ахунов в своей книге «Мы ведь из Арских краёв»:

«... В 1948-м году он опубликовал первый серьёзный рассказ «Сталинградцы», в том же году его рассказ «Одноклассники» завоевал приз в конкурсе на лучший рассказ и очерк.

Так начался путь Рафаила в литературе. Я это хорошо запомнил потому, что в то время я ещё ничего не опубликовал, публикация для меня была несбыточной мечтой, несколько моих первых проб пера были решительно возвращены из редакций...»

Ниже приведу письма Гарифа Ахунова Рафаилу Тухватуллину и несколько ответных писем папы Гарифу абый в хронологическом порядке.

Друг Рафаил!

Прочитал твоё письмо с запозданием. Ездил в деревню — в командировку. Написал что-то вроде очерка об одном колхозе — участнике Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, занимающимся разведением рыбы. Пусть и с запозданием, пишу ответ. Письмо твоё очень обрадовало. Раз живёшь среди трудового народа, материал находится. Давай, ты его быстрее заканчивай и приезжай в Казань. Прочитаем. Только, малай, такое дело. Гумер абый ещё не приехал с отдыха. Приедет не раньше, чем через два месяца.

Потом, ты всё забываешь о моём задании. Очень прошу, напиши, пожалуйста, нам очерк про МТС. В журнале нет ничего об этом. Как дела с твоей повестью? С ней тоже не затягивай.

С тем, что ты отдал на конкурс, соглашаюсь, стиснув зубы. Как работник журнала, я смотрю и с этой стороны.

Твой рассказ «В летний зной» войдёт в 9-й номер. Габдурахман абый и Кашшаф абый прочитали, им понравилось. У Гази абый есть одно замечание: бабушка Хаббениса остаётся безнаказанной. Вот так. Я ему ответил: «Тогда рассказ затянется, нарушится сюжет».

Ладно, сейчас до свидания. Поговорим, когда приедешь.

С горячим приветом: Г. Ахунов. 27.08.54.

Друг Рафаил!

Письмо твоё прочитал с удовольствием. Очень обрадовал, малай. Раз так, значит, сбылось моё желание: у тебя ведь есть привычка любить нас. В течение какого-то полугода у нас печатается третий твой рассказ. Твой «Новый магазин» очень полюбили. Сания, Гульшат всё время рассказывали. Значит, этот рассказ для нас.

Я сейчас сажусь его читать. Однако не хватило терпения не написать до этого тебе письмо. Разделяю твои переживания насчёт семейных проблем. У самого такие же проблемы — уже два месяца не могут прописать. Попал на какого-то бюрократа. Два месяца не мог взять в руки повесть. Сейчас, как и ты, хлопочу о дровах. Надо окна замазывать. Жена хочет устроиться на работу, ребёнка надо определить или в ясли, или к няньке.

Однако я помню о словах Макаренко. Он умный дядя — не советовал вешать носа из-за бытовых неурядиц. Писать, писать! Жизнь ведь проходит, и не заметишь.

С тем, что ты решил переделать повесть в цикл рассказов, я согласен, так как в рассказах ты лучше плаваешь. А ведь пишущих рассказы у нас мало (я имею ввиду хорошие рассказы). Мирсай Амир, например, мастер рассказа, а роман получился затянутым, вялым. К тому же и читатель любит рассказы, ведь хороший рассказ бывает коротким, образным, законченным. Его читаешь сразу — будто пьёшь воду. Так красиво начато. Увлекает.

Когда прочитаю рассказ, напишу подробнее. Пока до свидания. Жене передай большой привет. Не вешай носа. Напиши-ка нам один очерк. Опять убедительно прошу о людях МТС.

С наилучшими пожеланиями и приветом Г. Ахунов. Редакция. 3.09.54

Надо сказать, Гариф Ахунов и Рафаил Тухватуллин не только хвалили произведения друг друга. Бывало, и высказывали немало критических замечаний, и не обижались на критику. Это наглядно видно из следующих трёх писем.

Рафаил!

Письмо, которое я написал 3.09, решил отправить только сегодня, через неделю. Когда читал рассказ, начал сердиться. Правду сказать, 9 страниц прочитал с удовольствием. Возражения начали сгущаться, углубляться. И пьяница председатель, и весёлый Ильяс предстали перед глазами живыми людьми. В третьем разделе ты помчался.

(...далее на двух страницах Гариф абый изложил свои конкретные замечания и предложения по рассказу...)

Моё тебе пожелание: ты должен свой рассказ за десять дней пересмотреть. К десятому номеру не успеешь. А ты скажешь: «Ага, замечательно, а я должен положить зубы на полку?»

Я, дорогой, эту сторону обговорил с Сибгать абый. На месте Баширова пока он работает. Сибгать абый решил войти в твоё положение. То есть помочь тебе из молодёжного фонда. Эту мысль поддерживает и наш редактор. Потому что, когда обком проверял 7-й номер, твой рассказ «В новом магазине» очень похвалил С. Батыев (секретарь Татарского обкома КПСС, будущий председатель Верховного Совета ТАССР с 1960-го по 1983 годы — примечание Рустама Тухватуллина). Сказал — хороший рассказ. Значит, в нашем журнале твой второй рассказ имеет успех. В успехе третьего рассказа «В летний зной» я и не сомневаюсь.

А четвёртый?! Если мы его так напечатаем, или, как ты сказал, напечатает «Молодой сталинец», это уменьшит уважение к тебе. Поэтому не пожалей 10 дней. Рассказ доработай и пришли к нам.

С этим письмом высылаю обратно твой рассказ. Как только получишь это письмо, напиши на имя правления Заявление и вышли мне письмом. Не вздумай скромничать. Напиши, что уже напечатано, над чем сейчас работаешь (упомяни и про наш заказ — будущий очерк про МТС), всё покажи. Чётко напиши про трудное материальное положение. Если тысячу дадут, живот не лопнет.

С наилучшими пожеланиями и уважением Г. Ахунов. 10.09.1954.

Здравствуй, друг Гариф!

Сегодня принесли 9-й номер. Прочитал твой рассказ «Озёра». Хорошую вещь написал ты, малай, прочитал с удовольствием. Знаешь, что больше всего радует? — Язык очень красивый, поэтому я обрадовался. Это настоящий народный язык, язык нашего Заказанья, вырастившего нашего Тукая, Башира ага. Пусть и повесть твоя будет читаться с такой же радостью, это мои от всей души благие пожелания, друг мой!

Но всё же, как говорится: «Язык и любить заставляет, язык и обжигает», ты меня и обрадывал, но местами твой язык заставил меня нахмуриться. Правду сказать, это и было причиной, заставившей меня взять перо и сесть писать тебе письмо.

В некоторых местах, как ты сам говоришь, «стремясь писать красиво», слова применяешь не к месту...

(...далее на двух страницах Рафаил Тухватуллин изложил конкретные замечания и предложения по рассказу...)

Возвращаясь к моим делам, в первую очередь скажу следующее: 20-го октября у меня родился ещё один сын. Дядя теперь отец двух сыновей, ноги вышли из борозды. Жена ещё в больнице, со старшим сыном сторожим безлюдный дом.

Рассказ «Неугомонность» к 12-му номеру, скорее всего, не успею подготовить. Но вскоре я закончу новый рассказ. «В тени забора» называется. Будто бы стараюсь некоторые теневые стороны нашей жизни осветить, поколотить. (Этот рассказ войдёт в цикл.) Новый вариант рассказа «Неугомонность» посадил в землю, если поспеет, пусть родится созревшим.

«Творчество и шаблон» не печатают, оказывается. Здесь поднялся приличный шум-гам. Я хожу, наблюдаю, улыбаясь в усы. Может, этот шум-гам даст материал для нового очерка? В планах есть и это.

У самого как дела? Какова судьба повести? Вопрос с пропиской решился?

Шахиде, сыну большой привет!

Пиши письмо!

С приветом, Рафаил.

Друг Рафаил!

Долго не мог написать тебе письмо. В редакционной суете день проходит быстро. Письмо всё откладывается на сегодня-завтра, сегодня-завтра.

Ладно, коротко — я твоё письмо получил, прочитал с большой радостью. Настроение поднялось, ведь ты написал, что тебе понравилась моя вещь, похожая на очерк. Я тебя знаю как искреннего человека. С твоими замечаниями полностью согласен — со стороны оно виднее, друг!

Если ты, друг мой, будешь почаще и побольше показывать подобные недостатки, было бы очень здорово, потому что я всегда буду вспоминать твои замечания, применяя слова, подобные «разъярённый».

Если мы не будем думать друг о друге, старшие не будут особенно заботиться о нас.

Сейчас о тебе. Ты, наверное, читал открытое письмо Фатиха абзый. Написано очень тепло, с хорошими пожеланиями. Мне так показалось. Как на тебя подействовало, не знаю. Но он насчёт «Магазина» ошибается. Это его очередное сумасбродство... Недавно было собрание Союза писателей, посвящённое журналу «Совет әдәбияты». Там тебя очень подняли, Гази Кашшаф, Салих Баттал и другие как раз защищали твой «Магазин». Сказали, что Хусни абзый не прав. Так что, не теряйся, хочу сказать. Там сказали: «Фатих Хусни своим авторитетом может направить молодого писателя по ложному пути». Вот так.

Ещё скажу: двенадцатый номер выпустили, готовим новогодний номер. Напиши конкретно, что собираешься написать в 1955-м году. Это нужно для включения в план. В этом году у нас материала много. В портфеле уже два романа, две повести. Я пока тебя включил в план под названием «Рассказы о деревне...» Когда предложишь конкретную вещь?

Можно сказать, что я закончил повесть. Сижу, печатаю на машинке. После Московского съезда думаю отдать на проверку. Праздники, можно сказать, провели хорошо. Вы как?

Пока до свидания, жене большой привет. Пиши письмо!

Уже соскучился, с приветом: Гариф Ахунов. 17.11.1954.

P.S. Сегодня 150-ти летие университета. Большие торжества. На торжественный вечер и мне достался один билет. Говорят, со всего Союза будут гости. Как пройдёт.

В 1955-м году Рафаил Тухватуллин был принят в Союз писателей, а в 1957–1959 годах он учился в Москве на Высших литературных курсах им. М. Горького. В это время у него возникло желание переехать жить с семьёй в г. Альметьевск. Причин было несколько, это тема отдельного интересного рассказа. Об этом желании он сообщил Гарифу Ахунову, который в это время уже жил в Альметьевске. Гариф абый горячо поддержал это желание.

Друг Рафаил!

Письмо твоё получил. Намерение твоё очень хорошее. Сейчас надо приступить к конкретным делам. Прежде чем обговаривать твой квартирный вопрос, у нас на руках должно быть твоё заявление. Напиши: Председателю городского Совета Закирову Усман Закировичу от такого-то писателя — Заявление. В заявлении напиши: где сейчас находишься, когда приедешь, состав семьи — всё это напиши. Сам знаешь, такие дела ведь делаются на официальном уровне.

Ладно, официальная часть письма вроде кончилась. Рашиту, другим товарищам, спрашивавшим о нас, — большой привет. Я, как курица на насесте, сижу дома, работы по горло. Когда пришло твоё письмо, как-то стало веселее. То, что решил приехать сюда — ещё лучше. В Альметьевске сейчас очень весело, здесь есть все-все, город непрерывно растёт, дома стали строить четерёхэтажными. Насчёт работы — где будешь работать — об этом пока сказать не могу. Штат городской газеты заполнен. К осени достроят Дворец Культуры. Там думают выделить отдельную комнату для нашей литературной организации. Я сам никуда на работу не устроился, что пишу, тем и питаюсь. С одной стороны — это тяжело, когда ежемесячно не получаешь деньги. Но, если не бить баклуши, простенько жить можно. И писать много времени остаётся. Может быть, если жена устроится на работу, согласишься временно на такую жизнь. Впрочем, ещё посмотрим эту сторону вопроса. Не вздумай отказаться от мысли приехать сюда. Здесь есть Сает Кальметов, Адип Маликов, Фазыл Мостафин и другие товарищи. Я сам, например, про Казань сейчас и не вспоминаю.

Твоя семья большая, верю, что удастся получить трёхкомнатную квартиру.

Что громишь? Напиши поподробнее. С повторным приветом: Гариф Ахунов. 23.02.59.

Здравствуй, друг Гариф! Март 1959 года.

Начнём с рассказа «На перекрёстке дорог». Понравился мне рассказ. Поучительный, нужный рассказ, учит нас раскрывать глаза на разную бесполезную суету и ненужный мусор в жизни.

Один маленький совет-замечание. С первого же абзаца пишешь «Мой товарищ Саляхи». Исправь, пожалуйста, на «Мой муж». Иначе читатель может подумать, что

речь идёт о двух молодых парнях. Я и сам так подумал. А Чехов ведь очень ругал подобные недоразумения в тексте. Не будем забывать об этом!

Дальше ты пишешь: «Наверное, Тегзиме апа вышла замуж, чтобы не оставлять сиротой маленького ребёнка». Сам подумай: это ведь неправильный мотив. Одинокие женщины с детьми, когда выходят вторично замуж, очень хорошо чувствуют, какой будет отчим для её детей, это ведь у народа идущее издавна природное чутьё. В этом случае одинокой женщиной, может быть, руководит какой-то другой мотив. Подумай глубже, по-моему — именно так. Поэтому, это предложение тоже исправь непременно.

Эти замечания на первом листе. Потом уже рассказ притянул к себе, и я подобные мелочи перестал замечать.

И ещё одна практическая мысль. Надо бы рассказ перевести на русский язык и напечатать. Быстро мне напиши, не начали ли Соня или ты работать в этом направлении. Я потом возьму на себя организацию перевода и издания в «Дружбе народов». От учёбы в Москве появилась одна польза — в этом журнале теперь мои слова довольно часто проходят.

Теперь перейдём к моему вопрсу. Я и не думал отказываться от своего намерения переехать в Альметьевск. Но только квартирный вопрос беспокоит. Ты мне писал, что беспокоишься о работе для меня. Эта сторона вопроса меня не так сильно беспокоит, за свои семнадцать лет трудового стажа достаточно испытал и горькие, и сладкие стороны жизни, может, поэтому мне пожить один-два года, работая только пером? А дальше видно будет.

Заявление посылаю. Если по нему немного начнёте дёргать струны, было бы неплохо.

Дни мои проходят в учёбе. Особенно много не пишу. И повесть движется медленно. Однако в эти дни, кажется, отодвинув повесть, родится новый рассказ. «Сочинение», называется. (Примечание Рустама Тухватуллина: рассказ «Сочинение» был премирован в 1959-м году на конкурсе журнала «Дружба народов» как один из лучших рассказов о современности.)

С приветом, Рафаил.

Также большой привет Шахиде, сыну, знакомым.

Друг Рафаил, здравствуй!

Наверное, дожидаясь от меня письма, глаза твои заржавели. Извини, по некоторым объективным причинам не смог тебе быстро написать письмо. Дело вот в чём: в тот день, когда пришло от тебя письмо, Закиров (председатель горсовета) уехал в Казань на сессию Тат. Верховного Совета. Через пять дней пришлось уехать мне в Казань, там я пробыл две недели. Вот так мы и разошлись.

Насчёт квартирного вопроса не беспокойся, заявление твоё я отдал. Усман абзый (Закиров) посмотрел, сказал, что к лету обязательно дадим. При этом присутствовал из обкома Булат Гиззатуллин (он сейчас там начальник отдела), перед Булатом дал слово. Сказал, что после окончания учёбы придётся месяц подождать. Квартира будет трёхкомнатной. Ты доволен этому, или тебе нужно четырёхкомнатную?

После окончания учёбы приедешь в Альметьевск, пока один. Поживёшь пока у меня. Моя квартира сейчас очень увеличилась — трёхкомнатная, 60 кв. метров. 4 апреля дали новую квартиру, до этого была двухкомнатная. Я тоже, пока ждал квартиру, месяц жил у Мостафиных.

У нас начальники верные своему обещанию, держат данное слово.

Афзал абый о тебе разговаривал в обкоме (Примечание Рустама Тухватуллина: Афзал Шамов — предс. Правления СП Татарстана 58–61 гг.). Руководитель отдела промышленности Князев одобрил твой переезд в Альметьевск.

Союз сначала тебя хотел отправить в Челны. Там будет строиться большой химкомбинат, строится такой же крупный город, как Альметьевск. Они, видишь ли, там

хотят организовать ещё один литературный центр. Я сказал: сначала давайте укрепим один центр. Афзал абый со мной согласился. И Фазыл Мостафин, и Сает Кальметов, и Адип Маликов очень обрадовались твоему решению переехать в Альметьевск. Не вздумай передумать.

Кстати, Адипа приняли в Союз, сейчас нас двое членов Союза. С твоим приездом нас будет трое. Где-то в мае собираются принять Саета — вот нас будет четверо. Потом в сентябре поставят вопрос перед Союзом писателей РСФСР об открытии отделения в Альметьевске (с начала 1960-го года). Там будет одна штатная единица — секретаря правления.

Заканчивается строительство очень красивого Дворца Культуры с очень большой сценой. Там хотят выделить одну комнату для писателей.

Припеваючи заживём, друг мой.

В эту поездку Казань мне не понравилась. Показалась очень пёстрой, тесной. И воздух неживой. У нас с этой стороны — простор, ведь природа — исключительная!

Теперь о творчестве.

Большое спасибо за твои тёплые слова о рассказе («На перекрёстке дорог»). Очень обрадовал, друг мой. Я ведь твему вкусу очень верю. В своё время про очерк «Озёра» ты уже сказал своё тёплое слово, вернее, порадовал длинным письмом. Ты говорил о переводе на русский язык. Поскольку я не пытался издаваться на русском языке, не очень то и верю, что это получится. Никуда не отдавал и не обращался. Вообще-то, тот рассказ в Казани полюбили. И. Гази и А. Еники специально приходили поздравлять. Они до этого не признавали меня как автора рассказов и об этом сказали мне прямо.

Написал новый рассказ «Новые привычки Хазбулата». Полюбили. Сказали, что напечатают в 4-м номере, спустили в производство. И сборник мой прошёл редактирование. Редактировала Сания, душу вынула, из десяти листов осталось шесть. Очень требовательно подошла. Злее стали сейчас редакторы, малай.

Вроде я тебе писал о драме «Чулпы җыры» (чулпы — накосник — лента с монетами, которую женщины вплетали в косы, җыр — песня. Примечание Рустама Тухватуллина). Будет читаться в Казани в министерстве культуры. Дали высокую оценку. Участвовали М. Амио, Р. Ишморат, Ш. Сарымсанов, Н. Гайнуллин и другие. У всех мнение положительное. Сибгат абый написал текст песен, Н. Гайнуллин написал музыку, Альметьевский театр готовит постановку.

Вот у меня такие дела.

Нашу драму, написанную вдвоём с Фазылом Мостафиным, хотят поставить к пятнадцатому апреля.

Пишу всё о себе и о себе. Это ведь получается, что я хвалюсь? Да ладно, ты, как друг, не обидишься. С этими вещами пришлось очень долго ходить. «На перекрёстке дорог» напечатали только через год и три месяца, наша драма пролежала в Академическом театре почти два года — и, как только после томительного ожидания повеяли тёплые ветры, — не удержался написать о моей радости.

Ты в своём письме написал о рассказе «Сочинение». Мне знакомо это название. Ты о нём говорил при одном разговоре. Как идёт? Не закончил ещё? И повесть твою очень жду. А когда приедешь к нам, будут горы материала для рассказов. Нет, ты не думай, что только о нефти. Удивительные истории, удивительные люди есть здесь. Мастерства только не хватает, малай. К тому же я сейчас начал очень тяжело писать. Не хочется писать только для печати. Потихоньку вроде начал вникать в секреты мастерства. Вот приедешь окончательно, поговорили бы вдоволь. Ведь у произведения, кроме обычных читателей, бывают и по-дружески, от всей души требовательные читатели. Вот поэтому я жду тебя с нетерпением. Читали бы мы произведения друг у друга. Выходили бы в поля. Очень красиво жили бы, кажется.

О квартирном вопросе буду постоянно узнавать. Верю, что будет!

Ладно, друг, утомил я тебя, вроде.

Желаю успехов в учёбе, в творчестве.

С приветом, Гариф Ахунов. 8.04.1959.

Большой привет тебе от Шахиды. Также большой привет от друзей — Фазыла, Адипа, Саета.

Ответное письмо напиши как можно быстрее. Если кто меня спросит — передай привет.

В ноябре 1959 года Рафаил Тухватуллин переехал с семьёй в Альметьевск и началась уже очная дружба. Писатели дружили семьями, особенно подружились три семьи: Гариф Ахунов и Шахида Ахунова, Рафаил Тухватуллин и Разина Тухватуллина, Адип Маликов и Сажида Сулейманова. Дружили и мы — дети. Позже в Альметьевск переехал и Гамил Афзал с семьёй. Праздники, дни рождения отмечали вместе. Писем стало меньше, и они стали короче — ведь они и так часто виделись. Вот несколько очередных писем в хронологическом порядке:

Дорогие друзья Рафаил и Разина!

Из города Альметьевска, от всех нас вам большой привет. Также детям, родителям от меня передайте большой привет.

Сами мы отдыхали в деревне 25 дней, загорели на солнце, приехали 25-го июня. В деревне не написал ни одной строчки и не прочитал ни одной строчки (слава Богу!). Наладил у мамы забор, ел свежий творог, очень понравилось: и не похудел, и не поправился. Настроение хорошее, вернувшись домой, чувствую себя здоровым. Сел за работу, засучив рукава. Сижу с «Тихим Доном», идёт очень ходко, оказывается, соскучился по литературной работе, к началу сентября закончу, наверное. Ещё осталось около 150-ти страниц.

Соскучился по вам. Здесь сейчас, если не считать Саета, никого нет. Адипы возле Уфы, Фазылы — отдыхают в Первомайске, Хамит абый — на гастролях. Никто не приходит, Шахида — в редакции, я дома один-одинёшенек.

Твоё поручение я на почту передал, пока переводов не видно, твои книги, высланные из Москвы, я получил (две связки), лежат на тумбочке. «Если поступят деньги — до августа не высылайте, он сам приедет»,— сказал я им на почте. Вот так вот.

В начале сентября нас — Альметьевских писателей — вызывают в Казань, оказывается. Письмо пришло. Там говорится — для проверки сборника «Мы живём в Альметьевске». Пока вот такие новости.

Жду, чтобы вы весело-шумно приехали здоровыми, как медведи, загоревшими, как чугунки.

С повторным скучающим приветом: его светлость Гарифжан Ахун.

15.07.1960.

Друг Рафаил!

Тебе, Разине и детишкам большой привет.

Я устроился хорошо. Так называемое «Переделкино» расположено, оказывается, в очень красивом месте. Каждый день 2–3 часа гуляем по лесу. Аппетит хороший, кормят замечательно, так что настроение бодрое, желудок сытый; себя начал чувствовать, словно месяцами отдохнувшим. И литературная работа идёт очень хорошо, каждый день пишу не меньше трёх листов. К моему возвращению у меня в рукописи будет не меньше 50-ти листов, значит, на машинке — 75 листов.

Здесь большинство народа с большим носом, бездельников нет. Спокойно. Радуюсь, что приехал сюда.

Сами как? Повесть что делает, повесть? Братишка Рустам выздоравливает? Наших не видел? Им тоже передашь большой привет.

С наилучшими пожеланиями: Гариф Ахунов.

Москва, Переделкино. 31.10.1960.

Друг Рафаил! P. S. Кумыкский писатель Солтанов, лакский писатель Юсупов (детский поэт) велели передать тебе много-много приветов. Они тебя знают, сказали, что вы вместе учились.

Гариф Ахунов был очень жизнерадостным, весёлым человеком, умеющим шутливо рассказывать о серьеезных делах. Следующее письмо только подтверждает эту черту Гарифа абый.

Отрывки об Альметьевских делах.

Братец Рафаил!

Тебе, Разине куме, братишкам Рустаму и Мансуру и сестрёнке Фариде от нашей семьи горячие приветы.

Письмо твоё получил.

Твои замечания насчёт первого отрывка я полностью учёл во втором отрывке. Увидишь. У него будет название «Әсмагөл». В этом отрывке уже будешь находить другие недостатки. Таким образом, 5-й отрывок у меня получится идеальным. Прочитав, что ты вывел меня «Плохим разсказчиком», хорошим писателем, я чуть не упал с края стола, радости моей не было предела. Если так почаще будешь меня хвалить, я буду всё расти, надуваться и... в один из дней лопну (Как лягушка-зазнайка!) А сейчас за твои радостные слова расскажу тебе новости.

1). Режиссёр Габдулла абый Юсупов очень хвалил твою повесть «Звезда моя». (Вроде, я тебе об этом говорил, виноват!)

2). Вышла рецензия Р. Галима — хорошая. (Ты уже читал, наверное, виноват!)

3). К Адипам приехала мама в гости. (Адип нас приглашал в гости, угощал. Я не пил!)

4). Брат Фазыла Назыйм и мой свояченик Наиль заночевали одну ночь в Альметьевске. (Жена ворчит, деньги, мол, кончились.) Видишь ли, после моей поездки в Казань мы должны съездить на свадьбу в Елхово. Уже подарки закупили (жена не может меня упрекать, не может!)

5). Ваш сад-огород жив, поливаем (помидорные и огуречные грядки посылают вам привет!)

6). Саету Кальмету Мензелинск прислал деньги по договору. (Сает мне говорил, что придёт в определённый день, определённый час, пошутил, шайтан!)

7). «Дружба народов» мою рецензию публикует, оказывается, прислали гранку. А я его прочитал в тот же час и отправил обратно.

(Продолжение в следующем номере)

Г. Ахунов 14.07.1961 г. Альметьевск

Друг Рафаил!

Тебе, Разине и детям от меня большой привет. Хоть я и получил одно твоё письмо из Москвы, не успел тебе ответить, мотаюсь между Альметьевском и Казанью, ведь проводили семинар.

В Октябрьские праздники пять дней ждал жену, с этими хлопотами не удалось поздравить вас с праздником. Не могу сказать, что, получив твою поздравительную

телеграмму, очень сильно радовался и не знал, что делать от радости. Наверное, задержалась в пути, не дошла.

Слышал, что ты вернулся из дома отдыха помолодевшим, похорошевшим. Очень обрадовался за тебя, друг мой.

Возвращаясь к себе, скажу: тяну лямку службы. Роман закончил, передал в редакцию. Два парня прочитали: зав. отдела прозы и Малик Хамитов. Сказали, что хорошо читается. Настроение поднялось. Из твоих замечаний исправил в нужную сторону большую вещь — про делегата от крестьян Шавали абзый. Сегодня рукопись взял Ф. Хусни, через день-два возьмёт Сибгат абый.

Однако... как говорится, как женился, ночь стала короткой, Гумер абый и И. Гази закончили свои романы. Я оказался между двух КИТов. Чувствуешь? Только терпи, брат!

Об остальном поговорим, когда вернёшься.

1-го декабря день рождения Шахиды. Засучиваю рукава, чтобы вернуться и провести.

Опять передаю много приветов, с наилучшими пожеланиями

Гариф Ахунов. Казань. 24.11.61.

12 января 1967 (из дневниковых записей Р. Тухватуллина «Уйлану минутлары» (Минуты раздумий)).

С Гарифом вышли покататься на лыжах.

— Я проходил на лыжах 50 км. Ты как?

— Нет,— ответил я,— самое большее — проходил 10 км.

Вернувшись, вспомнил этот разговор и пришла в голову такая мысль: наверное, чтобы написать роман, нужна такая выносливость, как в беге на лыжах на такие расстояния. Я же, не бегавший на лыжах более 10-км, одолев повести, не мог дойти до романа. (Рафаил Тухватуллин — инвалид Великой Отечественной войны с тремя осколками в голове, всю жизнь мучился от сильных головных болей — примечание Рустама Тухватуллина.)

Твой лыжный след. 17.09.—1975, газета «Хезмэт байрагы»

... Были январские дни 1962-го года. В один из очень красивых дней, когда тихо падал хлопьями снег, мы вдвоём с Гарифом Ахуновым вышли покататься на лыжах в городском парке. Оба мы только встали из-за письменного стола, голова тяжёлая, тело разбитое. Однако зимний морозный воздух и лыжи на ногах очень быстро оказали свои целебные свойства. Наперегонки, с шутками, бегаем на лыжах. И всё же, пробежав два-три круга вокруг парка, я начал задыхаться. Я встал, оперевшись на лыжные палки, чтобы отдышаться, а Гариф быстро пробежал мимо меня, весело крикнув: «Давай, не отставай!»

А в это время снегопад усилился и покрыл лыжные следы белым ватным одеалом.

— Пора домой? — сказал я, когда Гариф, пробежав круг, вновь приблизился ко мне.

— Нет ещё, малай, ведь день какой чудесный! Давай, больше здоровья накопим в теле,— сказал Гариф и покатил дальше, оставляя лыжный след по свежевыпавшему снежному покрову.

С тех пор уже прошло немало лет, а эта картина со своим символическим смыслом часто предстаёт перед моими глазами: по свежевыпавшему снегу, прокладывая новую лыжню, свою лыжню, неутомимый лыжник стремится вперёд, только вперёд, дыхание глубокое, выносливости и терпения достаточно у лыжника.

Да, чтобы проложить свой след в литературе кроме природного таланта очень нужны терпение, выносливость, умение работать.

Я не сразу понял, где Гариф абый научился так хорошо бегать на лыжах, и только когда прочитал его автобиографические рассказы, всё стало ясно. Гариф абый пишет:

... Мы, дети из деревень Малые Училе, Каенлык, с первого класса ходили в школу в деревне «Красный көтек». Если измерять напрямую, расстояние было около трёх километров. Но мы напрямую не ходили. На самодельных лыжах из дуба с утра бежим в поле. Снежный наст твёрдый, волнообразный, лыжи всё время разъезжаются. Мы, несмотря на это, знаем себе — бежим, кто первым спугнёт из-за снежных волн зайца, тот — самый счастливый человек. А когда мы росли, зайцев в полях было очень много.

Так Гариф абый 7 лет каждый день зимой ходил в школу на лыжах в соседнюю деревню, так как в его родной деревне Кече Училе было всего 13 домов, а после раскулачивания осталось всего 9 домов.

Гарифа абый я помню хорошо, ведь наши семьи дружили. Я запомнил его весёлым, шумным, находчивым. И когда я недавно прочитал его автобиографические рассказы, поразился, каким трудным было его детство. Уже в 6 лет он остался без отца, которого убили кулаки. Мама осталась одна с 4-мя детьми, младший брат вскоре умер. Жили очень бедно. Особенно меня поразил и восхитил один эпизод: закончив 7 классов в школе, Гариф абый поступил в Арское педагогическое училище. Вот что пишет об этом сам Гариф абый:

Вскоре моя радость омрачилась.

В один из дней директор педучилища собрал нас, вновь поступивших, в коридоре и, осмотрев ноги у каждого из нас, сказал:

— Запрещается ходить в педучилище в лаптях. Наверное, у ваших родителей есть возможность купить вам ботинки.

У меня, росшего без отца, не было возможности купить ботинки. Даже когда я со слезами умолял маму, она мне не обещала прямо сейчас купить ботинки, сказала, когда подморозит, зарежем и продадим одну овцу, и тогда купим ботинки.

Я, скинув лапти, до самых морозов ходил в училище босиком, и никто не мог ко мне привязаться, что я хожу в лаптях.

Вот так Гариф абый нашёл выход из безвыходной ситуации. И дальше по жизни он преодолевал все трудности и стал Народным писателем Татарстана.

В 1968-м году Гариф абый с семьёй переезжает в Казань.

Привет из Альметьевска, Гарифжан! Попробую послать одну вещь. Это один из памятных рассказов «Ягодных полян», написанный с большим шагом вперёд. Пока пришло вдохновение, решил написать. Не мог бы его напечатать хотя бы в петитном наборе?

В наши ряды пришла новость: «Гариф в издательстве издал новую повесть». Пусть принесёт удачу и дойдёт до душ читателей!

И я тоже закончил одну вещь, для рассказа длинноватая, для повести — коротковатая. Называется «Акбүз ат», объём — не более трёх листов. Вот, ознакомлю своих товарищей и вскоре направлю к вам. Сами мы в шуме-гаме, что не хватает — растягиваем, если хватает — благодарим Бога, живём шумно-тихо.

Гульшахиде большой привет и новых творческих успехов! Тебе тоже самых больших успехов!

Р.Тухватуллин. 11.01.73.

Дорогие друзья: Рафаил и Разина!

Мы вернулись в Казань живые и здоровые. В душе всё ещё живёт Альметьевск. Мы уже выспались, усталость прошла. Захотелось взяться за работу.

Вот поэтому мы решили написать несколько слов о своих чувствах.

Праздник оставил очень приятные чувства. (Имеется в виду 50-летний юбилей Рафаила Тухватуллина — примечание Рустама Тухватуллина.) За почтение, угощение, светлые лица, гостеприимство большое спасибо.

Пусть 1974-й год принесёт Вам и детям только хорошее.

Обнимаем, Шахида, Гариф.

14.01.— 1974 Казань.

Ниже приведены два последних письма Гарифа абый и папы в архиве.

Дорогой друг Рафаил!

Меня очень обрадовало твоё письмо о второй части моей книги «Дочь Волги» и твоя оценка. Спасибо тебе, что не остался нейтральным. И пожелание твоё я понял. Если этой моей основной книге, которую я писал многие годы, уготована долгая жизнь, как «Кладу», я поправлю те места, которые нужно поправить (с помощью пожеланий друзей).

«Клад» в прошлом году принёс мне ещё одну большую радость: его издали на казахском и туркменском языках. А ведь он — плод наших Альметьевских лет. Поэтому он мне очень дорог. Если посчитать, это 14-е издание «Клада» (только на русском языке он увидел свет 5 раз).

Я уже получил более 10-ти писем о второй части книги «Дочь Волги». Все благодарят, пишут, что я освежил в памяти наши трудные годы. Их мысли совпадают с твоими.

За твоё письмо, за то, что обрадовал меня своей оценкой романа, пусть тебя обрадует Бог. Ещё раз спасибо тебе.

Семьям Гамила, Адипа, Ахату передай много приветов. Дяде Хамиту с семьёй тоже. Остальным сам передашь, как знаешь. Шахида передаёт тебе, Разине и детям много приветов. Будь здоров.

С уважением Гарифжан. 14.03.1987 г., Казань.

Надо сказать, последние годы Рафаила Тухватуллина были очень тяжёлыми и трагичными. В начале 90-х годов ничего не печаталось, всё писалось в стол (в том числе его последняя повесть, которую он писал восемь лет). Его сильно мучили головные боли от немецких осколков в голове, он пережил два инфаркта. В 1993-м году трагически погиб сын Мансур. Сын Азат стал инвалидом. Несмотря на всё это последнее письмо Рафаила Тухватуллина своему другу очень тёплое, он не жалуется на жизнь.

Здравствуй, друг Гариф!

Пока я всё ходил с мыслями — «написать бы это письмо, надо написать!» — прошли дни и недели. Причина, как говорится — собачьему брюху не подходит топлёное масло, — в том, что мой юбилей прошёл удивительно красиво (сверх моих ожиданий!). Человеку, оказывается, вредит излишняя похвала, излишнее чествование, после тех торжеств заболел я, не осталось сил взять в руки перо. (Имеется в виду 70-летний юбилей Рафаила Тухватуллина, на который приезжал Гариф Ахунов. Это была последняя встреча двух друзей. Примечание Рустама Тухватуллина.)

Сегодня я, слава Богу, сел за стол.

Нет у меня прав не сказать те слова, которые хочется сказать, а слова такие: то, что ты приехал на мой юбилей, расшевелил свои старые кости, как молодой парень, — это было мне как солнечный луч на солнечном луче. Радости моей не было предела.

Тысячи раз спасибо тебе за это, Гариф малай!

Как подумаю, никогда не приходило в голову, что доживу до этих дней. Удивительно, я ведь в октябре сорок четвёртого уже распрощался с жизнью. На всю жизнь я тогда запомнил, когда в голову будто дубиной ударил осколок снаряда, я посмотрел вокруг и подумал: вот где, оказывается, твоя смерть. После этого, когда я очнулся в палатке санбата, вдруг подумал: «Нет, оказывается, не погиб я ещё», — эта мысль навсегда заострилась в моей памяти. После этого невозможно сосчитать, сколько раз ко мне приходили мысли: «вот она, моя смерть», «нет, жив ещё, оказывается». Тысячу раз благодарю Бога, что дал мне возможность увидеть эти дни.

Пусть сбудутся самые лучшие, добрые мои пожелания тебе, Гарифжан. Оставайся всегда таким же по-молодому энергичным, весёлым, живи тысячу лет! Пусть Бог даст тебе здоровья!

Шахиде ханум много-много моих приветов, пусть сбудутся мои ей самые красивые пожелания! Рашиту, Наиле, зятю много-много приветов! (Если помнят, мы однажды встречались в Малеевке.)

Когда я писал это письмо, в дверь постучались. Открываю дверь и вижу: стоят три девушки, одна другой краше. «Абый, поздравляем с Днём защитника Отечества!» — сказали они, подарили мне вышитое полотенце и ушли. Пока я растерянно приглашал их выпить по стакану чая, мои ангелоподобные девушки исчезли. «Эх, если бы был Гариф, он нашёл бы нужные слова и не отпустил бы таких красавиц без чаепития», — подумал я, почесав голову. Ну что же поделаешь, не дал мне Бог такую находчивость.

К этому добавляется ещё одно грустное воспоминание. Когда ты с Ринатом приехали в Альметьевск, мне домой позвонил Разим. Разина, услышав эту новость, начала беспокойно ходить: «Эх, позвать бы их на чай, хотела испечь перемячи, да тесто не поднимается». Выходя из дома, я спросил: «Поднимается твоё тесто? Пригласить гостей?» — «Нет, и не думает подниматься, не позорь меня, пожалуйста». Что бы случилось, если бы, не послушав её, мы заявились втроём? Даже если бы тесто не поднялось, выход бы нашёлся, в памяти остались бы интересные воспоминания... Я, дырявая голова, не смог это сделать, о чём очень жалею, малай.

Ладно, затянул я, пора ставить точку. Надо написать ещё одно письмо, начну. И его я напишу с запозданием. Перед юбилеем пришло письмо от Аяза (имеется в виду Аяз Гилязов — последнее письмо папы было ему. Примечание Рустама Тухватуллина). Очень дружеское, искреннее письмо. Надо ответить.

Ещё раз с приветом и добрыми пожеланиями

Р. Тухватуллин. 23.02.1994 г.

Через полгода после этого письма сердце Рафаила Тухватуллина остановилось. Он этим письмом и благодарил своего друга, и извинялся, и прощался с ним. Как хорошо, что на трудном жизненном пути папы был такой настоящий друг, как Гариф Ахунов. Думаю, мы с его дочерью Наилей откроем ещё новые неизвестные страницы этой замечательной дружбы.

ДАНИЯ ЛОБУЗНАЯ

МНОГОЦВЕТЬЕ БЫТИЯ

Несколько лет назад в интерьере гостиной моей пензенской квартиры случайно составилась незатейливая композиция. В Париже, в сувенирном киоске Эйфелевой башни купила я небольшую вазу, в простое стекло которой впаяна узкая металлическая стрела — миниатюрное изображение самой башни.

Потом была поездка на мою малую родину, в село Карино, или по-татарски Нухрат, Кировской области. Там не была я полстолетия. Эта поездка перевернула душу, стала самым значительным событием последних лет. Сорвала я, бродя по ржаному полю на краю родной деревни, несколько колосков овса и ржи на память о родине. И, разбирая багаж по возращении, машинально вставила их в ничем не занятую парижскую вазочку.

Позже, стирая пыль с многочисленных сувениров, привезённых из моих странствий, сострила перед дочерью: «Париж и Нухрат в одном флаконе!»

И внезапно поразила меня мысль, простая и щемящая: в этих деталях спонтанно возникшего натюрморта замкнулся мой жизненный круг. Колоски с краснозёма родного поля под Вяткой и вазочка «от Эйфеля» сложились сами собой в символы моей так разнообразно прожитой жизни.

Всё яркое, увлекательное, я бы сказала светское — это парижский сувенир. Всё драматическое и грустное — колоски родного поля.

И я ощутила: прожитое рвётся из меня наружу, может быть, оно покажется интересным моей подрастающей дочери и другим людям тоже.

Вернувшись из сибирской ссылки в сорок девятом году в родной Нухрат, наша большая семья оказалась без дома. Он был разобран односельчанами на дрова в военные годы.

Взрослые братья и сёстры сразу после смерти отца разъехались по стране в поисках судьбы. Сания уехала в засыпаемый каменноугольной сажей городишко Кизел Пермской области. Мы с мамой, старый да малый, мыкались по родне, но когда у сестры родился первенец, переехали к ней. Несколько лет провела я в этом шахтёрском посёлке на Северном Урале.

Незабываемы барачные будни. Жильцами крошечных барачных отсеков были недавние защитники Родины, объявленные вождём предателями. Это был полуГУЛАГ. Отапливались бараки каменным углём, который мы отковыривали кирками на крутых склонах отвалов, куда вагонеткой вывозили из ствола шахты остатки руды с углём. Для угля нам понадобился сарайчик, который вскоре и купили за бесценок.

Под его дощатым потолком, в расщелине, обнаружила я тогда книгу, завёрнутую в пожелтевшую газету. Она открыла мне целый мир. Рассказы о Париже, писателях и художниках ввели меня в неведомую, сказочную страну. До этой книги я знала лишь мир ссыльных Забайкалья, нищие будни Вятки и чутко вздрагивающий по ночам от кованых сапог энкавэдэшников барак. Читала я книгу тайно от матери, перепуганной на всю оставшуюся жизнь десятилетней ссылкой отца. Несколько раз перечитанная, она стала главным событием моей начинающейся жизни. Я поняла, какими удивительными людьми населена земля, как интересно можно жить, как увлекательно чтение.

С тех пор мемуары стали моим любимым читательским жанром. И позже, будучи взрослой, читая чьи-либо воспоминания, я ловила себя на мысли, что писать о прожитом так же увлекательно. Но на осмысление быстротекущих лет не хватало времени. Их вихрь вился и вился, закручиваясь в тугие будни и цветистые праздники, полные событий, работы, приключений и любви.

После отставки мужа, капитана дальнего плавания, мы покинули наш любимый Мурманск. К этому времени на пензенской земле был уже построен особняк в красивейшей лесной деревне и куплена большая новая квартира в городе. Но на границе с Мордовией мой норвежский язык, титулованный когда-то первой переводческой категорией, конечно же, оказался невостребованным.

Из-за внезапной и резкой перемены в жизни началась бессонница, и по ночам в памяти стали вплывать события минувших лет, самые яркие её эпизоды. Вызрело желание писать. И я решилась на визит в местное отделение Союза писателей России. В весенний день 2005 года оказалась в просторном офисе писательской организации.

Непринуждённая атмосфера, доброжелательное отношение к новичкам успокоили меня. Я перестала волноваться и начала время от времени читать свои литературные опыты. Старалась понять тайны стихосложения, с интересом читала стихотворные сборники пензенских поэтов и вскоре выпустила свой поэтический сборник «Встреча».

В одном из стихотворений были строки о многоцветье бытия. «Многоцветье бытия,— повторяла я без конца.— Многоцветье бытия».

И как-то ночью, лёжа без сна, поняла, что именно они были единственно верными, так полно и точно определяющими цвет моей жизни. Замечу, что многоцветье не исключает и чёрного — цвета горестей и драм, и жёлтого — цвета разлук и тоски. Так из одной строки родилось то, чему хочу посвятить истончающее время. «С Богом!» — говорю я себе.

Не знаю, сколько мне лет, может быть, пять. Я плыву под водой с закрытыми глазами, боюсь, что вода попадёт в них. И — открываю их нечаянно, вижу под водой, пронизанной лучами танцующего солнца, волшебный мир из хрустальных цветных шаров. Он повергает меня в изумление. Не сплю ли, может, это всё во сне?! Такое многоцветье! Почему же раньше я так не плавала? Из интереса смыкаю веки на секунду и оказываюсь в розоватом и однообразном мире за их пеленой. Теперь я плаваю только с открытыми глазами в этом мире красок, хрустального сияния и подводного лета так долго, насколько хватает моих сил.

Это была моя первая игра в многоцветье. И каждый раз, спускаясь к голубой чаше Байкала, стоящей на белом блюде огромного песчаного берега, я слышала, как замирает моё маленькое сердце в предвкушении цветного блаженства...

Было в моей детской ссыльной жизни и языковое многоцветье. Место ссылки отца — бурятское становище Томпа — ныне затоплено из соображений «великой переброски сибирских рек». Отец прибыл сюда с тремя старшими сыновьями. Мама оставалась в Нухрате с младшими детьми до моего появления на свет Божий. Полугодовалым ребёнком покинула я родную деревню.

Хорошо помню стайку плосконосых и узкоглазых бурятских ребятишек, впервые увидевших «не свою», большеглазую, по их понятиям. Они обступили меня довольно плотным кольцом, смеялись, отчего вместо глаз у них оставались только щёлки. Галдели на непонятном мне языке. Самые смелые из них начали меня толкать, пытаясь повалить на песок. Я поняла, что надо выстоять: я одна, их много. На высоком берегу не видно ни братьев, ни мамы. Я отчаянно сопротивлялась, пытаясь по-татарски перекричать их глуховатый говор.

Как сказали бы сегодня, это был мой первый жизненный экстрим, и нужно было срочное и, главное, верное решение. Я быстро схватила горсть белого песка и начала его струить из зажатого кулачка. Почти не прерывающаяся нить его оседала, осыпаясь на мои самодельные чувяки из нерпячьей кожи, а я раз за разом, как заведённая, произносила родное, татарское «ак жирь, ак жирь» (белый песок). Непонятные слова и обезоруживающе спокойное струение песка каким-то образом угомонили аборигенов. Некоторые из них, пытаясь мне подражать, так же стали набирать песок, струить его, соревнуясь в ловкости. Постепенно успокаиваясь, начали повторять за мной непонятное, новое для них «ак жирь». Наступил мир, начались догонялки. Позже наши игры в песке назывались этими первыми для бурятят татарскими словами. Завидя меня на крутояре берега, где стояла наша изба, они кричали мне: «Ак жирь», что значило: «Айда играть в песок!»

Очень скоро я сама выучила немало слов чужого языка.

В наших отношениях наступила своеобразная сурдоэпоха. Очень многое мы объясняли друг другу жестами. Было удобно: язык жестов понятен всем. На нём мы «говорили» о многом, даже о размножении людей и животных. Но примечательно, что жесты всё равно сопровождались словами родного языка.

Однажды мои товарищи позвали меня в тайгу. На пляж они пришли, волоча незнакомый предмет, который издавал при ударах по кожаной гладкой поверхности не слышанные мной тревожные звуки. Потом я узнала, что это бубён. Ребята показывали чумазыми ручонками на стену леса, темнеющего за становищем. Предстояло что-то небывалое, и, плюнув на запрет мамы не уходить никуда с берега, я побежала в обход нашего дома к тропинке, по которой двинулись чуть раньше остальные.

Помню смоляной настой прогретого воздуха, тишину и обаяние тайги. Шли довольно долго по едва заметной тропинке и оказались на солнечной поляне. Меня поразило, что трава на ней вытоптана, не густеет, как между деревьями. Значит, здесь бывает много людей. Один из мальчиков, Обхой, остановился и приложил указательный палец к губам. Наступила мгновенная тишина. Он взял меня за руку и повёл к четырём соснам, растущим по углам почти правильного квадрата посреди поляны. Задрав голову, показал мне высоко в перепутанных ветках устроенный настил, с которого свисали яркие лоскутные ленты. Их было много, и развевались они от малейшего ветерка. Обхой подозвал ещё двух мальчиков и, воспользовавшись их спинами как приставной лестницей, ловко вцепился в первую толстую ветку, подтянулся на сильных руках и скоро стал невидим в зелёно-смоляном пологе ветвей. Чуть позже он появился в просвете сосновых сплетений и показал мне предмет, названья которому я тогда не знала. Это был человеческий череп, пустые глазницы которого смотрели на меня сверху. В жуткой улыбке щерились редкие жёлтые зубы.

Холодные мурашки поползли по моим рукам, ногам и спине, что-то шевельнулось в корешках волос и отозвалось дрожью в сердце. Предводитель бурятят поцеловал серо-белый, промытый дождями лоб черепа, так напугавшего меня, и исчез. Вскоре все сели в круг, оставив меня за его пределами, и начали, покачиваясь в такт обхоева бубна, что-то произносить. Было похоже и на песню, и на молитву. Потом по сигналу бубна все вскочили, образовали круг, и начался танец. Его ритмичные движения

помню и сейчас. Так впервые увидела я ритуальное захоронение местного шамана и обряд поклонения его праху.

Я не могла рассказать об этом дома, боясь наказания, но стала плохо спать, вскрикивать во сне, метаться по постели. Помню татарскую молитву, которую читала надо мной мама, обильно сбрызгивая меня водой. По выздоровлении домашние долго пытались узнать, где я была, что ела, что случилось... Я выстояла. И таёжное приключение оставалось моим секретом лет до двадцати.

На протяжении жизни несколько раз видела во сне: я снова в тайге, на поляне, почему-то одна, и череп с высоты улыбается мне своим жутким оскалом.

Охота зимой и рыбалка летом были главными делами отца и моих старших братьев.

Однажды Сулейман решил показать мне зимний Байкал. Мама, закутав меня в свою вязаную шаль с длинными спутанными кистями и натянув на двое шерстяных носков сестрины унты, проводила нас на давно скрепившийся прибрежный лёд Байкала. Брат вёз коловорот и другие снасти на лёгких санках с полозьями, подбитыми нерпой. Я неуклюже ступала по довольно глубокому, надутому сибирскими ветрами снегу. То и дело оглядывалась, следя за удлиняющейся цепочкой наших следов. С замиранием сердца видела, как отдаляется высокий заснеженный берег и становится игрушечной наша казённая изба. Брат вёл меня к мысу, из-за которого сказочной радостью появлялись летом редкие катера, пристававшие к дощатому причалу Томпы.

Оказалось, мне заготовлено удивительное зрелище. Слой надлёдного снега становился всё тоньше и тоньше. И, наконец, началась зимняя сказка: совершенно чистый и прозрачный лёд, на котором не было ни единой снежинки. Огромное ледяное зеркало неведомой толщины было настолько гладкое, что малейший баргузин позволял стоя скользить по нему, не разбегаясь и не прилагая никаких усилий. Скоро я смекнула, что можно сесть и так же ехать. Брат слегка подталкивал меня в спину, я стремительно скользила по хрустальному полю, пока он не сказал мне: «Ну, хватит, покаталась, а теперь ложись на живот. Прикрой сбоку лицо руками, чтобы солнце не мешало, и смотри в лёд. Увидишь рыбок». Я так и сделала. И то, что увидела я тогда, в лучшие минуты своей детской жизни, вспоминается до сих пор. Приглядевшись к кажущейся темноте льда, я увидела сказочное великолепие, подземное царство зимнего Байкала. Рыбы, казалось, жили за тонким стеклом огромного аквариума, вот тут, в нескольких сантиметрах от моего лица. Одни сновали в разных направлениях, другие неспешно скользили по огромному залу своего ледяного дворца. Большие рыбины, более метра длинной, едва шевеля плавниками и лениво, медлительно покачивая хвостами то в одну, то в другую сторону, царственно двигались, рассекая пугливые стайки мелкой рыбёшки. То и дело стрелой пронзали хрусталь зимней воды серебристые омулята. Прыснула стайка хамсы. Величаво двигался одинокий таймень. Мне думается, что он тоже заметил меня, потому что замедлил своё плавное движение как раз под моим лицом, замер на секунду, потом двинул хвостом и не спеша, вельможно тронулся в одному ему ведомый путь.

Чем дольше лежала я над этой бездной, тем явственнее виделся мне её подводный мир. Даже красновато-зелёные перламутровые немигающие глаза рыб были хорошо видны. Ничего подобного я не видела. Рыбача, отец и братья не привозили домой живой рыбы. И только однажды они поймали полутораметрового тайменя, который никак не хотел умирать. Он был единственным живым существом, страдальческие глаза которого, подёрнутые предсмертной пеленой, давелось мне увидеть в детстве. Мелкая рыбёшка, которую ловила я сама в тёплых заводях около берега, была не в счёт.

Вскоре Сулейман начал сверлить лёд. Коловорот выкручивал ледяную крошку, которая правильным конусом насыпалась вокруг лунки. Позже пешня проломила дно ствола, и хлынула вода. Не помню других снастей брата, но через час-полтора возле

лунки выросла горка рыбы, замерзающей на чистом льду. «Будет расколотка», — сказал Сулейман, сгребая затихших рыбин в кучу. Здесь было несколько омулей, название которым я уже знала, пара небольших тайменей и какие-то безымянные для меня рыбины, обитатели озера. Небольшой костерок то и дело захлёбывался от лёгкого хиуса*, но брат поддерживал его заготовленными домашними полешками.

Сноровисто он разбивал застывшие тушки обухом небольшого топорика. Рыба, рассыпаясь на звенящие от мороза куски, разлеталась по льду. Один из кусочков, посыпанных солью, получила я из рук брата. Губы на мгновение пристыли к белому мясу, это напугало меня. Но я не успела вскрикнуть, как внезапно оттаяли губы и я ощутила впервые стылую свежесть Байкала. Откусив немного этой необычной еды, почувствовала небывалую чистоту на языке, вкусный лёд и приятно жирную, подсолённую мякоть омуля. Забылось всё — я ела так называемую расколотку и всецело наслаждалась её вкусом.

Пройдёт много-много лет, прежде чем я посмотрю фильм Сергея Герасимова «У озера». Когда на экране начнутся кадры эпизода с расколоткой, я вновь почувствую приток слюны от желания повторить моё детское пиршество, вновь погружусь в наслаждение этим вкусом. Позже приходилось мне перепробовать много разной рыбы. Так было и в Египетской Александрии, где довелось побывать совсем неожиданно. Муж мой ходил тогда в море в Мурманском объединении «Севхрыбхолодфлот». Рейс предстоял длительный, более чем на полгода. Прощались на такое время. Но море порой вносит свои коррективы. Обнаружилась необходимость ремонта траулера, его ходовой части. Ближайшим портом оказалась Александрия. Стоянка немалая — пять-шесть недель. В результате длительных переговоров с Российским Консульством в Египте было получено разрешение для командирского состава экипажа оформить приглашения их близким и родным, желающим приехать в Египет. Нас оказалось шесть мурманчанок, готовых отправиться в ранее не планированное путешествие. Так оказалась я в древнейшем историческом городе Египта.

Но Александрия — и самый «рыбный» город древнего государства, где наиболее высокими ценами отличаются участки земли не в центре города, как это обычно бывает, а вблизи моря. Всё средоточье рыбной кулинарии — в портовых ресторанах и кафе. Изображения рыбы, самые неожиданные, на многочисленных рекламных щитах поразили нас. И пока мужья занимались траулером, мы отправлялись «на пробы». Владельцы кафе и ресторанов охотно зазывали нас, особенно в дневное время, когда клиентов бывало немного. Самым знаменитым на набережной был ресторан «Фараон», где мы и оттачивали свой кулинарный вкус. Здесь были все изыски морского промысла, сдобренные хитроумным восточным гостеприимством.

Много рыбных сюрпризов делали моряки судов, на которых ходил в море муж. Довелось попробовать и вяленых креветок, и особым образом приготовленного под прессом окуня без шкурки, который становится прозрачным, как янтарь, сквозь который видна каждая косточка более тёмного хребта; трески, сушёной на особом морском ветру, камбалы, завяленной каким-то колдовским способом. Да мало ли! Но ничто не перебило восхитительного вкуса расколотки из моего детства. И как мало впоследствии встречала я людей, знающих этот вкус! Если находились такие, они сразу становились близкими мне, отмеченными особой метой причастности к байкальскому зимнему лакомству. Я представляла нас заговорщиками, знающими никому не доступный секрет.

Воспоминания о забайкальских зимах моего детства неотрывно связаны с двухголосой утренней молитвой родителей. Случалось это раз-два в месяц, когда сквозь утренний сон слышала я прерывистый баритон папы и ровный речитатив маминого голоса. Со временем я поняла, что этот дуэтный намаз предшествует уходу старших

* Зимний ветер

братьев на нерпячью охоту. Он воцарял особую торжественность в доме. Часто некоторые из моих многочисленных братьев и сестёр уже просыпались. Но в такие дни сдерживали себя от детских шалостей, от хныканья, чтобы мама дала чего-нибудь вкусненького в постель ради баловства. Молились родители тут же, в большой половине избы, где на кроватях, палатях и русской печи спали их дети. Я была последышем в семье, но понимала, что Габдулла, Сулейман и Асхат идут на что-то опасное.

Промысел нерпы, действительно, был связан с определённым риском. Надо было многие километры прошагать по льду озера, волоча санки на нерпячьих полозьях, на которые ставилась утлая лодчонка. Её спускали на открытой воде в полынью, чтобы, лавируя среди расколовшихся льдин, подобрать добычу, не перевернувшись.

Помню белые одежды наших охотников, которые стирали старшие сёстры и вывешивали сушить на сибирские морозы и ветра на два-три дня.

Многое из этого охотничьего ритуала мама объяснила мне позже, когда жила уже в Мурманске, в моей семье, радуясь благополучию своей младшенькой. К моему большому удивлению, она сказала, что это был не только двойной намаз, но и, говоря сегодняшним языком, намаз двухчастный. Первая часть состояла из молитв с просьбой к Аллаху сохранить сыновей в здравии, вернуть их живыми-здоровыми. А вот второе моление, оказывается, содержало в себе мольбу простить охотников за то, что они убивают безвинных животных, тоже тварей Божьих.

Маскировка в белые одежды нужна была, чтобы перехитрить осторожную нерпу. И, действительно, принесённые с охоты халаты пахли только морозом и ветром. А моя обязанность состояла в том, чтобы при возвращении братьев развязать тесёмки капюшонов и помогать стаскивать халаты с их усталых плеч.

Несколько первых байкальских зим я и не догадывалась, откуда на санях оказываются две-три нерпы сразу. Ведь зимней ранью я, по малолетству, не провожала ребят даже во двор, засыпая под молитву или разговор родителей. Не видела, что они берут с собой ружьё, а при возвращении прячут его, видимо, на дне лодчонки. И только однажды, мне было тогда лет семь, я увидела на белом поле халата одного из братьев алые разлапистые маки. И догадалась обо всём... Я перестала, встречая братьев, гладить серебристые тушки нерп, просто уснувших, как я полагала раньше, и старалась избегать нерпячьего мяса под разными предлогами.

Но наступало лето. Оно приносило ягоды, которых на невысоких отрогах Забайкальского хребта было всегда много.

Сбор ягод в нашей семье считался «женской» работой и многие годы проходил под руководством Сании. Она была старше меня на четырнадцать лет, хорошо знала тайгу и безошибочно приводила нас на просторные поляны и солнечные косогоры, где вызревала земляника. Ведомы были ей и влажноватые, полуболотистые ложбины, где синела черника. Всюду росла суховатая, по вкусу и рассыпчатости напоминающая шиповник толокнянка. Было много малинников, возле которых мы находили иногда следы медведей.

Ягодная пора запомнилась мне ранними пробуждениями, утренним полушёпотом за чашкой чая с молоком, тихими наказами матери не терять друг друга из виду.

Старшие сёстры любили походы в лес и за возможность вволю посекретничать вдали от родителей и братьев. Заневестившиеся на жениховском «безрыбье» мои милые сёстры! Сание — двадцать лет, Назие — семнадцать. Теперь только, пройдя своей бурной женской стезёй, как я понимаю их! Им хотелось любить! В становище не было не только молодых татар, не было ни одного русского парня.

Однажды летом видела я, как мчались они к причалу, увидев вдали у мыса пятнышко катера и, кажется, вижу сейчас: присев на земляничном пригорке, шепчутся они, мечтательно улыбаясь и опуская ресницы.

В годы войны и после неё был роскошью сахар. Мама насыпала каждому из нас по одной чайной ложке сахарного песку прямо на чистые, ножом проскоблённые доски стола. Помню эту жёлтую поверхность, окаймлённую десятью-пятнадцатью белыми стопочками сахара. Мы макали в них ломти каравайного домашнего хлеба и запивали чаем. Это было блаженством!

На ягоды сахар не тратился. В ходу была сухая пастила, чаще кислая на вкус. Теперь я понимаю мудрость моих стариков. Эти листы пастилы были кладезем витаминов. Никто из нас никогда не болел, даже кашель и простуда в доме были редкостью. Становище существовало без фельдшера. Лучшим доктором была мама, умевшая заговаривать и сглаз, и детскую щетинку, и внезапную пропажу молока у малочисленных коров небольшого посёлка. Как жаль, что её давно уже нет в живых. Сколько моих вопросов к ней накопило убегающее время. Я спросила бы у неё, правда ли, что помогали заговоры и молитвы, как она не боялась принимать нередкие роды у буряток, почему разбухало молоком вымя ещё вчера больной коровы после её прикосновений. Как долго зрели во мне эти вопросы. Но каким же глухим тетеревом была я на своём благополучном жизненном токовище!

Однако возвращаюсь к пастиле, мучимая доселе желанием самой повторить этот рецепт.

Из леса нас, уставших, потных, с пересохшими глотками, всегда поджидала мама. Чаще всего ставила на стол кринку молока, которое мы с жадностью выпивали, ощущая, как оно холодным ручейком вливается в нас. Студилось молоко в леднике. Ледок байкальский целое лето являлся суперхолодильником.

Топилась баня, куда мы бежали все вместе, обливались там водой из озера, мылись. Старшие сёстры парились свежим веничком.

Разборка ягод, как правило, если это была не малина, переносилась на утро. Отец раздобыл где-то лист тонкой фанеры, слегка стянул верёвками, чтобы получился полуовальный желобок. Это простое и мудрое изобретение помогало быстро почистить несколько вёдер ягод. Поставив фанерный жёлоб наклонно, мы сыпали в него ягоды, и они быстрым ручейком скатывались в деревянные бадейки, а плоские листья, иголки сосны и пихты, весь лесной мусор оставался на наклонной плоскости фанеры. Затем кто-нибудь из братьев деревянной толкушкой давил ягоды, при этом обильно обрызгиваясь ягодным соком. В итоге получалась ягодная каша. Её тонким слоем наносили на разделочные доски и ставили сушить на солнце. Через несколько дней снимали сухие листы пастилы, закатывали в рулоны, как обои, и ставили на зиму в сухое место. С наступлением осенней хляби, когда в тайге осыпались прокисающие остатки ягод, мама ежедневно доставала лоскут какой-нибудь пастилы. Мы сосали её или пили с чаем, попутно вспоминая минувшее лето и наши приключения в тайге. Помню, что этих сухих витаминов всегда хватало до свежих ягод.

Не могу не сказать ещё об одном продукте, производимом на нашем томпинском дворе. Это картофельный крахмал, превращаемый мамой во вкусные ягодные кисели. Нынче, покупая изведённый красителями и ароматизаторами пакетированный кисель, наслаждаюсь уже только воспоминанием.

Во дворе стояли две большие бочки, залитые до времени водой. К моменту созревания рассыпчатой сибирской картошки они тщательно отмывались от зеленоватой тины, скопившейся за лето. Без воды бочки превратились бы в дощатое решето. Картошка промывалась несколько раз байкальской водой. Делали это братья, засучив выше колен штанины и энергично топчась в огромном чане. Заодно картофелины очищались от молодой полупрозрачной кожицы. Отец, мастер на все руки, сделал из листа кровельного железа несколько тёрок, продолговатых и удобных. Розоватыми тихими вечерами, когда уже не палило сибирское солнце, взрослые натирали десять-двенадцать ведёр свежей

картошки на этих самых папиных тёрках. Чистые проветренные бочки до половины заполнялись сырой картофельной кашей, которую потом заливали несколькими вёдрами воды. Содержимое перемешивалось. Крахмал оседал на дно, а пухлая бескрахмальная масса всплывала шапкой наверх. Её отжимали, она шла на корм корове и телёнку. Чем чаще менялась вода в бочках, тем белее становился оседающим на дно крахмал. Его высушивали на солнце и перекладывали в белые же хорошо простиранные полотняные мешочки. Вскипятив в кастрюле лоскут пастилы, а чаще несколько и разной, мама получала ягодный сок, на котором и варила кисель.

Кулинарно-производственные отрывки, которые описываю сейчас, помогают понять, что такое экологически чистые продукты, о которых совсем недавно начал шуметь современный мир.

Особой статьёй подготовки нашей семьи к зиме был сбор черемши — дикого чеснока, вкус которого позже я напрасно искала во всякого рода магазинных приправах. Он оказался неповторимым и ни с чем не сравнимым. И только в 1999 году, в год пятидесятилетия смерти отца, совершая туристическую поездку по местам ссылки декабристов (был такой маршрут), я нашла черемшу. Это случилось в Саянских горах. В однодневном формальном походе (разве можно узнать Саяны за один день!) мы остановились на привал в затенённой горами лощине. Внезапно я почувствовала до боли знакомый аромат, стала срывать по одному-два стебелька и нюхать их. И сразу слезами поняла, что нашла ту самую черемшу! Подошла к инструктору-проводнику. Спросила, не веря себе: «Растёт ли здесь черемша?»

«Кажется», — ответил он равнодушно. Этот поход был для него нелюбимой и малооплачиваемой работой. Подумаешь, не сказал, что здесь много черемши. Сами найдёте... К слову сказать, сами мы нашли и жарки, ни с чем не сравнимые по красоте дикие предгорные цветы ярко-оранжевого цвета.

Подготовка к сибирским зимам немыслима без засолки омуля. Бокастые полубочата, также сделанные отцом, ждали своего часа, когда рыба пойдёт на нерест. Дно нашей лодки в дни удачных рыбалок бывало покрыто икристыми, крепенькими тушками омуля. Неблагодарное это дело — словами описывать вкус его. Надо пробовать! Если бы меня попросили назвать только одно слово для его описания, я сказала бы «уникальный». Бочата стояли в леднике, постепенно к весне пустея. Оставался тузлук, вкусно пахнущий и жирно-тягучий. Мы, не научившись пить его, отдавали всё бурятам. Тузлуковый пир аборигенов сопровождался ритуальными песнями, восхваляющими добрых духов Байкала, выходом всего становища на берег озера, где зажигался костёр. Теперь мне думается — не отсюда ли моя непроходящая тяга к огню, к кострам всякого рода...

В упомянутой уже поездке по Сибири на несколько дней остановились мы в Листвянке, на берегу Байкала. Работники Лимнологического института, расположенного в этом посёлке, провели для нас экскурсию, рассказали о почти безысходной экологической ситуации. Быстро гибнет омуль — Братский целлюлозный комбинат сбрасывал свои отходы в воду Байкала почти неочищенными. Омуль стал даже здесь величайшим дефицитом.

Вдвоём с подругой, Галиной Витальевной Маркевич, педиатром из Вильнюса, мы рыскали по дворам листвянских старожилов в поисках «визитной карточки» Байкала. И очень не скоро удалось нам купить два хвостика «с душком» по цене норвежской форели. Для меня попробовать через пятьдесят лет байкальскую роскошь было почти ритуальным актом. Хозяин быстро отварил нам картошки, ловко очистил свою удачную продажу, и под стаканчик тёплой, из поселкового магазина, водочки вспоминала я папины полубочата.

В фотоматериалах той поездки сохранился слайд: удачно остановленная мгновением, моложавая в свои 49 лет, я сижу высоко на разлапистой ветке прибрежной сосны, а за моей спиной — необозримая даль Байкала и могучий горб Ольхона.

Фотографий моего байкальского детства никогда не существовало. Ни в нашей семье, ни в становище не было фотоаппарата. Мой первый снимок будет сделан в Слободском, районном городишке на Вятке, в сорок девятом году, после возвращения семьи из ссылки и после смерти отца. Пять немолодых, много переживших женщин в поношенной одежде, пять сестёр, пять вдов, и среди них — моя мама. Трое подростков, одна из них я, девятилетняя, с русой короткой стрижкой. Мы все смотрим в глазок нашего будущего. Папы уже нет в живых, как и погибших на войне четырёх моих дядьёв.

Многое определили в моей жизни обязательность и пунктуальность, качества, которые последовательно и сознательно воспитывали в нас родители лет с четырёх.

Однажды мы стояли с мамой и братьями на берегу. Ожидался катер. Вот он маленькой светло-серой точкой появился из-за дальнего мыса, едва отличаясь от бликов на воде. Для жителей Томпы приход катера был всегда событием. Сейчас уже не могу сказать, как в становище узнавали о его прибытии, но все, от мала до велика, кроме больных и сильно пьяных бурят, выбегали к причалу. И хотя знали, что пройдёт не менее двух часов, прежде чем из пятна вырастет на наших глазах судёнышко и пристанет к дощатому причалу, все ждали. Это был ритуал, объединявший аборигенов и нас, ссыльных.

В этот раз среди прочего в становище доставили стёкла для керосиновых ламп. Ссыльным выдавали их время от времени по ведомости, в которой те расписывались. Вместе со стёклами привезли и керосин, запах которого отчего-то понравился мне. Он резко отличался от всего, что обонял мой веснушчатый нос. Керосин пах неизвестным. Со временем таким же притягательным станет для меня запах бензина, которым я буду поить почти четверть века, одного за другим, трёх своих автоконей.

Однажды я услышала, как Сания, в обязанности которой входила чистка ламповых стёкол, сказала маме, что её рука уже не влазит в нижнее отверстие стекла, а рассыпающийся «ёжик» плохо чистит.

— Ну, что ж, доченька, тебе найдётся другая работа,— сказала спокойно мама и позвала меня каким-то заговорщическим голосом.

— Хочешь быть взрослой Данькой? — таким был ласковый вариант моего имени.

Мне хотелось быть взрослой. Что ни говори, им больше позволялось. Так, братья мои часто тёплыми вечерами сталкивали с берега погромыхивающую цепью лодку, в которой уже сидели сёстры, и, пробежав с засученными штанинами несколько шагов в воде, ловко впрыгивали в неё, быстро схватывали по веслу, раз за разом упирая их в прибрежное дно. Лодка начинала бесшумно скользить, вёсла вставлялись в уключины. Так, развлекая сестёр, отдыхали парни от повседневной нелёгкой работы по хозяйству. Мне же не разрешалось кататься на воде — я была маленькой.

Развернув лоснящуюся пергаментную бумагу, которой были обёрнуты ламповые стёкла, мама отложила её в сторону. Зрительная память сохранила удлинённую грушевидную форму стекла в маминой руке.

— Ну, а твоя ручка войдёт сюда? — и она надела на мою узенькую кисть поблёскивающий вытянутый конус стекла.— Как раз! Не забудь, чистить их надо каждый день, иначе мы не сможем ужинать.

Так я стала взрослее и получила постоянную домашнюю работу. Теперь, помимо добытчицы рыбы для кота, я стала хранительницей домашнего света, чем гордилась необыкновенно.

Мама, выполнявшая в становище миссию лекаря, была и самородком-педагогом, чутким и терпеливым. Как бы нечаянно, мимоходом, обмолвясь единым словечком, напо-

минала о новой моей обязанности. Менторский тон был чужд ей совершенно. Если наше детское непослушание огорчало её, она грустно замолкала, не отвечая на наши просьбы. Помню, что у меня со временем появилась привычка, не получая маминого ответа на вопрос или просьбу, быстренько пробегать в уме, что же я такого сделала, раз мама не слышит меня. Со временем это переросло в привычку самоанализа, иногда, к сожалению, переходящего в самоедство. Пристрастие просматривать, что сделано за день, научило меня правильно планировать следующий. И за это я благодарна матери!

В «ламповой» истории был и грустный случай, который меня многому научил. Лет шести я уже хорошо освоилась с таёжными полянами и томпинскими окрестностями. В лесу появились любимые места, особенно поляны в пору цветения багульника. Его одурманивающий запах казался мне бездонным. Я могла сидеть у куста подолгу, любуясь цветами.

Солнце висело над вершинами сосен. Пахло настоем смешанных трав, теплотой испаряющейся смолы, бисеринки которой поблёскивали на тёплых стволах. Удобным розово-бежевым ложем мне послужил камень-валун, выходящий из земли неподалёку от багульника. Я прилегла на него и почувствовала приятное тепло, потом свернулась калачиком и уснула. До сих пор помню неземную, какую-то пьяную лёгкость этого сна, радостную музыку птичьего хора, которая мягко и плавно вливалась в меня. Видела много сиреневых цветов, похожих на багульник, потом стала сама цветком, на который садились диковинные сиреневые птицы. Когда очнулась и открыла глаза, увидела звёзды, небо, которое кружилось и летело. Чьи-то сильные руки несли меня сквозь звёздный галоп. Потом было много-много тёплого молока, молящиеся голоса то матери, то отца. Иногда я слышала явственно надрывное его дыхание, которое становилось таким только в минуты сильного волнения. Иногда перед моими глазами плыла лента времени, на которой светло-сиреневые точки сменялись густо-лиловыми чёрточками. Это была смена дня и ночи. Так прошла неделя между жизнью и смертью, как сказала мне мама, когда я повзрослела.

После полного выздоровления меня мягко и необычным образом наказали за столь драматический уход из дома и неисполнение обязанностей. В тот злосчастный день, когда я уснула на камне, стёкла ламп остались не вычищенными, и три вечера, благо, что это было летом, когда огонь нужен только на исходе суток, вся семья сидела без света. Отец хотел, чтобы я почувствовала неудобство тёмных бдений и осмыслила всё происходящее. Безотказно и безукоризненно до самого отъезда на Вятку чистила я стёкла ламп. Это был хороший урок. Делая две служебные карьеры, постоянно помнила о трёх вечерах без света.

Воспоминания о семье продолжают согревать меня. В трудные минуты рядом встаёт отец, всегда с доброй, чуть страдальческой улыбкой. Мамы не стало в семьдесят шестом. И оказалось, что мне, взрослой и успешной женщине, хочется иногда стать маленькой и снова утонуть в материнских ладонях или уснуть у отца на руках...

Якуб был старше меня только на три года, но тяготел к старшим братьям и сёстрам, словно нуждаясь в их постоянной защите. Он не стал моим товарищем по играм, тем более — моим защитником. Тихий, молчаливый, он, казалось, рождён был для страдания. Как и отец, был болен астмой. Якуб не смог перенести сильного воспаления лёгких и навсегда остался в Сибири. «Ламповая» эпопея протекала в сотрудничестве с ним. Глядя на мои руки, отец сказал однажды:

— Нет, дочка, фляжку с керосином тебе не поднять. Этим займётся Якуб.

Сейчас, вспоминая этого мальчика, думаю, что решение отца поручить заливать керосин в лампы больному сыну было последней надеждой стареющего папы вырвать его из лап предстоящей смерти. Тогда бытовало мнение, как позже рассказала

мне мать, что пары керосина могут излечить астматическую одышку, если болезнь не запущена и организм молод.

Почистив все три стекла, я помогала брату: приносила лампы в чулан, где стояла жестяная, с толстым спаечным швом посредине и узеньким, рюмочкой, горлышком, трёхлитровая самодельная канистра. Я отвинчивала головку каждой лампы, выкладывая фитиль с влажным хвостиком на старую тарелку, вынесенную в чулан за ненадобностью. Якуб поочерёдно наклонялся над каждой лампой, держа в дрожащих руках фляжку. Иногда керосин разливался на деревянный пол чулана маслянистым, быстро испаряющимся пятном. И чуткий к запахам, как каждый астматик, отец, конечно же, улавливал витающие в воздухе пары пролитой жидкости. Но мы ни разу не получили от него замечания за эту оплошность. Теперь я понимаю, почему. Около двух лет Якуб «заведовал» керосином, но это не помогло несчастному брату.

Когда его не стало, я боязливо заходила в чулан одна, и мне долгое время казалось, что он тихо появится сейчас передо мной с перекошенным слегка плечом, неся в правой руке канистру.

Но он почему-то никогда не появился даже в моих снах. Иногда мне думается, что он не жил, а случайно попал не на свою планету, лишь тенью пройдя по её краю...

Отцу было поручено заготовительной конторой Усть-Баргузина принимать от томпинских охотников шкурки соболей. «Соболиная» история также связана с нашим домашним чуланом.

В становище было несколько стрелков, от которых отец особенно любил принимать соболя. Это были, говоря сегодняшним языком, снайперы, которые убивали зверька выстрелом в глаз, не портя ненужным отверстием дорогостоящий меховой соболиный чулок. Среди этих стрелков была и женщина. Уже не молодая, она представлялась мне Бабой-ягой. Седые жёсткие волосы её, казалось, были сделаны из алюминиевой гнутой проволоки и торчали из-под волчьего капюшона подобно двум седым крылам. Чудилось, что на голове её сидит, распластав крылья, неизвестная сизая птица, которая может вспорхнуть и удариться в стены нашей маленькой прихожей. Хамай, так звали охотницу, никогда не выпускала трубку изо рта, чаще всего уже погасшую. Глаза-щёлки в отёчных веках и набрякших подгазьях почти не открывались. Мне она казалась слепой, я побаивалась её и прислушивалась к стуку в дверь. Её стук был особенным: редкие удары тёмных, обтянутых смуглой кожей костяшек пальцев.

Получая положенные за шкурки деньги, она расписывалась наподобие буквы «х». Этому научил её Габдулла, за что Хамай была искренне привязана к нему. Только он удостаивался её редкой улыбки. Кошельком для денег ей служили меховые рукавицы, висящие в конце рукавов на продёрнутом через них кожаном ремешке. Возраста её никто не знал, да она и не имела его.

В паевой книжке охотников отец отмечал покупку шкурок. Так вёлся учёт пушных заготовок.

Для правильного хранения собольих пластин было натянуто в чулане два ряда верёвок. Они висели достаточно низко. И я любила, заходя в этот закуток нашего дома, прикасаться к мехам, окунать лицо в ласковый тёплый мех. Шкурки пахли по-особенному, но в их запахе чудилась долька аромата вяленой конины, всегда бывшей у нас любимым лакомством.

Иногда я развлекала себя игрой. Откинув голову назад, слегка пригнув ноги, чтобы стать ниже, я пробегала под вереницами висящих шкурок, а кончики хвостов ласкали моё лицо. Это ощущение лёгкого и щекотливого прикосновения удалось мне позже «догнать» уже в Пензе. Вездесущие «сетевики» познакомили меня с продукцией американской кос-

метической фирмы « Mary Kay». Среди многого, приобретённого мной, была и натуральная кисточка для рассыпной пудры. Первое же прикосновение её пронзило меня давно испытанным, но, как оказалось, незабытым ощущением ласки, лёгкости и прохлады. Правда, кисточка была изготовлена в далёких Штатах из беличьих хвостиков.

Истинную цену «чуланного» богатства я осознала много позже. И с этим осознанием пришло понимание неоспоримой честности отца. Годам к тридцати моё увлечение мехами полыхнуло шлейфом приобретённых в валютном магазине пластин, из которых был пошит норковый палантин для светских нужд моей жизни. И почему-то подумалось: ни у мамы, ни у сестёр, тем более у отца и братьев не было никогда даже шапки или воротника из соболя. Отец не вывез ни одной шкурки из Сибири, предпочтя честную бедность бывшего ссыльного соблазну разбогатеть нечестивым путём. А купить меха по их истинной стоимости, видимо, не было возможности. И, вернувшись домой с дюжиной купленных в «Альботросе» норок, рассматривая и примеряя их перед зеркалом, я спросила маму, почему ничего собольего не было в семье. Она ответила коротко: «Это не наше».

Усть-баргузинские «портфели», как называли ссыльные всякое начальство, предложили отцу остаться с семьёй на вольное поселение в месте ссылки, обещая срубить нам новую избу. Папа поблагодарил приехавших на катере чиновников, которые наживались на постоянном перевыполнении пушного плана в маленьком Томпе. Но по окончании срока ссылки написал заявление с просьбой разрешить ему и семье выезд на место рождения — в село Карино (Нухрат) Кировской области.

Как не может быть Сибири без тайги, так не может быть и тайги без кедрачей. Это особые леса со своим зверьём, своими запахами, своими оттенками древесных крон.

В безветренные дни там бывает на удивление тихо. Не шелохнутся распластанные в смолистом тёплом воздухе, зелёные с голубым ветви могучих кедров. И на фоне светлого неба игольчатыми веерами опечатываются недвижные зонтики кедровых верхушек.

В пору созревания орехов эту тишину нарушает едва уловимое шуршание: падают сами собой отяжелевшие шишки. Или неуловимые белки прыгают с ветки на ветку, с кедра на кедр, запасаясь, как и мы, ореховым лакомством на зиму.

В ветреные дни и ночи в кедрачах страшновато. Тревожной волной полосами набегает сильный ветер. И гул, могучий и устрашающий, проходит с треском сквозь кроны таёжных великанов. Тогда лес оживает недоброй силой. Чудится: где-то совсем рядом завыли волки, подняв к Луне свои серебристые головы. Или слышится гул лесного пала. Вот сейчас полыхнёт рядом с тобой беспощадный огонь, и не найти с ним сладу. Кажется, слышишь временами топот огромного бегущего табуна, и инстинктивно хочется спрятаться за стволом рядом стоящего дерева.

При слабом ветре кедрачи гудят, но не так устрашающе. Этот монотонный гул прокатывается по самым верхам, как не злое предостережение лесных духов. К кедрачам нужно привыкать.

Хотя поход за кедровыми шишками был в нашей семье мужским делом, в недалёкие кедрачи в окрестностях Томпы братья брали иногда и нас, сестёр. Несколько раз удалось и мне побывать там, однажды даже с ночёвкой. За одну бессонную ночь у костра, распалённого на старом кострище, удалось мне услышать всё: и вой волков, и удары опадающих шишек, и треск старых кедровых стволов, и ураганное урчание таёжной утробы. Эти звуковые ощущения вспоминались мне позже в пору заполярных ветров и норвежских метелей, порошу которых я любила рассекать на быстрых снегоходах.

В сарае нашего двора хранились деревянные колотушки. Это главный инструмент, примитивный и незаменимый в пору шишкования. Так называется сезон сбора кедро-

вых шишек. Колотушки делали братья из обрезков брёвен определённой длины, и напоминали они обычную кухонную толкушку для приготовления картофельного пюре, но отличались большим размером и весом. Эти колотушки имели у нас и побочное применение в хозяйстве. Так, при замене изгороди ими вбивали в землю заострённые столбики из жердей, утрамбовывали землю в летнем загоне для лошади.

В кедрачи уходили братья втроём, унося с собой два-три пустых мешка из рядна и колотушку, которая была нелёгкой поклажей на их плечах. Обычно перед уходом отец наставлял сыновей, как по цвету кедровой коры или кроны выбрать самые спелые шишки. В некоторые сезоны папа нанимал бурята-проводника с ружьём, хорошо знавшего самые урожайные на орехи места. К тому же всегда была опасность встречи с медведем или волком. Поочерёдно братья наносили сильные гулкие удары по стволу выбранного кедра, невольно подставляя свою спину и голову под удары падающих плодов. Переходя от одного дерева к другому, они заполняли мешки. К вечеру набирали один мешок, на второй день — остальные.

Возвращения «шишкарей» мы, младшие, поджидали на ближайших к дому тропинках. Увидев братьев, слали «вестового» сообщить родителям, чтобы обрадовать их и получить от матери гостинец за хорошую весть. Таков был семейный обычай.

Шелушение вкусно пахнущих шероховатых шишек собирало всю семью в тесный кружок. Нас было много, и работали мы дружно, только изредка отвлекаясь на чай. Никто из братьев, кстати сказать, не курил. Было особое наслаждение, взяв в руки шишку, иногда клейкую от смолы, усилием большого пальца отломить чешуйку и обнаружить под ней, в лунке, два крепеньких орешка, плотно прижатых природой друг к другу, как два близнеца в чреве матери. Но чаще всего очищали шишки с помощью особой доски, которую с немалой силой прокатывали по уложенным в ряд кедровым плодам, таким образом разрушая их. За вечер вырастала ореховая горка, которую мама рассыпала на прокалённый под русской печи, специально для этого протопленной. Аромат в доме стоял необычайно вкусный: пахло свежестью леса, испаряющейся смолой и чуть подгорелой ореховой скорлупой.

Только через десять лет, в пятьдесят девятом, из Баргузина к нам на Северный Урал приедет в отпуск осевший в Забайкалье брат Габдулла, ставший к этому времени директором школы. И снова буду я наслаждаться вкуснейшим бездельем: молодыми, тогда ещё крепкими зубами расщёлкивать кедровые орешки, разговаривая с поседевшим уже братом о забайкальских новостях. Сейчас его уже нет в живых, как и всех моих братьев и сестёр. Светлая им память...

Теперь, с высоты моего возраста, много пережив, думаю, какое магическое притяжение имеет для нас тот невеликий клочок России, где мы родились. Как органично вошло в нашу речь и душевный мир понятие «малая родина».

Ну, что, скажем, для иркутянина или пензенца какая-то там Вятка?! Так же, впрочем, и для меня Нижневартовск, Тобольск, Саратов или Липецк... Но послушайте когда-нибудь двух земляков, случайно встретившихся даже на краю земли. Их влечёт друг к другу уже то, что каждый верит: перед ним — свой человек. Ведь они — с одной земли!

Запечатлевается ли в душах наших неистребимый временем рельеф той местности, где провели мы крылатое детство и трепетную юность? Или генетика вершит с нами свои потаённые чудеса? Или особый воздух крошечной отчизны успевает нас напоить своим колдовским зельем? А может быть, родная земля, великодушно позволявшая нам бегать босиком по своей груди, играет с нами эту ностальгическую шутку, однажды пронизав нас своими невидимыми токами? Или это звёздная пыль раскинувшегося над нашей «малой» родиной родного неба припорошила нам плечи невидимым магнитом, который тянет обратно домой? Или ветры, дующие в родных

просторах, пропели нам в младенчестве свою пронзительную колыбельную песню. Она осталась в подсознании, и на её зов стремимся мы возвратиться.

Нет у меня ответа на собственные вопросы... Ведь большинство из нас сами уехали в юности из родных мест, радуясь позже удачному «приземлению» на каком-нибудь урбанистическом острове. Обзавелись имуществом. Сделали карьеру. Завели друзей. Построили свою жизнь на зависть деревенскому люду. Но, вопреки всему, тянет только туда!

И чем старше становимся мы, тем тяга сильнее.

Отчётливо хранит слабеющая память улицу родной деревни, её тропинки, окоём с ржаными полями, голубыми глазами васильков и зелёными куртинами древесных кущ, где нашли вечное пристанище наши предки.

Малая родина — в нас. Она изначально жила в душе моего отца. Жизнь за пределами Нухрата была для него мучительным существованием. Так было и в тридцать втором году, когда он, спасая своих лошадей, уходил от раскулачивания. Не был он дома около года. Занимался извозом и пахотой, работая на других людей. Но уже повсюду лютовали коллективизаторы. К тому же нестерпимо тянуло домой, к жене и детям. Он вернулся ранним утром, приведя своих коней. Ещё до рассвета ступил на своё покинутое подворье. Чуть забрезжило — пришли те, кто увёл навсегда его любимых лошадей. Так было и в забайкальской ссылке. У отца был выбор: или отъезд на родину, где в годы войны вымерла добрая половина населения. В сорок девятом году положение было не лучше, и отец знал это по редким письмам родственников. Или жизнь в Сибири, на вольном поселении,— и тогда основные экономические проблемы были бы решены членами нашей семьи. Нам не грозил уже голод, потому что быт подворья за десять лет ссылки был хорошо отлажен.

Но отец выбрал «малую» родину, хотя бы для того, чтобы на ней умереть и быть там погребённым. В мусульманском вероучении есть мистический термин. Попытаюсь перевести это изречение на русский: «Туфрагы тарта», что при дословном переводе означает: «Его глина призывает его».

Предчувствие смерти не покидало отца в последние месяцы ссылки. Оно как бы давало папе небольшой отрезок времени определиться с местом вечного покоя. Отец успел это сделать. Всё чаще дома за чайным ли столом, во дворе ли, отдыхая от натужной работы, взрослые стали говорить о предстоящем отъезде. Мы знали, что нашего нухратского дома уже нет. Но это не пугало отца. Всегда, говорил он, найдётся пустующая изба в деревне или, в крайнем случае, можно стать на постой к одинокой старушке или вдовствующему аксакалу. Написав заявление усть-баргузинскому начальству с просьбой разрешить выехать в Нухрат, отец ожил, даже повеселел. Мысль увидеть родные угоры, бегущие к горизонту невысокой пластающейся волной, весной и летом — цветные, буроватые — осенью, согревала отца. Это были угоры его детства и юности. Женившись и обзаведясь семьёй и хозяйством, он выпускал туда на выпас своих стреноженных коней. Здесь, высоко забрасывая задние тонкие ноги к небу, учились бегать жеребята нашего подворья.

В деревне ждал отца вырытый им колодец с чистой водой, где отражался голубой лоскут каринского неба с белым облачком в углу колодезного квадрата. Там, в Нухрате, лежало утрамбованное когда-то для скачек поле. Отец не единожды получал призы победителя, за что получил званье Аулбек, что означает «сударь». Всё это и было его малой родиной. Она звала его. И семья понимала отца.

Для меня же предстоящая поездка была непонятной суетой. Томпа с её таёжными тропинками и бескрайним любимым Байкалом были моей первой страной земного обитания. Единственное, что меня радовало в предстоящем путешествии,— это возможность прокатиться, наконец-то, на катере, ступать на борт которого мне ещё не приходилось.

Однако с катером-то и вышла незадача. Наступил день отъезда. Наши тюки, чемоданы и коробки были вынесены на белый песок пристани, где и чернели, тревожно бросаясь в глаза. Рядом стояла металлическая кровать с никелированными спинками. Блестящие изящные трубочки создавали ажурный орнамент, весело поблёскивая на солнце. Кровать эта была самой красивой вещью в нашем томпинском доме. Маме хотелось взять её с собой, и отец уступил её желанию. Мне было велено караулить её, а не вертеться под ногами. Я села на кровать, беспечно качаясь на её пружинах, болтая ногами и наблюдая за происходящим. Вещи из темнеющей груды уносились на катер одна за другой, братья и сёстры тоже скрылись в утробе судёнышка. Несколько бурят суетливо поднялись на бортик катера. Берег пустел. Я безмятежно сидела на кровати, продолжая слегка покачиваться на поскрипывающих и поющих пружинах. Знала, что должны прийти за кроватью и забрать меня. Вдруг загромыхало что-то в задней части катера, белые валы вспучили воду, и катер затрясся. Я была одна среди провожающих нас бурят. Мои родные спустились, видимо, в трюм судёнышка, забыв обо мне. Катер стал медленно отваливать от причала. На корме стояло три матроса. Расстояние от причала всё увеличивалось. И вдруг я отчётливо поняла, что меня оставили навсегда здесь одну среди узкоглазых, не говорящих по-татарски чужих людей. Ужас охватил меня. Я вскочила на ноги и стала бегать по кромке берега, истошно плача. Закричали и некоторые из бурят, сообразив, что катер действительно уходит. В этот момент на корму выскочила Сания. Она что-то прокричала мне и исчезла из виду, а катер всё удалялся. Мгновенная радость и надежда, вспыхнувшие при виде сестры, снова исчезли, и я с новой силой закричала: «Возьмите меня!»

Через несколько минут катер замедлил ход, боком развернулся, крутанувшись в собой же вспененных волнах-барашках, и медленно направился к томпинскому причалу. На носу его уже стояли трое моих братьев, мама и Сания. Я слышала, как ругались матросы, причаливая к берегу. Асхат спрыгнул в воду, не дожидаясь полной швартовки катера, схватил меня за руку и поволок к причалу. Уже сбросили шаткий трап, на который брат подсадил меня, передав в руки матроса, одежда которого была пропитана моим любимым запахом: от матроса пахло керосином, что не преминула я отметить краешком детского сознания. Ещё долгое время я не могла остановить всхлипываний, слёзы лились и лились сами собой, а послеслёзная икота время от времени встряхивала моё оцепеневшее тело.

Оказалось, что в самую последнюю минуту родители решили-таки не брать громоздкую кровать и оставить её бурятам. Отец в суете посадки на катер велел кому-то из ребят сбегать за мной на берег, но посланный за мной замешкался.

Прошло немало времени, пока я, обласканная мамой, уже девятилетняя, сидя на её руках, успокоилась, пришла в себя в тёмном уголке трюма. Кажется, даже уснула. Помню момент тихого пробуждения, такого радостного, полного счастья, когда мамино тепло и равномерное гудение судового мотора постепенно заглушили и потрясший меня испуг, и впервые пережитое чувство одиночества...

В конце июля мы прибыли на Вятку.

АНАСТАСИЯ УСТИНОВА

ТАК ОДНАЖДЫ ЗАКОНЧИТСЯ ДЕТСТВО

* * *

Глоток последний детской жизни.
Хочу я время обмануть.
Смотреть на жизнь сквозь блики призмы
Ушедших лет в далёкий путь.
Что детство в прошлом оставляет?
Любовь, опеку, благодать.
А будущее предрекает
Мечты, что может и отнять.
Вопрос насущный — кем же быть! –
Откладываю раз за разом.
Все краски детства позабыть
Не может неокрепший разум…
Пока ещё пугливо прячусь
В заботы суетного дня…
Ну где же ты, моя удача?
Смотри, не прогляди меня!

* * *

Вдыхая нервно дым твоей сигары,
Я думала — ты гадко поступил,
Когда в своём прокуренном рок-баре
Ты на другую взгляд свой обратил.
А мне казалось, я почти влюбилась,
Пробившись через дружеский барьер.
Но почему и ты, скажи на милость,
Как все — банальный пошлый лицемер?
Пускай несётся в адрес новой дуры
Твоих словес любвеобильных дым…
Неужто безразличен вид мой хмурый
Тебе, кто был так нежно мной любим?
Моя любовь в душе перекипела.
Я пальцем покрутила у виска,
И новую дурёху пожалела,
Достойную такого дурака!

* * *

Азарт закипает в жилах.
Отблеск стали в растерзанной мгле.
И я уже больше не в силах
Противиться дальше судьбе.
Конечно же, я сильна.
Но нужна мне победа, не милость!..
И, если б не наша война, —
Пред тобой бы покорно склонилась.
Любовь свою прячу отчаянно
Под маской спасительной лжи.
А вдруг ты прознаешь нечаянно
Желаний моих миражи!
Один из нас должен погибнуть.
И я забываю, кто враг,
Тебе позволяя вырвать
Победу, нырнув во мрак.
Ты вряд ли меня забудешь.
Себя победивший, живи!
Но вряд ли ты счастлив будешь,
Попавший в прицел любви.

ПОКА ИДЁТ ИГРА...

— Девушка, отойдите от стенда. Эти книги продают только с 18 лет. У вас паспорт с собой?

Услышав эту скрипучую фразу продавщицы книжного магазина, я, досадливо клацнув зубами, отошла от искушающе-соблазнительного стенда, расположенного в стороне от других. На полках его громоздились пухлые глянцевые тома с яркими обложками. Обозначающих табличек на стенде не было, но я безошибочно угадала в этих книгах мангу — японские чёрно-белые комиксы, модные в молодёжной среде всех стран мира. С недавнего времени мангу начали переводить и издавать и в России... А недавно в России ребром встала проблема цензуры, почему-то записавшей мангу и аниме в разряд запретных для подростков. Подобраться к заветному стенду, пестрящему желанными книжками, стало практически невозможно, если тебе не исполнилось заветных восемнадцати. А мне не исполнилось! Да даже если бы я была «совершенновзрослая», мне бы мало кто поверил на слово без паспорта. Ибо, как на грех, выгляжу я значительно младше своих лет. Может, когда-то, лет этак через двадцать, меня моя моложавость будет радовать, но только не сейчас! А пока остаётся клянуть цензуру-дуру, как, наверное, кляли её наши классики — от Пушкина до Шолохова. Цензура и им, великим мира сего, житья не давала! Что уж о нас, грешных, говорить! Хотя несправедливость современной цензуры какая-то специфическая. В дневное время суток по телику крутят низкопробную пошлятину, всякие «домы-содомы», и в то же время запрещают подростковые иностранные аниме, разрешённые в цивилизованных странах! Может, таким образом из нас воспитывают патриотов России? Смотришь изготовленную в России пошлость — значит, ты не дебил, а патриот!.. Между тем японские «мультики» и «комиксы» давно покорили весь мир. Увлечены ими не только дети!.. Японцы весьма необычный народ, не зря весь мир говорит об их совершенно самобытной культуре. В их стране манга и аниме занимают особую роль. Есть даже специальные школы, посвящённые искусству и особенностям рисования для начинающих мангак*. К манге там относятся почти столь же уважительно, как к серьёзной классической литературе, её читают по большей части именно взрослые люди, а выход каждой новой главы той или иной манги — целое событие, влекущее за собой шквал мнений, чувств и неслабый ажиотаж.

— Настя! — раздался знакомый голос, после чего последовали знакомые объятия.

Да уж, действительно, было бы странно, если я не встретила бы в этой секции книжного магазина Катю, свою одноклассницу, ещё более «повёрнутую» на молодёжной японской культуре, чем я. Катя закончила художественную школу, и вообще всю жизнь решила посвятить призванию дизайнера, к чему, надо отметить, она с успехом идёт. Она профессионально рисует додзинси**, причём рисует от руки и настолько хорошо, что у меня, тоже немало набившей руку на попытке передать структуру анимешного рисунка, впервые увидев её работы, глаза на лоб полезли от восхищения, а убеждённость в собственном художественном гении упала ниже плинтуса. Секретов своего рисунка Катя, как истинный профи, не скрывает, охотно ими делится. Но что самое интересное — Катя является косплеером, которых «вживую» я даже не допускала мысли увидеть. О Кате-косплеере я и хочу рассказать.

---

* Мангака — художник, занимающийся рисованием манги.

** Додзинси — некоммерческая любительская манга, рисуемая новичками.

... В первый же день, когда я явилась в незнакомый холодный десятый класс, сформированный из остатков расформированных девятых классов плюс «новобранцев» из других школ, моё внимание обратили на себя две девушки. Одна из них и была Катя. Вторая — её подруга с ярко-фиолетовыми волосами. Собственно, эти фиолетовые волосы мне первыми в глаза-то и бросились, тогда как на саму обладательницу креативной причёски в обратила внимание позднее. Первое время в новом классе я чувствовала себя потерянной — знакомые лица отсутствовали. Лучший друг Диман, с которым прошли «фронтовые» пути взросления ещё с детского сада, свалил в колледж. А новые одноклассники казались настолько однотипными, что я едва различала их по именам. В один из тоскливых сентябрьских дней, когда я в ожидании звонка с урока выводила в тетради набросок рисунка, напротив меня неожиданно выросла та самая обладательница фиолетовых волос:

— Вау, ты тоже аниме увлекаешься? — прозвучал её звонкий жизнерадостный голос.

Как много значит голос! Зачастую по одному лишь голосу можно определить человека. Проникнуться к нему симпатией или возненавидеть! Одноклассница тем временем пробежала глазами по моему рисунку.

— Не хочешь записаться на конкурс рисунков в стиле аниме? — спросила она, усевшись рядом явно для долгого разговора.— Мы там с Катькой тоже участие принимаем!

Я продолжала рисовать, глядя в блокнот.

— Спокойно, Кри, не тащи её в наше болото,— хмыкнул второй голос, который, очевидно, и принадлежал этой самой «Катьке».

Между подругами завязался спор, из которого я сделала вывод, что анимешницы они не только на словах...

Прошло несколько дней, в течение которых я приглядывалась к этим двум странным девчонкам. У меня патологический страх дружбы с девочками, больше как-то доводилось дружить с ребятами. И потому боялась брякнуть при них что-то такое, что могло быть нормой в кругу парней, но у представительниц прекрасного пола тут же наверняка вызвало бы если не шок, то удивление. Однако наше общение продолжилось. И вновь инициатором стала Кристина:

— В первый день учёбы, когда мы все знакомились, ты упомянула, что пишешь стихи. Это правда?

— Вроде как да. Тебе зачем? — ответила я, на тот момент уже плотно «пересевшая» со стихов на прозу.

— Просто я ценитель,— голос Кристины прозвучал вполне искренне.— И как оно — жить в литературной среде? Поэты все, наверное, такие ранимые, романтичные люди, да?

Я хмыкнула.

— Поэты «ранимые и романтичные» только в стереотипах. А на самом деле это жестокий психанутый народ. И разборки в среде поэтов похлеще, чем среди телесериальных бандитов!

Мои слова развеселили собеседницу и сподвигли на ответную откровенность:

— А мы вот косплеем занимаемся с Катькой.

Всё и встало на свои места.

— Так вот откуда у тебя фиолетовые волосы? — догадалась я, впервые улыбнувшись за время нашего знакомства...

С этого момента и началось наше плотное общение с Катей и Кристиной. Им даже удалось на какое-то время втянуть меня в их косплеерскую тусовку. Хотя я, прикинув

всё, говоря словами латыни, «про» и «контра», решила отказаться от занятия косплеем. Оно предполагало не только солидные финансовые «вливания», но и руки, растущие из правильного места. А я не умею ни шить, ни мастерить, и желанием учиться на Марью-искусницу не горю. К моему решению остаться в стороне Кристина и Катя отнеслись с пониманием. Но охотно обсуждали со мной всю текущую подготовку к очередному косплеерскому мероприятиию. Наблюдая за суетой моих новых подруг в процессе их подготовки к фестивалю, я тоже ощущала прилив вдохновения. Вернулось желание писать! И не только прозу!

Итак, что же представляет собой столь часто упоминаемый мною «косплей»? Очень актуальное занятие среди современных подростков и молодёжи. Да разве только среди них? В косплеерской среде немало людей если не «наклонного», то уж во всяком случае не юного возраста. Так же как и манга с аниме, косплей родом из Японии. Он часть современной массовой культуры, такое костюмированное игровое шоу. Косплеерство подразумевает абсолютный вход в свою роль, полное перевоплощение. Представляемый персонаж должен быть узнаваем не только по одежде, но и вплоть до роста, цвета глаз, кожи, волос, характера, мимики, жестов, походки, действий, фраз и взаимоотношений с другими героями. Рост подгоняется с помощью высоких шнурованных ботфортов на высоченной платформе... Общие сборы косплееров проходят на фестивалях, где, даже не доходя до сцены, начинаются постановки участников...

Наблюдая за Катей и Кристиной в течение года, я не переставала им удивляться. Как они успевают всё? Школа, подготовительные вузовские курсы, а тут ещё и подготовкой к фестивалю заниматься... И это с учётом того, что Кристина в её юные годы уже живёт самостоятельно — в отдельной квартире, и периодически подкармливает нас с Катей тортиками собственного приготовления. Для меня Катя и Кристина стали буквально воплощением идеала двух лучших подруг, преданных друг другу примерно настолько же, насколько мы когда-то с Диманом. С каждым днём я привязывалась к ним всё больше, сильно тосковала, если кто-то из них не приходил в школу. Тем временем день фестиваля неуклонно приближался...

Где-то за неделю у Кати и Кристины началась паника, что они ничего не успевают. Сценка и дефиле были готовы, оставалось лишь довести костюмы до ума. А мне оставалось удивляться, отчего это они так сгущают краски. Парики они заказывали аж из самой Японии — приходили парики довольно быстро и стоили достаточно дорого — пятнадцать долларов. На мой вопрос, почему бы не поискать парики поближе и подешевле, я скоро получила ответ сама. В Японии, где процветает косплеерский бизнес, парики, как и одежду, делают по спецзаказам. В России подобное не достать даже в Москве. У большинства персонажей аниме волосы имеют самые невероятные оттенки и уложены в немыслимые формы! К тому же Катя — ужасная перфекционистка, нацеленная на то, чтобы всё делать идеально. Малейший неправильный стежок вынуждает её перекраивать всю вещь целиком. Перед фестивалем её комната напоминает мини-побоище — разбросанные лоскуты ткани, недоклеенные крылья, обрушившиеся из шкафа доспехи... Экзотика!

Один из фестивалей проходил в Тольятти. В ночь до выступления Катя, Кристина и остальная группа участниц до трёх часов ночи (или уже утра?) корпели над дошиванием костюмов, накладыванием блёсток, стразов, рисованием артов. Подъём — в шесть утра, далее начиналось самое забавное. Марш-бросок в косплеерских нарядах до ДК, естественно, вызвал у прохожих приступы плохо сдерживаемого любопытства. Неудивительно: команда пятерых ярко одетых девиц, двое из которых с волчьими хвостами, третья в белом шлейфе, ещё одна с ядовито-зелёными волосами...

На самом фестивале, незаметно от остальных участников, шли последние завершения косплейного образа. Полчаса у Кати ушло на вставку сиреневых линз, не желающих ложиться правильно и раздражающих оболочку глаза. Ещё полчаса — на то, чтобы к этим линзам привыкнуть. Затем закрепление париков и туго стягивающих кожу головы шиньонов. Это, пожалуй, был самый напряжённый момент. Некоторые участники перед самым выходом на сцену, стоя за кулисами, орудовали иголкой с нитками, дошивая прямо на себе фрагменты костюма. Встреча с потенциальными соперниками здесь больше напоминала интригу, чем борьбу за право быть лучшим, все участники охотно знакомились друг с другом, делились впечатлениями, угадывали заданного образом персонажа, вживались в характер своей роли. В очередной раз косплей поразил своей непредсказуемостью.

На фестивале нарисовался в качестве одного из участников бородатый сорокалетний мужик, без тени смущения выряженный в розовый костюм пони. Кстати, именно этому мужику и перепал приз зрительских симпатий... Близился полдень, участники столпились у актового зала, в нетерпении ожидая начала конкурса... Май-месяц давал о себе знать, сильно жарило, и косплеерам, которые были обряжены в доспехи, приходилось не сладко.

— Дууушно,— протянула Кристина, оглаживая свой кожаный блестящий жилет и направляясь в сторону буфета.

Охладиться одним коктейлем не удалось. Загремела музыка, предвещающая начало демонстрации, и девушки, спотыкаясь на каблуках и платформах, кинулись в сторону зала. Попасть внутрь им удалось не сразу: в проходе материализовалась суровая уборщица, категорически запрещающая заходить внутрь с напитками. А всем в России известно, что страшней уборщицы «начальника» нет! Кто-то из участников торопливо захлюпал трубочками, другие же швырнули так и не тронутый коктейль в урну.

По мере того, как зрители и участники признавали клипы аниме, мелькавшие на большом экране, зал взрывался аплодисментами, по которым лучше всего можно было определить степень популярности аниме — чем известнее оно, тем громче аплодисменты. Клип Кати был принят более чем восторженно. А далее... далее завершение дня, завершение фестиваля, завершение одного из самых запоминающихся ярких дней — дня, когда ты можешь не быть собой, пожив совсем другой, такой яркой, необычной и насыщенной жизнью. Дня, когда можно, примерив чужую маску, словно бы выйти в какой-то параллельный мир, прочь от приевшейся серой будничной реальности. По признанию Кати, поход до дома в сумерки — одно из самых непредсказуемых занятий, особенно при наличии «безумного» костюма. Бывали дни весёлые, и бывали инциденты, когда полупьяные мужики, встретив косплееров у себя на пути, пугались и принимали их за последствия «белочки», то бишь белой горячки.

После окончания фестиваля косплееры обычно продают наряды другим желающим, и покупают-создают новый костюм, обживают новый образ, и жизнь не просто продолжается, а выходит на новый виток, играет новыми красками!.. Жизнь всегда полноцветна, когда мы можем позволить себе роскошь заниматься любимым делом, творчеством. И пусть никто, даже цензура, не рискнёт вставать на нашем пути!..

— Тебя это тоже насмешило? — Катя мотнула головой в сторону таблички в книжном магазине, на которой всех не достигших совершеннолетия тактично просили удалиться от заветных полок подобру-поздорову.

Как хорошо, что я не сразу последовала этому совету, занятая мыслями о Кате, Кристине и косплее...

— Я с отцом пришла,— бодро проинформировала меня Катя,— так что ты сможешь купить то, что тебе надо. Мой папа, как достигший совершеннолетия, тебе поможет...

— Спасибо. Или, как сказали бы японцы — домо аригато, семпай,— порадовалась я...

Пять минут спустя, распрощавшись с Катей и её «совершеннолетним» и демократичным папой, я бодро шагала по заснеженной, погружающейся в ночь улице, держа фирменный пакетик с глянцевой книжечкой внутри. Заветная книжечка вкусно пахла на морозе свежей типографской краской. А её глянцевая обложка искрилась новыми гранями мира, существующего параллельно реальному. Возможно, мне не дано быть косплеером, не дано примерить крылья или доспехи, волосы фиолетового цвета... Но чем хуже погружение в себя через чёрно-белые страницы манги? Ведь именно в себе мы и находим ту параллельную реальность, которая помогает расцветить серость будничного существования. Эту параллельную реальность и называют творчеством... И, наверное, именно её, как неподвластную никому, так боится всякая власть, придумывая цензуру и прочие ограничительные таблички между нами — внешними и нами — настоящими, внутренними. Как тут не порадоваться, что с помощью Кати я оставила с носом цензуру-дуру, и купила то, что так важно для меня. Эту странную цензуру, которая не запрещает рекламировать по телику средства женской гигиены и такую откровенную бездарную пошлятину, что за гранью обсуждения и осуждения... Но почему-то не дозволяет покупать японскую мангу! Однако пока я в состоянии творчески мыслить — я смогу обмануть любую цензуру... Пока у меня есть друзья, которые понимают меня в главном — в моём стремлении сделать мир не серым, а полноцветным, цензура мне не страшна. Пока ещё длится последний год нашей игры под названием «школьное детство»... Пока ещё мы наивно верим в свои иллюзии, которые всё равно скоро закончатся. Как всегда однажды заканчивается любая, даже самая лучшая игра.

ВСТРЕТИМСЯ В «САДИКЕ»

Проблема с приручением меня к чтению решилась как-то сама собой. Моя бабушка сорок лет преподавала в школе литературу. В то время, когда бабушка занялась моим воспитанием, она уже не работала в школе, а давала частные уроки. Мне было четыре года. Обычно я сидел под столом и строил чудесные замки из дощечек и кубиков. Бабушка обращалась к очередному оболтусу:

— Расскажи-ка стихотворение Лермонтова «На смерть поэта».

— «Погиб поэт, невольник чести...» — произносил, заикаясь, ученик и надолго замолкал.

— «Пал, оклеветанный молвой...» — суфлировал я из-под стола.

Отстающие ученики приходили к бабушке едва ли не каждый день. И так, полегоньку, я проходил курс школьной литературы.

Была ещё одна зацепка. Взрослые говорили мне, что, если я буду себя хорошо вести, то в порядке исключения меня посадят за стол вместе с ними послушать, что читают старшие. Я, разумеется, озорничал, но меня прощали, сажали за стол, я слушал «Вечера на хуторе близ Диканьки» и от смеха валился со стула. Позже я, конечно, понял, что всё это делалось специально для меня. Таким образом чудесные произведения Пушкина, Лермонтова, Гоголя отпечатались в детской душе и остались со мной навсегда.

Сейчас век телевидения и Интернета. Приучить ребёнка к чтению сложнее. Но способ, как мне кажется, всё тот же. В нормальной семье дети стремятся во всём подражать родителям. Надо, чтобы старшие любили чтение, читали друг другу и детям и обсуждали прочитанное. Надо, чтоб всё это делалось всерьёз и стало частью жизни семьи. Проблема не в детях. Маленькие люди смотрят на окружающий мир с живым любопытством и готовы взять книгу в руки. Проблема, как показывает опыт, в их молодых папах и мамах. Они, в значительной своей части, разучились читать и не понимают, зачем это нужно.

Мне повезло, я стал одним из авторов выходящей в Казани серии книг для детей под названием «САДИК». Мне посчастливилось, я познакомился с Верой Хамидуллиной, автором проекта этой серии. В нашей стране, которая обустраивается со времён царя Гороха и никак не может обустроиться, кажется, любое живое дело вянет, ан нет — «САДИК» цветёт и радует читателя. Вера Хамидуллина, инициатор этой затеи, из породы женщин, воспетых Некрасовым. Она и «в горящую избу войдёт» и «коня на скаку» перегонит, потому что Вера лихой автомобилист. Кроме того, она поэт,

переводчик, редактор, организатор, издатель. Об издаваемой ею серии я продолжу разговор чуть позже, сейчас мне хочется сказать несколько слово о Хамидуллиной как о детском поэте. Я процитирую начало стихотворения «Рыжий кот».

Очень странный рыжий кот
Ходит в небе круглый год.
Я встаю — и он встаёт.
Я иду — и он идёт.
Вместе с ним ложусь я спать:
Он за горку, я в кровать.
Днём со мной играет в прятки:
Из-за туч глядит украдкой...

Всё так простодушно, так по-детски непосредственно и вместе с тем ярко и неожиданно. Прочтёшь, и кажется, тебе открыли ещё один способ общения с солнышком.

Кто бы мог подумать, солнце — это рыжий кот. Сказать такое на языке поэзии — редкая удача.

Вот ещё «Посчитайка» — азы арифметики, незамысловатые стихи в форме детской считалки. На первый взгляд, не такой уж великий труд для поэта. Как бы не так! Я это знаю по себе. В своё время я написал геометрию в стихах для самых маленьких. Для точного выражения мысли надо найти алгоритм математический и поэтический, да ещё свести их в одно — ювелирная работа. В разговоре с Хамидуллиной о «Посчитайке» я вспомнил мультипликационный фильм В. Дегтярева на ту же тему — «Козлёнок, которой умел считать до десяти». Вера неожиданно сказала: «Меня волнует проблема иллюстраций, есть ли параллель между мультипликацией и книжками серии «САДИК»?» Вопрос на засыпку. Сегодняшняя мультипликация находится в подполье. Создаётся много фильмов, среди них есть весьма неплохие, но телевидение пренебрегает российскими мультфильмами. За редким исключением их можно увидеть только на фестивальных просмотрах. Так что с параллелью непросто. Но если обратиться к классической советской мультипликации, к тому же «Козлёнку», «Варежке», «Винни-Пуху», то нащупывается кое-что общее с иллюстрациями «САДИКа». Я не поклонник нарочито условных, утрированных до уродства героев современных мультяшек, где не сразу догадаешься, кто козлёнок, а кто чертёнок. Валентина Черняева, поэт и одновременно иллюстратор «САДИКа», стремится найти реалистическое решение для своих персонажей, и этим они мне милы. Может, ей стоит пожелать большего разнообразия в поисках.

Кроме рисунков к стихам в каждой книжке есть ещё дополнительный материал в виде логических задач, ребусов, лабиринтов... Когда вышли две моих книжки в «САДИКе», мы с женой как дети увлеклись разгадыванием приложенных к стихам загадок. Вера Хамидуллина об этих приложениях пишет следующее: «Меняются герои, предметы, формы, сюжеты, словесные конструкции заданий, но остаются модели решения. Так, например, проходя лабиринт поочерёдно в каждой из книжек, ребёнком приобретается опыт решения похожих задач». Я бы добавил к её словам ещё вот что: задачи очень органично сочетаются с темой стихотворения, а также с темами, пограничными содержанию стиха. Таким образом, ребёнок на уровне подсознания начинает постигать многогранность и многозначность стихотворного произведения, а ведь это самое главное в поэзии.

В книжке «САДИКа» публикуется, как правило, всего одно стихотворение, но это билингва. Стихи предлагаются маленькому читателю на двух языках, на русском

и татарском. Билингва — любовь моя! Я в детстве, когда жил на Украине, мальчиком четырёх-пяти лет, свободно говорил на русском и украинском. Но я не понимал этого. Я считал, что это один язык. Я не знал разделения. И думаю, это чувство составляло одну из главных радостей моей детской жизни.

В казанском «САДИКе» можно найти авторов из Белоруссии, Украины, Германии, Казани, Москвы, не стану перечислять их имён, скажу только, что авторы, в основном, хорошие. Из этих казанских книжек я читал детям стихи в Москве, в Переделкино, в Костроме, в далёком Красноярске, и всегда с большим успехом. В предместье Красноярска Сосновоборске ко мне подошёл мальчик и, держа в руках подаренную мной книгу «Необычная школа», сказал: «Я татарин». Я спросил его: «А ты знаешь татарский?» Мальчик потупился, ответил: «Нет, — потом добавил: — буду учить». Так книга моих стихов превратилась в учебник татарского языка. Я почувствовал себя «полпредом» «САДИКа», и этим очень горжусь.

Хочу ещё добавить, география авторов «САДИКа» и то, что эти книги интересны не только в Татарстане, говорят о масштабности проекта. Он служит популяризации татарского языка и детской литературы, учит взаимопониманию и уважению людей разных национальностей нашей страны. Этот проект и его опыт надо как можно шире развивать и пропагандировать. Большому делу должны помогать большие дяди. Ау, где вы, большие дяди, откликнитесь!

Александр ТИМОФЕЕВСКИЙ

РЫЖИЙ КОТ

Очень странный рыжий кот
Ходит в небе круглый год.
Я встаю — и он встаёт.
Я иду — и он идёт.
Вместе с ним ложусь я спать:
Он за горку, я в кровать.
Днём со мной играет в прятки:
Из-за туч глядит украдкой,
То спина мелькнёт, то хвост...
Но уж если в полный рост
Он встаёт на небе синем,
Мир становится красивым.
Это сыплет кот со спинки
Золотистые шерстинки.
Только я не понимаю,
Как они нас согревают?
Мне бы взять кота в ладошки,
Приласкать его немножко...
Пусть мне имя назовёт
Этот странный рыжий кот!

Вера ХАМИДУЛЛИНА

МУРАВЕЙ И БАБОЧКА

По тропинке мимо пней
Шёл трудяга-Муравей,
Шёл с соломинкой-бревном
В Муравейник — город-дом.
Муравей, хоть мал, — силач!
Вдруг он слышит крик и плач.
«Ой, спасите! Я тону!
Я вот-вот пойду ко дну!»
Поспешил он к луже-морю,
Чтоб помочь чужому горю.
Бабочка в огромной луже!
Ей спасатель срочно нужен!
Он бревно на воду бросил.
Лодка есть! Но нет в ней вёсел!
Муравей был ловким крошкой —
Вместо вёсел грёб ладошкой.
Ловко подхватил красотку
И втащил за лапки в лодку.
Бабочка от счастья пела,
Высохла и улетела...
Муравей не ждал наград,
Он за Бабочку был рад.
Всё ж, могла б сказать что-либо...
Ты бы что сказал?
(СПАСИБО!)

***Валентина* ЧЕРНЯЕВА**

БАШМАЧКИ

Башмачки купила мама новые,
А на них цыплёнок жёлтый вышит.
По булыжной мостовой затопаю —
Песню башмачков своих услышу.

Скрип да скрип — они шагают весело
И поют, поют, поют мне песенку.
Чем быстрей, тем веселей мелодия,
Тише шаг — стихает песня, вроде бы.

Мне сейчас, признаюсь, так приятно
Слушать башмачки мои поющие.
Хоть весь мир пройду туда-обратно,
Песенку их славную послушаю.

***Альфия* СИТДИКОВА**
На русский язык перевела Вера Хамидуллина

ВОСПИТАННЫЙ МАЛЬЧИК

Шла корова по дороге
Преспокойная. Ага...
Не бодливая корова,
Но бодливые рога.

«Му» да «му» кричит протяжно
И торопится домой:
«Я несу напиток важный,
На пути моём не стой!»

Не уступишь путь корове,
Так отведаешь рогов!
Занимая всю дорогу,
Шла коровушка с лугов.

Вкусно молоко парное,
А сметане каждый рад.
Не от страха, как ворона,
На забор взлетел Азат!

На хихиканье девчонок
Мальчик важно отвечал:
«Я отважным был с пелёнок.
Но, воспитанный ребёнок,
Путь корове уступал!»

Разиль ВАЛЕЕВ
На русский язык перевела Вера Хамидуллина

НЕОБЫЧНАЯ ШКОЛА

В Москве открылась школа
Для кошек и котов.
И в том, что это правда,
Поклясться я готов.
В той школе учат пенью
Котяток малышей,
А также назначенью
Компьютерных мышей.
Котов со шпагой учат
Ходить, и в парике.
Они легко мяучат
На русском языке.
Поверьте мне на слово,
Уж я не ошибусь:
Здесь басню «Кот и повар»
Все знают наизусть.
А если, скажем, некто

Проявит свой талант,
На хвост ему директор
Повязывает бант.
Открыли эту школу
От нас невдалеке,
За площадью Мурлыки
В Кошачьем тупике.
Но огорчить немножко
Придётся вас, друзья:
Ведь вы не кот, не кошка,
И вам туда нельзя.

Александр ТИМОФЕВСКИЙ

ЗВЁЗДОЧКА НА ВЕТКЕ

Тишина в дупле у белки.
Перемыты все тарелки,

Ложки-вилки — на просушке,
Все на прутиках волнушки,

Все стоят на полке книжки,
Все постираны штанишки,

Все проветрены подушки,
Все уложены игрушки,

Но ещё не спят бельчата —
В темноту глядят с кроваток.

Просят белку малыши:
— Мама, сказку расскажи!

— А про что, ребятки?
— Про сухарик сладкий,
Звёздочку
На ветке
И куницу
В клетке!

Борис ВАЙНЕР

Наши авторы

стр. 24 АГЛЯМОВ Мударрис Зуфарович (1946–2006) родился в селе Пуст Ашит Заинского района ТАССР. Рано оставшись сиротой, воспитывался у сестры Расимы. Учился на отделении татарского языка и литературы Казанского государственного университета, в 1968–1973 годах работал учителем истории в Тукаевском районе республики. В городе Набережные Челны работал помощником режиссёра в народном театре. С 1974 года жил в Казани, работал в редакциях газет и журналов, занимался творчеством как профессиональный литератор. Стихи начал писать в школьные годы, с 1959 года регулярно печатался в периодике Татарстана и Башкортостана. Высокую оценку признанных поэтов Хасана Туфана и Сибгата Хакима получила подборка его стихотворений «Посмотри издалека», опубликованная в журнале «Казан утлары» («Огни Казани») в 1968 году. В 1970 году выходит книга «Кыңгырау» («Колокол»), которая была тепло встречена читателями и критиками. С этого времени имя поэта часто встречается в рецензиях, литературной критике, выступлениях. В 1970–1980 годы создаёт стихи, баллады и поэмы публицистического звучания, в том числе и поэму «Письма от Тукая».

В 1991 году поэту присвоено почётное звание «Заслуженный работник культуры Татарстана». За поэтические сборники «Возвращение в будущее» и «Я сказал» в 1992 году Мударрис Аглямов удостоен Государственной премии Г. Тукая.

стр. 47 АЛЕШКОВ Николай Петрович родился в селе Орловка Челнинского района ТАССР 26 июня 1945 года. Работал монтёром связи, электриком, кровельщиком, диспетчером домостроительного комбината. Но основная трудовая деятельность связана с журналистикой. Газетчик. Был редактором набережночелнинской городской газеты «Время», а также редактором межрегиональной литературной газеты «Звезда полей». В настоящее время — председатель Татарстанского отделения Союза российских писателей, главный редактор литературного журнала «Аргамак. Татарстан».

В 1982 году закончил заочное отделение Литературного института им. А.М. Горького (семинар Н.Н. Сидоренко). В 1984 году принят в Союз писателей СССР. Автор десяти книг стихов, изданных в Казани, Набережных Челнах и в Москве. Живёт в Набережных Челнах. Лауреат литературной премии имени Г.Р. Державина, Всероссийской литературной премии «Ладога» имени А. Прокофьева.

стр. 109 БЕРГЕР Анатолий Соломонович родился в Ленинграде в 1938 году. Отец — физик, мать — музыкант. Окончил Библиотечный институт. Служил а армии, в Заполярье. В 1969 году был арестован и осужден по статье 70 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда) за свои стихи, прозу, пьесу, эссе о поэтах Серебряного века на 4 года лагеря и 2 ссылки. Тюрьма — Мордовия, ссылка — Сибирь. В 1990 году реабилитирован. Член Союза писателей с 1992 г. Публиковался в антологиях, журналах, альманахах, сборниках в России, Америке, Франции, Израиле, Австралии. Автор 10-ти книг стихов и прозы.

Живёт в Санкт-Петербурге.

стр. 56 ВАСИЛЕНКО Светлана Владимировна родилась 24 января 1956 года в посёлке Капустин Яр Астраханской области. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького (отделение прозы, 1983 г.), Высшие сценарные и режиссёрские курсы при Госкино (1989 г.). Первая публикация — рассказ «За сайгаками» (журнал «Литературная учёба», 1982 г.). Критики отметили тогда этот рассказ как «лучшее произведение года». В 1988 году Светлана Василенко вместе с Ларисой Ванеевой создали группу женщин-писателей «Новые амазонки» и издали несколько сборников женской прозы и поэзии.

Произведения Светланы Василенко публиковались в семи коллективных литературных сборниках, шестнадцати журналах (среди них — «Юность», «Знамя», «Новый мир», «Работница» и др.), изданы семью отдельными изданиями. По сценарию Светланы Василенко поставлено семь художественных и документальных фильмов. По её повести и киносценарию «Шамара» был поставлен одноимённый фильм на киевской студии имени А. Довженко (получивший в 1994 году престижный международный Приз Ива Монтана). Творчество Светланы Владимировны отмечено международной премией «Лучшая европейская книга года» (Прага, 1991 г.), Высшим призом им. Сергея Эйзенштейна (Германия, 1994 г.). Вызвавший большой читательский резонанс роман «Дурочка» получил премию журнала «Новый мир» (1998 г.) и премию имени Владимира Набокова (1999 г.). Рассказы и романы Светланы Василенко переводились на немецкий, английский, итальянский, французский, исландский, голландский, финский, белорусский, казахский, узбекский, японский, китайский, корейский и хинди языки. Отдельные издания прозы вышли на немецком (в Германии) и на английском языке (в США). Светлана Василенко является членом Русского ПЕН-клуба, Союза кинематографистов России (гильдия кинодраматургов), Союза журналистов России. В 1996 году Светлана Владимировна избрана первым секретарём Правления Союза российских писателей.

стр. 119 ВЕРДЕРЕВСКАЯ Наталья Александровна родилась в 1927 году. С юных лет посвятила свою жизнь литературе. Более сорока лет работала на кафедре литературы Елабужского государственного педагогического института. Доцент, кандидат филологических наук, специалист в области русской литературы 40-х — 60-х годов XIX века. В 1998 году издала сборник «Провинциальные стихи», в 2001 году — книгу «Двадцать лет спустя. Этюды о поэзии Владимира Высоцкого», в 2003 году — сборник стихов «Невеликие города» и в 2007 году — «Осень с дыханьем весны». Член Союза российских писателей. Живёт в Елабуге.

стр. 159 ГЛАДКОВ Виктор Петрович родился 22 марта 1943 года в селе Арзгир Ставропольского края. В детстве девять лет был прикован к постели тяжёлым недугом и находился на излечении в городе Пятигорске.

В 1963 году окончил Арзгирскую среднюю школу, затем в 1968 году Московский кооперативный институт «Центросоюза». Работал на родине экономистом, директором торговых предприятий в сёлах Родниковское, Каменная Балка.

В 1973 году по приглашению приехал на всесоюзную ударную стройку в Набережные Челны, где работал директором магазина «Детский мир», начальником торгового отдела горпромторга, директором оптовой базы «Росгалантерея», начальником отдела реализации автомобилей «КамАЗ».

Автор сборника стихов, песен и афоризмов «Журавли мои…», а также поэмы «Челны — Арзгир». Живёт в городе Елабуге.

стр. 87 ГЛУШКИН Олег Борисович родился в 1937 года в городе Великие Луки Псковской области. В 1960 году окончил Ленинградский кораблестроительный институт. В Калининград приехал в 1960 году по распределению. Работал на заводе «Янтарь» докмейстером, инженером в рыбной промышленности, выходил в рейсы на траулерах и плавбазах. Повести и рассказы публиковались в центральных и местных журналах и альманахах, печатались в переводах на литовском, немецком и польском языках. В 1985 году принят в Союз писателей. С 1985 по 1990 годы руководил молодёжным литературным объединением «Парус». В 1990 году избран председателем Калининградской писательской организации. В 1991 году основал журнал «Запад России» и был его главным редактором. Издал восемнадцать книг прозы. Лауреат нескольких литературных премий. За вклад в развитие культуры Калининградской области и расширение контактов между Российской и Европейской культурами удостоен Диплома Канта и награждён Советом Федерации золотой медалью «За полезное». Входит в бюро региональной организации писателей Калининградской области и в исполком Калининградского отделения ПЕН-центра. Избран Сопредседателем Союза российских писателей.

стр. 193 ЕРМАКОВ Владимир Александрович, поэт, эссеист, родился 6 июня 1949 года в пос. Метенино Петушинского р-на Владимирской обл. С 1961 года живёт в Орловской области: сначала в г. Болхове, где окончил среднюю школу No 1, затем в Орле.

В 1971 году окончил исторический факультет Орловского пединститута, отслужил в рядах СА на Дальнем Востоке; награждён знаком «Отличник ВВС». С 1975 года работал в Орловском краеведческом музее; автор ряда теоретических концепций и практических разработок стационарных экспозиций и выставок, а также публикаций в местной прессе и специальных изданиях. В 1996 году удостоен

звания «Заслуженный работник культуры РФ». Впервые опубликовал стихи в 1974 году. С началом перестройки успешно работает в востребованном временем жанре эссе. С середины 90-х гг. активно публикуется в областных газетах и в литературных журналах. Наиболее значимые публикации связаны с журналами «Дружба народов» (Москва) и «Parnasso» (Хельсинки). Основные тексты вошли в книги, изданные в Орле.

стр. 176 ЗИГАНШИН Камиль Фарухшинович родился 15 марта 1950 года в посёлке Кандры Туймазинского района Башкирской АССР в семье кадрового офицера. Детство и юность прошли на Дальнем Востоке в военных городках, разбросанных по самым глухим таёжным местам Хабаровского и Приморского краёв. До возвращения на родину ему довелось потрудиться в геологических партиях, отходить матросом на китобойце «Вольный», штатным охотником промышлять вместе с удэгейцами соболя в Лозовском Госпромхозе в отрогах Сихотэ-Алиня. По образованию — радиоинженер. Закончил Горьковский политехнический институт. Женат, отец пятерых детей.

В настоящее время работает директором предприятия связи «ШОК», отмеченным Правительством за вклад в экономику Республики Башкортостан дипломом I степени. Являясь с 1993 года учредителем и председателем Фонда защиты диких животных РБ, занимается поддержкой охотинспекторов, егерей, охотоведов, лесников, журналистов, активно борющихся с браконьерством или занимающихся изучением биологии диких животных, воспроизводством их численности.

Действительный член Русского географического общества, участник многих экспедиций по России и за её пределами, в том числе кругосветной экспедиции «Огненный пояс Земли». Член Союза писателей России и РБ с 1995 года.

Лауреат ряда российских литературных премий, награждён дипломом Международного Фонда славянской письменности и культуры России, орденом «За вклад в просвещение», золотой памятной медалью имени А.П Чехова. За следование классическим традициям русской литературы, за духовность и гуманистическое содержание художественных произведений ему присвоено звание Заслуженный работник культуры РБ и РФ.

стр. 222 ЛОБУЗНАЯ Дания Ахметзяновна родилась 13 ноября 1940 года в селе Карино (Нухрат) Кировской области. Татарка. Детство прошло в Забайкалье, в бурятском поселении Томпа, где с 1939 года находился в ссылке её отец. Семья последовала за ним в начале июня 1941 г. и находилась в ссылке до 1949 года.

В 1958 году Дания окончила среднюю школу в шахтёрском посёлке Кизел Пермской области. В этом же году поступила в Казанский государственный университет на факультет русского языка и литературы, который окончила в 1963 году. Работала в районах Крайнего Севера: преподавала русский язык и литературу в средней школе посёлка Ревда Ловозерского района Мурманской области, была заместителем директора средней школы № 2 г. Мурманска, а также одним из организаторов первого праздника Дней славянской письменности (г. Мурманск). Ветеран труда, Отличник народного просвещения РСФСР. Кандидат педагогических наук. Позже работала переводчиком с норвежского языка в г. Киркенесс в Норвегии, в фирме «Улав Фискебек и сыновья». С 1996 года живёт в Пензе. Занималась в литобъединении «Поиск» при Пензенском отделении Союза писателей России. Член Союза писателей России.

стр. 126 МАКОЕВ Весмир (Амир) Леонидович родился 2 января 1963 года в г. Тереке Кабардино-Балкарской Республики. В 1985 году окончил Саратовский ордена «Знак Почёта» институт механизации с/х им. М.И. Калинина по специальности гидромелиорация. Присвоена квалификация инженер-гидротехник. С 1985 по 2002 годы работал инженером насосной станции в Терской оросительно-обводнительной системе, старшим инженером в Министерстве мелиорации и водного хозяйства КБР, заместителем директора Кабардино-Балкарского отделения Литфонда РФ, специалистом в Кабардино-Балкарском общественном учреждении «Народный дом», заместителем руководителя и заведующим отдела по работе с территориальной сетью в Исполкоме Кабардино-Балкарского отделения Всероссийского общественно-политического движения «Наш дом — Россия». Занимался коммерческой деятельностью. С 2002 по 2010 годы — управляющий делами Международной Черкесской Ассоциации. Одновременно был помощником Председателя Парламента КБР и депутата Государственной Думы Заурбия Ахмедовича Нахушева.

Занимался греко-римской борьбой. Был победителем всесоюзного турнира, чемпионом и призёром ряда республиканских и всероссийских соревнований.

В коллективных сборниках и литературно-публицистических журналах, издаваемых в Москве и других городах Российской Федерации, опубликовал более двадцати рассказов и повестей. Автор книги «В ожидании смысла». Член Союза писателей России.

Женат, имеет сына и дочь.

стр. 103 МИСЮК Борис Семёнович родился в 1939 году в Крыму. Инженер-судомеханик, морской стаж — 25 лет. Член Союза советских писателей, член Союза российских писателей. Автор 12 книг прозы (+1 — стихи). Отец двух сыновей, дед двух внуков.

Живёт во Владивостоке.

стр. 122 МОРОЗОВА Татьяна Юрьевна (1936–2011) родилась в Москве. Окончила Литературный институт имени Горького, семинар прозы. Член Союза писателей. Владела многими профессиями: продавец счастья, литературный критик-журналист, беллетрист, художник, спичрайтер, PR-менеджер и политтехнолог широкого профиля. Рассказы выходили в «женских» и других сборниках («Новые амазонки», «Брызги шампанского», «Площадь свободы»), в журналах «Согласие», «Новая юность», «Сельская молодёжь», «Литературная учёба», «Человек на земле», в еженедельниках. Есть переводы на немецкий язык.

Как литературный критик публиковалась в «Литературной газете», «Независимой газете», газетах «Сегодня» и «Алфавит», журналах «Дружба народов», «Новый мир» и др. Темы: массовая литература (детектив, триллер, шпионский роман, мелодрама) и современная литература. Плотно занималась теорией и практикой мелодрамы. В «ЛГ» выходила «Методика написания любовного романа». По чётким канонам жанра написала мелодрамы «Три грации», «Парфюмерша», «Дочь президента».

стр. 80 НЕРВИН Валентин Михайлович родился в 1955 году. Член Союза российских писателей. Публиковался в периодике и антологиях. Автор одиннадцати книг стихотворений (из них одна — в переводе на украинский язык).

Победитель ряда международных литературных конкурсов и фестивалей. Обладатель специального приза Евразийского Фонда Культуры «Яблоко Поэзии» (2012). Лауреат литературных премий им. Н. Лескова (Россия) и им. В. Сосюры (Украина). Лауреат Специальной премия СРП «За сохранение традиций русской поэзии» (Международная Волошинская Премия 2013). Живёт в Воронеже.

стр. 83 ПЕЛЕНЯГРЭ Виктор Иванович родился в 1959 году в селе Згурица Молдавской ССР. Окончил московское СПТУ № 68 по специальности каменщик-монтажник, Калужский педагогический институт, в 1986 году — Литературный институт имени А.М. Горького (семинар Льва Ошанина). Один из основоположников поэтического Ордена куртуазных маньеристов (Архикардинал Ордена).

Перу поэта Виктора Пеленягрэ принадлежат хиты «Бригады С», группы «Скандал», «Весёлых ребят» и «Ласкового мая», экс-«Землян», «Золотого кольца» и др. К его стихам написали музыку Раймонд Паулс, Игорь Матвиенко, Игорь Крутой и множество других композиторов. Его песни исполняют группы «Белый Орёл», «Любэ», Надежда Кадышева, Лайма Вайкуле, Валерий Леонтьев, Ринат Ибрагимов, Александр Буйнов, можно сказать, в алфавитном порядке — от Аллегровой до Шуфутинского. Известными песнями стали стихотворения Виктора Пеленягрэ «Я вышла на Пикадилли», «Шарманка», триолет «Как упоительны в России вечера», «Позови меня тихо по имени…», «Мои финансы поют романсы», «Акапулько», «Порт-Саид», «Дево-дево-девочка моя», «Бискайский залив». К целому ряду композиций Виктор Пеленягрэ написал не только стихи, но и музыку, в их числе — «А в чистом поле — система «Град».

Книги В.И. Пеленягрэ: «Стихотворения» (М., МЕТТЭМ, 1991 г.), «Любовные трофеи» (М., Голос, 1993 г.), «Нескромные поцелуи» (М. ЭКСМО-пресс, 2000 г.), «Как упоительны в России вечера» (М., Время, 2006 г.), «Эротикон, или Всё также рыдает шарманка» (М., Импресс-медиа, 2011 г.).

В. Пеленягрэ принимал участие в создании нескольких литературных мистификаций, в том числе книги стихов вымышленного древнеяпонского поэта Рубоко Шо «Эротические танки». Написана в соавторстве с Олегом Борушко («японское» имя — анаграмма О. Борушко). Книга стихов Марка Саллюстия Лукана, якобы переведенная с латинского, тоже написана Виктором Пеленягрэ.

стр. 43 РАЧКОВ Николай Борисович родился 23 сентября 1941 года в с. Кирилловка Арзамасского района Горьковской области. В 1964 году окончил историко-филологический фа-

культет Горьковского педагогического института. Секретарь правления Союза писателей России, лауреат Большой литературной премии России «АЛРОСа», литературных премий им. А. Твардовского и «Ладога» им. А. Прокофьева. Он победитель 2-го Московского международного поэтического конкурса «Золотое перо» в номинации «Лучшее стихотворение года», награждён главным призом «За верность теме» Всероссийского патриотического фестиваля «Мы едины — мы Россия» (2007 г.). Действительный член Петровской академии наук и искусств. Живёт в г. Тосно Ленинградской области.

стр. 68 РОЩЕКТАЕВ Андрей Владимирович родился в Казани в 1976 году в семье известного казанского поэта Владимира Рощектаева. Окончил исторический факультет и аспирантуру Казанского университета. Кандидат исторических наук, член Союза российских писателей. Работает историком и экскурсоводом при Казанской епархии.

Автор ряда монографий и статей по истории православных монастырей и храмов, а также нескольких художественных произведений, лучшим из которых считает повесть «Рай и ад». Все опубликованные книги изданы в Казани: «Последняя зима» (2000), «Рай и ад» (2001, второе издание — 2004), «История Свято-Успенского Зилантова монастыря Казани» (2004), «Путеводитель по святым обителям Казанской епархии» (2006), «По святым местам Поволжья» (2007), «Великие церкви малых городов» (2008), «В гости к святым» (2008). Эти и другие книги можно найти также в Интернете, в проекте «Самиздат». Любимое чтение — Достоевский, Шмелёв, Гоголь, Толкиен, Сент-Экзюпери, православная духовная литература.

стр. 30 САРЧИН Рамиль Шафкетович — поэт, автор-исполнитель, литературный критик, литературовед. Кандидат филологических наук. Член Союза российских писателей, Союза писателей Республики Татарстан, Объединения русскоязычных литераторов Финляндии. Редактор международной литературной сети «Общелит.ру». Член редколлегии журнала «Аргамак. Татарстан». Автор поэтических сборников «Стихотворения» (1998), «Возвращение» (2009), «Цветоповал» (2011); монографий «Поэтический мир Н.Н. Благова» (Казань, 2008), «Николай Благов» (Ульяновск, 2008), «Традиции русской поэзии в лирике Инны Лиснянской» (Казань, 2009), «Лирика Роберта Миннуллина» (Казань, 2012); сборника статей «Лики казанской поэзии» (Казань, 2013). Обладатель гранта губернатора и правительства Ульяновской области (2007), премии Объединения русскоязычных литераторов Финляндии (Хельсинки, 2011), республиканского гранта «Учитель-исследователь» (Казань, 2012). Лауреат I степени II Международного песенно-поэтического конкурса «Журавли над Россией» (номинация «Авторская песня о Родине»; Москва, 2011). Финалист Литературной премии им. О. Бешенковской Международной гильдии писателей (Германия, 2013).

стр. 77 СКОТНЕВСКИЙ Борис Абрамович родился в 1953 году в г. Куйбышеве (ныне Самара). Окончил Куйбышевский медицинский институт. Член правления Союза российских писателей, Председатель правления Тольяттинской писательской организации.

Публиковался в еженедельниках «Литературная Россия», «Литературная газета»; в журналах «Наш современник», «Москва», «Город», «Под часами», «Новый журнал» (The New Review, NY); в альманахах «Поэзия», «Истоки», «Провинциальная лира», «Майские чтения», коллективных сборниках «Мы из Тольятти», «Душа прикоснулась к душе»; в антологиях «Лёд и пламень», «Поэзия — она живёт, как мы» и др. Автор девяти книг стихов и книги избранных стихотворений «На вокзале речном». Лауреат всероссийского еженедельника «Литературная Россия», награждён медалью им. М. Шолохова. Живёт в Тольятти.

стр. 113 СТРЕЛЕЦ Виктор Иванович родился в 1949 году в Коми АССР. Окончил среднюю школу. Работал лесорубом, трубопроводчиком на судоремонтном заводе. С 1974 года работает термистом на ВАЗе. Член Тольяттинской писательской организации, член Союза российских писателей. Стихи печатались в городской прессе, в литературном журнале «Город». В 1991 году в Москве вышла книга «Чаша терпения».

стр. 186 СУХОВ Валерий Алексеевич родился 1 января 1959 года в селе Архангельское Городищенского района Пензенской области. В 1980 году закончил историко-филологический факультет Пензенского государственного педагогического института имени В.Г. Белинского. В 1997 году в Московском педагогическом университете защитил кандидатскую диссертацию «Сергей Есенин и имажинизм». Доцент кафедры литературы и методики преподавания литературы Пензенского государственного университета. Член Союза писателей России. Автор сборников стихов «Вербное воскресение» (1995), «Благословение»(2000), «Неопалимая полынь» (2003), «Родное Архангельское» (2004), «Архангельский мой собор»(2008). Стихи публиковались в журналах «Сура», «Наш современник», «Подъём», «Русское эхо», «Молодая гвардия», «Странник», «Нижегородская провинция», «Гостиный двор», «Простор», в коллективном сборнике «Часовые времени».

Лауреат премии губернатора Пензенской области за достижения в литературе по итогам 2004 года, Лауреат Всероссийской премии имени М.Ю. Лермонтова за 2009 год, лауреат Международной премии имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами…» в номинации «Взыскующим взглядом» за 2010 год.

стр. 209 ТУХВАТУЛЛИН Рустам Рафаилович родился в 1952 году в селе Новый Кинер Арского р-на ТАССР в семье известного писателя Рафаила Тухватуллина. В 1959 году семья Тухватуллиных переехала в город Альметьевск. В 1976 году Рустам Тухватуллин закончил радиотехнический факультет Казанского авиационного института, после чего был распределён на Альметьевский завод «Радиоприбор», где проработал 21 год с перерывом на службу в рядах Советской армии в г. Енисейске лейтенантом-двухгодичником, где обслуживал космические аппараты. На заводе работал инженером-технологом, инженером-конструктором, начальником испытательной лаборатории, заместителем главного контролёра, последние 9 лет — заместителем директора по качеству. В 1997 году перешёл работать в ОАО «Татнефть». Принимал активное участие в разработках нового нефтепромыслового оборудования, является соавтором 20 патентов на изобретения.

В 2013 году Рустам Тухватуллин стал лауреатом литературной премии им. Рафаила Тухватуллина.

Женат, трое детей, внучка и внук.

стр. 237 УСТИНОВА Анастасия Валентиновна родилась в 1995 году в Оренбурге. С 2000 года живёт в Самарской области. Автор книги стихов и прозы «Я иду по солнечному лугу», изданной в рамках программы «Народная библиотека Самарской губернии», а также публикаций в российских и региональных изданиях — журнал «Природа и человек. Свет» (Москва), «Гостиный Двор» (Оренбург), «Русское эхо» (Самара), «Арина» (Нижний Новгород), «Новый Енисейский литератор» (Красноярск), «Молодёжная волна» (Самара) и др. Лауреат всероссийских, региональных и международного творческого литературного конкурсов.

стр. 122 ХОЛМОГОРОВА Ольга Владимировна — искусствовед, окончила МГУ, работает в Российской Академии художеств. Сфера профессиональных интересов — актуальное искусство России, по которому написано около тридцати статей и книга «Соц-арт», а также — преподавание истории искусства детям. Много лет руководит детской культурологической студией «Академия», создала и опубликовала ряд работ по методике преподавания искусства и культуры детям и подросткам, автор книги «Азбука истории искусств для детей 6–9 лет».

стр. 38 ЧУПРОВ Олег Акимович родился в 1939 году в селе Усть-Цильма Республики Коми. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького, работал на радио, в газетах. Автор двенадцати поэтических книг. Лауреат Всероссийских литературных премий им. А.И. Фатьянова, А.А. Прокофьева и других. Награждён Почётным дипломом Законодательного Собрания «За выдающийся вклад в культуру г. Санкт-Петербурга и создание текста Гимна города». Академик Петровской академии наук и искусств. Член Высшего творческого совета Союза писателей России. Живёт в Санкт-Петербурге.

СЛОВО ПРОЩАНИЯ

С прискорбием сообщаем, что 11 января 2014 года скоропостижно скончался известный ивановский писатель, главный редактор интернет-издания «Русский крест», член редколлегии литературного журнала «Аргамак» и редактор нашего сайта Валерий Алексеевич Клячин.

Он родился в городе Иваново 1 июля 1954 года. Окончил мореходное училище в Клайпеде, ходил штурманом на судах рыбопромыслового флота в Атлантике, побывал в портах Африки и Америки. В 1981 году поступил на дневное отделение Литературного института имени А.М. Горького, занимался в творческом семинаре известного прозаика Анатолия Приставкина. Написанные за годы учёбы рассказы вошли в первую книгу «Дождь во время любви», вышедшую в 1988 году в московском издательстве «Современник». В 1991 году Валерия Клячина приняли в Союз писателей СССР. Он работал литературным консультантом в Ивановской писательской организации, стал лауреатом Областной литературной премии. Потом много лет преподавал литературу в сельской школе, клал печи и камины в Подмосковье. И продолжал писать. Роман «Капканы Софии» вошёл в длинный список литературной премии «Большая книга». А его автор был награждён почётной грамотой Союза писателей России.

В последние годы Клячин вернулся на малую родину. Не раз печатался в нашем литературном журнале «Аргамак», создавал и редактировал сайт Татарстанского отделения Союза российских писателей. В мае прошлого года Валерий Клячин приезжал в Казань для участия в Круглом столе главных редакторов региональных литературных журналов, который наша редакция проводила в Национальной библиотеке РТ в рамках Республиканского медиафорума. Там, в ходе дискуссии, Валерий Алексеевич предложил участникам объединить усилия на едином для всех литературных журналов интернет-портале. Вскоре сам же Клячин и создал в сети уникальное издание «Русский крест», которое сегодня объединяет около двух десятков литературных журналов и альманахов из разных городов России и достойно представляет современную отечественную литературу.

1 июля этого года ему исполнилось бы 60 лет. Но он уже не сможет отметить вместе с нами юбилей... Не выдержало сердце. За три дня до того ему привезли последний номер журнала «Аргамак» за 2013 год, открывающийся его большой поэмой дороги «Двуглавый ангел». Много лет писавший рассказы, повести и романы, а в последние годы создавший ряд прекрасных пьес (увы, нигде ещё не поставленных), Валерий Клячин впервые опубликовал своё большое поэтическое произведение. Он очень ждал и волновался, торопился увидеть публикацию своими глазами. И в свой последний день поехал на традиционную Рождественскую встречу с ивановскими писателями, повёз две пачки журналов со своей поэмой, чтобы подарить коллегам... А вечером вернулся домой, пожаловался жене Галине, что плохо себя чувствует. Супруга вызвала скорую, помогла ему раздеться и прилечь... Врачи уже ничем не могли помочь.

Работа нашего сайта была приостановлена. Но через сорок дней мы возобновили публикацию на нём новостей Татарстанского отделения Союза российских писателей и литературного журнала «Аргамак». Мы будем и дальше вести интернет-издание «Русский крест», редактировать которое взялся сын Валерия Алексеевича – Иван Курский. И, конечно, будем заходить в «Келию» Клячина (так называется его личный сайт), чтобы снова и снова общаться с замечательным другом...

Всем, кто знал и читал его произведения, мы очень советуем познакомиться с романом в стихах «Славный Николай, или Прозревший Звездопад». Даже первые главы передают грандиозность замысла и мастерское воплощение этого значительного произведения, оставшегося незаконченным. Светлая память его создателю!

Редакция журнала «Аргамак»

Содержание

ДОСТОЯНИЕ РЕСПУБЛИКИ

«АРГАМАК» В ЧИСЛЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЕЙ 3

СЕРГЕЙ ТИМОФЕЕВ

НОВОСЕЛЬЕ В МУЗЕЕ 6

СОБЫТИЯ И КОММЕНТАРИИ

КСЕНИЯ ЛАРИНА

ЕЩЁ РАЗ УВИДЕТЬ, ЕЩЁ РАЗ УСЛЫШАТЬ, ЕЩЁ РАЗ ПОЧУВСТВОВАТЬ 9

ЛЮДМИЛА ПАХОМОВА

ДЫХАНИЕ ВРЕМЕНИ 11

НАИЛЯ АХУНОВА

КОГДА СБЫВАЮТСЯ МЕЧТЫ 14

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ПОЧТА

ДИАНА КАН

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ТЕКСТ! 16

АЛЕКСЕЙ ИВАНТЕР

УВОЛЬТЕ ПУШКИНА! 20

ПИСЬМА ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ 21

ИМЯ В ПОЭЗИИ

МУДАРРИС АГЛЯМОВ

НЕБЕСНЫЕ ВЕСЫ 24

РАМИЛЬ САРЧИН

О ВЕЧНОСТИ И О СУДЬБЕ 30

ОЛЕГ ЧУПРОВ

МУЗЫКА СВЕТЛОЙ ПЕЧАЛИ 38

НИКОЛАЙ РАЧКОВ

У БОГА НЕ ЛИШНИЙ 43

ЗВАНЫЕ ГОСТИ

СВЕТЛАНА ВАСИЛЕНКО, НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ

УСЛЫШАТЬ ДРУГ ДРУГА 47

СВЕТЛАНА ВАСИЛЕНКО

ВОЛЬНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ 56

АНДРЕЙ РОЩЕКТАЕВ

АНТИПАСХА 68

БОРИС СКОТНЕВСКИЙ

ЧУЮ РОДИНУ СКВОЗЬ ГОСУДАРСТВО 77

ВАЛЕНТИН НЕРВИН

НИКОГО НИЧЕМ НЕ ПОПРЕКАЯ 80

ВИКТОР ПЕЛЕНЯГРЭ

ПОД КАМЕННЫМ НЕБОМ 83

ОЛЕГ ГЛУШКИН

МОРЕ ПО КОЛЕНО 87

БОРИС МИСЮК

МАО — МОЙ СОСЕД 103

АНАТОЛИЙ БЕРГЕР

СЛЕПАЯ ЖАЖДА ПЕРЕМЕН 109

ВИКТОР СТРЕЛЕЦ
«И ДУША У МЕНЯ БОЛИТ...» 113
НАТАЛЬЯ ВЕРДЕРЕВСКАЯ
«ЛЁД И ПЛАМЕНЬ»: ВЗГЛЯД ИЗ ПРОВИНЦИИ 119
ОЛЬГА ХОЛМОГОРОВА
ОТСЕБЯТИНА. *О живописи и графике Татьяны Морозовой* 122

ПРОЗА НАШИХ ДНЕЙ
АМИР МАКОЕВ
ВОЗВРАЩЁННОЕ НЕБО 126
ВИКТОР ГЛАДКОВ
ИШАК ПРАВДА 159
КАМИЛЬ ЗИГАНШИН
ДВА РАССКАЗА 176

2014 — ГОД ЛЕРМОНТОВА
ВАЛЕРИЙ СУХОВ
КОРНИ РУССКОЙ ТРАГЕДИИ 186

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДНЕВНИК
ВЛАДИМИР ЕРМАКОВ
ОСАДОК ДНЯ 193

АРХИВНАЯ ПОЛКА
РУСТАМ ТУХВАТУЛЛИН
ПИСЬМА ДРУЖБЫ 209

СТРАНСТВИЯ И СТРАННИКИ
ДАНИЯ ЛОБУЗНАЯ
МНОГОЦВЕТЬЕ БЫТИЯ 222

ДЕБЮТ В «АРГАМАКЕ»
АНАСТАСИЯ УСТИНОВА
ТАК ОДНАЖДЫ ЗАКОНЧИТСЯ ДЕТСТВО 237

МАМА, ПОЧИТАЙ!
ВСТРЕТИМСЯ В «САДИКЕ» 243
ВЕРА ХАМИДУЛЛИНА
ВАЛЕНТИНА ЧЕРНЯЕВА
АЛЬФИЯ СИТДИКОВА
РАЗИЛЬ ВАЛЕЕВ
АЛЕКСАНДР ТИМОФЕВСКИЙ
БОРИС ВАЙНЕР

НАШИ АВТОРЫ 218
СЛОВО ПРОЩАНИЯ 252

ВТОРАЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ: ВОЗРОЖДЕНИЕ БОЛГАРА И СВИЯЖСКА — СОБЫТИЕ ПЛАНЕТАРНОГО МАСШТАБА
ПЕРВАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: МУЗЕЙ КОНСТАНТИНА ВАСИЛЬЕВА — ДОСТОЯНИЕ РЕСПУБЛИКИ
ВТОРАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: ЖИВОПИСЬ И ГРАФИКА ТАТЬЯНЫ МОРОЗОВОЙ
ТРЕТЬЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ: ТАТЬЯНА МОРОЗОВА. «НЕБО ГОЛУБОЕ! Я ХОЧУ ПОКОЯ!»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Аргамак

ТАТАРСТАН

Выходит ежеквартально
(1 раз в 3 месяца)

Учредитель
ОАО «Татмедиа»
420016, г. Казань, ул. Декабристов,
д. 2. Тел.: (8-843) 222-09-84

Адрес редакции:
423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Издатель:
Татарстанское отделение
Союза российских писателей
423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Подписано в печать 26.02.2014 г.
Формат 70x100 1/16;
Печать офсетная. Бумага ВХИ.
Усл. печ. л. 18,15 . Тираж 2000 экз.
Заказ А-383

Цена свободная

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета
в типографии филиала
ОАО «ТАТМЕДИА»
«ПИК «Идел-Пресс»
420066, Казань, ул. Декабристов, 2

Со всеми номерами литературного журнала «Аргамак. Татарстан» можно познакомиться на сайте Татарстанского отделения Союза российских писателей **www.srpkzn.ru**.

Рукописи принимаются по адресу: 423809, Татарстан, г. Набережные Челны, а/я 126 или e-mail: anp45@mail.ru. Желателен диск с набором, фотография, краткая биографическая справка.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Читательские письма и предложения могут быть опубликованы в альманахе. Ответственность за достоверность информации несут авторы материалов. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Аргамак. Татарстан» обязательна.

Для приобретения номера и размещения рекламы социальной направленности обращайтесь: e-mail: anp45@mail.ru, тел.: (8-8552) 58-13-71; 8-927-241-01-19.

Татьяна Морозова. «Небо голубое! Я хочу покоя!»

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

СЕРГЕЙ ГРАЧЁВ

НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВ

«Помните, когда-то были персонажи, пылающие сердцем: конник Павка Корчагин из романа «Как закалялась сталь», лётчик Санька Григорьев из «Двух капитанов», другие?.. Есть ли сейчас в мире, поглощаемом электронными вирусами, поражённом осколками зеркала троллей, люди, которых можно назвать прообразами положительных героев? Чья биография вобрала бы в себя отвагу и профессионализм, заботу о подрастающем поколении и память о предках и их исторических свершениях?»

Из беседы писателя Сергея Грачёва с Героем России,
генерал-лейтенантом авиации Николаем Фёдоровичем Гавриловым
«От Гиндукуша к ледяным торосам Севера».

РЕНАТ ХАРИС

Пусть дуэлянт огнём горит в аду!
Сгорает он,
но высшей волей рока
став углем,
превращается в звезду,
став жертвой,
превращается в пророка!

Из стихотворения «Лермонтов»
(перевод на русский язык Равиля Бухараева).

ВАЛЕРИЙ СУХОВ

Поэта в церкви отпевают.
Дрожат молитвенно уста.
И оживают, оживают
Глаза распятого Христа...

Из стихотворения «Дождь в Тарханах».